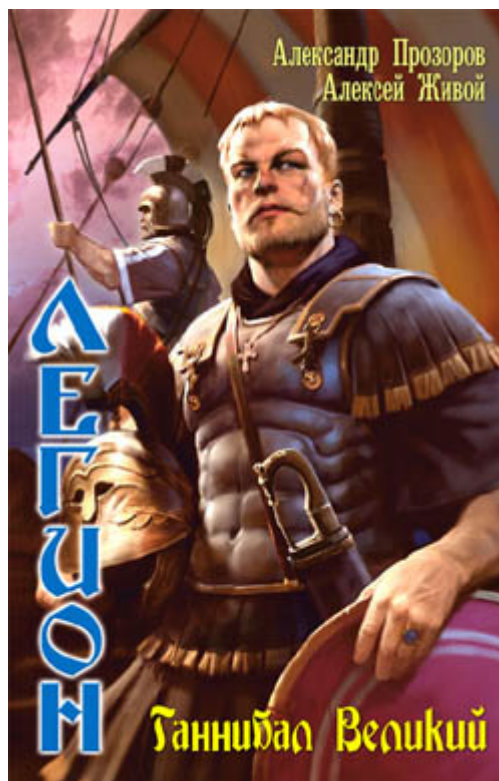

Александр Дмитриевич Прозоров А. Я. Живой Ганнибал великий

Легион – 3

Текст предоставлен изд-вом <http://litres.ru>

«Прозоров А., Живой А.Я. Легион. Ганнибал Великий»: Лениздат; СПб; 2008

Аннотация

Армия Карфагена форсированным маршем движется к Риму, уничтожая по пути остатки разбитых при Каннах легионов. Федор Чайка, возвысившийся до командира хилиархии, идет в авангарде. Он первым вступает в бой с разрозненными силами, которые собрал под своей командой сенатор Марцелл, пытаясь преградить дорогу финикийцам к сердцу страны. Но солдаты Карфагена сметают все преграды. Города римлян сдаются один за другим. Еще удар и сам Рим перестанет существовать. И вот уже дрожат стены вечного города от ударов метательных орудий. Полыхают огнем виллы сенаторов и предместья, подожженные разъяренными кельтами. Но Рим, над которым Ганнибал уже занес свой карающий меч, сопротивляется яростно, словно раненый зверь. Сенат не намерен сдавать город, стягивая к нему последние силы. А, кроме того, немало врагов и завистников удачливый полководец Карфагена оставил в своей стране. Всегда найдется кто-то, готовый нанести удар в спину. А в это время на севере возрождается скифская кочевая империя. И кони многотысячной армии нового царя уже топчут земли отдаленных греческих колоний, подминая их под себя одну за другой, открывая дорогу на метрополию.

**Александр Прозоров, Алексей Живой
Ганнибал Великий
(Легион — 3)**

Часть первая Бросок на запад

Глава первая Военный совет

— Все готово, — доложил Урбал, — разведчики сообщают, что в окрестностях города римских легионеров нет. Можно выступать.

Федор Чайка поправил висевшие на ремне через плечо ножны фалькаты¹ и перевел взгляд с лица командира седьмой спейры на залитые солнцем окрестные холмы. Отсюда, с крепостной стены были хорошо видны живописные окрестности Капуи, второго по величине римского города, что совсем недавно перешел на сторону Ганнибала, открыв ему свои ворота.

— Похоже, римляне после разгрома при Каннах так хорошо смазали пятки, что не остановятся пока не добегут до своей столицы, — Федор довольно ухмыльнулся, — Этого нам и надо. Что ж, выступаем.

Он махнул рукой. Урбал развернулся и стал спускаться по каменным ступеням вниз, где на широкой площади, примыкавшей к стене, была выстроена в полном вооружении его спейра,² входившая в состав двадцатой хилиархии. Яркое солнце блестело на шлемах солдат, играло на окантовке щитов.

Федор Чайка командовал двадцатой хилиархией уже почти год, со времен памятной битвы у Тразиментского озера. Это, недавно пополненное за счет жителей Капуи подразделение, насчитывало сейчас почти полторы тысячи воинов и покидало свою новую базу первым, так и не успев как следует отдохнуть.

Ганнибал торопился. Разгром римлян в недавнем сражении давал отличный шанс, захватив столицу, закончить войну с Римом одним ударом. И великий карфагенин не собирался упускать этот шанс. Несмотря на то, что армия Карфагена была потрепана и нуждалась в отдыхе, Ганнибал дал отдохнуть ей после сражения при Каннах всего неделю. А затем снова бросил в поход.

Пройдя маршем вдоль границ Самнии и Лукании по берегам бурной реки Офанто к верховьям, армия финикийцев встретила на своем пути горную крепость Компса, открывшую им ворота без боя. Крепость была отлично укреплена. Великий Карфагенин оставил здесь почти всю добычу, а также часть обоза, и треть армии, поручив командиру заключать союзы с восставшими горцами, а сам двинулся дальше «налегке». Затем, спустившись в Кампанию, Ганнибал подошел к Неаполю, в надежде, что этот портовый город перейдет на его сторону. Но Неаполь приготовился к длительной осаде. А Ганнибал, внезапно решил отложить захват города, и, получив какие-то важные сведения от лазутчиков, повернул армию на север к Капуе.

Солдаты Федора прибыли вместе со всеми из Апулии в римскую провинцию Кампанию, пройдя Италию поперек с южного побережья почти до западного. Здесь многие города, стоявшие на пути карфагенин, также сдавались им без боя, приветствуя армию финикийцев как освободителей.

¹ Популярное оружие среди испанцев армии Ганнибала — тяжелый изогнутый меч, которым можно и колоть и рубить с «оттягом».

² Армия Карфагена копировала эллинистические традиции и делилась на спейры и хилиархии. Спейра насчитывала примерно сто двадцать бойцов, хилиархия — это соединение примерно в тысячу воинов. Иногда больше. Командующий армией Ганнибал мог по своему усмотрению изменять в зависимости от родов войск численный состав хилиархий и спейр. Например, спейра кельтов в этом войске могла содержать не сто с лишним, а двести или даже двести пятьдесят воинов. Тоже касалось и хилиархий.

После Канн для римлян наступила настоящая катастрофа. Как узнал Федор в штабе Атарбала, практически, вся южная Италия, несмотря на то, что остатки разбитых легионов осели в её центре, близ Ветузии, переметнулась теперь на сторону Карфагена. В верности Риму в одночасье отказали Лукания, Бруттий и Калабрия, а также большая часть Самния и даже основные города Апулии. Повальное дезертирство союзников значительно сократило численность римских войск, что не могло не радовать Ганнибала.

Прибыв в окрестности Капуи, солдаты армии Карфагена расположились лагерем и приготовились к скорому началу осады. Однако, штурмовать Капую тоже не пришлось. Вскоре после того, как инженерные части закончили строительство частокола, солдатских барачков и загонов для боевых слонов, старейшины города прислали к Ганнибалу послых сообщивших, что город готов принять у себя победоносную армию финикийцев и с этого дня отказывает в верности Риму. Ганнибал, ожидавший этого, все же не смог скрыть радости, и, получив такую отличную базу, как второй по величине и богатству город Италии, немедленно вошел в него, сменил часть гарнизона на своих солдат и дал армии краткий отдых, столь необходимый для пополнения запасов и сил.

Однако уже на следующий день вождь карфагян собрал своих высших военачальников на совет, куда был допущен и Федор, несмотря на то, что его ранг не был еще столь высок. В прошлой жизни, в той, где он был морским пехотинцем, его должность звучала бы, скорее всего, как командир полка. Полк этот входил в корпус элитной африканской пехоты, подчинявшейся лично знаменитому полководцу Атарбалу.

За время римской кампании, длившейся уже третий год, Федор смог не раз проявить себя, даже выполнив однажды секретный приказ Ганнибала. Все это позволило ему быстро подняться от рядового до сержанта, а затем сменить на боевом посту убитого командира седьмой спейры. С тех пор прошло не так уж много времени, а он уже смог возглавить двадцатую хилиархию, славившуюся своими разведчиками.

Военный совет, проходил на этот раз не в шатре главнокомандующего, а в одном из дворцов местной знати, выделенном горожанами под штаб армии своих новых покровителей. Это было высокое трехэтажное здание песчаного цвета, расположенное в центральном квартале Капуи, раскинувшееся вокруг рыночной площади. Вход украшали шесть мраморных колонн. А зал, в котором проходило совещание командиров, имел мозаичный пол, раззолоченные стены и такую же мебель. Не говоря уже о многочисленных статуях античных героев, расставленных вдоль стен. Почти весь центр вытянутого помещения занимал массивный дубовый стол, вдоль которого сидели военачальники карфагян в доспехах.

Ганнибал начал с того, что сообщил военачальникам последнюю новость.

— Сенат Рима на днях назначил новым диктатором Марка Юния Перу, который должен спасти город от скорой гибели, — сказал вождь финикийцев, облаченный в черную с золотом кирасу, — Все физически здоровые люди, не взирая на возраст и звания, мобилизованы. Римляне собираются защищать город.

— Не удивительно, — заметил на это мудрый Атарбал, — ведь это их последняя надежда.

— Вот именно, — согласился пуниец, — и мы должны как можно скорее лишить римлян этой надежды. Переход Капуи и многих других городов Кампании на нашу сторону вызвал в Риме большой переполох и усилил панику, которой столица римлян и без того объята со дня нашей победы при Каннах.

— Это хорошо, но мы потеряли большую часть нашего осадного обоза за последний год, — осмелился возразить брату Магон, — Как ты собираешься штурмовать Рим? У него прочные стены, а город защищает почти два легиона. Может быть, даже больше, мы пока не знаем.

— Эти воины деморализованы и готовы сдаться при первом же нашем появлении, — быстро ответил Ганнибал, — Сейчас же момент благоприятный. Сил у нас больше. Лучшие регулярные войска Рима разбиты. Защищать город практически некому. Паника в нем

настолько сильна, что новый диктатор получил разрешение сената сформировать еще два легиона из числа рабов, которым пообещали свободу и гражданство. Они даже освободили шесть тысяч преступников, чтобы бросить их против нас. Рим собирает последние силы и нельзя дать ему оправиться.

Он замолчал ненадолго.

— Что же касается обоза, ты прав. У нас мало метательных орудий, — согласился с братом Ганнибал, — Но мы заберем все, что есть в Капуе. На здешних военных складах, как мне недавно сообщили, вооружения достаточно, чтобы снабдить им пару римских легионов, которые должны были встать здесь на постой. Мы используем это оружие против самих римлян и мобилизуем капуанцев в нашу армию, чтобы увеличить число солдат. Осадная артиллерия здесь тоже имеется. Не слишком много, но с учетом нашего обоза, этого хватит, чтобы нанести сокрушительный удар и пробить брешь на одной из линий обороны Рима. А большего мне сейчас и не надо. Остальное сделает твоя испанская конница.

Услышав эти слова Магарбал, высокий смуглолицый финикиец, одетый в пластинчатый панцирь, украшенный парадной гравировкой, молча поклонился.

— А твои африканские пехотинцы, Атарбал, положат город к моим ногам, — закончил командующий.

Многоопытный Атарбал тоже поклонился, услышав волю вождя.

— Но ведь есть еще римский флот! — заметил Магон, — мы захватили половину земель Италии, но римский флот все еще контролирует морские подступы к ней. И он еще силен. Мы не решились атаковать Неаполь, поскольку он постоянно получает поддержку с моря.

— Ты слишком рано перестал верить в наши морские победы, брат, — укорил его Ганнибал, — хочу напомнить тебе, что финикийцы, — лучшие флотоводцы мира. А того подкрепления, что обещал мне сенат, даже половины его, мне хватит, чтобы захватить Рим и закончить эту войну. Поэтому я решил атаковать город, не дожидаясь подкреплений, что сейчас плывут к нам из Карфагена.

Ганнибал ненадолго нахмурился, словно вспомнив о досадном недоразумении.

— Хотя, на счет Неаполя ты прав, Магон, — продолжил он, — Но я рискну оставить этот город за своей спиной ради того, чтобы нанести скорейший удар по Риму, падение которого заставит Неаполь перейти на нашу сторону. Однако, там сильный гарнизон, поэтому ты, Магон, завтра же отправишься в окрестности Неаполя с корпусом из десяти тысяч солдат.

Магон слушал своего старшего брата, на этот раз, не перебивая и не возражая.

— Я дам тебе кельтов и несколько хилиархий африканцев. Но, штурмовать город не надо. Этих солдат хватит, чтобы блокировать его до получения известия о сдаче Рима или сдерживать гарнизон Неаполя на случай возможного прорыва.

Ганнибал помедлил мгновение и добавил.

— Но, его не будет. Я в этом уверен. Неаполь, — сильная крепость, но его жители привыкли больше обороняться от чужих набегов, нежели предпринимать вылазки сами. Без поддержки из Рима они не осмелятся открыто противостоять нам в поле. Предпочтут отсидеться за высокими стенами крепости. А поддержки Рима не будет, поскольку я скоро подойду к его стенам.

Магон кивнул, выражая полную покорность воле брата, которого безмерно уважал за его военный талант. Кроме того, после смерти отца Ганнибал, как старший сын, стал главой семьи Барка.

— Когда должны подойти подкрепления? — только и спросил Магон.

— Наш новый флот, двести квинкерем с отборными солдатами и полсотни грузовых кораблей с осадным вооружением и слонами должны подойти через две недели, — ответил Ганнибал, указав на лежавшую перед ним карту, — корабли придут к побережью Апулии, недалеко от Канн, и оттуда по захваченной нами земле солдаты быстро и беспрепятственно достигнут Рима. Это будет означать окончательную победу.

— Но, мы двинемся из Капуи, не дожидаясь их подхода, — Сказав это, Ганнибал обвёл взглядом своих военачальников, и увидел по лицам, что все они ждут подкрепление из Карфагена с нетерпением. Многие из них предпочли бы сначала дождаться его, и лишь потом выступить. Но не таков был Ганнибал.

— К тому моменту, как придут новые силы из Карфагена, мы будем уже под стенами Рима и начнем штурм, — закончил он свою речь, — и если боги не покинут нас в решающий час, то все случится так, как я задумал.

Совет, казалось, был окончен. Но Ганнибал приберег напоследок не менее важную новость, полученную им от кого-то из своих многочисленных шпионов, сеть которых была разбросана по всей Италии и регулярно снабжала вождя финикийцев ценной информацией. Разумеется, были шпионы и в самом Риме.

— Претор Мрак Клавдий Марцелл теперь стал главной надеждой Рима, — заявил Ганнибал, — Он уже прибыл в город и с двумя наспех собранными легионами выступил нам навстречу, чтобы поддержать уверенность в союзниках Рима.

— Ну, что же, — заявил, услышав эту новость Атарбал, — значит пришла пора уничтожить этого злейшего врага карфагенян. Как только мы столкнемся с ним, ему и его двум легионам придет конец.

— Первой из города выступит двадцатая хилиархия, — подвел итог Ганнибал, бросив короткий и многозначительный взгляд на Федора, — в ней служат лучшие разведчики. Они первыми двинутся в сторону Рима, чтобы разведать переправу через реку Вультурн и подходы к Теану. За ним начинается Аппиева дорога, — прямой путь на Рим. И Марцелл наверняка спешит именно туда. Мы должны прибыть раньше, захватив господствующие над дорогой перевалы. Задача разведчиков обезопасить главные силы от внезапного нападения. Я хочу знать о каждом шаге Марцелла, как только он здесь появится.

— Почту за честь, — ответил Федор, поклонившись.

Именно эта новость поразила его больше всего, а вовсе не обещанные подкрепления. Раз сам Марцелл уже в Риме, то и Юлия, возможно, находится где-то поблизости. Даже пребывая на войне, Федор ни на минуту не забывал о своем главном желании: найти Юлию с ребенком. А там — будь что будет!

После битвы у Тразиментского озера он уже однажды пытался захватить Марцелла, но сенатору в последнюю минуту удалось ускользнуть на колеснице вместе с дочерью, в которую Федор был безнадежно влюблен. Тогда он не привел к Ганнибалу пленного врага, как обещал. И вот теперь судьба давала ему второй шанс. Марцелл сам шел в руки всего с двумя легионами. Армия же Карфагена, спешившая к Риму, после пополнения насчитывала пятьдесят тысяч бойцов. Ядро этой армии, несмотря на потери в боях, по-прежнему составляла тяжелая испанская конница и отборная африканская пехота, а также многочисленные племена кельтов. Все они — и те, что пришли с Ганнибалом из Испании, и те, что встали под знамена Карфагена уже здесь, в Италии, все они верой и правдой продолжали служить Ганнибалу и ненавидеть римлян, плативших им той же монетой.

После совещания, пользуясь последними часами затишья перед долгим походом, Федор решил зайти в один из местных кабаков, чтобы пропустить кружечку вина. Для этого он отправил посыльного за своими друзьями, — Урбалом, командиром седьмой спейры, которого сам назначил на этот пост, став командиром хилиархии, и Летисом. Вместе с этими двумя финикийцами два года назад Федор начинал войну рядовым морпехом на корабле карфагенского флота, что утонул после битвы у испанских берегов. С того момента жизнь Федора Чайки совершила крутой разворот в сторону сухопутной службы, сделав его солдатом армии Ганнибала, отправлявшейся в поход на Рим.

В скором времени оба финикийца явились на зов своего боевого товарища, ожидавшего их в кабаке под названием «Старая Капуя». Это было довольно дорогое заведение, выстроенное из коричневого пористого камня и объединенное с баней и борделем, в котором можно было достать все, от лучшего вина, до лучших женщин. Кроме Федора здесь сейчас находилось немало солдат и офицеров из армии Карфагена, также как и он решивших не

упустить случая расслабиться перед очередным броском на север.

Все они долгие месяцы несли службу в походах и крепко соскучились по цивилизации, а потому, попав в Капую — самый богатый и населенный город в Италии после Рима, — стремились хоть отчасти воздать себе за тяготы и лишения военной службы. Благо жалование наемникам Ганнибал выплачивал исправно, правда в последнее время все чаще римским золотом и серебром, а иногда даже медью. Но никто не жаловался. В Капуде все это имело ход, ведь любой житель города понимал, что солдаты Карфагена, при желании, могли все взять даром по праву победителя. Однако Ганнибал запретил грабить местное население, которое теперь считалось союзным, то есть своим, приказав за все платить. И солдаты утешались тем, что впереди лежали богатые и еще не тронутые римские провинции, не говоря уже о богатствах самого Рима.

«Старая Капуя» находилась в восточной части города у подножия небольшого холма в квартале торговцев. Ожидая друзей, Федор заказал несколько кувшинов греческого вина, лучшего какое имелось в местных погребах, жареного поросенка, оливки, круг сыра, блюдо фруктов и сладости. Несмотря на войну, запас еды здесь имелся приличный, так что изголодавшиеся на казенных харчах солдаты Карфагена ни в чем себе не отказывали. Впрочем, сам Федор в последнее время и в походе не бедствовал. Положение позволяло.

Когда в дверях показались две рослые фигуры в полном вооружении, Федор уже допивал вторую чашу, и на душе у него постепенно становилось веселее.

— Привет, Федор, — поздоровался Урбал, опускаясь рядом на широкую массивную скамью, где легко могли разместиться еще пять человек, — чем угощают в наших новых владениях?

Он снял шлем, положив его рядом на лавку.

— Все на столе, бери что хочешь, — ответил Федор, пододвигая другу чашу с вином, — я сегодня плачу. Мало будет, еще закажем.

Рядом грузно опустился здоровяк Летис, отирая со лба струившийся градом пот.

— Жарковато здесь, — посочувствовал Федор.

— Это тебе жарко, ты с севера. А мне нормально, — отмахнулся Летис, поправив ножны фалькаты и висевшие на другом боку кинжалы, — у нас дома в Утике и не так припекает. Только панцирь тяжелый, ходить мешает, а так жить можно.

Пока Летис жадными глотками вина, утолял жажду, Федор рассматривал своих друзей, которых последнее время видел довольно редко. Большая часть службы начальника хилиархии проходила либо в штабе корпуса африканцев Атарбала, либо в своем походном штабе, где его донимали теперь командиры спейр, а их под командой Федора, считая пополнение из капуанцев, было уже двенадцать. Урбал командовал седьмой, той самой, где они начинали служить все втроем. Так что просто поболтать с боевыми товарищами он мог себе позволить довольно редко, разве что, когда вызывал их к себе, чтобы отдать очередной приказ и отправить на разведку.

Такая жизнь последнее время все чаще напрягала Федора, но делать было нечего, он уже был вписан в систему. Впрочем, бывшему морпеху из России, чудом перенесшемуся из двадцать первого века в эти времена, было грех жаловаться. Карьера складывалась вполне удачно. Да и его личных средств, хранившихся в казне испанской армии Ганнибала, с учетом «наградных» за спецоперации и части римского золота, полагавшегося за одержанные победы, уже накопилось немало. Федор прикинул, что по ценам Карфагена он уже мог бы купить себе два корабля классом не ниже триеры и полностью укомплектовать их командами за свой счет, включая рядовых морпехов. И после этого еще хватит на какую-нибудь гончарную лавку, вот хотя бы в Утике, откуда Летис, кстати, сам сын владельца гончарной мастерской, был родом. Или можно начать морскую торговлю вдоль берегов Африки. Или поставлять коней для армии Карфагена из далекой и жаркой Нумидии, как отец Урбала, происходивший из прибрежного Керкуана.

Но Федор отогнал эти мысли, — задумываться об организации собственного дела было еще слишком рано. Сейчас его задачей была война с Римом, которую для начала следовало

довести до конца. Хотя дело-то оказалось прибыльным, а имевшиеся средства уже давили на психику. «Война войной, — размышлял Федор, — а о будущем подумать не мешает. Неизвестно, как жизнь повернется».

И мысли его потекли в сторону далекого Карфагена, где жил сенатор по имени Магон, на которого Федор вполне мог рассчитывать в том случае, если начнет карьеру честного торговца.

— Вот попомни мои слова, Федор, — допивая вино вдруг сказал Урбал, словно услышал мысли товарища, — пройдет еще несколько месяцев и вся Италия будет нашей. Не долго нам осталось ждать завершения войны.

— Хорошо бы, — поддакнул Летис, отправляя в рот сразу горсть оливок, — я тоже верю, что Ганнибал скоро разделается с оставшимися римлянами.

— Помнишь, там, на реке у северных кельтов, когда мы были еще далеко отсюда, — продолжал Урбал, — ведь я же говорил тебе, что скоро мы будем жить в Италии, как у себя дома. И вот мы здесь, а скоро будем и в Риме.

— Я тоже думаю, что скоро мы будем пировать на римских холмах, — опять поддержал друга рядовой Летис, — а прислуживать нам будут жены толстых римских сенаторов и они сами. Ох, я тогда оторвусь!

Сын владельца гончарной мастерской так явно представил себе эту картину, что на его загорелом лице отразилось неземное блаженство. Схватив кувшин, Летис резко опрокинул его себе в чашу, но оказалось, что все вино уже выпито. Тогда он вскинул руку и закричал на весь зал, словно был уже в Риме.

— Эй, хозяин! Быстро неси нам еще пять кувшинов вина, да самого лучшего! А то пожалеешь!

— Не шуми, — осадил его Федор, — ты еще не в Риме.

— Скоро буду, — отмахнулся Летис, словно знал все наперед.

Федор, нагруженный знаниями из прошлой жизни, не совсем разделял его уверенность. Но, с другой стороны, раз он здесь вопреки здравому смыслу, значит, и Рим может пасть. И судя по замыслам Ганнибала, ждать этого осталось недолго. Так что недалекий и грубоватый Летис мог оказаться прав.

— Завтра на рассвете выступаем, — сообщил друзьям Федор, — наша хилиархия идет первой.

— Вот те раз, — возмутился Летис, а я только приготовился расслабиться, как следует. Думал, пройтись по борделям, — бабы не видел, уже не помню, сколько недель, — и выпить все здешнее вино, а тут на тебе, «выступаем». Вы что там, в штабе, с ума посходили? Дайте солдатам отдохнуть. Они это заслужили.

Захмелевший Летис, видел в сидевшем напротив высокопоставленном офицере, прежде всего друга, с которым не раз ходил в разведку, а потому не обращал никакого внимания на его звание. Будь на месте Федора другой, Летис мог бы получить большие проблемы за такое поведение, но Федор пропустил все мимо ушей. Этот здоровяк не раз спасал ему жизнь и прикрывал спину. Ему можно было простить все.

Федор помолчал, в задумчивости теребя бороду и медленно потягивая принесенное хозяином вино. После победы над римскими легионами в Апулии, Чайка отпустил бороду, и с тех пор ее не брил, словно от длинны волос зависело его военное счастье.

— Так приказал Ганнибал, — произнес он, хорошо зная, какое впечатление на Урбала и Летиса произведет это имя, которое они оба боготворили, — а еще он сказал, что наша хилиархия одна из лучших в разведке. Поэтому мы пойдём первыми.

Услышав такую похвалу, Урбал и Летис просто засветились от счастья. А Чайка, нагнувшись вперед, чтобы никто из сидящих за соседними столами солдат и офицеров, не услышал, добавил:

— Нам на встречу идут два легиона под командой Марцелла. Мы должны первыми обнаружить их.

— Да пускай идут, — снова замахал руками Летис, — дайте мне только встретить этого

Марцелла, я его в бараний рог скручу!

— Оставь это мне, — серьезно предупредил его Федор, — ты же знаешь, у меня к нему свои счета.

— Да ну вас, — отмахнулся вконец опьяневший здоровяк — я пошел. Если завтра утром в поход, то сегодняшняя ночь не для сна. — Эй, хозяин, — зарычал он на весь зал, отдалившись на пару шагов, — а ну-ка быстро организуй мне двух пышных девок. Да мне плевать, что все заняты, найди, где хочешь, а не то я тебя самого использую.

Когда громоподобный голос Летиса затих в дальнем углу кабака, Урбал, державшийся лучше, осторожно и тихо спросил.

— А как твоя Юлия? Узнал о ней что-нибудь?

Федор отрицательно мотнул головой.

— Сейчас я знаю одно, если Марцелл идет мне навстречу, то я этот шанс не упущу. А Юлия, наверняка где-нибудь рядом. Поэтому прошу тебя, Урбал, когда мы начнем прочесывать окрестности Рима, постарайся оказаться первым на вилле сенатора. И если обнаружишь какой-нибудь след, сразу дай знать.

— Похоже, наша победа, Федор, волнует тебя гораздо меньше, чем судьба римлянки, — усмехнулся догадливый Урбал, — но ты всегда можешь на меня положиться. Я удивлен твоей страстью к ней. Наверное, она и в самом деле красавица, ради которой можно отдать жизнь. Может быть, и я когда-нибудь испытаю подобную страсть.

Он встал, допив вино.

— Но сегодня я последую примеру Летиса. Прощай, командир.

Глава вторая

Мост через Вультурн

Стуча подкованными башмаками по каменным плитам, финикийцы из двадцатой хилиархии первыми покидали Капую. Вслед за ними, спустя некоторое время выступили еще две хилиархии, пятнадцатая и семнадцатая, все вместе составлявшие авангард армии Карфагена, двинувшейся на Рим. В поддержку им были приданы две сотни чернокожих нумидийцев.

— Я назначил тебя командиром всего соединения, — сообщил Федору накануне Атарбал, — прежде всего ты должен разведать и взять под контроль единственный мост, через Вультурн. А затем продвинуться к горам вплоть до Теана, а если сможешь и дальше, разведав подступы к Аппиевой дороге.

— А если я повстречаю римлян, — уточнил Федор на всякий случай, — могу ли я ввязываться в бой? Или мое дело только разведка?

— Если их будет немного, то и бой не помешает, — разрешил Атарбал, хорошо знавший привычку Федора ввязываться в драку, не дожидаясь распоряжений верховного командования, — Но смотри, не потеряй зря всех солдат. Три хилиархии нам еще пригодятся при осаде Рима.

Спустя сутки беспрепятственного продвижения по широкой утоптанной грунтовке мощный боевой отряд, почти равнявшийся по численности римскому легиону, подошел к небольшому городку под названием Казилин, где находился единственный каменный мост через реку Вультурн. Три хилиархии взяли город в полукольцо и остановились на приличном расстоянии от него, получив приказ ждать, не разбивая лагеря. Единственный шатер, который был установлен, это походный шатер командира соединения.

Солнце уже почти село, но Федор решил не терять времени и немедленно вызвал к себе Урбала. Посыльным при штабе двадцатой хилиархии у Федора служил Терис, сообразительный и смелый генуэзский паренек, которого он зачислил в свой отряд сразу после знаменитого перехода армии Карфагена через перевалы у Генуи, что позволило Ганнибалу зайти римлянам в тыл и разгромить легионы консула Фламиния у Тразиментского озера. Терис, как проводник из местных, принимал непосредственное участие в разведке

перевалов и с тех пор служил Федору верой и правдой. Урбала и Летиса он тоже знал в лицо, как своих боевых товарищей, с которыми уже успел повоевать. После назначения командиром Федор взял Териса к себе посыльным. Кроме него при штабе Чайки имелась еще пара адъютантов для поручений.

Урбал быстро явился на зов, понятное дело, вместе с Летисом. Следом подошли командиры и разведчики из других хилиархий. Всего в шатре Федора у подножия невысоких холмов, переходивших на западе в равнины, собралось двенадцать человек.

— Еще до того как солнце сядет, я хочу знать, что происходит у моста, — обратился он к разведчикам и, повернувшись к Урбалу, добавил, — твои люди должны попытаться пробраться к мосту со стороны города. Только по-тихому. Шума раньше времени не поднимать.

В глубине души Федор был уверен, что их уже заметили. Слишком ровной была местность вокруг Казилина. Все подступы отлично просматривались, хотя он и постарался укрыть свою небольшую армию в оврагах за несколькими невысокими холмами.

— Сделаем, — кивнул Урбал, покосившись на стоявшего рядом Летиса.

— Твои люди, Карталон, — Федор посмотрел на начальника пятнадцатой хилиархии, бородатого финикийца с обрубленным в бою ухом, — должны обследовать берега Вультаурна выше по течению, а семнадцатая хилиархия ниже. Найдите лодки на случай переправы. Будьте готовыми ко всему. Если понадобится, попытаемся атаковать даже ночью.

Подтвердив получения приказов, командиры разошлись. Отправив разъезды нумидийцев также вдоль реки в обоих направлениях, Федор приготовился ждать донесений, размышляя о том, как далеко от этого места находится сейчас Марцелл. Но ждать пришлось недолго. Едва село солнце, как со стороны близкого Казилина послышались крики и звон оружия, а затем во мраке запылало зарево и как раз напротив того места, где должен был находиться мост. По берегам реки пока было тихо.

— Хорошо начали, — заметил на это Федор, выходя из шатра и всматриваясь в сумерки, — по-тихому.

Скоро к нему прибыл посыльный от Урбала. Прикрывая рассеченную ниже локтя окровавленную руку, и опираясь на меч, он доложил.

— Город пуст, Чайка, но у моста устроены завалы из бревен и сигнальные костры. Сам мост каменный, очень длинный. Я таких еще не видел. Переправу охраняет римский гарнизон. Успели допросить пленного легионера, говорит — почти тысяча человек. Похоже на правду.

— Мост цел? — уточнил Федор, подтягивая ремень с тяжелой фалькатой.

— Да, — кивнул раненый, — его трудно разрушить. Урбал с разведчиками отошел назад и ждет приказа.

Федор колебался недолго.

— Передай, пусть возвращается в свою спейру, — приказал он солдату, — Немедленно атакуем мост. Хилиархию в бой поведу сам.

А когда посыльный исчез во мраке, подозвал Териса.

— Передай приказ Карталону, — его хилиархия идет следом за мной, занимает город, прикрывает тыл. Семнадцатая остается на месте в резерве.

— Немедленно строиться! — рыкнул Федор на сгрудившихся у шатра командиров спейр из его хилиархии, — мы идем в атаку.

Терис кивнул и растворился в темноте вслед за посыльным Урбала. А Федор, уже одетый в панцирь и поножи, ненадолго вернулся в шатер. Там он надел на голову шлем, — сам, по-прежнему обходился без слуг, — застегнул ремешок под подбородком. Подхватил свой круглый щит и вновь оказался снаружи, где уже стоялись спейры, уверенно перемещаясь в полной темноте. Прискакавшим в этот момент нумидийским дозорным Федор велел оставаться в резерве, на случай преследования неприятелей после быстрой победы, в которой он не сомневался.

— Главное ввязаться в драку, — тихо по-русски сказал себе Федор, запрыгивая на коня,

что подвел ему Терис, — а там посмотрим.

И натянув поводья, едва различимый в наступивших сумерках, махнул рукой в сторону зарева.

— Вперед, воины! Мы должны захватить эту переправу еще до того, как над холмами появится солнце.

Он поскакал вперед, обгоняя устремившихся к городку пехотинцев. Чтобы быстрее достичь места финикийцы перешли на бег, отчего над дорогой и полями разнеслось методичное побрякивание амуниции и оружия. Скоро первые спейры, среди которых была и седьмая, ворвались в опустевший город и, пробравшись по улицам, оказались у входа на каменный мост, не встретив пока никакого сопротивления. Но здесь путь им преградили баррикады из лодок, повозок и деревьев, подожженные римлянами. У полыхающих завалов Федора ожидали десять солдат с Урбалом во главе.

— Ну, что тут у тебя? — быстро спросил Федор, не сходя с коня.

— Да все ясно, — кивнул Урбал, — они заметили наши хилиархии еще на подходе и оставили город без боя, забаррикадовавшись на мосту. А когда мы попытались подобраться поближе, подожгли завалы.

— Молодец, — съязвил Федор, — теперь все римляне знают, что мы уже здесь. Как же тебя угораздило показать себя?

Урбал промолчал. Крыть было нечем.

— Это я предложил проверить завалы на прочность, — попытался вступиться за друга Летис, — мы почти пробрались на мост и даже сняли часовых. Но тут подо мной проломилась доска, и нас заметили. Пришлось с боем отступать. Убили человек десять и в плен одного взяли.

— Ну и ты молодец, — «похвалил» Федор, — их там действительно целая тысяча или так, создают видимость?

— Да нет, не меньше, — уверенно заявил Урбал, — мост длинный, я даже заметил пару баллист и скорпионов за второй линией обороны. А на том берегу тоже хватает преград, хотя всего сейчас и не видно.

— Даже так, — удивился Федор, — значит, давно нас поджидали.

Едва он повернул коня, чтобы лучше рассмотреть дислокацию противника, как раздался знакомый свист, и в ряды финикийцев выстроенных в двухстах метрах от горящих завалов врезалось каменное ядро. Затем еще одно. Несколько человек скосило мгновенно, еще двоим оторвало конечности. Следующий залп убил еще пятерых. Послышались душераздирающие вопли раненых. Потекла первая кровь.

— Разобрать завалы, — приказал Федор Урбалу, — ждать некогда. Вперед!

Урбал ринулся выполнять приказание. Через мгновение Федор увидел, как Летис жестом подозвал еще дюжину солдат из команды разведчиков, и, подхватив веревки с крюками, устремился к горящим завалам по открытой местности. Рядом с ними, чуть впереди бежало еще человек десять пехотинцев, прикрывая их своими щитами от стрел из-за баррикады. Стрелы были мощные. Они пробивали щиты насквозь и еще на подходе римляне уложили пятерых из «группы поддержки».

«Это не лучники, — догадался Федор, — „Скорпионы“³ работают. Надо торопиться, а то так всех людей положим».

Но Летиса с солдатами можно было не торопить. Подобравшись поближе к огню, они метнули свои крюки и, зацепив горящую телегу и лодку, стали оттащить их в стороны, постепенно разваливая баррикаду. Римляне пытались усилить стрельбу, но это получалось плохо, — из-за огня, к которому финикийцы оказались слишком близко, их было плохо

³ «Скорпион» — небольшой двухплечевой торсионный стреломет, предназначенный для стрельбы по настильной траектории. Скорпионы более ранних конструкций изготавливались из дерева и были достаточно громоздкими. Скорпионы поздних моделей изготавливались уже из металла. В основном это была бронза и сталь.

видно. Тем не менее настильная стрельба из «Скорпионов» быстро уносила жизни нападавших. Спустя пять минут в живых их осталось всего семеро. Летис орал на своих солдат так, что Федор слышал его и со своего наблюдательного пункта, куда уже не долетали ядра баллист.

— Шевелись, лентяи, — кричал на солдат здоровяк, изо всех сил таща веревку с крюком, впившимся в борт огромной полыхавшей лодки, — Навались, а не то заставлю лезть в огонь и разбирать завалы руками!

Угроза возымела действие. Лодка, зацепленная сразу несколькими крюками, подалась, опрокинулась и, соскочив со своего места, рухнула вниз, разломившись на несколько частей. Вслед за ней удалось оттащить и телегу. В центре баррикады образовался проход, занятый теперь только горящими бревнами. Летис и его солдаты снова забросили крюки. Несмотря на жар, им удалось вытащить пару массивных бревен. От жара несколько веревок загорелось и лопнуло. Урбал и Летис, в числе прочих, повалились на землю. Но дело было почти сделано, проход, в который могли проскочить сразу несколько человек, имелся.

— Вперед, солдаты! — заорал Федор, увидев это, — захватить мост!

И седьмая спейра бросилась в прорыв. Однако, римляне не дремали. Бойцы Карфагена, проскочив огненный коридор и оказавшись на мосту, сразу попали под обстрел из баллист и «Скорпионов», разивших людей наповал. Но отступить было нельзя.

Урбал и Летис оказались на острие атаки. Они бежали впереди остальных, уклоняясь от стрел и ядер, и первыми достигли следующей линии обороны, — насыпи из камней, перегородившей мост. Именно за ней прятались расчеты римской артиллерии и стояли орудия, теперь ясно различимые. Едва первые бойцы Карфагена, потеряв человек двадцать убитыми, преодолели каких то пятьдесят метров отделявших полыхавшие завалы от каменной насыпи, как обстрел прекратился. Но наверху насыпи, сомкнув щиты, тотчас выстроились римские legionеры.

Волна за волной солдаты Карфагена накатывались на эту преграду и снова откатывались назад. Яростный звон оружия раздавался над рекой, порою заглушая шум ее бурного течения. Урбал лично заколол двоих legionеров, но и его сбросили обратно, к счастью живым. Летис вскочил на парапет моста и попытался пробраться наверх, но едва не был убит римским лучником, выронил щит и рухнул в реку.

Атака продолжалась почти полчаса. За это время нападавшим финикийцам так и не удалось пробить оборону римлян. Неожиданно помог обезумевший от ярости Летис, который в доспехах смог доплыть до берега, вернулся на мост и снова бросился в бой. Он косил своей фалькатой направо и налево, ничем не прикрытый, ведь щита у него уже не было. Отрубив одному из римлян ногу, а второго проткнув насквозь, он столкнул их тела вниз и врубился в шеренгу legionеров, завалив в скором времени пространство вокруг себя трупами. За следующий час карфагеняне смогли наконец, потеснить римлян, но и сами потеряли половину спейры.

В ярости Летис с Урбалом изрубили ремни баллист и сбросили в воду четыре «Скорпиона», оставленные отступившими римлянами. Потеряв множество солдат, оставшиеся legionеры отошли на следующий вал, что находился примерно метрах в семидесяти от этого. На нем виднелся мощный частокол, едва различимый в отблесках догорающих баррикад, а за частоколом прятались лучники. Почти половина моста была уже под контролем карфагенян, но, что находилось дальше, было не рассмотреть. Наступившая ночь сильно сужала возможности для маневра.

Федор отдал приказ седьмой спейре отойти, заменив её на шестую, потом на пятую. Он посылал в бой все новые силы. Атака следовала за атакой. Но, на место убитых римлян вставали новые, стойко защищавшие путь к столице, который начинался здесь. И хотя их было меньше, чем нападавших, legionерам было значительно легче, поскольку они успели хорошо подготовиться. Да и бой на узком пространстве, защищенном с двух сторон водой, был им на руку. Лучники римлян били в упор, в то время как карфагенские лучники посылали стрелы верхом, прикрывая своих атакующих пехотинцев.

«Надо что-то придумать, — лихорадочно размышлял Федор, вспомнив предостережения Атарбала, — а не то этот мост обойдется нам слишком дорого. Впрочем, это чудо инженерии — единственный мост на всю округу. И мы, и римляне это понимаем. Но все равно, я не хочу положить здесь всю хилиархию. Думай, Федор, думай!».

В этот момент из темноты приблизился посыльный из пятнадцатой хилиархии.

— Карталон приказал передать, что разведчики нашли несколько лодок, — сообщил он, — выше по течению.

— Сколько? — ухватился Федор за внезапно посетившую его идею.

— Всего три, — ответил солдат, — в каждую может сесть не больше восьми человек. Спрашивает что ему с ними делать?

Федор быстро прикинул варианты.

— Скажи Карталону, что я приказываю ему посадить на эти лодки лучших бойцов, переправиться на другую сторону и атаковать мост с тыла. Пусть незаметно переправит туда перед атакой хотя бы половину спейры, а потом остальных. Время дорого. Возможно, там много римлян. Но он должен попытаться прорваться и поджечь там что-нибудь, чтобы мы знали, что у него получилось. Повтори!

Солдат повторил приказ и исчез в темноте. Не успел он уйти, как прискакал дозор нумидийцев. Через переводчика, ему сообщили, что разведчики, вернувшиеся только сейчас, обнаружили брод в пяти километрах ниже по течению.

— И что, — удивился Федор, — вы сможете его найти и преодолеть реку в полной темноте?

Нумидийцы, которых Федор едва различал во мраке по белым туникам, закивали головами.

— Тогда немедленно отправляйтесь. Пошлите туда сотню человек, пусть переберутся на другой берег, если смогут, и поддержат нашу атаку, которая скоро начнется. В общем, действуйте по обстановке.

Получив приказ, нумидийцы растворились в ночи. Федор проводил их изумленным взглядом. Уже который раз эти чернокожие всадники, не имевшие ни доспехов, ни удил, ни поводьев, а из оружия только щиты и дротики, удивляли его. Эти слившиеся со своими лошадьми «африканские индейцы», проделавшие путь с армией Ганнибала от самой Африки до глубинных римских земель, на всем пути продолжали исправно нести службу в легкой кавалерии, основной задачей которой были разведка и преследование побежденного противника. На роль ударной конницы они не годились, но в сложившейся ситуации Федор решил, что атака чернокожей конницы в тыл римлян поможет вызвать хотя бы переполох. А именно этого он и добивался.

— Усилить натиск! — приказал Федор, когда тот же посыльный появился снова и доложил, что Карталон начал переправлять первых бойцов в нескольких сотнях метров выше по течению, — огонь зажигательными стрелами!

Карфагеняне предприняли новый яростный штурм. Им даже удалось проникнуть за частокол, сбросив оттуда десяток римлян. Глядя со своей наблюдательной позиции, откуда он почти все различал в свете догоравших завалов, Федору казалось, что еще немного и очередной рубеж будет взят. Но тут, неожиданно, в середине частокола, открылись ворота, из которых посыпались римские legionеры. Предприняв контратаку, защитники моста быстро смешали порядки карфагенян и даже обратили их в бегство. В прорыв со стороны врага уже была брошена целая манипула, которая, построившись на ходу стала теснить солдат Федора с завоеванной с таким трудом территории. Вдобавок, через головы наступающих вновь заработали баллисты и стрелометы.

— Мать твою, — пробормотал Федор, сплюнув под ноги коню, и неожиданно для себя завернул замысловатую тираду. — Не ожидал встретить столь глубоко эшелонированную оборону.

И тут в голове у него что-то перещелкнуло. Резким движением выхватив фалькату из ножен и пустив коня вскачь, он заорал так, что его слышали даже отступающие солдаты

Карфагена:

— За мной, лентяи! Не отступать! Только вперед!

Он бросился на мост. Над головой пронеслось несколько стрел, а просвистевшее следом ядро убило наповал сразу двух бежавших позади него солдат из девятой спейры. Одному почти оторвало голову, а другому тем же ядром смяло грудь, отбросив на пару метров назад. Федор увидел все это за мгновение, когда, пригнувшись к шее коня, уклонился от стрел.

Прорвавшись на мост, Чайка перемахнул через заграждение из камней и первым врубился в римские наступающие шеренги. Несмотря на то, что до сих пор он привык биться пешим, все же на коне воевать оказалось удобнее, тем более с legionерами, у которых не имелось копий. Федор крутился на коне, и в одиночку крошил фалькатой шлемы и щиты legionеров, до тех пор, пока не ощутил за своей спиной шеренги карфагенян, которые, столкнувшись с римлянами, мгновенно отбросили их назад. Этот удар был преисполнен такой силы, что никто из римлян не смог убежать и спрятаться за частоколом, все полегли здесь же, усеяв своими трупами середину моста.

Спрыгнув с коня, Федор взобрался на частокол и, воткнув меч подбежавшему legionеру в бок, вдруг увидел, что совсем близко заполыхало новое зарево, разгоняя мрак у противоположного берега. Оказалось, что до него уже рукой подать. Еще каких-то сто пятьдесят метров. Но эти оставшиеся метры занимала сплошная стена из красных щитов, перед которой стояли замолчавшие баллисты и «Скорпионы». А там где разгорался огонь, были видны многочисленные повозки, что закрывали римлянам путь к отступлению. Они горели, подожженные солдатами Карталона.

— Ну, теперь пойдет дело, — устало ухмыльнулся Чайка.

Выполнив его приказ, три десятка отважных солдат из шестой хилиархии отступали вдоль берега под натиском превосходящих сил противника, но вдруг из мрака показались всадники в белых туниках и в римлян полетели дротики, разя насмерть. Положение мгновенно изменилось.

— Вперед солдаты! — захрипел Федор, увидев атаку нумидийцев, — за мной!

И прыгнул сверху на красные щиты legionеров, вонзая свой клинок в чье-то тело. Его крик, подхваченный десятками глоток, перекрыл все звуки вокруг. Карфагеняне посыпались на окруженных римлян, отчаянно пытавшихся держать строй, но было поздно. Не прошло и часа, как остатки римлян были выдавлены с моста, а затем изрублены в куски превосходящими силами авангарда армии Карфагена. А когда солнце вновь показалось над долиной Вультурна, единственной во всей округе мост у городка Казилин была полностью в руках армии Ганнибала.

Глава третья В степь далекую

Грандиозный поход на запад, за пределы покоренной Ольвии, начался не так быстро, как ожидал Леха Ларин. Он был уверен, что не успеет Иллур стать царем крымских скифов, как тотчас бросит своих солдат в новый поход, тем более что он уже объявил об этом. А у Иллура слова с делами никогда не расходились. На первый взгляд все было готово: и флот под командой проявившего себя настоящим адмиралом Ичея, и конная армия, численность которой уже перевалила за шестьдесят тысяч всадников.

Армия, стоявшая сейчас лагерем под Ольвией, была готова в любой момент двинуться в поход по первому слову вождя. Но, вернувшись из столицы, где проходил совет старейшин, новый царь был не слишком весел. Едва прибыв в свое стойбище, (даже став царем, он предпочитал юрту в степи роскошному дому на греческий манер) Иллур вызвал к себе Леху.

Явившись по первому зову с несколькими приближенными всадниками в походное стойбище Иллура, Леха Ларин обнаружил своего друга, вознесшегося на самый верх власти,

сидящим в большой юрте на ковре у огня. Рядом стоял кувшин с вином и фрукты. Иллур казался задумчивым. Но, увидев вошедшего, отогнал думы и указал ковер.

— Садись, Аллэксей, выпей вина. Поговорить хочу.

Тотчас, словно из ниоткуда появился слуга, налил Лехе вина в красивую золотую чашу, а затем снова испарился из юрты. Леха сел на ковер.

— Благодарствую, — ответил он, отпив терпкого вина.

Помолчал немного, дожидаясь пока Иллур начнет говорить, но не выдержал.

— О чем разговор будет? — задал он наводящий вопрос царю. Иллур по старой дружбе, как никак когда-то Леха ему жизнь спас, терпел подобные вольности, — Людей готовить, что ли, к походу? Завтра выступаем?

— Выступаем, — кивнул Иллур, — только не на запад. Возьми две тысячи отборных бойцов. Со мной поедешь, в степь.

— Это еще зачем? — удивился Леха резкой смене направления, — мы же собирались вдоль берега ударить, по греческим городам пройтись. Давно уже на месте сидим, засиделись. Того и гляди, греки флот пришлют Ольвию с Херсонесом отбивать, опять увязнем. Надо их опередить.

Иллур все молчал, продолжая размышлять.

— По берегу моря города богатые, есть что пощупать, — резонно добавил Леха, — А в степи-то что интересного?

— Греки нам ничего не сделают, — уверенно заявил Иллур, обернувшись наконец и бросив взгляд на сидевшего рядом воина, — Херсонес пал, Ольвия тоже, Боспорскому царству недолго жить осталось. У себя на родине, как и здесь, греки живут городами и друг с другом договориться не могут. Меж собой грызутся. Чтобы нас победить им объединяться надо, силы копить, а им сейчас не до нас.

Не дожидаясь слуги, Иллур сам плеснул себе вина, сделал большой глоток и встал. Прошелся по юрте. Толстый ковер погасил шорох его шагов.

— Мне доносят, что Карфаген напал на земли римлян и уже близок к победе, — сообщил он Лехе, — греки выжидают, и никого сейчас не пошлют сюда. Им самим корабли нужны и солдаты. Неизвестно как дело обернется. Так что, время для нашего похода удачное. Но, не это важно. Есть и другая сила, что может сокрушить нас, ударив в тыл. И Фарзой уверен, что сначала я должен усмирить ее.

— Что за сила такая? — удивился Леха, уставившись на своего покровителя.

— Сарматы,⁴ — коротко ответил Иллур.

Леха попытался сделать умное лицо. Он хоть и ведал конной разведкой, но не всей армии, а лишь одного из ее отрядов насчитывающего пять тысяч воинов и входившего в двадцатитысячный корпус вождя по имени Арчой. За всю свою новую жизнь в этом времени бывший морпех выбрался с территории Крыма впервые только когда пришлось начать войну против Ольвии. И на этом греческом фронте, не считая штурма Херсонеса, весь свой боевой опыт и получил. Слово «сарматы» ему мало что говорило. Ну, слышал он его несколько раз краем уха в разговорах солдат и вождей, но не придавал особого значения. Знал, что есть такой народ, что обитает в приграничных со скифами степях на севере, но и не подозревал, что Иллур его так уважает. Словно сарматы были опаснее греков. Но именно такой вывод и напрашивался из разговора с вождем.

— Фарзой уверен, что с походом на дальних греков можно немного повременить, — заявил Иллур, — а вот с сарматами нет. Доносят, что в последние дни они слишком нагло ведут себя на наших степных границах.⁵ А несколько раз отряды их разведчиков даже

⁴ Совершенно ясно, что скифы (т. е. скоты; скифы — греческое название) называли их не так. Но мы решили оставить в тексте общеупотребительный термин «сарматы», чтобы просто дать понять читателю о каком народе идет речь.

⁵ В описываемый период, согласно официальной исторической традиции, скифы владеют не только Крымом,

осмелились войти в наши пределы. Их царю Гатару не нравится, что скифы под моей рукой стали сильнее и уже захватили почти все царства греков на полуострове.

— Значит, будем воевать с сарматами? — бестактно уточнил Леха.

Услышав столь простой вывод, шагавший в задумчивости вокруг очага Иллур, даже остановился.

— Сарматы сейчас в силе, у них большая армия, — ответил вождь, — они быстры, так же как мы, и потому мы должны обратить их в друзей. Хотя бы временно, пока не окрепли настолько, чтобы уничтожить. Иначе они уничтожат нас. Так считает мудрый Фарзой, а он никогда не ошибается.

Иллур сел и допил свое вино.

— Фарзой уверен, — проговорил он, — что надо как можно дальше отодвинуть кровопролитие. Ведь по крови мы с сарматами родня. Так что с войной придется повременить, хотя я уже отдал приказ строить оборонительный вал со стороны степи в самой узкой части перешейка. Никто не знает, на что решится Гатар.

Он снова встал. Поймав взгляд царя, поднялся и Леха.

— Собирайся, завтра на рассвете мы выступаем в степь, — приказал Иллур, — Двинемся на север, вдоль Борисфена⁶ и сами вступим на их землю, что была некогда нашей. Уверен, мы найдем их быстро. Мне сообщили, что ближняя к нам армия сарматов стоит в среднем течении Борисфена, перекрывая путь на Метрополь.⁷ Думаю, и царь Гатар находится где-то поблизости.

— Будет сделано, — кивнул Леха, снова поправив акинак.

Покидая царскую юрту, что была расшита золотой нитью и украшена узорами, но все равно оставалась юртой, он вновь подумал, что новый царь слишком любит походный образ жизни. Его богато отделанная юрта не могла соперничать в пышности убранства с домами и дворцами знати в Неаполе Скифском,⁸ где Иллур мог бы жить с комфортом. Но Иллур этого не хотел. Он ненавидел спокойную жизнь. Как-то в разговоре с Лехой на дружеской пирушке будущий царь сказал, что все зло, разъевшее боевую мощь скифов, происходит от греческой учености и любви к праздной жизни. «Если бы у нас не было дворцов, — сообщил он, — а старейшины и вожди проводили жизнь в походах, то скифы вновь овладели бы всем миром».

Леха был с ним, в принципе, согласен. Он и сам любил походную жизнь. Но иногда немного хотелось пожить в комфорте. Тем более, что средства теперь имелись. Но царь скифов считал иначе. Все кто ему служил, от вождя племени до простого солдата, теперь о покое могли забыть навсегда.

«Скиф не должен знать покоя, — любил повторять Иллур, — Иначе, покой может быстро стать вечным покоем».

А потому Леха приказал себе не расслабляться. Сразу отправился к войскам, чтобы сделать все необходимые приготовления. Еще с вечера две тысячи отборных воинов

но и полосой обширных степей примыкающих к северному Причерноморью и Азовскому морю вплоть до границ с Боспорским царством. Эти территории, под непрекращающимся натиском сарматов, они окончательно утерять в 174 году до н. э. Но, постоянно уменьшаясь в размерах, ослабевшее скифское государство еще два века продержалось в Причерноморье и еще несколько столетий в Крыму.

⁶ Днепра (*греч.*).

⁷ Согласно данным Птолемея, современные ученые с определенной точностью могут локализовать некоторые из городов Сарматии на современной карте. Предположительно город Метрополь на Борисфене, стоял на месте нынешнего Киева. Город Карродун на Днестре, Ерект это Тирасполь, Вивантиварий — Бендеры. А легендарный город Росканак, — столица знаменитой сарматской царицы-амазонки Зарины, — предположительно на правом берегу Терека, на земле Бороковского аула.

⁸ Так греки называли столицу скифов в Крыму.

получили приказ готовиться к походу. А на рассвете Иллур, лично явившись в лагерь, приказал взять с собой еще одну тысячу. Леха приказание исполнил. Это было недолго, — скифу собраться, только на лошадь вскочить.

Иллур прибыл в лагерь в сопровождении сотни охранников, за кавалькадой которых катились пять возов с захваченным в Ольвии золотом.

А когда три тысячи конников в полном боевом облачении покинули лагерь, глянув на золототой запас монет, посуды и украшений, Леха поймал себя на мысли, что Иллур, похоже, действительно опасался этих сарматов гораздо больше, чем греков. Хотя, если поразмыслить, то армия сарматов должна была быть не хуже скифской, и чтобы воевать с ней воинов явно требовалось больше, чем три тысячи пусть и отборных солдат. Но Иллур приказал оставить основные силы этой армии возле Ольвии, в то время как вторая армия готовилась в Крыму к нападению на Боспорское царство. Так что сейчас скакавшее по прибрежным холмам на север скифское войско показалось бывшему морпеху не слишком большим. Так, почетный эскорт царя. Правда, царь был рискованный и бесстрашный. Но, глядя на золото, в глубине души Леха надеялся, что дело закончится только переговорами. В конце концов, он хоть и приближенный к царской особе воин, одаренный милостями и богатством, но сейчас его дело сторона.

Мудрого советника Фарзоя с ними не было. Старик уже давно поселился в столице и не покидал ее, периодически призывая к себе Иллур. Значит новый царь намеревался вести все переговоры самостоятельно. Из верховного командования был только сам Иллур, знатный вождь Арчой и... Леха Ларин, скакавший сейчас рядом с Иллуром. Свои три личные сотни разведчиков, что взял в этот поход, он оставил позади на попечение дядек — Инисмея, Гнура и Уркуна, — опытных сотников. Впрочем, Инисмей уже давно ускакал с сотней далеко вперед с приказом обнаружить передовые части сарматов и вступить в контакт, сообщив о приближении царя Иллур.

Спустя пару дней, войско в сопровождении повозок с золотом и небольшого обоза, с походными юртами и всем необходимым для ночлега пересекло степную границу Сарматии. А к вечеру четвертого, так и не встретив на своем пути никакого сопротивления, Иллур приказал встать лагерем на холмах, откуда уже была видна широкая река.

Леха, хотя поневоле и освоился давно со скифским языком, по старой привычке страдал забывчивостью. Еще в прошлой жизни он вяло усваивал любую новую информацию, если она не касалась рыбалки, рукопашного боя и стрельбы. Особенно по географии своей родины. И теперь в этой новой кочевой жизни тоже никак не мог запомнить названия многочисленных рек, что текли в степи, впадая с разных сторон в Скифское море, которое он про себя звал Черным. До сих пор это ему особенно и знать было незачем. Вся жизнь протекала в Крыму и ближайших окрестностях, где находилась столица скифов Неаполь, недавно захваченный Херсонес и часть Боспорского царства. Отдаленные степные районы, в которых он еще не бывал, кровный брат скифского царя представлял также, как раньше, в бытность свою морпехом. А это означало, что еще не народившиеся Краснодар и Ростов-на-Дону, находились примерно в пределах Боспорского царства, что Иллур намеревался захватить.

Сейчас они продвигались куда-то в сторону будущего Киева, и речка, что шумела в стороне, вполне могла быть Днепром. А может и нет. Кто его знает. Впрочем, Леха не особенно беспокоился от отсутствия знаний по местной географии и чувствовал себя при этом вполне нормально.

По приказу Иллур скифы развели костры, никого не таясь, и принялись готовить ужин. Инисмей, появившийся вчера вечером с докладом, отсутствовал целый день.

— Что-то запропал мой сотник, — посетовал Леха Иллору, когда ужинал с ним вместе в шатре, поедая жаренное мясо и запивая его красным вином, — как бы не случилось чего.

— Не переживай, Аллэксей, — успокоил его царь, облаченный в легкие доспехи, — с ним ничего не случится.

Иллур был с виду спокоен, словно не вторгся на территорию чужого государства, а

сидел у себя дома в Крыму.

— Может, усилить охрану лагеря? — продолжал беспокоиться Леха, — все-таки уже день, как сарматскую землю топчем.

— Это моя земля, — зло процедил сквозь зубы Иллур, — Она всегда принадлежала скифам. Гатар захватил ее силой, но скоро я снова ее верну.

Он откусил сочный кусок мяса и добавил.

— А охраны достаточно, Арчой позаботился об этом. Все равно никто на нас не нападет.

Леха не стал спорить. Как говорил в таких случаях в прошлой жизни его сослуживец рядовой Иванов сержанту Чайке «Ты бугор, тебе виднее». Вспомнив про своего друга сержанта, который перенесся вместе с ним в эти прошлые времена и обретался теперь где-то в землях далекого Карфагена, Леха отключился от насущных проблем и задумался о его судьбе. Как-то там протекает жизнь у сержанта: выбился ли в люди, или лежит уже давно в сырой земле? Но, задумался Леха ненадолго. Скоро снаружи послышался приглушенный топот многочисленных копыт, и в шатер вошел запыхавшийся от долгой скачки Инисмей.

— Ну, что видел? — спросил Иллур, отрываясь от еды, и не дав Лехе даже рта раскрыть.

— Несколько раз приближались отряды разведчиков, но близко не подпускали, — доложил Инисмей царю, — уходили в степь.

— Это хорошо, — кивнул скифский вождь, — ты свободен. Иди, отдыхай.

А, повернувшись к Лехе, добавил.

— Ждать послов осталось недолго.

* * *

Скифский царь как в воду глядел. Утром, Леха Ларин, выйдя из своей походной юрты, обнаружил, едва вдохнув пьянящий аромат степи, что все окрестные холмы вокруг лагеря заняты конными солдатами неизвестной армии. Окружение было полным. И не было никакой возможности ускользнуть незаметно, разве что прорубить себе дорогу обратно к морю сквозь строй неприятеля. Да и в этом случае уходить пришлось бы еще пару дней. В общем, с одного взгляда Лехе сразу стало ясно, что без особых потерь скрыться от сарматов, таких же быстрых всадников, как и сами скифы, было практически нереально. Но Иллур, появившийся из своего шатра, казалось, ничуть не был удивлен такому положению дел. И нисколько не озадачен окружением своего лагеря, словно сам все спланировал заранее. Хотя сарматов здесь было, на первый взгляд, как минимум, втрое больше, чем скифов.

Молодое солнце золотило островерхие металлические шлемы конных сарматов, их искусные доспехи, что покрывали всадников и лошадей. Блестело на остриях копий, облизывало топорики, висевшие на боках, и колчаны со стрелами за спиной. Высвечивало одежду, — кожаные куртки и штаны навыпуск, перехваченные у лодыжек ремнем и убранные в голенища узконосых сапог.

Суровые лица с прямыми хрящеватыми носами, широкие бороды. У многих длинные волосы, из-за чего некоторые всадники издалека даже показались Лехе похожими на женщин.

И чем дальше со своего места Леха Ларин настороженно рассматривал ряды потенциального противника, тем глубже у него становилось чувство «дежа вю», которое очень быстро оформилось в умозаключение: «те же скифы, только в профиль».

Сделав шаг вперед, Леха обернулся на стоявшего невдалеке Иллур, и подумал: «Что там наш царь говорил о кровном родстве с этими разбойниками?» Но Иллур смотрел не на него, а в другую сторону, откуда, отделившись от основной группы, с холма медленно приближались к лагерю, пять длинноволосых всадников. Впереди всех ехал молодой красавец с длинным мечом на боку. Когда это посольство приблизилось на тридцать шагов, и лица сарматов можно было рассмотреть детально, Леха не поверил своим глазам, — все

пятеро были женщинами.

«Бабы! — чуть не вскрикнул Леха, едва сдержавшись. Он в недоумении перевел свой взгляд на маячившие вдалеке ряды сарматов и отметил, что едва ли не четверть из них были длинноволосыми, и не носила бороды, — вот это да!».

Пять амазонок⁹ продолжали приближаться к лагерю и, наконец, оказались у внешнего кольца скифских всадников. Иллур подал знак. Его воины расступились, пропуская странных послов. Едва те проникли внутрь скифских порядков, как кольцо воинов вновь замкнулось. Не торопясь, словно разговор предстоял незначительный, они проехали сквозь строй скифских бородачей и остановились у центральной юрты, где их поджидал Иллур, скрестив руки на груди. Рядом находились повозки с золотом, которые Иллур велел специально раскрыть, сняв с них рогожу. Золото сверкало и переливалось теперь под лучами поднимавшегося по чистому небосводу солнца.

Почему скифский царь не пожелал подняться на коня даже для встречи послов, которых так долго ждал, Леха не понял. Может, хотел позлить их? Или указать на что-то. В общем, бывший морпех не стал вдаваться в детали этикета степняков, а просто по примеру царя остался пешим. Так они и стояли у шатра вдвоем пешими, а вокруг них теснились конные воины.

Амазонки в богатых и качественно сделанных доспехах, — это Леха уже определял на глаз, — остановили своих коней в десяти шагах от Иллур. Все пятеро были высокого роста, мощны в плечах, с крепкими руками, а женская грудь, стянутая панцирями и ремнями, была почти незаметна. Но воображение морпеха уже начало дорисовывать невидимую глазам картину. Бабы-то были, все как на подбор, — кровь с молоком. Да и уродинами их было не назвать. Красивые, короче, бабы. А когда ближняя, та, что была среди всех главной, сняла шлем и тряхнула своей гривой, морпех чуть рот не раскрыл. И мысли в его голове закрутились отнюдь не воинственные.

— Что тебе нужно в наших степях, Иллур? — произнесла амазонка, слегка скользнув взглядом по лицу морпеха, но в упор посмотрев на царя скифов. Без всякого страха и

⁹ Как утверждает римский историк Помпей Трог, зафиксированное в греческих преданиях знаменитое «царство амазонок», было основано на южном берегу Черного моря скифскими юношами царского рода, Плином и Сколопитом, изгнанными из отечества около 21 в. до н. э. По всей видимости, это царство действительно существовало в течение 2-го тыс. до н. э. В хеттских источниках упоминается некая «страна Каска» на малоазийском побережье Черного моря, где правили воинственные царицы, которая может быть тождественна «царству амазонок».

Согласно исследованиям Н. И. Васильевой (Краткая история Великой Скифии) этноним «каска, касог, касак» отмечается в Приазовье и на Кубани еще в Средние века; очевидно, он относится еще к протоарийской эпохе, и именно к нему восходит современный термин «казак». Амазонки из «страны Каска» оказываются... казачками!

«Страна амазонок» долгое время поддерживала политические связи со Скифией, своей прародиной. Однако, по всей видимости, в поздний период своего существования (около 13 в. до н. э.) его интересы стали расходиться с интересами скифской метрополии. Царица Пентесилея, участвовала в Троянской войне уже на стороне Трои, форпоста малоазийской цивилизации на западе. Интересно, что штурмовали город соединенные войска греков-ахейцев и данайцев (танаитов, донцов), тоже выходцев с берегов Азовского моря.

Мифические подробности «из жизни амазонок» возникли потому, что греческие источники просто слегка преувеличивали хорошо известные грекам обычаи скифских и особенно сарматских женщин. В частности считалось, что амазонкам прижигали правую грудь, чтобы они могли лучше стрелять из лука. Также девушка не могла выйти замуж, прежде, чем убьет хотя бы одного врага.

У скифов и сарматов, очевидно, господствовал обычный парный брак с правом развода. Но «культурные» греки часто клеветали, утверждая о принятом среди них обычае группового брака. Слишком обаятельными были сарматские всадницы-амазонки. И слишком большой контраст они представляли с греческими женщинами, которые делились на гаремных затворниц и гетер-проституток. Впрочем, «отец истории» Геродот, познакомившихся со скифскими обычаями, твердо заявил, что группового брака у них не существует.

Многочисленные античные предания об амазонках относятся преимущественно к сарматским женщинам. А сарматские женщины, как и мужчины, отличались силой и военной активностью. Женщины у сарматов не только пользовались равными правами с мужчинами, но даже несли наравне с ними военную обязанность. Амазонки владели всеми видами оружия и пользовались правом голоса при решении общинных проблем. А сарматские царицы часто лично вели войска в бой.

раболепия, почти снисходительно.

«Да они знакомы», — пронеслось в мозгу удивленного морпеха, когда он перевел взгляд на Иллур, по лицу которого от слов неизвестной воительницы на миг пробежала тень. Но царь скифов сдержался, уроки хитроумного Фарзоя не прошли даром.

— Я пришел к твоему царю, Орития, — проговорил в тон ей, словно нехотя Иллур, — и ищу встречи с ним.

Амазонка помолчала некоторое время, словно обдумывая следующие слова и, наконец, заявила.

— Клянусь памятью великой Зарины, Гатар не говорил мне, что ждет тебя.

«Хороша чертовка, — подумал Леха, откровенно разглядывая скуластое лицо Оритии и доспех, так плотно стянувший грудь, — жаль ног не видно».

Ноги воительницы действительно были спрятаны под широкими кожаными штанами, стянутыми на лодыжках ремешками также как и у всех сарматов и скифов. Одеждой эти народы, судя по всему, отличались не очень сильно. Да и говорили почти на одном языке. Сарматская воительница общалась с царем Скифии без переводчика и Леха, как ни странно, все понимал. Разве что, некоторые слова упускал. Но и без них картина была ясна.

Параллельно, пользуясь случаем, Леха разглядел и четырех подруг Оритии, благо находился рядом с ними. Все амазонки, затянутые в сверкающие на солнце доспехи и обвешанные оружием с ног до головы, имели красивые лица, голубые глаза и длинные русые волосы. Ни дать ни взять — русские красавицы из сказки. Только в отличие от последних, отнюдь не томные и романтические, а очень даже грозные с виду, но оттого не менее притягательные. Одна из них, заметив на себе откровенный взгляд морпеха, даже схватилась за рукоять меча, но сидевшая рядом на коне амазонка, удержала ее. Орития, занятая разговором с Иллуром, ничего не заметила. Для нее Леха Ларин не многим отличался от пустого места.

«Какие горячие девчонки, — думал Леха, зачарованно поглядывая на спутниц Оритии, — вот бы познакомиться поближе». Даже мысль о беременной Заране, оставшейся далеко в Крыму, не могла сейчас отвлечь его от происходящего.

— Да, я пришел без спроса, — спокойно ответил Иллур, и, обернувшись в сторону повозок с золотом, добавил, — надеюсь, эти скромные дары, заставят его сменить гнев на милость.

— Золото греков? — деловито уточнила Орития, проявив осведомленность о последних военных победах Иллур. А Леха лишний раз убедился, что в степи и без телефона новости распространялись достаточно быстро.

— Оно самое, — кивнул Иллур, снова ничуть не удивившись, — и я готов поделиться им с вами. Пусть оно послужит залогом нашей дружбы.

Орития усмехнулась. И Леха понял, что ее было не так легко обмануть. Она ни на секунду не поверила лживым речам скифского царя. «Да здесь бабы, не только красивые, но и умные, — со всевозрастающим удивлением отметил он про себя, — да еще сильные. Повезло нам, однако, с родственниками».

— Я пошлю гонцов в Метрополь, а ты пока будешь ожидать здесь, — заявила, немного поразмыслив, Орития и снова надела шлем, — ответ будет завтра.

— Я буду ждать, — согласился Иллур, — и золото будет ждать вас.

Развернув коней, амазонки ускакали в сторону занятых сарматами холмов, разрешив ветру развеять их длинные волосы. Там они остановились. Раздалось несколько команд. Тут же часть сарматских всадников развернулась и ускакала в сторону реки. Остальные сомкнули ряды, заполнив освободившееся пространство. Похоже, эта Орития управляла здесь всем отрядом. «Баба-атаман, — с восхищением подумал Леха, — вот это армия! Интересно только, она мечом махать умеет или только для красоты носит?».

Размышляя таким образом, Леха даже не подозревал, что совсем скоро ему представится случай самому узнать ответ на этот интересный вопрос.

Глава четвертая Хозяйка Еректа

Когда прекрасные воительницы покинули территорию окруженного лагеря, Иллур, проводив их взглядом, как ни в чем не бывало вернулся в царскую юрту. Леха вошел вслед за ним. Иллур казался довольным.

— Зря ты им золото показал, — заметил Леха, — их же больше. Могут попытаться отобрать.

— Нет, — ответил Иллур, — в ближайший день ничего не случится. Слово Оритии для этих воинов закон. Это ее армия.

— Значит все прошло как надо? — на всякий случай поинтересовался бывший морпех, — они не собираются нападать на нас?

— Нет, — успокоил его Иллур, опускаясь на ковер, — садись, отведай мяса и вина. Забудь о них. Боги нас не оставят. Будем просто ждать.

Но Леху распирало любопытство.

— А кто такая эта Орития? — не утерпел он, присев рядом, — я думал в армии только мужчины служат.

— У нас да. Хотя и у нас раньше бывали такие воительницы, — с едва уловимым сожалением в голосе ответил Иллур, отпивая вина из золоченой чаши, которую только что наполнил возникший из-за спины слуга. Тоже самое слуга сделал с чашей Лехи, а затем как всегда мгновенно исчез, чтобы не мешать царю вести беседу. Верховный вождь скифов после встречи с амазонками, похоже, сам был не прочь обсудить эту тему.

— Царица Орития, — правая рука Гатара. Он высоко ценит как ее ум, так и ее армию, одну из сильнейших у наших северных границ.

— Так она не просто воюет, но еще и мужиками управляет? — искренне удивился Леха, — настоящая царица, — вот это да. Я и не думал что у вас, то есть у нас, такое возможно. А где ее царство?

— Мы на ее земле, — нехотя пояснил Иллур, и лицо его снова омрачилось, — Гатар отдал ей все междуречье от Танаиса до Борисфена,¹⁰ некогда принадлежавшее скифам. И она неплохо управляет со своим царством. Ее крайние земли вплотную подходят к Ольвии с Запада. Она давно присматривалась к этому богатому городу, но мы ее опередили.

— Вот значит как, — смекнул Леха, — мы у нее знатную добычу из-под носа увели. Думаешь она после этого будет с тобой дружить?

— Гатар давно зарится на земли у самого моря, что принадлежат теперь мне, — туманно ответил Иллур, — рано или поздно он попытается их отнять. И тогда мы выясним, кто из нас достоин жить под степными звездами. Но сейчас сарматы в силе. А я мечтаю вернуть былую славу скифам, а значит и земли, где мой народ обитал в древности. Для скифа в этих степях везде дом.

Иллур обернулся и пристально посмотрел в глаза кровному брату.

— Битва обязательно будет, но не сейчас, ее надо отложить. И греческое золото — это не слишком дорогая цена за то, чтобы Гатар не ударил мне в спину. Поэтому мы должны договориться, и Орития нам в этом поможет.

— Думаешь бабам можно верить? — напрягся Леха, вспоминая накаченные формы царицы местных амазонок, которые, похоже, не его одного взволновали.

— Я знаю как привлечь ее на свою сторону, — опять туманно ответил Иллур, как и полагалось царю, который знал гораздо больше чем говорил.

— А как она воюет? — уточнил морпех, и, прожевывая жесткий кусок мяса, вспомнил о крутых спутницах Оритии, — Сама-то хорошо дерется? А ее подруги?

Появившийся из-за спины слуга снова наполнил чашу царя. У Лехи вино еще

¹⁰ От Дона до Днепра.

оставалось.

— Мне рассказывали, что в жестоком бою Орития однажды в одиночку изрубила в куски двенадцать крепких воинов... — начал отвечать Иллур.

Услышав это, Леха чуть не подавился, но виду старался не подавать.

— А ее ближайшие воительницы вчетвером уничтожили отряд из тридцати человек.

— Серьезные девушки, — только и смог выдавить из себя Леха, — а сколько их всего на службе?

— Только в армии Оритии почти десять тысяч таких воительниц, — охотно пояснил Иллур, глядя на тлеющие угли очага, — А кроме нее у Гатара служат и другие царицы. Сарматия обширна и простирается на север вдоль великих рек до непроходимых лесов.

В юрте повисло молчание.

— Но ведь скифы не столь трусливы, чтобы бояться каких-то разъяренных баб? — вдруг ни с того ни с сего спросил Леха.

— Нет, — просто ответил Иллур, и наклонившись к Лехе, добавил, — Но не советую тебе, Аллэксей, испытывать доблесть Оритии или ее подруг. Мне не хотелось бы потерять кровного брата так рано.

Леха инстинктивно кивнул, а сам подумал: «Да что он меня, за слабака, что ли держит. Меня, морпеха, который запросто может разбросать одной левой десяток крепких мужиков, а не то что пятерых, пусть даже до зубов вооруженных баб! Я же в деле себя уже не раз показал. Сам мудрый Фарзой меня хвалил. Обидно даже. Надо будет пообщаться с одной из этих баб поближе. Закадрить как-нибудь при случае, да показать на что способен Леха Ларин. Бабенки-то знатные, да и я не промах. Авось, чего и выйдет».

Он хитро ухмыльнулся, но вслух ничего не сказал, решил не волновать царя. Вдруг еще запретит вообще к амазонкам подходить.

Леха провел в гостях у Иллуров довольно долгое время, и утренняя трапеза закончилась к обеду. Потом к царю заглянул Арчой с докладом, а Леха ушел к себе в юрту, задержавшись по дороге, чтобы проверить боеготовность своих людей, оставленных под начало Инисмея, Гнура и Уркуна. Люди не скучали, находясь на конях и при оружии. И хотя битвы не предвиделось, напряжение в кольце блокады не спадало. По сути, Иллур добровольно сделал себя и свое войско заложниками воли сарматского царя и его смазливой помощницы. Но Леха не стал забивать себе голову подобной ерундой, а, добравшись, наконец, до юрты, повалился на ковер и там проспал до вечера. Будущее покажет, и ждать его не долго. Так прошел день, а на утро прибыли гости.

Леха еще спросонья ощутил непонятное шевеление в лагере, а когда, облачившись в доспехи, вышел наружу, то успел увидеть, как с занятых сарматами ближних холмов опять съезжает вереница всадников, только на этот раз боле многочисленная — человек сорок. Да и сарматов, похоже, прибыло. Леха пригляделся получше к холмам, и ему показалось, что теперь окружение стало двойным.

Когда гости приблизились, стало возможным рассмотреть их предводителя. На этот раз впереди ехала не бой-баба Орития с боевыми подругами. Во главе отряда из мощнотелых всадников в дорогой броне, что укрывала и коней, находился крепкий мужик свирепого вида. Грудь его прикрывал пластинчатый панцирь, на поясе висел длинный меч. Мужик ехал вовсе без шлема и Леха увидел, что тот имел длинные волосы, а на лице бороду и усы. Щеку рассекал шрам, тонувший в бороде. Выражение глаз у всадника было как у орла, который готов броситься на добычу. А когда тот поравнялся с юртой начальника конной разведки и скользнул по его лицу взглядом, Лехе захотелось вытянуться по стойке «смирно», — такая от всадника исходила мощная злоба.

Словно услышав его мысли, стоявший неподалеку Арчой сказал вполголоса, но так что Ларин его услышал отчетливо:

— Вот и сам Гатар пожаловал.

Следом за царем сарматов, который к удивлению Лехи не имел на голове ни короны, ни другого знака царской власти, ехала его правая рука, воительница Орития, а рядом с ней

четыре амазонки, виденные морпехом вчера. Та, что не выдержала его наглого взгляда и едва не бросилась на него, выхватив меч, тоже была здесь. Леха ее быстро заметил, да и она его одарила взглядом, в котором сверкнул холодный огонь.

— Отлично, — сказал сам себе Леха, выдержав взгляд, — Объект прибыл. При первой же возможности начнем разработку.

Но возможность представилась нескоро.

Гатар с охранниками приблизился к походной юрте Иллур, который на этот раз встречал его на коне и в полном вооружении. Смерив друг друга взглядами и спешившись, они оба вошли внутрь, а у входа встали охранники обоих царей. Справа от входа скифы, слева — сарматы, в числе которых были и амазонки. Часть охранников образовала вокруг юрты кольцо оцепления.

Леха грешным делом надеялся, что Иллур позовет его, как кровного брата, на переговоры, но скифский вождь сегодня вообще не удосужился даже поприветствовать его, а на переговоры не позвал не только начальника разведки, но даже Арчоя, хотя тот был здесь вторым после него самого.

«Ну и хрен с вами, — решил Леха, — в принципе, не мое дело лезть поперек батьки в пекло. Пусть сами разбираются».

Часа два он болтался без дела по лагерю, ожидая пока закончатся переговоры и проверяя без того готовых к бою Инисмея, Гнура и Уркуна. Все их воины находились сейчас в седлах, любовно поглаживая свои луки, на тот случай, если цари вдруг не договорятся. А цари говорили долго. Они не выходили из юрты почти до самого вечера, и если бы не Леха, просидели бы там, наверное, до следующего утра. Но вконец заскучавший от напряжения морпех после легкого, но сытного обеда в своей юрте вновь вышел прогуляться по лагерю. И оказавшись недалеко от юрты Иллур, приблизился к оцеплению, где заметил одну из вчерашних амазонок в полном вооружении, но без щита. Ту самую, которой не понравилось, что ее разглядывали. Рядом с ней стояли охранники-мужчины из сарматов, чуть поодаль скифы. У всех на лицах читалась напряженное ожидание. Никто не знал, чем могут закончиться переговоры, но, такая была у них служба — сдерживаться, пока не прикажут колоть и рубить.

Увидев приближавшегося скифа и, без сомнения, узнав его, амазонка благоразумно отвернулась. Но не таков был Леха Ларин, чтобы не попытаться навести мосты, имея шанс. Другого шанса ведь могло и не быть. Поэтому, не обращая внимания на то, что затянутая в доспехи длинноволосая красавица находилась при исполнении, он остановился в двух шагах от нее и поинтересовался, прищурившись на солнце:

— И не жарко такой красавице в доспехах?

Амазонка смерила его уничтожающим взглядом, но промолчала.

— А шлем зачем носишь? — продолжал издеваться Леха, пытаясь вызвать воительницу на разговор, — грех такую красоту прятать.

Амазонка молчала, вцепившись руками в кожаный пояс, на котором висел меч, и вперив в него тяжелый взгляд своих голубых глаз, но Леха уже решил довести ее до кипения. Иногда он посматривал на стоявших рядом сарматов, предполагая, что мужики могут вдруг вступить за девушку, но те только хмурились, предоставив амазонке самой решать свои проблемы. «Да, — подумал с удивлением Леха, пытаясь раззадорить ее своим наглым видом, — действительно, полное равноправие».

— Отойди, скиф, — наконец, процедила сквозь зубы воительница.

— Это почему? — делано удивился Леха, выставив вперед левую ногу и тоже взявшись за пояс руками, как это делала амазонка.

— Наши цари беседуют. Ты не должен находиться здесь.

— Ну и пусть, мы то им не мешаем, — резонно заметил Леха, — пойдем лучше прогуляемся по лагерю, а то чего тебе тут киснуть. Я тебе лучше свою юрту покажу. Не бабское это дело, броню носить. Ты без нее гораздо красивее.

Удар в лицо был таким мощным и быстрым, что Леха мигом оказался на земле. И

главное он, мастер по рукопашному бою, лучший из своего взвода, даже не успел заметить, как взметнулся кулак этой девицы. Раз, и он уже валяется в пыли с дикой болью в районе левого глаза. Этого бравый морпех никак не ожидал. Обидно, однако.

— Ах ты зараза, — от неожиданности Леха даже перешел на русский, — мужиков бить? Ну, я тебе сейчас покажу, где твое место, шалава.

Он вскочил на ноги и попытался выхватить акинак, но удар ногой в грудь опять повалил его на землю. Падая, морпех успел заметить разъяренное лицо красотки, по которому было видно, что Леха Ларин достал ее основательно и теперь ему несдобровать. Хорошо, если не отрежет самое дорогое.

Получив второй удар, Леха окончательно пришел в себя. Надо было восстанавливать честь мундира. Он резво вскочил, изловчился и перехватил новый удар ногой, направленный ему в голову. А, поймав ногу в сером кожаном сапоге с острым носом, дернул ее на себя и в падении подсек вторую. Успешно. Амазонка рухнула в пыль вслед за ним. Но сдаваться она не собиралась. Баба была крепкая, это он быстро понял. Хватило пары ударов. И, когда Леха напрасно выпустил ее ногу, воительница ощутимо пнула его в бок, едва не сломав ребро, отпрыгнула назад, и, очутившись на ногах, выхватила меч.

Увидев блеснувший на солнце клинок, Леха сообразил, что его прикол зашел слишком далеко. Не ясно, о чем там уже договорились цари, но он сейчас мог сорвать международные переговоры и начать войну одним неловким движением меча. Хотя выбирать уже не приходилось. Война началась. Если он не убьет эту разъяренную фурию, то она его точно на ленты порежет.

Леха тоже вскочил на ноги, выхватил клинок и осмотрелся. Щита при нем не было. Морпех ожидал увидеть ошетилившиеся клинками и копьями ряды солдат, но, к своему удивлению, заметил лишь заинтересованные лица. Все, и скифы, и сарматы, оставались на своих местах, лишь с интересом наблюдая за схваткой двух человек, словно их это совсем не касалось. Амазонку такое поведение воинов не смущало, а вот Леха, поймав на себе пару сочувствующих взглядов со стороны сарматов, был озадачен. Он не знал, как теперь быть. Не убивать же эту бабу, в самом деле. Но прекрасная воительница быстро лишила его всех сомнений, бросившись вперед с мечом.

Леха отразил ее выпад и попытался выбить меч из рук, но не вышло. Проскочив мимо, амазонка развернулась, и присев, с разворота нанесла рубящий удар по ногам скифа. Ларин подскочил едва ли не на метр в воздух, но зато сохранил ноги. Потом он подпрыгнул еще и еще раз, потом пригнулся — меч амазонки просвистел в сантиметре от макушки.

«Чертова баба», — злился Леха, пытаясь нанести меткий ответный удар, но у него все не выходило. Он едва успевал защищаться от града ударов, что наносила длинноволосая бестия. Меч в ее руках так и сверкал, быстро сокращая расстояние между жизнью и смертью.

Постепенно войдя в раж, Леха, как ни странно, успокоился. Несколько раз он даже безуспешно переходил в атаку, делая яростные выпады, и однажды смог таки задеть амазонку в бедро, защищенное кожаными ремнями. Не ранил, — только разъярил еще больше. Затем еще дважды его меч скользнул по бокам её доспеха, вспоров его в районе правой груди. При этом Лехе даже послышались возгласы удивления со стороны наблюдавших за схваткой солдат. Амазонка отвечала на это яростными прыжками и новыми атаками. Сил у нее, казалось, было больше чем у Лехи. Наконец, морпех изловчился и хлестким движением сшиб шлем с головы воительницы. Ветер тут же разметал ее длинные волосы, а сама она закачалась, слегка оглушенная, но оружия не выпустила.

— Красивая баба, черт меня раздери, — заметил Леха вслух. Убивать красоту он по-прежнему не хотел. Все надеялся, что она признает себя побежденной.

Но уязвленная тем, что пропустила такой опасный удар, голубоглазая амазонка снова бросилась в атаку, и на этот раз все было кончено быстро. Зазевавшийся Леха пропустил молниеносный выпад в плечо, — к счастью доспех спас от серьезной раны, — следующим ударом амазонка вышибла у него меч из рук, и Леха уже приготовился принять смерть, но получил лишь удар в лицо рукоятью меча, вновь, уже в который раз, сваливший его на

землю. Тотчас железо холодом кольнуло его кадык.

«Ну, вот и все, — пронеслось в мозгу морпеха, — кончились танцы».

Но тут до его слуха донесся резкий окрик. Амазонка нехотя отвела меч в сторону, сделав шаг назад, и Леха сквозь туман в глазах увидел стоявших у выхода из юрты царей.

— Впервые вижу бойца, что продержался против нее так долго, — спокойно заметил Гатар, словно речь шла не о лехиной жизни, а о сломанной ветке, не стоившей и внимания, — он меня удивил. Думаю, это стоит того, чтобы сохранить ему жизнь.

Затем Гатар повернулся к царю скифов и добавил, завершая начатый ранее разговор.

— Что же, пожалуй, я возьму твое золото. Считаю, что мы договорились. Завтра ты получишь то, о чем просил.

И сделав знак охране следовать за собой, Гатар вскочил на коня, которого ему подвели.

Голова раскалывалась от боли. Левый глаз почти заплыл. Из рассеченной губы кровь лилась Лехе прямо в рот. Но, когда амазонка уже развернулась, чтобы последовать за своим царем, он вдруг дернулся, попытавшись ее задержать.

— Как тебя звать-то, красавица? — прохрипел Леха, сплюнув кровь.

— Исилея, хозяйка Еректа, — неожиданно ответила амазонка, и добавила, тряхнув своей гривой — запомни это имя. В следующий раз, если встанешь у меня на пути, я тебя убью.

— Ну, вот и познакомились, — пробормотал Леха, быстро уплывая в сладкий туман небытия.

Очнулся он уже у вечером себя в юрте. Рядом сидел его кровный брат, за спиной которого стояли Инисмей и Гнур. Увидев что морпех очнулся, Иллур сделал знак, и сотники покинули юрту.

— Выпей, Аллэксей, — Иллур протянул ему чашу с каким-то жирным отваром.

Леха выпил, закашлялся. Ему показалось, что это был просто раскаленный жир, но абсолютно не соленый. Впрочем, соли немного добавляла еще сочившаяся из разбитой губы кровь.

— Зачем ты привязался к ней, брат? — укоризненно, но на удивление спокойно заметил Иллур, поняв, что Леха уже достаточно пришел в себя, чтобы говорить, — я же тебя предупреждал.

Леха помолчал, с трудом размышляя. Ему казалось, что Иллур должен был его немедленно казнить за выходку во время столь важных переговоров. Но Иллур был не только царем, а еще и скифом по рождению, а значит и в нем бурлила горячая кровь степняков.

— Не поверил, что бабы могут драться лучше мужиков, — честно признался Леха, прикусив распухшую губу и застав от боли, — проверить захотел. Да и познакомиться тоже. Женщина больно красивая.

Иллур ухмыльнулся.

— Я тебе подарю сотню наложниц, если захочешь, — ответил на это скифский царь, — но к Исилее больше не подходи. Она тебе не ровня, да и убьет, если обещала. Исилея лично отправила на встречу с богами уже больше сорока врагов. Давно бы могла выйти замуж,¹¹ но не хочет.

— А что так? — удивился Леха.

— Ей больше нравится воевать, — пожал плечами Иллур, — как и многим сарматским женщинам.

Леха перестал стонать и повернулся на бок. Ребро тут же отозвалось. Удар сапога хозяйки Еректа он ощущал до сих пор. «Хорошо если не сломала мне ничего, чертова баба», — с грустью подумал морпех.

Такого позора он в своей жизни еще не испытывал. Мало того, что с бабами никогда не

¹¹ По преданию сарматская девушка могла выйти замуж не раньше, чем убьет хотя бы одного врага.

дрался, да еще и принародно проиграл этот первый бой. Леха не знал, как теперь показаться на глаза своим воинам. Уж лучше бы она его убила, и зачем этот Гатар только ее остановил. Засмеют ведь!

Но Иллур его быстро успокоил. Оказывается, никто над ним не будет насмехаться. Тот факт, что в бою с Исилеей он остался жив да еще едва не победил, только заставит солдат еще больше уважать его. Слава сарматской воительницы была немногим меньше славы самой Оритии. И не только все сарматы, но даже и скифы были наслышаны о смелой правительнице города Еректа и считали для себя за честь сразиться с ней. Во всяком случае, лучшие степные воины держали ее за равную себе. Узнав об этом, Леха немного расслабился. Получалось, можно жить дальше. Позор был не так уж и силен. А раны заживут.

— Держись от нее подальше, — снова повторил Иллур.

— Как же я к ней подойду, если больше ее никогда не увижу, — удивился Леха, потеряв заплывший глаз и попытавшись при этом слабо улыбнуться, — переговоры закончены. Мы ведь теперь подадимся обратно?

— Да, — подтвердил Иллур, вставая, — завтра выступаем. Я уже отдал приказ Арчою. Думаю, за ночь ты успеешь зализать раны.

А уже у самого выхода из юрты, Иллур обернулся и, немного помолчав, добавил:

— Ты должен знать. В большом походе на запад к моим войскам присоединится армия Оритии. Гатар согласился воевать вместе и отправляет ее с нами. Завтра утром они снова будут здесь. Так что запомни все, что я тебе рассказал.

Леха только тихо простонал в ответ.

Глава пятая **Монте-Санта-Кроче**

На утро после захвата переправы Федор посчитал потери и отправил гонца с сообщением в штаб Атарбала, находившийся в одном дне пути от места событий. Ночной штурм укрепленного моста обошелся ему дорого, почти в четыреста душ убитыми и ранеными, зато римляне полегли все. Их тут действительно оказалось больше тысячи. Но основная масса легионеров была уничтожена уже за мостом, на равнине, зажата превосходными силами финикийцев. Но кое-то успел сбежать, воспользовавшись темнотой. Да так бежал, что и нумидийцы не смогли догнать.

К счастью ни он сам, ни Урбал с Летисом не получили в этом бою серьезных ранений, хотя и находились в самой гуще схватки. Зачем Федора понесло драться, он на утро и сам объяснить не мог. Видно так надоело боевому офицеру в штабе прохлаждаться, что смотреть спокойно не смог, как гибнут его люди. Сработал рефлекс сержанта — всегда быть первым в бою. Впереди, как говорится, на лихом коне. Хотя запросто мог бы отсидеться за спинами своих солдат, тем более что положение обязывало контролировать всю ситуацию от начала и до конца. Как ни крути, не взводом командует. Но вот не сдержался, за что и ругал себя теперь нещадно. Хотя солдаты лишь восхищались своим бравым командиром.

Однако, захватить мост было еще полдела. На утро выяснились новые обстоятельства, заставившие Федора сняться с места, оставив у переправы под командой Урбала половину своей двадцатой, самой потрепанной хилиархии до подхода основных сил, — охранять мост и разбирать завалы, что настроили римляне. Остальным он не дал отдыха и приказал двигаться дальше, чтобы к вечеру следующего дня оказаться как можно ближе к видневшимся на горизонте горам, которые пленные легионеры называли Санта-Кроче. Там, на склонах этих гор, вставших на пути Федора и растянувшихся от недалекого уже западного побережья моря на восток, находился городок Теан.

От пленного легионера, которого он лично допрашивал утром, благо латынь знал хорошо, Федор Чайка узнал, что в этом городке, приютившемся на высоких склонах хребта Санта-Кроче, засел римский легион, отправленный сюда прямым из Остии Марцеллом,

едва узнавшем о разгроме в битве при Каннах сил Варрона и Павла.

— Сам Марцелл уже там? — спросил Федор, пристально вглядываясь в наполненные злобой глаза пленного легионера. Доспех на нем был разодран, лицо разбито, а шлем вообще потерян. Но римлянин смотрел бесстрашно, даже с вызовом.

— Нет, — все же ответил тот, помолчав немного, — когда мы прибыли в Казилин, претора с подкреплением еще не было.

— А когда ожидалось прибытие подкреплений? — наседал Федор, — и зачем вам эта горная крепость в стороне от дорог?

Он еще приблизился к римскому солдату, что полулежал прислоненный к каменной ограде моста со связанными за спиной руками, и наклонился над ним.

— Пошел вон карфагенская змея, — ответил тот еле слышно, но с нескрываемой ненавистью, и добавил уже громче — я солдат, а не консул.

— Что же, тогда умри как солдат, — решил Федор и сделал знак стоявшим за спиной бойцам.

Впрочем, зачем римлянам занимать крепость на склонах Санта-Кроче, Федор и сам догадывался. Сделано это было, скорее всего, для того, чтобы прикрыть Латинскую дорогу в случае, если Ганнибал двинется к Риму. Рассматривая карту еще в штабе Атарбала, Федор сразу увидел выгодное положение этого городка. Ведь заняв его и укрепившись на горе, Марцелл мог контролировать все пространство внизу, где у расположенного еще на равнине другого городка Калы сходились две главные дороги, ведущие на север, — Латинская и Аппиева. Первая вела сквозь горы в центр страны, а вторая сразу уходила в сторону моря, но была гораздо удобнее. Прикрывать ее отсюда тоже было гораздо легче. Даже если армия Карфагена сходу и захватила бы Калы, а затем двинулась по дороге к морю, обойдя горный Теан, то Марцеллу ничего не стоило бы перебросить подкрепление через низкий перевал между горами Санта-Кроче и Массико, на которой находилась еще одна латинская колония Суесса-Аурунка. Федор, создавший первое подразделение горных разведчиков в армии финикийцев, сам отлично знал, что защищать перевал или даже два гораздо легче, чем сходить в открытой битве на равнине с самим Ганнибалом. Знал это и Марцелл.

И Федор решил немедленно, пока в Теане не могли догадываться о том, что карфагеняне уже захватили столь важный мост в долине Вультурна, достичь Кал — последнего оплота римлян на равнинах северной Кампании. Конечно, план был рискованный. Кое-кто из беглых римлян мог добраться туда раньше. И в пути можно было столкнуться со спешащими к захваченному мосту подкреплениями Марцелла. Но Федор почему-то был уверен, что даже если воинственный сенатор и прибыл в Теан, то на равнину не спустится, а будет копить силы для защиты перевалов, ведь он прекрасно знает, с кем воюет, а значит шанс есть. В любом случае, его послали узнать, здесь ли Марцелл и чем занят. Именно это Федор и намеревался выяснить.

До последнего городка на этой равнине, судя по имевшейся у бывшего морпеха походной карте, путь был не близкий. Два дня с обычной скоростью по голым равнинам. Но опыт говорил, что если передвигаться форсированным маршем, можно было успеть и за сутки. Беглые римляне тоже были пешими, могли далеко и не уйти.

— Всем кроме охранения моста строиться, — приказал Федор, выходя из походного шатра, и послал Териса за командиром нумидийцев, так отличившихся во вчерашнем ночном бою.

А когда перед ним возник строй блестящих на солнце щитов, панцирей и мечей, растянувшийся вдоль дороги на несколько сотен метров, Федор вдруг снова ощутил себя полководцем. Большим начальником, хотя и слишком молодым для поста, который занимал. И он должен был сейчас не просто отдать приказ, а еще что-то сказать солдатам, вдохновить их на новые подвиги.

— Вы храбро бились сегодня ночью, солдаты! — рявкнул он так, что его наверняка слышали на другом берегу Вультурна, — Но враг еще не разбит. А наша задача не выполнена полностью. И потому мы немедленно выступаем по дороге в сторону гор.

Двигаемся форсированным маршем. Через сутки мы должны быть у подножия хребта. А еще лучше — хозяевами стоящего там города. Семнадцатая хилиархия отправляется первой, пятнадцатая замыкает колонну. Приготовиться к отражению возможной атаки противника. Враг рядом.

Бородатый воин Адгерон, командир свежей семнадцатой хилиархии, не принимавшей участия в ночном штурме, стоявший сейчас со своими солдатам метрах в пятидесяти от Федора, кивнул. Карталон тоже понял приказ, — его обрубленное ухо не мешало ему жить и слышать всё что нужно.

Семнадцатая хилиархия немедленно пришла в движение, и, повернувшись в сторону горы Санта-Кроче, перешла на легкий бег. Пока она покидала лагерь у моста, Федор через переводчика давал наставления командиру чернокожих нумидийцев, — поджарому низкорослому воину, одетому в одну лишь тунику.

— Ваша задача понятна, — дальняя разведка. Раздели своих людей на три отряда. Два пусть рыщут по обеим сторонам дороги, прикрывая фланги, а третий выдвигается далеко вперед, до самых предгорий. Осмотрите там все, если встретите римлян в бой не ввязывайтесь, а сразу ко мне с донесением. Все ясно?

Когда переводчик закончил свою тираду, нумидиец кивнул, как ни в чем не бывало, даже обнажил в улыбке белые зубы, а затем что-то пробормотал в ответ.

— Угурта спрашивает, что делать, если нагонят беглых римлян, — озвучил переводчик его бормотание, — привозить Чайке?

— Если настигните беглых римлян, всех уничтожить, — приказал Федор, — никто из них не должен добраться до гор раньше нас.

Нумидиец обнажил белые зубы еще раз, а потом лихо взобрался на коня и ускакал к своим воинам, поджидавшим его в отдалении. Приблизившись, Угурта в двух словах что-то быстро объяснил им, затем раздался зычный крик и три отряда растеклись по окрестным плоским холмам и равнине. Проводив Угурту взглядом, Федор тоже взобрался на коня и махнул рукой в сторону замершей в ожидании двадцатой хилиархии, сильно потрепанной во вчерашнем бою.

— Вперед!

Закинув щиты за спину, солдаты перешли на легкий бег, а Федор поехал неспешным шагом на лошади рядом со строем своих воинов. Вообще-то, командир пешей хилиархии по большей части должен был тоже передвигаться пешком, но для выполнения этого задания Атарбал лично разрешил Федору использовать коня, — подчиненных у него прибавилось, мог пешком везде и не поспеть. И Федор оценил по достоинству свои новые возможности, он действительно успевал везде. А уж римлян убил вдвое больше именно благодаря тому, что был верхом.

День прошел спокойно. Все время передвигаясь по дороге, авангард карфагенской армии не встретил на своем пути римлян ни конных, ни пеших. То же самое ему докладывали нумидийские дозорные, осматривавшие равнину на много километров по обеим сторонам дороги. К самым сумеркам, когда вернулся отряд разведчиков, оторвавшийся далеко вперед, Федор приказал встать лагерем на краю оврага, и разрешил, наконец, отдохнуть и плотно поесть своим солдатам. Частокола не строили, просто обставили со всех сторон повозками, на которых везли походный скарб: шатры, палатки, котлы, еду.

Прискакавший к его шатру Угурта лично доложил уже начавшему беспокоиться Федору, что нумидийцам удалось незаметно добраться до самых городских окраин. Вокруг города есть холмы и овраги, которые скрыли их передвижения. Там же в оврагах, они обнаружили человек тридцать беглых римлян почти у самых стен города и закололи всех, как и было приказано. Перед самым городом протекает река, через которую они перебрались вброд в километре правее охраняемого моста. Река быстрая, но не широкая.

— Сколько еще до города? — уточнил через переводчика Федор.

Нумидиец что-то сказал, оживленно размахивая руками. Переводчик тоже долго

волновался, делая непонятные жесты, но, в конце концов, они договорились.

— Пешим примерно полдня пути, — объявил он свое решение.

— А римляне там есть? — снова спросил Чайка.

— Есть, — ответил нумидиец, — но мало. Крепость небольшая. Стены ветхие. В город не входили, но жителей в нем нет, это точно. Все ушли. А на стенах крепости солдат тоже очень мало. Значит гарнизон небольшой, тысячи полторы легионеров.

— Это еще не факт, — заметил Чайка, неожиданно переходя на русский, чем очень удивил переводчика, — вы же в домах не смотрели, а они могли и спрятаться. С римлян станется.

Однако, заметив изумление в глазах переводчика, снова перешел на финикийский.

— Крепость где стоит? В центре города или на окраине?

— В центре, — подтвердил командир конных разведчиков.

— Ну, ладно, — закончил Федор, которому полученных данных хватило для принятия решения, — скажи Угурте, пусть отдыхает со своими людьми. Завтра выступаем еще до рассвета.

Отчитавшись перед начальством, улыбчивый нумидиец исчез в ночи. А Федор прошелся по лагерю, лично проверив посты, а потом вызвал командиров хилиархий к себе на совет.

— Отдыхаем только до рассвета, — сообщил он, когда все собрались в его шатре, — подъем затемно и также, форсированным маршем выдвигаемся в сторону города. До него полдня пути. Когда рассветет, мы должны быть уже на подходе. Повозки и весь обоз оставляем здесь, берем только лестницы и веревки с крюками.

Федор, помолчав немного, продолжил.

— Вокруг города уже начинаются предгорья. Много холмов и оврагов. Твои люди, Урбал выдвигаются вперед и проводят разведку в городе. Нумидийцы сообщили, что город пуст, местные жители ушли в горы, видимо под защиту легиона Марцелла, но я хочу в этом убедиться.

— Все сделаем, — наклонил голову финикиец, — можешь не сомневаться.

— Дальше, — он повернулся к Карталону, чье отрезанное в бою ухо в свете свечи придавало его иссеченному морщинами обветренному лицу зловещее выражение, — если город пуст, твоя хилиархия, Карталон, занимает его и наносит удар по крепости, что стоит в центре. Затем подходят остальные. Семнадцатая в резерве.

— Чайка, — не выдержал бородатый Адгерон, — разреши мне пойти на штурм первым. Мои солдаты просто рвутся в бой.

— Успеешь, — окоротил его Чайка, — утренний штурм — это только начало. Если гарнизон там невелик и все пройдет удачно, дальше попробуем пробраться в горы. А там стоит, как минимум, свежий легион. Навоюешься еще.

Адгерон умолк, смирив свое рвение. Хотя по лицу воина было видно, что он готов к любой драке, даже с превосходящими силами противника, лишь бы пустили в бой. Но у Федора были свои соображения насчет резерва, а потому, пришлось выполнять приказ.

* * *

Марш-бросок на рассвете прошел без проблем. Когда солнце начало поджаривать солдат в доспехах по-настоящему, авангард финикийцев был уже в предгорьях, спрятавшись в складках местности. Федор завел весь резерв и часть своей хилиархии в огромный овраг примерно в пяти километрах от видневшегося вдалеке города, а вперед выслал разведчиков Урбала и стал ждать. Нумидийцы, которые после битвы у моста не досчитались пятнадцати человек, также ожидали в овраге по соседству.

Вообще, как смог с ходу оценить обстановку Федор Чайка, подходы к Калам были просто созданы для нападения. Они перекрывали видимость оборонявшимся почти со всех сторон, и можно было незаметно подвести небольшую армию почти к самым стенам. Река,

отделявшая предгорья от равнины, была относительно быстрая, но не широкая и не могла служить серьезной преградой. Помимо моста, где был замечен небольшой пост римлян, здесь имелись многочисленные броды, три из которых нумидийцы умудрились разведать еще вчера. Видимо римляне знали об этом, и, скорее всего, — теперь Федор склонен был верить догадкам Угурты, — жители покинули город, оставив только гарнизон.

Зато гора Санта-Кроче казалась отсюда еще выше и неприступнее. Городок Теан, затерявшийся где-то на ее склонах отсюда было не различить. Позади карфагенян лежали равнины, а впереди вздымались неприступной стеной горы, перекрывая свободный путь вперед на Рим.

Урбал вернулся спустя пару часов, измазанный грязью и пылью. Он, как и Федор, несмотря на повышение, тоже предпочитал сам ходить в разведку при первой возможности, а не только посылать своих людей.

— Ну? — коротко поинтересовался Федор, стоявший на краю оврага, среди зарослей кустарника. Солнце пекло нещадно. Денек обещал быть жарким во всех отношениях.

— Угурта не ошибся, — ответил финикиец, переводя дух, — город пуст. Дома брошены. Везде следы бегства, имущество оставлено. Видно, римляне бежали отсюда, едва узнав о нашем появлении в Капуе.

— Ясно, — кивнул Федор, вытирая струившийся со лба пот, — что с крепостью?

— Слабовата. Стоит в центре города. Старая. Стены прочные, но низкие. Можно быстро подойти и забраться, — начал излагать Урбал свои соображения, — а можно и горных разведчиков вперед пустить. Захватить башню и часть стены. Потом пустить остальных.

— Гарнизон?

— На стенах народу много, — продолжал финикиец, — внутри тоже, баллисты на башнях. Думаю, около тысячи легионеров наберется.

«Сведения совпадают», — мысленно порадовался Федор.

— Что за городом происходит? — поинтересовался он, зная, что дотошный Урбал постарается собрать всю информацию. Опыт ему не позволит расслабиться.

— А вот это самое интересное. Там сходятся две мощные дороги, — сообщил Урбал, — и стоит лагерем еще человек примерно тысячи полторы легионеров, перекрывая развилку. Лагерь выстроен по всем правилам. Мимо не пройти, но вокруг города и по улицам можно подобраться близко. Кроме них, там есть и конница, но мало, человек сто.

«Так, — прикинул Федор, — если их тут тысяча и там полторы, плюс конница. У меня здесь всего получается почти столько же людей. Они — в крепостях с орудиями, я — в поле, без осадной артиллерии. В открытом бою можем напороться на серьезные неприятности. К ним может подойти подкрепление из Теана. Ко мне вечером тоже подойдет еще пятьсот человек из моей хилиархии. Шансы небольшие, но есть. Отлично, будем атаковать».

Поколебавшись немного, (все же такая разведка боем могла стоить ему всего отряда), Федор принял решение. Внезапность — половина победы. Он жестом подозвал Териса, обретавшегося неподалеку, и приказал ему привести сюда командиров обеих хилиархий, а когда Карталон и Адгерон явились, приступил к постановке задачи.

— Немедленно атакуем, — заявил Федор, и, повернувшись к Урбалу, приказал: — Охрану на мосту снять. Ждать там до подхода основных сил, потом вернуться сюда. Остальное — не твое дело.

Финикиец кивнул и исчез. А Чайка пристально взглянул в глаза обоим командирам, облаченным в кирасы, и затянутым ремнями портупей. У каждого на одном боку висел меч, а на другом — кинжал. На ногах имелись поножи и грубые кожаные ботинки.

— Город пуст, — сообщил он не теряя времени, — Римляне заперлись в крепости и укрепленном лагере за городом, прикрываящим развилку дорог. Обе ваши хилиархии переходят реку и, двигаясь в обход города с разных сторон, атакуют укрепленный лагерь. Вы должны захватить его во чтобы то ни стало и заблокировать город. Там есть конница, но мало, около сотни всадников. Так что сил у вас хватит. Крепость в городе беру на себя. К

вечеру все должно быть кончено. И главное, — перед атакой окружить лагерь. Ни одного гонца не должно прорваться сквозь оцепление. Теан и легион Марцелла недалеко. А может быть и он сам.

Оба опытных командира переглянулись, обхватив ладонями рукояти мечей, дело предстояло серьезное. А уж лицо Адгерона просто излучало радость, — его наконец-то допустили до драки.

— Я смешаю этот лагерь с камнями и пеплом, — пообещал он.

— Мы сожжем его, — подтвердил Карталон.

— Нет, надо обойтись без пожара, — немного охладил их пыл Чайка, — дым слишком далеко видно. А это нам сейчас совершенно не нужно. Отправляйтесь к войскам и можете выступать, как только Урбал сообщит о том, что захватил мост.

Карталон и Адгерон ушли, слегка поклонившись перед этим в знак подчинения командующему, которого поддерживает Атарбал и которому благоволит сам Ганнибал. Оба были значительно старше Федора Чайки и гораздо опытнее, но на войне Федор смог продвинуться быстрее, сделав себе головокружительную карьеру от простого солдата до командира хилярии всего за три года. А теперь вот командовал уже целым соединением. И его военный гений приходилось признавать всем, хотя и не всем это нравилось.

Урбал вернулся через пару часов и доложил, что мост захвачен.

— Никто из охранников не ушел? — уточнил Федор, поглядывая со своего наблюдательного пункта в сторону далекой реки.

— Обижаешь, — Урбал даже достал и продемонстрировал другу свою окровавленную фалькату, — все чисто. Римляне так разомлели на солнцепеке, что почти не оказали сопротивления. Да и было то их всего пятнадцать человек. Даже не успели запалить сигнальный костер рядом с мостом. Мы смогли подобраться по берегу достаточно близко, чтобы половину свалить кинжалами. Летис особенно постарался.

— Да, он может, — усмехнулся Федор, вспомнив особенную любовь крепыша из Утики к кинжалам. Благодаря этому увлечению они в свое время и познакомились. Федор, как бывший морпех российской армии, и сам неплохо владел этим оружием, но Летис метал их просто виртуозно. Федору было совершенно непонятно откуда у сына мирного владельца гончарной мастерской такая страсть к военному делу, но факт был налицо. Летис просто был создан для войны. Это был настоящий бог войны, которому в мирное время скучно было заниматься обыденными делами.

— Кстати, — добавил вдруг Урбал, — пока мы пробирались туда и обратно, в соседнем овраге нашли заколотых римлян. Убиты так, словно на них внезапно напали, может быть даже во сне. Человек тридцать.

— Молодец Угурта, — похвалил нумидийца Федор, — аккуратно сработано. Зря они собрались отдохнуть в двух шагах от города. Зато о нас до сих пор никто не знает.

Спустя еще час вернулся Терис, наблюдавший за передвижениями войск Карфагена у моста и сообщил:

— Хилярии Карталона и Адгерона прошли мост и уже приближаются к городу.

— Ну, — решил Федор, подтягивая ножны фалькаты, — и нам пора. Терис, давай моего коня.

Глава шестая

Дорога на Теан

Захват этого городка, прошел быстро и без проблем. Хотя Федору, уже видевшему Карфаген, Рим, Геную, Капую и другие здешние поселения, новый городок показался скорее большой деревней. Однако, он занимал стратегическое положение, имея со временем все шансы превратиться в крупный торговый центр. Но, как подумалось Чайке, въехавшему на коне в захваченный город, это будущее ему гарантировано уже в другой стране, поклоняющейся другим богам.

Между тем, до победы было еще далеко. Просто занять пустые дома — не большой подвиг. Следовало вырвать у змеи жало. Но едва они приблизились к центру городка, где располагалась небольшая цитадель, как с дальней окраины донесся невообразимый шум. Это хилиархии Адгерона и Карталона с ходу пошли на приступ. Звон оружия и крики доносились даже сюда.

— Окружить крепость, расставить дозоры и осмотреться, — приказал Федор, — но не высовываться.

Имея шестьсот с небольшим человек, штурмовать крепость, в которой засела тысяча легионеров с баллистами и стрелометами, было бы чистым безумием. Можно положить всех и не добиться результата. Тогда Атарбал ему сам голову оторвет. И все же Федор не собирался сидеть совсем без дела и рассматривал вариант быстрой атаки в надежде, что Баал-Хаммон надоумит его, как это сделать.

В ожидании знака богов, Чайка отправил своих разведчиков осмотреть крепость повнимательнее, а основной контингент, — шесть спейр, — выстроил друг за другом на главной и двух параллельных улицах между крепостью и дорогой, что вела к развилке за городом. Ведь легионеры могли попытаться прорваться на соединение со своими атакованными товарищами. Неизвестно еще, что за командир управляет гарнизоном крепости, — осторожный или вспыльчивый.

Ответ на этот вопрос он получил очень быстро. Не успел он облюбовать для своего походного штаба просторный дом какого-то торговца неподалеку от форума, как туда явились его разведчики, посланные Урбалом.

— Чайка, в крепости открыли ворота. Из нее выходят римские манипулы. Они направляются сюда, в сторону главной улицы.

— Лучников на крыши окрестных домов! — Приказал он, направляясь к строю солдат. — Двум спейрам, пятой и третьей, перекрыть соседние улицы. Остальным четверем растянуться в глубину по главной улице.

Адъютанты убежали выполнять приказание. А Чайка взобрался на коня и поднял свой круглый щит.

— Приготовиться к отражению атаки, — выкрикнул он так, что его услышали все командиры и солдаты. А когда африканцы закончили маневр, Федор подъехал и остановился во главе седьмой спейры, рядом с Урбалом. Эта спейра стояла третьей по счету от фронта, в глубине, прикрытая еще двумя спереди и одной с тыла. Карфагеняне запрудили всю главную улицу, преградив римлянам самый широкий путь из города. Но на сей раз, Федор решил выполнять свои обязанности командира соединения более четко. Еще неизвестно, как идет бой в лагере, — он должен быть все время на связи, — да и в том, что ему скоро выпадет возможность снова помахать фалькатой, он ни мгновения не сомневался. Дело повернулось круто.

Едва финикийцы приготовились, как раздалась тяжелая поступь подкованных башмаков о камни мостовой, и в конце улицы показались красные щиты римских легионеров. Раздалась короткая команда на латыни, — римляне остановились. Казалось, их центурион, здоровенный детина, шагавший впереди, не ожидал увидеть себя отрезанным о лагерь. Два отряда разделяло сейчас не больше сотни метров.

Перед Федором вдруг вновь пронеслись воспоминания, когда он вот так же шагал с красным щитом и коротким мечом в этих шеренгах, наводя ужас на врагов Рима, до тех пор, пока судьба не вывела его совсем на другую дорогу.

— Мы не будем ждать, — вдруг крикнул он, — солдаты, в атаку! За Карфаген!

Командиры спейр вскинули вверх мечи, повторили приказ, и африканцы, сжав покрепче оружие, рванулись навстречу римским солдатам. Легионеры отреагировали мгновенно.

И в том и в другом войске в первых шеренгах шли копейщики. Пилумы римлян и

саунионы¹² карфагенян взметнулись в воздух одновременно и обрушились ураганом на солдат противника. Возникла свалка. Пораженные в грудь и шею воины, выронив оружие, падали на камни мостовой, под ноги своим товарищам, а по их еще теплым телам уже топтались подкованные башмаки врагов.

Противники схватились в узком пространстве улицы, застроенной двухэтажными домами зажиточных горожан. Звон мечей и грохот сталкивающихся щитов заглушил все вокруг. В этот момент сверху на римлян полетели стрелы. Федор не зря приказал разместить лучников на крышах, и они делали свою работу хорошо. Римляне несли больше потерь, чем африканские пехотинцы, а лишенные баллист и «Скорпионов», оставшихся в крепости, ничего не смогли им противопоставить. Однако, разъяренные поражением в начале боя, легионеры поднажали и стали теснить первую спейру, скоро выдавив ее за перекресток улиц.

Часть римлян после этого, повинуясь приказу своего центуриона, бросилась на соседние улицы, пытаясь найти свободный проход и обойти финикийцев, стоявших у них на пути сплошной стеной. Но и там натолкнулась на заграждения из ошестинившихся клинками пехотинцев Карфагена. Звон мечей и крики огласили теперь и соседние улицы. Поле боя быстро расширялось.

Со своего места Федор уже не мог хорошо рассмотреть, как развивается битва, и, спрыгнув с коня, вошел в ближайший дом. Поднявшись на крышу вместе с Терисом и двумя адъютантами, он увидел все как на ладони.

Разъяренные римляне теснили его солдат по всем трем улицам, а одна манипула легионеров прорвалась и зашла в тыл левому флангу. Римляне использовали свое численное преимущество. Судя по их количеству, крепость, видимо, покинул весь гарнизон.

— Что-то быстро они решились на это, — пробормотал Федор, глядя, как легионеры атакуют по всему фронту, прорываясь и растекаясь по нескольким улицам небольшими отрядами, — странно. За стенами было бы легче отсидеться до подхода своих подкреплений. Либо их командир большой трус, либо они нас давно поджидали.

По лестнице застучали торопливые шаги, и на крышу поднялся посыльный.

— Чайка, — доложил посланник Адгерона, — лагерь взят. Мы преследуем отступающего противника.

— Как, — удивился Федор, — уже взят? Быстро вы обернулись. Молодцы. Сколько же там было римлян?

Солдат зажал раненое плечо, доспех уже намок от крови, и лишь потом ответил.

— Не меньше, чем нас. Но едва наши хилиархии пошли на штурм, как римляне покинули лагерь и стали отходить по дороге в сторону гор.

У Федора опять промелькнули смутные подозрения, что он присутствует зрителем на постановке какого-то римского представления. В этот момент снизу раздались крики ярости, и очередная шеренга римлян врубилась в строй карфагенян, оттеснив их почти к тому дому, на крыше которого находился их главнокомандующий. Следовало немедленно менять наблюдательный пункт.

— Кто преследует легионеров? — спросил он, бросив оценивающий взгляд вниз, а потом туда, где находился римский лагерь у развилки дорог, по одной из которых отступали, не теряя строя, солдаты врага.

— Наша хилиархия, — ответил солдат, — Карталон занял лагерь и ждет приказаний.

¹² Воины армии Ганнибала использовали в бою короткое деревянное копье для метания с металлическим наконечником, — пилум. Предположительно пилум, как и меч-гладий, был перенят римлянами и взят на вооружение после Второй Пунической Войны. Однако, нельзя утверждать с полной уверенностью точные сроки этого события. Поэтому в данном альтернативно-историческом повествовании римляне уже имеют пилум среди своего вооружения.

Цельнометаллический саунион, — тяжелый железный дротик с зазубренным острием, оружие, свойственное в этой войне только испанцам Ганнибала, — был серьезным оружием в умелых руках. От него не спасали даже щиты.

— Сообщи ему, чтобы немедленно выслал четыре спейры, а также нумидийцев мне навстречу, и блокировал прорывающихся римлян. Мы должны уничтожить весь этот отряд. А потом возвращайся к своим. Передай Адгерону, чтобы прекратил преследование и тоже вернулся в лагерь.

На лице солдата отразилось удивление, но он все же кивнул и сбежал вниз по лестнице, устремившись по одной из улиц, где еще не было римлян. Федор тоже решился сменить дислокацию, но когда он оказался внизу и вскочил на коня, римляне были уже буквально в двадцати метрах. Над головой морпеха просвистел камень из пращи, — его явно заметили. Схватившись за узду, Чайка едва успел пригнуться, как новый камень ударил в стену позади. Прикрывшись щитом, Федор отразил третий камень и, наконец, заметил прашника. Тот стоял рядом с центурионом, почему-то оказавшимся между двумя наступающими римскими манипулами, и выцеливал командира карфагенян.

— Ах, ты сволочь, — пробормотал Федор, нащупывая кинжал, но метнуть не успел. Далековато было. Их разделяли несколько шеренг дерущихся воинов.

Тут брошенный в него другим римским солдатом пилум, вонзился в шею лошади. Боевой конь командира хилиархии покачнулся, упал на колени, а затем завалился на бок, испустив предсмертный хрип. К счастью, расторопный Федор уже стоял на ногах с фалькатой в руке. Рядом был Терис и два адъютанта, прикрывавшие его щитами, по которым тотчас забарабанили камни.

На центральной улице оставалась только одна спейра, что еще не принимала участия в бою. Половина солдат в ее составе были лучники. Позади спейры улица была пуста. Там пока не было видно ни финикийцев, ни римлян. Федор колебался недолго. Он принял командование на себя и, вскинув фалькату, заорал.

— Лучники, пустить стрелы!

Тотчас натянулись луки и несколько десятков стрел, пущенных через голову сражавшихся на мечах солдат Карфагена, накрыли передние шеренги римлян.

— Еще раз! — заорал Федор.

Новая волна стрел поразила дюжину легионеров. Давление в центре ненадолго ослабло, но римлян было втрое больше. Долго тут не продержаться, это было ясно. Федор подумал про отступление, но в этот момент заметил, что со стороны лагеря по улице приближаются спейры Карталона, а рядом, обгоняя их скачут нумидийцы, растекаясь лавой по окрестным улицам.

«Ну тогда еще повоюем», — переменял он решение, и, выбравшись на свободное пространство, закричал.

— За мной солдаты, рубить римлян в куски!

И новая атака обрушилась на шеренги легионеров, уже почти прорвавшихся на свободу. Федор схватился с одним из вражеских солдат. Отбив его удар щитом, он быстрым и точным выпадом сначала поразил того в бедро. А когда римлянин согнулся, то нанес завершающий удар в открытую шею. Обливаясь кровью, солдат рухнул на камни. Федор прыгнул вперед, бросив короткий взгляд по сторонам. Рядом рубились его бойцы, уничтожая остатки той манипулы, что уже праздновала победу минуту назад. Еще мгновение и они были раздавлены. А Чайка оказался на свободном пространстве. До следующей манипулы римлян оставалось метров двадцать, а перед ней в боевой стойке со щитом и мечом стоял центурион.

Федор не раздумывая устремился к нему, и римлянин принял бой. Меч и фальката скрестились над головами, издав громкий звук, который тотчас потонул в воплях легионеров и карфагенян, тоже схватившихся насмерть, вокруг двух военачальников.

Центурион был не робкого десятка и свое дело знал. Он лихо уходил от ударов тяжелой фалькаты, и наносил свои, дважды сумев поразить Чайку в бок. К счастью, кираса у командира хилиархии была отменная. Лишь прогнулась от таких мощных ударов, но

выдержала. А вот круглый щит вскоре разлетелся в щепки. Более тяжелый skutum¹³ центуриона еще держался, хотя и дал трещину.

Лишившись щита, морпех пошел в атаку, так как защищаться было теперь еще труднее. Центурион же, напротив, использовал выгоду положения и, спрятавшись за skutum, попытался «подловить» Федора на ошибке, чтобы наказать за нее смертью. Вначале Федор Чайка яростно набросился на вражеский skutum, пытаясь развалить его несколькими мощными ударами, чтобы биться на равных, но не преуспел в этом. Щит выдержал все атаки. Зато сам Федор пропустил мощный удар в грудь, на сей раз пробивший металл кирасы, но остановившийся в миллиметре от тела. Спас толстый кожаный нагрудник, что носил командир двадцатой хилиархии под ней.

На секунду Федору показалось, что он ощутил холод смертоносного металла в своем сердце. А центурион решил, что достиг цели и, выдернув меч, даже опустил острие, глядя в глаза Чайки с улыбкой палача, словно желал стать последним видением умирающего.

Но «мертвец» тут же ожил и наказал его, со всей силы рубанув фалькатой по шее. Голова центуриона после такого удара отделилась от тела и скатилась на камни. А вслед за ней рухнуло и обезглавленное туловище, под которым тут же растеклась лужа крови.

«Сильный, но не смертельный удар, убивает того, кто его нанес», как-то отстраненно подумал Федор, проведя ладонью по кирасе, пробитой под сердцем, и бросив взгляд на мертвое тело противника. Но мощный вопль атакующих шеренг Карфагена заставил его снова вскинуть фалькату. Подошли вызванные для подкрепления спейры Карталона. А чернокожих нумидийцев Федор разглядел уже в тылу смешавших свои ряды римлян. Еще один натиск, и с гарнизоном крепости было покончено.

— Почему его здесь нет? — орал Чайка полчаса спустя, стоя на одной из башен захваченного римского лагеря и вглядываясь в то, что творилось на склонах горы, — я же приказал Адгерону прекратить преследование!

— Он ответил, что не может упустить противника, который обратил тыл и велел мне передать, что принесет голову их предводителя, — ответил бледный посыльный, на котором Федор выместил свой гнев.

— О боги, чтобы принести одну римскую голову он решил пожертвовать всеми финикийскими, что отданы ему под команду! — продолжал ругаться Федор, не отрывая взгляда от перевала на который уже почти взобрались солдаты Адгерона.

Посыльный молчал, не зная что ответить командиру. А Федор вдруг поймал себя на мысли, что Адгерон может добиться своего. Этот безбашенный вояка уже загнал римлян почти на перевал и это несмотря на превосходство последних в силе и в лучшей позиции. Последнее обстоятельство немного смущало Чайку. Но не бросать же на произвол судьбы собственное соединение. И он решительно отогнал сомнения прочь.

— Помоги нам Баал-Хаммон, — тихо процедил Федор сквозь зубы и, не веря в то, что делает это, приказал стоявшему рядом Карталону, — половине твоей хилиархии следует немедленно выступить и поддержать Адгерона. Остальные пусть остаются в лагере. Нам нужно захватить и удержать перевал. Я иду с вами. Терис...

Посыльный немедленно взобрался по лестнице, оказавшись рядом.

— Передай Урбалу, что он с остатками моей хилиархии остается в лагере и ждет здесь нашего возвращения и солдат, охраняющих мост через Вультурн, которые скоро должны подойти. Все, выполнять!

А еще через пару часов Федор был уже почти на вершине плоского хребта, где расходились в разные стороны две небольшие дороги, больше похожие на широкие горные тропы. Одна из них наверняка вела в городок Теан, приютившийся где-то там за отрогами на склонах горы Санта-Кроче, возвышавшейся сейчас над финикийцами своей громадой. А

¹³ Skutum — массивный прямоугольный щит с умбоном в центре и железной окантовкой по верхней нижней кромке. Размеры примерно 1,20 метра (высота) x 0,75 метра (ширина). Изготавливали из двух деревянных пластин, которые обтягивали телячьей кожей. Весил около 10 кг. В бою им не маневрировали, а прикрывались.

вторая вела на седловину, видневшуюся слева между ней и хребтом, уходившим к морю. Судя по всему, там прямо по курсу должна была находиться латинская колония Суесса-Аурунка. Именно туда и отходили легионеры, которых по-прежнему теснил неумный Адгерон.

Трупы римлян усеяли всю дорогу до перевала, но Федор был вынужден признать, что их было не слишком много. Римляне отступали быстро, но организованно. Их отход до сих пор не превратился в беспорядочное бегство. И сомнения Федора в правильности принятого решения крепили с каждой минутой.

Отличные мощеные тракты — Аппиева и Латинская дороги остались далеко внизу. Солдаты Карфагена были вынуждены скучиться и поднимались теперь по тропе всего лишь по четверо в ряд, растянувшись на несколько километров. А когда они были уже почти под перевалом, оставив развилку далеко позади, сверху донесся яростный шум. Подняв голову, Федор увидел, что римляне контратаковали солдат семнадцатой хилиархии, быстро отбросив их с захваченного уже перевала. Адгерон ответил тем же. Бой разгорелся нешуточный. Судя по всему, легионеры устроили там засаду и теперь не только не уступали числом атакующим, но и превосходили их.

— Вперед! — в ярости крикнул Федор, оборачиваясь к ближайшим бойцам, — живее наверх! Пока еще не все потеряно.

Но тут его взгляд скользнул по склону вниз, привлеченный каким-то блеском. Присмотревшись, Федор заметил кожаные панцири и шлемы римских легионеров. Несколько манипул быстро приближалось к развилке со стороны Теана. Не прошло и десяти минут, как они перекрыли путь к отступлению, выстроившись плотным фронтом по всему склону, как только позволяла его крутизна. И с каждой минутой римлян там все прибывало. Федор с изумлением увидел, что они подтащили и установили чуть выше развилки несколько переносных «Скорпионов», направив их на карфагенян.

— Твою мать, — глядя на все эти приготовления, Федор опять перешел на русский от избытка чувств и сознания собственной глупости, что позволил заманить себя в засаду.

Между тем, он разглядел командира римлян, поджидавших его внизу. Это был невысокий, крепко сбитый мужик, явно в годах. Он прохаживался перед «Скорпионами», покрикивая на своих солдат. Чайке походка римлянина была отчего-то очень знакома. И если военачальник снял бы сейчас свой шлем с гребнем из красных перьев, то Федор дал бы руку на отсечение, что сквозь его короткие седые волосы уже пробивается небольшая лысина.

— Ну, вот и встретились, сенатор, — пробормотал Федор, крепче сжимая рукоять фалькаты и ощутив при этом даже какое-то удовлетворение, — скоро поговорим по душам.

Глава седьмая Амазонки в строю

Голова прошла быстро, «кочан» у Лехи был крепкий, а вот глаз болел целую неделю. Распухшие губы тоже ныли долго, — хороший удар в лицо пропустил бравый морпех от хозяйки Еректа, ничего не скажешь.

«Хорошо, что левый заплыл», — почему-то радовался Леха, нахлобучив поглубже высокую скифскую шапку вместо боевого шлема, словно смотрел на мир только правым глазом. Но и этим глазом Леха уже опасался лишний раз взглянуть в ту сторону, где параллельным со скифами курсом двигалась армия амазонок под командой царицы Оритии.

Почти десять тысяч баб, затянутых в доспехи и при полном вооружении смотрелись грозно. На их фоне свита Иллуря из трех тысяч бородатых скифов просто терялась. Нет, издали еще можно было принять их за обычных кочевников мужского пола, но когда амазонки приближались с развевающимися по ветру волосами, да еще солнце делало выпуклыми все скрытые прелести, Лехин подбитый глаз начинал дергаться в судорогах. И ведь не подойти — враз отрежут самое дорогое. Морпех в этом уже убедился. Однако, то и дело косил здоровым глазом в сторону царицы Оритии, ехавшей впереди своего войска.

Позади нее, поотстав на корпус лошади, передвигались ближайшие подружки-воительницы, и среди них та голубоглазая стерва, что научила Леху уважать слабый пол. Ехала себе как ни в чем не бывало. А кровный брат скифского царя, хоть и не был предан всенародному позору, но все равно мучился. Его мужская гордость была задета.

«Как же изменились бабы всего за пару тысяч лет, — кипятился морпех, сидя в седле и поглядывая на колыхавшиеся шеренги воительниц, в доспехах которых отражалось солнце, — этих попробуй, заставь за пивом сгонять. Без зубов останешься. Сразу трезвенником станешь. И как только местные мужики их терпят, да еще собой руководить дают? Вот, блин, проблема. Нет, это хорошо, что меня к скифам занесло, а не к этим».

Чтобы как-то успокоить свое обиженное сердце, Леха даже попытался представить их страшными и кривыми уродинами. Но, словно назло ему, все амазонки были как на подбор: высокие, крепкие, красивые.

Нет, такого ум морпеха еще «недавно» тянувшего срочную службу в двадцатом веке с его культурными законами, не мог быстро принять. Тем более, такой прямой ум, как у Лехи Ларина, который больше привык дремать, разрешая управлять жизнью кулакам, желудку и еще кой чему. В двадцатом веке все было ясно и понятно: бабы-дуры. А если и находилась среди них та, что была с этим не согласна, то общественное мужское мнение было явно не на ее стороне. Теперь же привычный мир встал с ног на голову и Леха нуждался в том, чтобы ему кто-нибудь все это разъяснил. Разложил по полочкам. Вот был бы рядом начитанный сержант, он бы объяснил. Но Федор Чайка сгинул в дальних краях, уплыв за моря, а Иллур ему все что смог, уже объяснил: «Мол, не подходи, хуже будет». И Леха остался один на один со своими противоречиями.

Так они проехали положенное количество дней, прибыв к Ольвии. Иллур отправил вперед гонцов предупредить, что скоро прибудет. И не один. Едва оказавшись в знакомых землях, Леха отпросился у царя на несколько дней съездить в стойбище, проверить, как там идут дела. На самом деле хотел немного забыться в привычной обстановке, переварить последние новости. Как ни крути, а кровному брату царя в походе придется постоянно встречать кого-то из этой десятитысячной армии амазонок. Не Оритию, так Исилею, а не ее, так их вон еще сколько. Надо было подумать, как с этим жить. Поостыть, поутешиться. А лучше беременной наложницы это никто не мог пока сделать.

— Что случилось? — охнула Зарана, увидев любимого хозяина с подбитым глазом, и схватилась за живот от расстройства.

Глядя на нее, Леха уже жалел, что приехал. Только разволновал девушку, а она ведь в положении, да и срок уже подходит. Тем более ему было стыдно признаться себе, что за последнюю неделю он ни разу о Заране не вспомнил. Глубоко же зацепила его эта голубоглазая амазонка, хозяйка Еректа, чтоб ей пусто было.

— Да так, — отмахнулся Леха, заползая в юрту, — повстречал тут... одного. Крепкий воин оказался. Еле победил.

— Какой ты у меня сильный, — приласкала его Зарана, сразу поверив в историю, — сейчас я тебе рану смажу целебным отваром, и все пройдет.

Два дня он предавался любовным утехам с наложницей, которая была на седьмом небе от счастья, пил хмельной отвар, смазывал раны целебным, и расслабился, наконец. Физиономия зажила, мысли просветлели. Но пора было и возвращаться. Иллур велел к военному совету непременно быть. Обмолвился, что приготовил для него специальное задание, но в чем суть не сказал. И теперь, обряжаясь с помощью Зараны в походную амуницию, Леха терялся в догадках, куда же его пошлют.

— Сына мне роди, — на всякий случай повторил Леха свой уже не однократно произнесенный наказ, — с войны вернусь — придумаем как назвать.

Поцеловав Зарану, Лёха ускакал в сторону Ольвии в сопровождении Инисмея и сотни скифских воинов. Остальные бойцы его личной армии дожидались в лагере у захваченной греческой крепости.

Военный совет объединенной армии скифов и сарматов проходил в огромной юрте

Иллур на холме неподалеку от Ольвии. Увидев у входа знакомых коней амазонок, все пять были здесь, Леха тихо вздохнул, почесал свой едва заживший глаз и, откинув полог, шагнул внутрь. На полу, вокруг раскрытой карты, нарисованной на выделанном куске кожи, кроме самого царя скифов сидел Арчой, новоиспеченный адмирал Ичей, отличившийся при взятии Ольвии, и пять амазонок во главе с царицей Оритией. Все при оружии, но без шлемов. Мудрого Фарзоя Ларин опять не заметил, видимо, старик уже все обсудил с царем наедине.

— Здравствуй Аллэксей, — поприветствовал его Иллур, и добавил, указав на место рядом с собой, — Садись, говорить о войне будем.

Леха слегка поклонился и, скользнув по лицам амазонок, сел рядом с царем. Затянутые в панцири воительницы с удивлением воззрились на вошедшего воина.

— Это мой кровный брат и отличный воин, Аллэксей, — представил его Иллур амазонкам, а Леха не мог не заметить как, усмехнулась Исиля, — он прибыл к нам с севера, ведаёт конной разведкой и много знает о войне на море. Аллэксей будет присутствовать на совете.

— Так ты не скиф? — удивилась Орития, обращаясь прямо к Ларину, — Откуда ты родом?

Леха покосился на Иллур, не зная, что ответить. Снова обсуждать давно закрытый вопрос своего происхождения он не хотел. Но пришлось, поскольку «прибыл с севера», вдруг заинтересовало Оритию, так как означало, что Ларин, чтобы оказаться в Скифии должен был сначала миновать степную Сарматия. А это было довольно опасно для незнакомцев.

— Нет, — повел головой Леха, — русский я, русич, короче. Мой народ живет на далеком севере, откуда я прибыл на корабле.

Амазонки переглянулись.

— Русич? — удивилась Орития, — моя степная земля граничит с бескрайними лесами, там живет много племен, но я не знаю такого народа.

— Не мудрено, — осмелел Леха и решил пойти в наезд, приврав немного насчет родословной, — я не в степи родился. На моей земле много лесов и гор. Она граничит с холодным морем. Это так далеко, что даже ваши всадники туда никогда не заезжали, уверен.

— Говорят, там живут дикие и свирепые народы, — заявила вдруг хозяйка Еректа.

— Живут, — не стал отрицать Леха и добавил, ничуть не кривя душой, — Но, до вас им далеко.

Ответ, как ни странно, понравился амазонкам. Даже высокомерная Орития усмехнулась наглости этого бойца с далекого севера.

Леха в напряжении ждал новых расспросов, вспоминая разговор с Фарзоем на ту же тему, но амазонки, о чем-то обмолвившись вполголоса, неожиданно быстро сделали вывод насчет Лехиной национальности, причислив его к какому-то известному только им племени северных дикарей.

— Как ты попал сюда? — спросила напоследок одна из воительниц, такая же русоволосая, как и все, но с округлым лицом, — По реке?

— Это не важно, Тарнара, — оборвала ее Орития, — пора говорить о новой войне.

Морпеха такой поворот устраивал, но он все же ответил.

— Морем, — произнес Леха с достоинством, — я моряк и приплыл на большом военном корабле.

Но это заявление не произвело на амазонок должного впечатления: то ли кораблей они не видели в своих степях, то ли моряков не любили. В любом случае разговор быстро перетек на другую тему и Леха смог вздохнуть с облегчением.

— Наши армии готовы, — наконец произнес Иллур, начиная совет, — мы можем выступить хоть завтра.

— Я жду еще пять тысяч воинов, — заявила вдруг Орития, тряхнув гривой своих густых волос, — их мне обещал прислать Гатар. Поэтому с выступлением придется обождать несколько дней.

— Нет, — отрезал Иллур, немного напрягшись, — выступать мы будем немедленно. Но, ты сможешь подождать своих воинов и двинуться вслед за нами.

— Куда? — уточнила царица.

Иллур указал на карту, где на Лехин взгляд довольно коряво был изображен Крым, черноморское побережье в районе Ольвии и дальше на юг, вплоть до Греции, а также земли, примыкавшие к побережью до каких-то гор. «Кажется, там должны быть Карпаты» — подумал морпех, напрягая свою память. В некотором отдалении от Ольвии, на берегу залива, куда впадала большая река, Леха разглядел черную точку, — еще один греческий город, под которым было написано «Тира».

— Наш главный удар мы нанесем вот здесь, — объявил Иллур, ткнув пальцем в черную точку на карте, — первой целью нашего великого похода на запад станет греческая колония на берегу Тираса.¹⁴ Но у нас достаточно сил, а потому мы должны ошеломить врагов. И удар будет не один.

Царь скифов замолчал, словно хотел потомить публику перед объявлением главного секрета. Амазонки молчали, спокойно ожидая пока царь скифов выговорится. Орития выглядела так, словно собиралась все сделать по-своему, хотя и должна была по условиям договора в этом походе во всем подчиняться Иллору. Амазонки были здесь на положении наемников, которым заплачено золотом за службу. «Но, кто их знает, — подумал Леха, осторожно поглядывая на лица прекрасных воительниц, — что они там задумали со своим Гатаром. Политика — дело темное».

— Мы разделим армию на три части, — произнес наконец Иллур, оглядев собравшихся, — и ударим по трем направлениям сразу.

Орития и ее верные помощницы не прерывали царя скифов. Ичей, Арчой и Леха Ларин также внимали, не задавая пока вопросов.

— Первая часть армии под моим командованием двинется на греческую Тиру вдоль побережья, — сказал Иллур и, обернувшись к Ичею, добавил, — мы обложим ее со всех сторон, а с моря нас поддержит флот. Но, об этом после.

Он сделал еще паузу и продолжил.

— Второй удар мы нанесем севернее, в среднем течении реки, — палец вождя скифов продвинулся вверх по карте, — настала пора встряхнуть народ бастарнов.¹⁵ Этот удар нанесет Арчой со своей конницей.

Бородатый скиф нагнулся вперед, слегка поклонившись.

— А ты, Орития ему поможешь, — добавил Иллур, посмотрев в упор на амазонку, — дашь ему половину своих людей в помощь. Ведь бастарны граничат с твоими владениями, и я слышал, ты не очень то с ними ладишь.

— Это так, — кивнула Орития, посмотрев на одну из своих помощниц, — с Арчой пойдет армия Исилии, хозяйки Еректа. У нее почти четыре тысячи воительниц. Это ее земли граничат с бастарнами, и она очень не довольна своими соседями.

¹⁴ Очевидно, что скифы (сколоты) называли реку и город по-своему, однако в тексте мы оставим известное греческое название. Тирас — древнегреческое название реки Днестр, а также колонии в его устье. Город Тира, — Тирас (Τύρας), — был основан в 6 в. до н. э. на западном берегу лимана реки Тирас переселенцами из Милета. Этот греческий полис быстро достиг значительного благосостояния за счет торговли с населением Приднестровья и развитию многих промыслов, особенно рыболовства. Около 360 года до н. э. здесь началась чеканка собственной монеты. Тира также вела торговлю со многими другими греческими колониями Причерноморья: Ольвией, Томами, Истрией, Одессом и Гераклеей.

¹⁵ Бастарны, — впервые упоминающееся в греческих источниках в конце III в. до н. э., когда они появляются на Правобережной Украине, где основывают множество укрепленных поселений. Практически в то же время бастарны селятся на территории Молдовы. Здесь бастарны испытали на себе влияние со стороны соседних кельтских племен и гетов-фракийцев.

Не установлено были ли бастарны германским племенем или кельтским. В последующих хрониках бастарны упоминаются, как союзники Филиппа V Македонского в его борьбе с римлянами и фракийскими племенами.

— Я давно хотела с ними поквитаться, — заявила Исилия, положив ладонь на рукоять меча и прищутив глаза, — они заметно осмелели за последнее время. В прошлом году эти ублюдки даже напали на Ерект. Я прогнала их со своей земли, но они успели сжечь несколько деревень вместе с жителями, прежде чем убрались к себе за укрепления.

— У бастарнов много крепостей, — кивнул Иллур, нехотя соглашаясь с Исилеей, — и пусть они не такие мощные, как у греков, но зато соединены между собой цепью вдоль реки, что мешает нашему быстрому продвижению на запад. Их надо сжечь, а бастарнов подмять под себя или уничтожить. В наших новых владениях останутся жить только покорные бастарны, которые будут нашими рабами.

— Я сделаю это с удовольствием, — кивнула Исилия, снова с силой сжав рукоять.

А Леха, глядя на это, заранее пожалел неизвестных ему бастарнов. Уж эта девушка слов на ветер не бросает.

— И все же вам нужно будет много сил, — продолжал развивать идею Иллур, — у бастарнов неплохая конница. Поэтому вы отправитесь в поход с корпусом Арчоя. А двадцати пяти тысяч всадников хватит, чтобы сбить спесь даже с бастарнов.

Леха снова взглянул на карту и, проследив за пальцем Иллора, подумал, что укрепайон этих бастарнов находился севернее побережья, в некогда современной морпеху Молдавии, по которой, похоже, сейчас проходила граница зоны влияния сарматов. Но граница эта, если верить хозяйке Еректы, была довольно условной. И те и другие соседи ее регулярно нарушали, беспокоя друг друга набегами.

— Третий удар, точнее разведывательный рейд, — снова заговорил Иллур, у которого, похоже, еще не закончились идеи, — нанесет наш самый малочисленный отряд, в котором будет не больше пяти тысяч всадников. Это будут те, кого ты ждешь, Орития.

— Что они должны сделать? — наклонила голову царица сарматов.

— Пройти вдоль Тираса до его самых истоков, следуя сначала за Арчоем и стараясь не ввязываться в бои с бастарнами. Обогнуть их укрепленные городища, затем обойти горы, пронестись огненным смерчем по предгорьям и оттуда повернуть еще дальше на юг, сея везде панику и разрушения. Я хочу знать, насколько сильно сопротивление местных племен, на случай если мы решим ударить в обход горных хребтов. К этому времени будет ясно, как быстро мы продвинулись в направлении греческих полисов, и отряд получит новый приказ, — либо зайти в тыл бастарнам, либо вернуться к Тире.

— Хорошо, — кивнула Орития, — я сама возглавлю этот отряд. Но он будет больше. Я присоединю к нему еще шесть тысяч своих всадниц.

— Это будет уже целая армия, — покачал головой Иллур, нахмурившись, словно ему не нравилось решение Оритии, — ее легче заметить.

— Зато с ней легче сеять панику и разрушения, — отмахнулась Орития, повторив слова самого скифского царя, — ведь мы должны будем пройти по землям бастарнов, а затем кельтов. Ни те, ни другие нас особенно не ждут, и будут яростно сопротивляться. Небольшой отряд не сможет пробиться далеко. Поэтому мне понадобится как можно больше людей. И чем дальше я пройду, тем лучше. Ведь, чем сильнее наши удары потрясут границы Скифии и Сарматии, тем легче нам будет продвигаться дальше.

Иллур надолго замолчал, словно взвешивая слова Оритии, а в юрте повисла напряженная тишина.

— Хорошо, — сказал он, наконец, но по его лицу было видно, что это решение далось ему не просто, — отправляйся туда, как только прибудут твои люди.

Орития расправила плечи, улыбнувшись, словно одержала победу. А затем встала, положив руки на пояс.

— Думаю, мы узнали все, что следует, — произнесла царица сарматов, — и можем идти готовить свои войска к походу.

Леха с удивлением посмотрел на Оритию, а потом перевел взгляд на Иллора. Тот еле заметно скрипнул зубами, но простил ей такую наглость. По всему было видно, что присутствие амазонок, которые вели себя с ним на равных, давалось ему нелегко.

— Да, — кивнул он, — можешь идти. И не забудь присылать мне гонца каждый день.

Орития медленно вышла из юрты, придерживая свой меч. Вслед за ней покинули место совета и все ее длинноволосые подружки-воительницы. Леха не смог удержаться, чтобы не взглянуть на хозяйку Еректа. Но та гордо прошествовала мимо, не удостоив его даже ледяным взглядом. «Однако, — пронеслось в голове у морпеха, — если я правильно понял, она будет воевать вместе с моим корпусом. Даже не знаю, что и подумать теперь. Неужели это то самое задание, что хотел сообщить мне кровный брат».

Когда все гордые воительницы покинули юрту, Леха испытал заметное облегчение.

— Теперь о флоте, — Иллур обернулся к Ичею, продолжая совет, как ни в чем не бывало, — здесь, в Ольвии, останутся две квинкеремы и пять триер. Их хватит для защиты города. Хотя уверен, как только мы начнем осаду Тиры с моря, если и не все имеющиеся корабли, то триеры уж точно можно будет отправить к осадному флоту. Сколько у тебя готово кораблей?

— Не считая остающихся в Ольвии, пять квинкеерм и шестнадцать триер, — отпартовал Ичей. А еще целая флотилия бирем.

— Откуда столько взялось? — вставил слово морпех, у которого снова появился дар речи, — было же меньше.

— При штурме Ольвии суда греков не все сгорели, кое-что удалось захватить, — напомнил, ухмыльнувшись, Ичей, — вот теперь они нам послужат. Да еще Гиლისподис сдал недавно одну квинкерему, — отличный корабль получился. Я его сам испытывал на днях. А Калпакидис поставил на него новые баллисты.

— Да, помню, — подтвердил Леха, — я видел этот корабль перед отъездом к сарматам.

— Гиლისподис еще один обещает сдать скоро. Так что у нас мощный флот получается. Никакие греки не страшны.

— Только выучка моряков страдает, — из зависти покритиковал Леха, которого по старой памяти тянуло во флот. Однако, из-за прихоти кровного брата он был вынужден разрываться между конницей и кораблями, постоянно меняя их друг на друга, а иногда желая иметь двойника, чтобы успевать везде.

Разговаривая о кораблях, морпех вдруг вспомнил о том, что пленный греческий инженер Гиლისподис уже смирился с захватом родной Ольвии скифами и проживал теперь в ней же, но уже при новой власти. Иллур подарил ему кроме большого дома еще и часть пристани под мастерские. Гиლისподис теперь налаживал там ремонт старых и строительство новых кораблей, поскольку собственные верфи Ольвии при штурме сгорели. Леха как-то видел его пару раз и удивился: пленный инженер был весел и вполне доволен жизнью. От былой депрессии не осталось и следа. То ли он задумал усыпить бдительность скифов, чтобы сбежать в ближайшую греческую колонию, то ли, в самом деле, смирился с судьбой. Как ни крути, его родной город находился теперь под властью скифов, а новое командование относилось к нему хорошо и очень ценило.

«Да и бежать скоро будет некуда, — подумал тогда Леха, — если мы так быстро будем продвигаться по берегу моря, то все греческие колонии скоро станут нашими. Разве что в саму Грецию, да и то, как говорится, дайте срок».

Больше всего на свете инженер любил работать, а Иллур нагрузил его работой так, что Гиლისподису было просто некогда задумываться о жизни. Во всяком случае, он больше не производил впечатления несчастного человека. Скорее наоборот, ведь ему дали средства на строительство самого большого и мощного корабля — эннеры, который он обещал завершить к моменту начала осады очередной греческой колонии. И Гиლისподис с головой ушел в работу. Скоро над недавно выстроенным пирсом стал расти остов гигантского корабля, поражавшего воображение своими размерами и мощностью бортовой артиллерии.

Однако, вождь скифов как-то признался Лехе, что присматривает постоянно за греком, и морпех успокоился. Свобода свободой, а остаться без лучшего инженера-кораблестроителя в тот момент, когда кораблей требовалось все больше и больше, скифы просто не могли. Поймав себя на этой мысли, Ларин вдруг понял, что стал иногда размышлять не как простой

морпех, а как настоящий политик. «Тыфу ты, — мысленно сплюнул он, — с кем поведешься. Не зря же я постоянно с Иллуром, да Фарзоем общался, а теперь вон еще и сарматского царя узрел с царицами... Привычка, блин, вторая натура. Видел бы меня Федор, вот удивился бы».

— Спустя два дня после того, как я выступлю в поход, — продолжал Иллур наставляя своего адмирала, — твой флот должен выйти в море, приблизиться к Тире и полностью блокировать бухту. Никого из нее не выпускать, кто бы там ни оказался. Попытки прорыва пресекать. Топить всех: и военные корабли, и купцов.

Ичей с пониманием кивнул.

— Оборона у греков сильная, но не сильнее Ольвии, — сообщил Иллур, — мне доносят, что там сейчас стоят четыре квинкеремы и всего шесть триер. А помощи грекам ждать неоткуда. Разве что томы помогут. Да только пока они доплывут, мы уже возьмем город. Так что смело можешь вступать в бой с флотом.

Иллур усмехнулся. По всему было видно, что масштаб задуманного наступления по всем фронтам его вдохновлял.

— Мы должны прибыть раньше тебя и обложить город со всех сторон, — добавил он, — но, если вдруг задержимся в пути, то сил у тебя будет достаточно. Захвати часть побережья и построй лагерь. Держи город в страхе. А когда мы подойдем, им останется только признать мою власть.

— Да, десант — это сила, — поддержал Леха, которому уже не терпелось принять участие в осаде, — Иллур, разреши, я тоже отправлюсь с Ичеем. Как-никак, опыт в таких делах есть.

— Нет, Аллэксей, — отрезал Иллур и обернулся к начальнику двадцатитысячного корпуса, к которому был приписан Леха, — Ты, Арчой, слышал наш разговор с Оритией. Завтра же выступишь в земли бастарнов, взяв с собой воительниц Исилеи. Она хорошо знает те земли и проведет тебя короткой дорогой. Преврати крепости бастарнов и дома их в пыль.

Низкорослый и широкий в плечах Арчой хлопнул себя по коленям так, что затряслась его борода.

— Я все исполню, повелитель. Бастарны будут приведены к покорности.

— Что же, — подвел итог царь Скифии, — тогда вы можете идти. Совет закончен.

— А как же я, — напомнил удивленный Леха, — ты вроде бы обещал мне какое-то задание?

— У тебя будет другой путь. Останься, я расскажу.

Леха с радостью остался, предвкушая секретное задание, но, когда все скифы покинули походную юрту царя, Иллур сказал.

— Еще вчера я собирался тайно отправить тебя в далекие земли на корабле, чтобы передать важное послание, но сегодня передумал.

— Почему? — удивился Леха, хотя и догадывался.

— Время еще не пришло, — туманно пояснил Иллур, посмотрев на своего кровного брата, — Тебя могут перехватить по пути и казнить или заставить выдать тайну под пытками.

— Да ладно, — отмахнулся Леха, — где наша не пропадала.

— Нет, Аллэксей, — настоял на своем Иллур, — завтра ты отправишься вместе с Арчоем и будешь исполнять его приказы. Ты отличный разведчик. Сейчас ты нужен мне там.

И, предвосхищая вопрос морпеха, добавил:

— Только к Исилее не подходи.

Леха невольно кивнул.

— Да уж, — пробормотал он, — с этими бабами надо быть поосторожнее да пожестче. Не понимаю, почему ты этой Оритии все разрешил. Больно уж она себя свободно ведет, не поймешь, кто здесь главный.

Его стрела попала в цель. Иллур вскипел, но быстро взял себя в руки, поцедив сквозь зубы:

— Орития смела и мудра, она сразу поняла, что ее посылают на смерть. Потому и взяла

с собой столько людей. Ее враги, бастарны, храбры, имеют много конницы, а те земли, что населены кельтами, пройти труднее всего. Орития может и не вернуться. Во всяком случае, там погибнет много сарматов, а не моих людей. Это мне тоже на руку.

— Вот оно что, — пробормотал Леха, — ну да, на войне все бывает.

— Зато, если она покорит эти земли, — закончил Иллур, снизойдя до объяснения недогадливому брату, — то они отойдут к сарматам. Так мы договорились с Гатаром.

— И ты отдашь им эти земли? — удивился морпех, но, заметив искорку в глазах царя, добавил, — впрочем, это не мое дело.

— Все побережье будет нашим, — нехотя добавил Иллур, — А когда вы разберетесь с крепостями бастарнов и вернетесь к Тире, где, скорее всего, будет стоять мое войско, я расскажу тебе о задании. Оно никуда не уйдет.

— Это хорошо, — решил Леха.

Выходя из юрты, морпех подумал о том, что был бы очень рад уплыть сейчас с флотом Ичея и быть подальше от Исилии, ведь на предстоящей войне судьба все равно рано или поздно сведет их. И морпех боялся потерять контроль над собой, хотя и поклялся Иллору избегать частых встреч с хозяйкой Еректа. Ведь она должна была, по словам царя, прежде всего выполнить возложенную на нее задачу — помочь разбить бастарнов.

«Да пусть воюет, воительница хренова, — подумал Леха, потирая ушибленный глаз, который все еще напоминал о себе, — раз этой бабе дома не сидится, мне-то что».

Но в душе он уже знал, что вряд ли сдержит данное Иллору обещание.

Глава восьмая **Вверх по течению**

Пришло утро, но ни сорокатысячная армия скифов, ни корпус Арчоя не сдвинулись с места до тех пор, пока к Оритии не прибыл отряд сарматов. Иллур приказал ждать, — видимо, напряженность в отношениях с сарматами, оставалась. И он решил лично проконтролировать, сколько их еще прибудет в пределы его новых владений.

К удивлению Лехи прибывшие оказались мужиками. Пять тысяч мужчин, подчинявшихся знаменитой воительнице. Впрочем, последнее обстоятельство, уже не так шокировало морпеха. Постепенно он начал привыкать к местным нравам.

«Это что, — успокаивал себя Леха, поглядывая, как командир прибывших сарматов, здоровенный воин свирепого вида, что-то рапортует Оритии, — я ведь еще на востоке не бывал. Там, наверное, жизнь удивительная. Ну ничего, вот дойдем с Иллуром до Греции, а там посмотрим, куда дальше коней направить. Чует мое сердце, он ведь там не остановится».

Проведя еще ночь в пределах Ольвии, на рассвете следующего дня огромный лагерь забурился, и все армии снялись со своих мест, направившись в разные стороны. Воинство Оритии, еще не расставшееся с амазонками Исилии, двигались вместе за солдатами Арчоя, среди которых находился и Леха со своими скифами-разведчиками. А ударный корпус Иллора оставался возле Ольвии до тех пор, пока два первых отряда не покинули ее земли полностью. Стало ясно, что царь скифов решил оставить Ольвию последним. Обернувшись в сторону города на одном из холмов, Леха бросил взгляд на море и заметил, что флот все еще в бухте, как и хотел его кровный брат.

Покачиваясь в седле, Ларин припомнил, что на фоне масштабных приготовлений у захваченного греческого города, как-то незаметно прошла отправка еще одной ударной армии в Боспорское царство. Эти силы отправились вдоль степного берега, а в самом Крыму планировалась десантная операция с использованием кораблей захваченных у Херсонеса. Иллур начал войну на два фронта. Даже на три, не считая разведки боем. «Похоже, грекам мало не покажется ни там, ни здесь», — решил Леха.

Весь следующий день они двигались свободно, все это были еще земли Ольвии. Степи плавно переходили в холмы, поросшие редким лесом. К вечеру их догнал отряд всадников во главе с Исилеей. Вслед за предводительницей прискакало человек двадцать мужчин-

сарматов.

— Завтра в полдень мы будем у границы, — сообщила Исилия, обратившись к Арчою и скользнув безразличным взглядом по лицу Ларина, — на восток будет моя земля, а на запад начнутся земли бастарнов. Их ближайшая крепость находится почти на самой границе.

— Хорошо, — кивнул Арчой, махнув рукой в сторону обширной поляны между трех холмов, тогда заночуем сегодня здесь, а завтра двинемся дальше.

Не сказав больше ни слова, Исилия развернулась и ускакала назад. Следом за ней поскакали всадники-мужчины в каких-то светлых доспехах. Рассматривая удалявшийся отряд, Ларин подумал, что их панцири были сделаны не из железа, а скорее, если верить глазам, из костных пластинок.

— Странные доспехи, — поделился Леха сомнениями с мудрым Арчоем.

— Костобоки,¹⁶ — подтвердил его наблюдения командир корпуса.

— Кто? — не понял Леха.

— У сарматов многие племена еще используют такой доспех из конских копыт, он не хуже железного, — пояснил Арчой, — но скифы давно перешли на железо. Кузнецов у нас достаточно.

— И что неужели этот доспех выдержит удар копья? — продолжал сомневаться Леха.

— Скоро сам увидишь, — ухмыльнулся Арчой, — завтра мы нападём на первую крепость.

На этом разговор про доспехи закончился, а Леха получил задание разведать подступы к ближней крепости бастарнов. Взяв с собой всего тридцать человек вместе с Гнуром, чтобы не сильно привлекать внимание местных жителей, которых здесь пока к счастью было немного, Леха преодолел невидимую границу и в сумерках углубился на территорию бастарнов. Избегая деревень, скифы лесом довольно быстро вышли к самой крепости, стоявшей посреди рукотворного поля. Деревья вокруг на расстоянии примерно трехсот метров были вырублены.

— Ха, — усмехнулся Леха, рассматривая сооружение бастарнов в последних лучах вечернего солнца, — тоже мне крепость. Видали мы такие крепости.

То, что Исилия называла крепостью, представляло собой лишь большую и хорошо укрепленную деревню, обнесенную частоколом и сторожевыми башнями. Перед частоколом был вырыт ров, наполненный водой из ближайшего ручья, и насыпан вал. Вот и все укрепления. Никаких тебе каменных стен высотой в десять метров. Частокол конечно был мощным, но после укреплений Херсонеса и Ольвии, все это казалось морпеху игрушечным.

— Ну, эту деревню мы легко подожжем, — решил бравый разведчик и приказал отправляться назад.

Поселений в крепости тоже было немного, дворов сорок. Оттуда то и дело раздавался стук молота кузнеца, да поднимался дым. Картина казалась вполне мирной. Видимо бастарны еще ни сном ни духом не ведали о нависшей над ними угрозе.

Выслушав сообщение разведчиков, Арчой согласился с Лехой, что особых затруднений с этой крепостью не будет, и на рассвете приказал выступать. Отряд Исилии должен был атаковать ее самостоятельно, а скифы окружить крепость и весь прилегающий район, чтобы не дать никому уйти или прорваться подкреплению.

Больше половины армии решено было оставить в лагере. Здесь же остались и люди

¹⁶ Скифский, а затем и сарматский всадник-катафрактарий, много сотен лет считался эталоном экипировки конного воина. Собственное тело и своих коней сарматы защищали чешуйчатыми панцирями, сделанными из распиленных на пластины лошадиных копыт. Позже пластины стали изготавливать из железа. Такая броня была практически непробиваема даже в ближнем бою, а мощное вооружение, — длинное копье и тяжелый меч, — превращало конного сармата в неуязвимого воина. Встречавшиеся с ними народы, часто называли таких всадников «костобокими» — костяными боками.

Справедливости ради, можно отметить, что на имя «Костобоки», кроме сарматов, претендуют еще кельты и фракийцы, а официальная историческая наука считает племя костобокос существовавшим в реальности и относит его к дакийскому племенному союзу.

Оритии. Когда колонна всадников Арчоя числом пять тысяч, среди которых были и разведчики Ларина, показалась у крепости, там уже всюду шла драка. Амазонки скакали вокруг частокола, засыпая на ходу защитников зажигательными стрелами. Бастарны в кольчугах и кожаных рубахах, столпились на стенах, отвечая им тем же. Мост у ворот был поднят. На приступ пока никто не шел, хотя Леха заметил несколько трупов бастарнов на поле у самых ворот. Видно амазонки застали их врасплох, но жители все же успели спрятаться за частоколом, понеся небольшие потери.

За стеной уже начался пожар, горело несколько крыш на окраинах селения, и особенно сильно в центре. Но, присмотревшись, Леха решил, что это, скорее всего, сигнал о помощи. Слишком уж сильно дымила копна сена, сваленная посреди небольшой площади.

Справа от крепости виднелось длинное поле, которое, плавно загибаясь, уходило за лес. Что там находится, было неизвестно, и Арчой приказал Лехе проверить. Все равно сил здесь скопилось слишком много для нападения на одну небольшую крепость. Ларин взял всех своих людей и поскакал в указанном направлении. Но едва он миновал ручей, из которого брали воду защитники, как увидел показавшиеся из-за леса шеренги конных бастарнов. Затянутые в кольчуги всадники, черные плащи которых развеивались на ветру, неслись навстречу скифам, подняв копья. Они растянулись по всему полю ровным строем.

— Быстро прискакали, — удивился Леха, Вынимая свой меч, и осаживая коня, крикнул находившемуся рядом Инисмею, — разведка закончена. Идем назад.

Леха был не робкого десятка и любил подраться, но его новый военный опыт, заработанный в этой жизни, быстро подсказал, что триста человек, пусть и очень храбрых, против примерно полутора тысяч мчавшихся на них воинов имеют очень слабые шансы. А вот пять тысяч против полутора — это уже другой расклад. Даже если не считать амазонок, занятых деревней. И он быстро вернулся к порядкам Арчоя, который уже заметил приближавшегося противника и, вскинув меч, сам бросил ему навстречу своих солдат.

Бородатые скифы, облаченные в железные панцири и шлемы, в лучах утреннего солнца показались Лехе гораздо ярче наступавших бастарнов, в одежде которых преобладал черный цвет. Лишь тускло поблескивало оружие, кольчуги, наконечники копий и умбоны щитов. Шлемы на них были почти плоские, без наверший, да и то не у всех. А кони защищены доспехами только у трех вождей, вырвавшихся вперед.

Арчой и Леха рядом с ним, оставались с половиной воинов у самого края леса, наблюдая за схваткой. И вот волны скифов и бастарнов, ошетилившиеся копьями, сшиблись у ручья. Раздался страшный треск, и десятки бойцов с обеих сторон мгновенно рухнули с коней, пронзенные насмерть. Удар бастарнов, разогнавшихся гораздо быстрее, был силен и они поначалу потеснили скифов Арчоя, но те вскоре выровняли фронт и даже отбросили правый фланг прорывавшихся к деревне солдат неприятеля. Отбросив копья, всадники схватились за мечи и закипела настоящая сеча. Звон оружия от скрещенных клинков и ударов о щиты и шлемы, стоял такой, что Ларин еле слышал, что говорит ему Арчой.

— Хорошо дерутся, — глядя на мясорубку в нескольких сотнях метров от себя, спокойно заметил командир корпуса, — но их слишком мало. Бастарны явно не рассчитывали увидеть здесь большое войско.

Федор с ним не спорил. Вожди бастарнов, яростно размахивая мечами, спустя полчаса битвы убедились в численном превосходстве противника и вскоре приказали своим солдатам отступать, но было поздно. Скифы прорвали правый фланг и замкнули окружение, отрезав им путь назад. Тогда, оставшиеся в живых бастарны, человек триста, в ярости удвоили натиск и прорвались к деревне. Трубоч, скакавший рядом с единственным уцелевшим вождем бастарнов, на голове которого Леха заметил небольшую корону вместо шлема, затрубил в свой рог, и над полем разнесся низкий протяжный звук.

Опрокинув амазонок, окруживших частокол со всех сторон, они пробились ко вторым воротам, которые защитники сами открыли для них, опустив мост. Скифская конница в ярости набросилась на арьергард отступавших, уничтожив несколько десятков врагов, но почти две сотни конных бастарнов сумели укрыться в крепости. А лучники, стоявшие за

частоколом у ворот, перебили многих скифов, в пылу атаки прискакавших слишком близко.

— Взять эту крепость! — пришел в ярость Арчой, увидев прорыв бастарнов и гибель многих скифов от рук вражеских лучников, — что ты так долго возишься!

Последние слова относились к Исилее, оказавшейся рядом со своими амазонками. Это ее воительниц на дальних подступах бастарны опрокинули в два счета, прорываясь в крепость. Крик скифского военачальника задел за живое хозяйку Еректа, а Леху несказанно порадовал. Он даже имел смелость снисходительно ухмыльнуться, когда воительница проезжала мимо, посмотрев на него, «Мол, бабы, они везде бабы». Но Исилея тотчас доказала, что не зря носит свой титул.

Она издала боевой клич, и несколько десятков облаченных в доспехи воительниц бросились на своих конях в ров с водой рядом с воротами и, словно кошки, перекинув меч на ремне за спину, вскарабкались на частокол. Правда половина была тут же убита лучниками еще на переправе, но нескольким удалось преодолеть частокол, за которым завязалась настоящая бойня. Разъяренные женщины косили головы бастарнов направо и налево с такой грацией, что Ларин даже залюбовался: «Умеют драться, девки».

Видно до сих пор Исилея берегла своих солдат в надежде взять крепость малыми потерями. Еще несколько амазонок последовало тому же примеру, но уже с меньшими потерями, проникнув в лагерь. Там они объединились и с двух сторон стали пробиваться к воротам, чтобы опустить мост. Но их было слишком мало. Вдруг Леха увидел, как в центре лагеря бастарнов тотчас возникло движение и конные воины, спасшиеся недавно от скифов, устремились по узким улочкам в направлении дальних ворот. Заметил это и Арчой, внимательно следивший за ходом битвы.

— Усилить натиск! — закричал он, — немедленно взять ворота!

Исилея, а что ей оставалось, отправила в бой сразу несколько сотен своих боевых подруг, бросивших коней в ров сразу с нескольких сторон от укрепленной деревни. Ее воинство несло большие потери, но Арчой был прав — если не взять ворота, то эта атака была вообще напрасной.

И вдруг со стороны леса раздался звук трубы и тотчас в тыл атакующих амазонок ударил еще один отряд конных бастарнов, появившийся, словно из ниоткуда. Всадники в кольчугах и с длинными мечами обрушились на конных амазонок, быстро смяв несколько ближних к лесу рядов. Бросив туда взгляд, Леха обратил внимание, что не все войско Исилеи участвовало в атаке на ворота, большая его часть находилась в резерве, выстроившись протяженным фронтом у леса.

Пробив строй и уничтожив половину атакующих амазонок, бастарны оказались совсем близко от того места, где находился Арчой. Их было уже немало на поле перед крепостью, как показалось Лехе, не меньше тысячи разъяренных всадников, и они продолжали прибывать из леса.

— Остановить атаку, — крикнул бородатый скиф, выхватывая длинный меч, — уничтожить бастарнов!

И скифы, обнажив оружие, развернули коней в сторону атакующих, поскакав за своим командиром. Леха на этот раз тоже не остался в стороне. Он снова повел в атаку своих воинов. Схлестнувшись в ближнем бою перед крепостью, все три силы, принимавшие в нем участие: скифы, бастарны и амазонки сарматов быстро смешались. Бой распался на поединки.

Бастарны опять проигрывали числом, но в упорстве им было не отказать. Они бились на два фронта, одновременно пытаясь прорубить себе дорогу в крепость и освободить окруженных там сородичей. Именно здесь они наступали наиболее яростно. Именно здесь и оказались три сотни Лехи Ларина, встав у них на пути.

Свалив копьями многих, скифы взялись за мечи. Перед Лехой возник рослый всадник в кольчуге и черном плаще. Размахивая мечом, он несколько раз ударил предводителя разведчиков по круглому щиту и дважды вскользь задел морпеха в бок. Но меч бастарна оба раза отскочил от железных доспехов, сделанных на совесть кузнецами Крыма. А невредимый

Леха, лишившись после очередного удара щита, сделал ответный выпад, поразив всадника в ничем не защищенную голову. Тот упал под копыта своему коню, схватившись за рассеченный лоб, а на его месте тотчас возник новый всадник.

Этот бастарн был в шлеме, при овальном щите и даже держал в руках еще не утерянное копье. Его удар был направлен прямо в грудь, но морпех извернулся и острие копья, ткнув его в плотный наплечник, выбросило предводителя разведчиков из седла, только ушибив. Перевернувшись в воздухе, (опыт морпеха из российской армии не пропешь) Леха приземлился на обе ноги, словно акробат, и даже сумел, пригнувшись, почти избежать удара меча скакавшего мимо бастарна. Клинок просвистел над головой, и ударив по наверху, сбил с головы Лехи шлем.

Все это произошло буквально за мгновения. «Черт побери, — разъярился Леха, покачиваясь на ногах и пытаясь унять звон в ушах, — еще чуток и я остался бы без головы». Он выхватил из ножен акинак, чтобы было чем защищаться. Но прилетевшая издалека стрела вонзилась в спину его второму обидчику. Первый же, с копьем, уже успел развернуться и снова направлялся к стоявшему на траве и почти безоружному Лехе. Морпех ловким движением снова вскочил на своего коня и тут же пожалел об этом. Не имея щита, лишь с одним коротким мечом, он снова стал отличной мишенью. Бежать было некуда, кругом вращались в диком танце другие поединщики. Бастарн, перехватив покрепче копье, приближался. Тогда Леха метнул акинак навстречу противнику, но тот легко отразил щитом брошенный клинок.

«Вот это номер, — пронеслось в мозгу безоружного морпеха, — прости, мой коник!». И когда между противниками оставалось буквально три метра, Леха поднял своего коня на дыбы. Копье бастарна, с треском прорубив защитную броню, вошло в грудь коня и сломалось. Удар был мощным, но обезоружил нападавшего.

Леха успел спрыгнуть с падающего коня и откатиться на несколько метров сторону, под копыта другим дерущимся. А рухнувший конь командира разведчиков едва не придавил его своей тушей. Бросив короткий взгляд по сторонам, Леха заметил, что его скифы бьются чуть в стороне, а он сам в пылу атаки оказался среди амазонок, бешено вращавших мечами. В лихом бою они действительно ничуть не уступали мужикам и головы бастарнов так и сыпались на траву. Но и воительницы несли немалые потери. На глазах морпеха разъяренный бастарн рассек доспех и отрубил руку одной из них, а вторая «получила» в грудь стрелу, прилетевшую со стороны крепости.

Но командиру разведчиков нужно было думать о себе. Отбежав на несколько шагов, он оказался в траве вообще без оружия. Ушибленное плечо болело. Ни прикрыться, ни метнуть было нечего. Обломав копье о грудь боевого коня скифа, бастарн вознамерился во что бы то ни стало добить соскочившего всадника, которому везло уже второй раз подряд. Он выхватил меч и, прикрывшись щитом, пустил своего коня вскачь. Расстояние уменьшалось с каждой секундой, а Леха лихорадочно искал какой-нибудь упавший меч или щит, чтобы отразить надвигавшийся смертельный удар, но кругом как назло росла высокая трава, мешавшая что-либо рассмотреть в ней.

И вдруг на пути бастарна возникла амазонка на коне, мчавшемся на бешеной скорости. Одним отточенным ударом она распорол доспех на животе бастарна так быстро, что тот не успел даже прикрыться щитом, и бастарн рухнул под ноги ошеломленному морпеху уже мертвым, даже не издав предсмертного хрипа.

«Вот это номер», — опять подумал Леха, попытавшись разглядеть, кто же спас ему жизнь. Очень уж знакомым показался силуэт, но амазонка усккала, затерявшись среди других воительниц, схожих с ней видом. Однако, расслабляться было рано. Рядом с Лехой с коней рухнули еще два бастарна, пытавшиеся рассчитаться с ним за смерть сородича. Обернувшись, морпех заметил, что к нему скачут человек десять скифов с луками под предводительством Инисмея. Сотник держал по уздцы свободного коня.

— Прости, хозяин, — выдохнул он, когда доскакал, — мы отстали.

— Ничего, — отмахнулся Леха, взбираясь в седло, и принимая из рук другого воина

чей-то щит и длинный тяжелый меч, — это я ускакал слишком далеко. Главное, что вы вовремя. Давайте за мной, вон уже ворота открылись!

В этот момент амазонки за частоколом, наконец, пробились к воротам и открыли их изнутри. Мост рухнул, открывая путь в крепость. Но те, кто это сделал, тотчас же были уничтожены конной атакой из глубины деревни. Прискакавшие бастарны изрубили немногочисленных воительниц в куски своими тяжелыми мечами, как те ни отбивались. А руководил контратакой все тот же бастарн, у которого Леха еще раньше заметил на голове вместо шлема корону.

«Может это их король? — пронеслось в голове у морпеха, — хорошо бы его захватить, да поговорить по душам».

Скифы напирали, но в узком пространстве коннице трудно было развернуться, мешало отчаянное сопротивление бастарнов, которые защищали своего вождя, кем бы он ни был. Кроме того, атакующих скифов осыпали стрелами засевшие на крышах ближних домов лучники. Натиск продолжался. И вскоре Леха заметил, что король с ближайшими всадниками начал отступать в глубину деревни, но не придал этому особого значения. Укрепленная деревня была окружена, деваться ему было некуда.

В это время мимо пронеслась целая конная армия амазонок ведомых Исилеей. Воительницы быстро растеклись по узким соседним улицам, разя мечами разбегающихся защитников крепости. Леха глазом не успел моргнуть, как хозяйка Еректа быстрее скифов пробились к королю бастарнов и в «личной встрече» лишила его не только короны, но и головы. Да еще сделала это с такой яростью, словно этот парень лично ее обидел в прошлой жизни. А может и в этой.

Увидев, как голова с королевским венцом легко слетала с плеч, а тело, словно окровавленный мешок, упало в грязь, Леха невольно вздрогнул. То же самое Исилея обещал сделать и с ним, если еще раз повстречает на своем пути. «Кто же тогда меня в бою спас?» — подумал морпех, проткнув последнего оказавшегося перед ним бастарна. Но этот вопрос остался без ответа.

Очень скоро бой был закончен. Скифы и амазонки добились всех, кто еще сопротивлялся у крепости и всех, кто прятался по закоулкам. Однако, кое-кто из всадников противника все же смог прорваться и ускакать в лес.

— Посчитайте потери, — приказал Арчой, подъехав к Исилее, — и затем немедленно выступаем дальше.

Амазонка кивнула, тряхнув гривой своих волос, — билась она без шлема, — но от Лехи, как и от командира всей скифской конницы не ускользнул взгляд, которым воительница одарила обезглавленное тело и откатившуюся в грязь голову местного вождя.

— Кто это был? — спросил Арчой, перехватив ее взгляд.

— Тот, кто в прошлом году напал на мою землю и убил мою сестру, — ответила Исилея, — Клондир, вождь самого крупного из племен бастарнов.

Арчой молчал, было ясно, что уставшая после схватки Исилея еще не все рассказала.

— Но он прибыл сюда с малой дружиной, — добавил она тут же, придержав коня за узду, — случайно оказался рядом. Потому победа досталась нам малой кровью.

«Ничего себе малой, — подумал Леха, — разглядывая сквозь частокол сотни убитых, усеявших все обширное поле перед первой же деревней бастарнов. Если и дальше так пойдет, то нам хватит только этого племени, чтобы оставить в его землях половину своих солдат». Впрочем, справедливости ради, он должен был признать, что бастарнов здесь полегло, на первый взгляд, не меньше двух тысяч. А короткая осада укрепленной деревни быстро превратилась в настоящую битву конных масс, в которой несомненными победителями вышли скифы, потерявшие гораздо меньше.

— В двух днях пути отсюда стоит большой город бастарнов, где обычно со своей дружиной находится его брат, Клорин, — закончила амазонка, — нам нужно выбить их оттуда раньше всего. Только тогда мы сможем спокойно переправиться через Тирас и вторгнуться в глубинные земли. Потом будут другие города. А, лишившись главных вождей,

остальные бастарны будут биться хуже.

— Что же, — кивнул бородатый Арчой, одобряя ход мыслей прекрасной амазонки, — Клондир быстро нашел свою смерть. Не долго ее осталось ждать и его братцу. Как много у него воинов?

— Не знаю, — призналась хозяйка Еректа, — он управляет всеми землями на этом берегу реки, на другом под его рукой находится еще десяток поселений, но все они немногочисленны. Бастарны живут деревнями. Думаю, тысяч пять всадников он еще наберет. Остальные вожди выставят меньше, если вообще задумают воевать с нами.

— Хорошо, — снова кивнул Арчой и повторил, — считай убитых и немедленно выступаем.

Сказав это, он отъехал. А Леха на секунду задержался, исподтишка разглядывая грозную амазонку. Затянутая в кожаный панцирь, обшитый металлическими пластинами, Исиля не заметила, что в бою ее доспех порвался, обнажив левое плечо и немного грудь. Оказалось, что под доспехами у нее была лишь рубаша, да и та порвалась. Уставшая от сечи амазонка еще не обратила на это внимания, но зато Леха обратил. И еще как. Даже засмотрелся и чуть шею не свернул, проезжая мимо. Исиля, перехватив неосторожный взгляд морпеха, напряглась, и ее голубые глаза сверкнули недобрым огнем. Но Леха тотчас отвернулся, вспомнив отрубленную голову местного вождя, погибшего у него на глазах.

Чтобы обезопасить себя от новой драки с хозяйкой Еректа, он даже стал приставать с ненужными вопросами к Арчою, который ехал неторопливым шагом прочь из деревни, потеряв к ней всякий интерес.

— Что будем делать с деревней? — поинтересовался Леха нарочито громким голосом, — оставим здесь своих солдат?

— Да зачем она нам, — ответил Арчой, снисходя до объяснений, — сожги ее, нам нужно двигаться дальше.

Выехав в поле, командир разведчиков подозвал своих сотников и велел им спалить деревню бастарнов. Спустя еще час, когда все убитые были посчитаны, скифы двинулись дальше в сторону реки на поиски армии брата погибшего короля. А отряд Оритии, не принимавший участия в битве, вечером того же дня отделился от них и ускакал на запад. Бастарны наверняка готовились теперь к наступлению скифов здесь, и царица сарматов надеялась выйти к реке гораздо выше по течению, не встретив на своем пути особого сопротивления.

Глава девятая

Поединок в горах

Остановив своих солдат в полушаге от перевала, на котором шел ожесточенный бой солдат Адгерона и римлян, Федор все еще размышлял, что предпринять, глядя на приготовления Марцелла внизу. Первоначальный план с ходу захватить перевал, за которым находилась латинская колония Суесса-Аурунка, чтобы занять господствующие высоты, казавшийся уже почти исполненным, вдруг затрещал по швам и начал разваливаться на глазах. Контратака римлян из-за перевала говорила о том, что карфагеняне там поджидали свежие вражеские силы. Впрочем, Федору пришла мысль все же захватить перевал, направив туда солдат Карталона, что он привел с собой. Сила была не малая, но, все же он не знал, сколько там прячется римлян. Зато видел, что внизу их собралось уже не меньше пятисот человек и со стороны Теана постоянно прибывали подкрепления. Теперь приходилось думать не столько о победе, как о том, чтобы выбраться с наименьшими потерями из этой ловушки, устроенной хитроумным сенатором.

Однако, очень скоро сомнения Федора развеялись, оставив ему лишь один вариант. Римляне сбросили солдат Адгерона с перевала и теперь тот откатывался вниз, ожесточенно сопротивляясь.

— Две спейры отправь усилить Адгерона, — приказал Федор Чайка, — остальные

разворачивай, будем пробиваться вниз.

Карталон взглянул наверх, откуда на них накатывалась лавина сражавшихся тел, — треть солдат Адгерона отступала, сохраняя подобие строя, в остальном бой распался на многочисленные поединки. Выстроив две спейры на склоне, чтобы римляне не пробились и не смяли тылы, финикиец отдал приказ отступать в сторону города. Карфагеняне, сомкнув щиты, двинулись вниз по тропе. Первыми Карталон направил копейщиков.

Едва армия Карфагена перестроилась, сдвинувшись со своего места, по шеренгам римлян тут же прокатился лязг оружия — легионеры приготовились дать финикийцам бой. Находясь в середине колонны, Федор видел, как обслуга «Скорпионов» натягивает тетиву с помощью специальных рычагов, заряжая орудия длинными стрелами, способными пробить любой доспех. Но его больше интересовало то, чем был занят Марцелл. Облаченный в кирасу сенатор находился за «Скорпионами», откуда было удобно руководить обороной.

— Карталон, — позвал шагавшего рядом военачальника Федор Чайка за несколько мгновений до того, как копейщики карфагенян сблизилась с римлянами, — Видишь вон того командира?

Смуглолицый финикиец, обернулся в указанную сторону, обратив к Федору свое обезображенное ухо, и кивнул.

— Это сам Марцелл, — сообщил Федор, — раз уж он рискнул подойти так близко, надо воспользоваться этим и захватить его. Направь туда отряд. Без Марцелла оборона римлян в этих горах быстро рассыплется. А Ганнибал простит нам все потери.

Карталон снова молча кивнул, выказав напускное безразличие, хотя отлично знал, кто такой Марцелл и какую награду можно получить от Ганнибала за его пленение. Он немедленно подозвал командира ближайшей спейры и, указав на Марцелла, повторил приказание Чайки.

В этот момент расстояние между шеренгами врагов сократилось до расстояния броска дротика и карфагеняне первыми применили оружие, поскольку находились выше. Дротики финикийцев, описав в прозрачном воздухе полукруг, обрушились на римлян, которые успели поднять щиты. Но уйти от удара смогли не все, — десятки легионеров упали замертво. Следом за первой, вторая волна дротиков накрыла солдат Марцелла, проредив их еще на несколько десятков. Римляне тотчас ответили броском своих пилумов. Но позиция у них была менее выгодная, и потери среди карфагенян оказались гораздо меньше.

Тогда Марцелл зычным голосом отдал приказ, который услышал даже Федор в середине колонны, и тотчас заработали «Скорпионы», посылая свои убойные стрелы навстречу шеренгам финикийцев. Удар стрелы из римского стреломета был настолько мощным, что пробивал щит или прикрытое доспехами тело насквозь. А иногда прошивал даже двух солдат сразу. В первых шеренгах послышались вопли раненых и умирающих бойцов Карфагена.

— Вперед, солдаты! — заорал Карталон, вскинув фалькату вверх.

Его крик подхватили командиры передних спейр, а за ними солдаты. И вскоре финикийцы, прыгая по камням, бросились вниз, на сомкнутые шеренги римских легионеров. Их удар был мощным. Африканская пехота сходу потеснила римский центр и едва не опрокинула его, но римляне все же выстояли. Федор видел и слышал, как Марцелл орал на них сверху, выхватив свой короткий меч и размахивая им над головой. А легионеры, зная, что с ними лучший полевой командир Рима воодушевлялись и стояли насмерть. На узком пространстве, где схватились несколько сотен человек с обеих сторон, началась настоящая мясорубка. В бой вошли две первые спейры из хилиархии Карталона, и одна из них была уже выкошена римлянами подчистую. «Скорпионы», установленные сбоку от направления основного удара, на возвышении, которое Марцелл использовал как командный пункт, продолжали разить финикийцев наповал.

Обернувшись, Федор бросил взгляд назад, — там положение стабилизировалось. Солдаты Адгерона перестроились и, соединившись с поджидавшими их спейрами Карталона, теперь отступали более организованно, даже, казалось, остановились, хотя

римляне продолжали наседать сверху. А легионеров там было немало, заметил Федор, гораздо больше, чем здесь, внизу. Уяснив новую диспозицию, Адгерон теперь старался дать Федору Чайке больше времени для того, чтобы до наступления темноты организовать прорыв римской блокады, поскольку широким фронтом вести наступление не представлялось возможным. Вечерело. Солнце стремительно опускалось за горную гряду и спустя час должны были наступить короткие сумерки, а за ними полный мрак. Ночевать в этих горах Федор Чайка не собирался.

План Марцелла теперь ему был абсолютно ясен. Сенатор, видимо, зная расклад сил от своих шпионов, с самого начала планировал заманить в ловушку оторвавшийся от основных колонн авангард армии Карфагена и уничтожить его. Но Чайка был против. Он не мог себе позволить умереть, так и не увидев Юлию. Вдвойне обидно было погибнуть от мечей воинов ее отца, перехитрившего командира финикийского авангарда. Если уж выяснять кто круче, Федор предпочитал встретиться с Марцеллом лично, в поединке.

Глядя, как прогнулся римский центр и какой урон шеренгам финикийцев наносят «Скорпионы», Федор нашел глазами Карталона, который был неподалеку.

— Ты не забыл мой приказ? — крикнул он, сквозь звон оружия, перекрывавший все звуки вокруг.

— Нет, — мотнул головой финикиец, снова повернувшись к Федору обрубленным ухом, — сейчас мы начнем атаку на позицию «Скорпионов», чтобы захватить Марцелла.

— Немедленно начинай эту атаку, — не выдержал Федор, — а то мы потеряем еще одну спейру только от этих стрел. Уничтожить позицию стрелометов!

Карталон, глянув на закатное солнце, проговорил:

— Я поведу ее сам, если позволишь.

Чайка хотел кивнуть, но вдруг передумал и перепоручил командование основным ударом командиру ближайшей спейры.

— Вместе поведем, — добавил неожиданно для себя Федор, — У меня к Марцеллу есть разговор.

Карталон не стал спорить. Он повернулся к своему помощнику и, отдав короткий приказ, двинулся сквозь строй спейры, еще не вступившей в бой. Федор устремился за ним. Быстро обсудив атаку с командиром спейры, Карталон развернул солдат в сторону склона, и, вскинув фалькату, первым бросился в бой. Эта атака не огласилась криками, как обязательно бы произошло в любом другом случае. Карталон приказал солдатам молчать. Их в любом случае заметят, — бой шел на открытом пространстве, — но заметят чуть позже. И у них будет несколько мгновений, чтобы за строем атакующих добежать до склона, на котором были установлены «Скорпионы», прикрытые с флангов манипулой римлян.

Подняв щит и фалькату, Карталон бежал справа от строя. Федор бежал рядом. Они действительно смогли достигнуть подножия холма в тот момент, как римляне только заметили атаку во фланг. Но дальше путь вел только вверх, — напрямиком под стрелометы. Хранить молчание уже не было смысла.

— Наверх! — заорал Федор, отбивая щитом брошенный в него пилум, который, со звоном отскочив от умбона, к счастью прошел вскользь, — кто первым взберется на склон и уничтожит «Скорпион», тому награда! Десять золотых «слонов»!¹⁷

И солдаты стали карабкаться вверх по камням, выскальзывавшим у них из-под ног, стремясь первыми заработать золотые монеты, полагавшиеся за смерть римлян. Но на краю каменистого холма их встретили плотные шеренги легионеров. А на головы обрушился град пилумов. Двоих солдат, карабкавшихся верх рядом с Федором, легионеры мгновенно

¹⁷ На золотых монетах Карфагена часто изображали слонов, очень почитаемых в этом государстве животных. Кроме них, монеты Карфагена часто заимствуют изображения с греческих монет. На одной из таких монет изображен Пегас, на другой голова Персефоны работы Сиракузского художника. Часто встречаются изображают породистых лошадей, а также много других сюжетов, повествующих о хозяйстве, культуре и военной мощи этого государства.

поразили дротиками. Одному копье вошло в шею сверху, второму в грудь, когда он поднял голову, чтобы взглянуть наверх. Услышав стоны и предсмертные крики рядом с собой, Федор на секунду замешкался и чуть сам не был убит, — пилум вошел и застрял меж больших камней прямо перед ним. Но отвлекаться было нельзя, смерть танцевала вокруг, собирая свою жатву. И Федор, подняв щит над головой, продолжал прыгать с камня на камень, пока не умудрился одним из первых добраться до шеренги римлян. К счастью, атака карфагенян была столь стремительной, что Марцелл не успел перейти в контратаку, бросив легионеров вниз по откосу, а лишь оборонял выгодную позицию. Римляне быстро израсходовали запас пилумов, но успели нанести финикийцам большой урон. Однако, выжившие после этого были уже на самом верху.

Увидев прямо над собой разъяренные и раскрасневшиеся рожи римских солдат, зажатые в металл шлемов и ошетилившиеся мечами, Федор отбил удар одного из них и пнул его щит, поставленный на землю. Но skutum устоял, подпертый телом легионера, который прикрывал щитом свои ноги. Федор отступил на шаг, чуть переместился вбок и снова прыгнул вперед, ударив в образовавшуюся щель между двумя щитами. На этот раз его длинная фальката нашла цель, — он ранил соседнего легионера в ногу. Римлянин взвыл, отпустив щит. Чайке этого хватило, он молниеносно выбил ногой skutum, который с грохотом упал на камни и полетел вниз по откосу, а затем вонзил фалькату в бок раненому легионеру. Следующим движением Чайка отразил римский меч, направленный ему в голову справа, а в ответ нанес свой колющий удар в грудь и опять достиг цели. Кровь брызнула из рассеченного панциря римского солдата. Нейтрализовав сразу двоих легионеров из первой шеренги, Федор взобрался на вершину гребня и врубился в образовавшуюся брешь, яростно вращая фалькатой вокруг себя. За ним прорвалось уже пятеро карфагенян, развивавших успех своего командира.

Начало было положено. Рядом, чуть в стороне, то же самое проделал и Карталон. Он с десятью людьми уже вклинился на позицию римлян почти на пять метров. А еще дальше финикийцам удалось потеснить весь левый фланг легионеров и прорваться к «Скорпионам».

Федор Чайка рубил и колол фалькатой, вспарывая римские панцири и уклоняясь от встречных ударов, но все время следил за Марцеллом, который никуда не уходил от стрелометов. Даже наоборот, brave сенатор, который сначала только орал на своих отступающих солдат, вдруг выхватил меч и сам бросился в гущу сражения, стремясь своим присутствием поддержать отступающий левый фланг. Увидев это, Федор стал прорываться к нему на встречу, но до сенатора было далеко, их разделяло несколько шеренг римских легионеров. Карталон был к нему ближе. Он тоже заметил Марцелла и, выполняя приказ, бросил в бой всех своих людей, которые уже почти прорвали оборону на левом фланге.

«Жаль будет, если не я его захвачу», — думал Федор, методично работая фалькатой: нанес удар, отбил щитом римский меч, пригнулся, ушел в сторону на полшага, нанес еще удар. Все, легионер мертв. Кто следующий?

Опыта в ближнем бою Федору было не занимать, но он чувствовал, что и римским солдатам тоже. Здесь были не юнцы, а видимо те самые солдаты Марцелла, отправленные им из Остии сюда в качестве подкрепления павшим духом легионерам. И были это не просто пехотинцы, а римские морпехи, к которым Федор испытывал заочное уважение.

Расправившись с очередным врагом, Чайка на мгновение поднял взгляд в небо, и заметил, что сумерки уже начали сгущаться над долиной Санта-Кроче. Надо было сбросить отсюда римлян и захватить сенатора еще до темноты, иначе сделать это будет гораздо труднее. Он здесь знает все тропы, а укрепленный Теан недалеко.

Но римляне, несмотря на присутствие великого Марцелла, который на глазах Федора собственноручно заколол трех солдат Ганнибала, все же отступали. Карфагенянам удалось отеснить их с позиции «Скорпионов», захватив орудия, а затем начать теснить дальше, вниз по склону в сторону Теана. И вскоре отряды Федора и Карталона, врубившиеся в шеренги легионеров с разных сторон, соединились, уничтожив всех римлян, что оказались между ними. Оставшиеся легионеры, не ожидавшие такого яростного натиска загнанных в ловушку

врагов, стали отступать и кое-где даже обратили тыл.

— Труссы! — орал Марцелл, в бешенстве вращая мечом, — вы позорите великий Рим!

И на глазах у своих солдат заколол одного из тех, кто попытался сбежать, бросив оружие. Оставшиеся легионеры воспарили духом и стали собираться за спиной Марцелла, перестраивая шеренги под крики своих центурионов.

Федор Чайка бегло осмотрел поле боя: позиция стрелометов была захвачена и осталась за ними, но эта атака стоила карфагенянам почти половины всех людей, которых Карталон взял с собой. Сейчас за спинами командиров собралось около полусотни пехотинцев. Примерно столько же спешно перестраивалось позади Марцелла. Остальные римляне и финикийцы растеклись по склону, с правого и левого флангов, где бой продолжался, распавшись на поединки. Между центральными отрядами, отстоявшими друг от друга не больше чем на сорок метров, ненадолго образовалось пустое пространство.

На направлении главного удара финикийцы также добились победы. Заслон был прорван. Этому немало поспособствовала атака Карталона и Федора. Римляне увидели, что сам Марцелл отступает, и уверенность в победе стала быстро покидать их. Часть солдат, прибывших сюда по дороге из Теана, теперь спешно отступало по ней же. Остальные сдерживали натиск карфагенян.

Поредевшая хилиархия Адгерона также была уже рядом, но на нее наседали римляне, стремясь своей атакой спасти положение, ставшее уже почти безнадежным. А по дороге снизу, как разглядел Федор, утерев пот, катившийся градом из-под шлема, поднимались, спеша на выручку, какие-то карфагенские части. Возможно, это был Урбал с остатками двадцатой хилиархии, остававшейся в лагере.

— Отлично, путь вниз свободен, — сообщил Федор Карталону, построившему своих солдат для новой атаки, — осталось захватить Марцелла и спуститься в низ до темноты.

— Вперед! — приказал Карталон.

И африканские пехотинцы, подняв щиты, бросились в последнюю атаку на римские порядки. Марцелл, несмотря ни на что тоже не хотел отступать. Его легионеры не стали ожидать, а также устремились навстречу врагу, повинаясь приказу командиров. Но, этот бой был недолгим. Финикийцы быстро остановили римлян, смяв их строй, и стали теснить вниз. И скоро всем солдатам стало ясно, что бой проигран Марцеллом окончательно. Пойманный зверь выскользнул из клетки и поразил охотника.

Выбив щит из рук противника, Федор рубанул фалькатой легионера по плечу, но изогнутый клинок соскользнул с панциря и разрубил вены на шее солдата. Обливаясь кровью, римлянин упал на камни. А Федор увидел, что стоит в нескольких метрах от самого Марцелла, который только что заколол, одного за другим, четырех финикийских пехотинцев, пытавшихся окружить и пленить его. Старый сенатор прыгал меж камней с ловкостью обезьяны, ни в чем не уступая ни более молодым солдатам своей армии, ни солдатам противника. Это был опытный боец, сила которого не растратилась с возрастом. Встряхнувшись, Чайка вскинул фалькату и бросился вперед.

Их клинки скрестились. Федор наносил удар за ударом, наступая. Марцелл сначала оборонялся, не видя лица нападавшего, которое Федор, то и дело прикрывал щитом. Но, изловчившись, сенатор выбил щит из рук карфагенского воина, и снова скрестив с ним клинки, вдруг узнал его.

— Ты?!! — Марцелл сначала даже отпрянул, на миг, опустив клинок, — в армии Ганнибала! Предатель!

— Да, я давал присягу на верность Риму, — подтвердил Федор, тоже чуть опуская клинок фалькаты, и отступая на шаг, — но ты избавил меня от нее.

Федор бросил быстрый взгляд по сторонам. Со всех сторон к ним бежали люди. Римский центурион с десятком солдат, чтобы спасти Марцелла. И Карталон с финикийцами, чтобы помочь Федору захватить его. Надо было быстрее выяснить отношения.

— Куда ты дел Юлию? — спросил Федор, сплюнув на камни, — скажи, Риму все равно скоро конец. Подумай о жизни дочери.

— Хочешь, чтобы она стала рабыней Ганнибала? — спросил сенатор, делая шаг вперед, и лицо его исказила ненависть, — Или, может быть, твоей? Нет. Я лучше убью ее сам, но ты никогда ее не получишь! Безродный выскочка!

И Марцелл сделал молниеносный выпад, на который Федор не успел отреагировать. Бедро пронзила резкая боль. Командир двадцатой хилиархии упал на одно колено, едва успев отразить второй удар, направленный уже в голову.

— Никогда, — шипел Марцелл, замахиваясь в третий раз, — Никогда ты не увидишь Юлию! Умри, предатель Рима!

Но Федор отбил и этот удар, а затем нанес свой. Однако, сенатор отскочил назад, и острие фалькаты разрубило воздух, пройдя в сантиметре от его живота. Закончить им не дали. Подскочил Карталон и бросился на Марцелла, но на его пути уже стоял римский центурион. В завязавшейся между ними драке сам Марцелл отступил.

Стоя в луже крови на одном колене, в бессильной ярости Федор сжимал рукоять фалькаты и смотрел, как сенатор, окруженный центурией легионеров, спустился с холма и теперь быстро уходил по дороге в сторону Теана. Не прошло и десяти минут, как в наступивших сумерках силуэт Марцелла растворился вовсе, пропав из вида за поворотом дороги, что петляла между скал. А на этом месте остался лишь отряд римской пехоты, прикрывавший отступление.

Но Федор был настолько зол, что не потерял сознания, несмотря на потерю крови.

— Ты жив? — подскочил к нему Карталон, когда разделался с римским центурионом, а его воины с остальными легионерами.

Бой на гребне каменистого холма был закончен уже в сумерках, но Чайку это не интересовало. Глухое отчаяние овладело им. Он опять упустил Марцелла. Мог убить, но не убил. И, более того, сенатор знал, что Федор ищет Юлию и кто он теперь. А свои угрозы в адрес дочери Марцелл вполне мог привести в исполнение. С него станется. Ради этого ненавистного Рима он был готов уничтожить даже своего ребенка, а вместе с ним и счастье Федора.

— Ты жив? — повторил Карталон, осматривая его, — Ранен?

— Немного, — ответил Федор тусклым голосом и попытался встать, но едва не упал, ощутив резкую боль в ноге.

— Носилки, быстро! — приказал Карталон, а когда Федора, наспех перевязав тряпьем, погрузили на походные носилки, сооруженные на месте из четырех дровишек и плаща, добавил, — Марцелл ушел. Мы не смогли его захватить.

Федор ничего не ответил, лишь махнул рукой, проваливаясь в небытие.

Остатки хилиархии Карталона, соединившись с солдатами Адгерона, в кромешной тьме спустились с перевала к лагерю. Федор видел это, поскольку уже почти пришел в себя, сказав, обращаясь к шагавшему рядом Карталону, словно отвечая на заданный ранее вопрос:

— Это ничего. Никуда он не денется. Мы его найдем и казним.

А, помолчав, добавил.

— Я казню. Сам.

* * *

Возвращавшиеся с неудачной атаки перевала, который остался за римлянами, финикийцы повстречали спешивший навстречу отряд под командой Урбала. Тот, едва узнав подробности, сразу разыскал раненного друга и сообщил последние новости.

— Федор, как ты? — спросил Урбал, поравнявшись с носилками.

Позади него шагал верный Летис и еще несколько солдат с факелами.

— Жив пока, — ответил brave командир хилиархии слабым голосом. Он потерял много крови, пропитавшей не только повязку, но и плащ, на котором его несли. До крайности ослаб, но силой воли пытался удержать сознание, так и норотившее уплыть от него.

— Летис, — обернулся Урбал к другу, — давай быстро в лагерь за лекарем. Пусть все там приготовит, видишь, Федор тяжело ранен.

— Нормально, — отмахнулся Чайка, и горько усмехнувшись, добавил, — До свадьбы заживет. Что происходит в лагере?

— Кто это тебя так? — вместо ответа спросил Урбал, когда Летис исчез в темноте.

— Марцелл, — коротко ответил Федор, и зубы его скрипнули от злости.

— Кто? — Урбал не поверил своим ушам, — так ты добрался до самого Марцелла?

— Он ушел, — нехотя пояснил Федор, у которого сильно закружилась голова.

Некоторое время Урбал молчал, переваривая услышанное, а потом, когда отряд уже приблизился к воротам захваченного римского лагеря, произнес то, о чем забыл сообщить с самого начала.

— Атарбал уже здесь с осадным обозом. Велел тебе явиться сразу к нему в штаб. Ждет с докладом. И сам Ганнибал тоже прискакал недавно. Почти вся армия здесь.

Но Федор уже не слышал, он снова провалился в небытие. На этот раз надолго.

Глава десятая

Поход на Рим

Еще неделю передовые части армии Карфагена осаждали горную крепость Теан, в которой заперся Марцелл со своим легионом, прежде, чем она пала. Выгодное положение на склонах горы Санта-Кроче позволило римлянам отбивать все атаки и надолго задержать армию Ганнибала, давая возможность накопить силы Риму, где новый диктатор в лихорадочной спешке формировал ополчение из рабов и преступников.

Однако, спустя неделю ожесточенных боев Марцелл оставил Теан и отступил по Латинской дороге, отбиваясь от преследовавшей его конницы. Никаких подкреплений в этот район из Рима больше не подошло. Лишившись поддержки Марцелла высокогорная Суэсса-Аурунка пала несколькими днями раньше, а следом за ней был уничтожен и римский гарнизон в Синуэссе, — другой колонии, прикрывавшей Аппиеву дорогу у самого моря. Теперь путь на Рим был свободен, и армия Карфагена, захватив срединные земли Италии, немедленно выступила в поход.

Все это время Федор провел в захваченном римском лагере в полубреду. Лекарь зашил ему рану, из-за которой Федор едва не отправился на тот свет, ведь его, окровавленного, на грязном плаще несли вниз несколько часов. Заражения крови не произошло только чудом. Но, видно боги хранили его для какой-то цели. Не все, вidać, предназначения выполнил Федор Чайка, чтобы умирать. И через две недели бравый командир двадцатой хилиархии уже сам вставал и осторожно передвигался, опираясь на палку, чтобы быстрее разработать затекшую без движения ногу. Делал он это, несмотря на протесты лекаря, приставленного к нему Атарбалом. Как никак, сам был лекарем, хоть и от сохи.

Новости о продвижении армии Ганнибала ему передавали то верные друзья Урбал и Летис, то походный летописец Юзеф из штаба командира африканских пехотинцев. Штаб Атарбала до сих пор располагался в захваченных Калах, у которых сходились две главные римские дороги. Место здесь было удобное для сбора информации, да и коммуникации отличные. Римляне постарались.

Пару раз виделся Федор и с самим Атарбалом, который, как выяснилось, не был на него в обиде, за то, что Чайка не удовлетвовавшись осторожной разведкой, самовольно ввязался в несколько боев и продвинулся вглубь территории противника, потеряв при этом половину авангарда. Зато он захватил стратегически важный мост через Вультурн, Калы и едва не захватил римскую колонию на перевале, которую, как выяснилось, охраняла почти половина легиона. А потом и самого Марцелла. Правда, едва не лишившись жизни.

— Я не сомневался, что ты так и сделаешь, — сообщил ему при встрече в своем штабе бородатый финикиец, — Да и Ганнибал тоже.

Федор был удивлен: его, парня себе на уме, как он полагал, прочитали как открытую

книгу.

— Но мы все равно решили послать именно тебя, — закончил он свое признание.

— Почему? — не выдержал Федор, — ведь в армии есть множество бойцов гораздо лучше, чем я. И опытных командиров.

— Все так, — кивнул бородач, ухмыльнувшись в усы, — Но только ты чувствуешь, где Марцелл, словно ты его родственник. А он тебя. Так сказал мне Ганнибал. И он был прав, ты едва не схватил его.

Федор поперхнулся, услышав такое предположение, и настороженно взглянул в хитрые глаза Атарбала, полуприкрытые веками, словно тот спал на ходу. Затянутый в панцирь военачальник производил сейчас впечатление медлительного и уставшего человека, но это впечатление было обманчиво. Федор слишком давно его знал, как решительного и быстрого воина, чтобы поверить в это.

«Неужели, он знает про Юлию? — понеслась шальная догадка в мозгу бывшего римского морпеха, — Или Ганнибал знает об этом? У него ведь много шпионов повсюду. Вдруг, донесли?». Но вскоре Федор отогнал эту мысль. Скорее всего, великий карфагенянин просто очень хорошо разбирался в людях и чувствовал мощное желание Федора разыскать Марцелла во чтобы то ни стало, но не догадывается о его истинных причинах.

Подумав так, Чайка успокоился. А потом сделал неосторожный шаг в сторону, и его раненую ногу пронзила боль. Федор скорчил гримасу, — удар Марцелла все еще был ощутим. И в теле и в душе, где угнездилась и росла жажда мести. Теперь он не просто хотел найти Марцелла, чтобы найти Юлию и ребенка. Теперь он хотел уничтожить его лично, избавив Юлию от угрозы, а заодно и Карфаген от врага.

— Не торопись, — сказал вдруг наблюдавший за ним Атарбал, словно прочел мысли Чайки, — ты еще успеешь отомстить ему. Разведка доносит, что Марцелл отошел до самой Палестрины, где снова пытается организовать оборону на подступах к Риму. Скоро мы будем там. Ганнибал уже выступил вдоль моря по Аппиевой дороге с испанской конницей, кельтами и слонами. А теперь пришел и наш черед.

— Я готов, — сказал Федор, сморщившись, — нога уже почти зажила.

— Не торопись, — снова осадил его мудрый Атарбал, — ты еще еле ходишь. Послезавтра десять тысяч кельтов и мои африканцы с осадным обозом выступают по Латинской дороге. Твоя хилиархия, вернее то, что от нее осталось, тоже. Но сам ты поедешь в повозке, — не вздумай садиться на коня. А лекарю я приказал не спускать с тебя глаз. Если увидишь римлян, тоже не спеши хвататься за клинок. У тебя достаточно солдат. Да и выступаешь ты теперь в самом конце, будешь пока охранять осадный обоз. Так что твоя задача как можно быстрее встать в строй. Впереди осада Рима.

Федор вздохнул и молча кивнул, покоряясь воле командования. Нога еще действительно не зажила до конца и, как бы он ни хорохорился перед окружающими, недельку, а лучше две придется отдохнуть от войны. А охрана осадного обоза это отнюдь не наказание, а скорее наоборот. В предстоящей операции по осаде столицы римлян именно он будет играть главную роль. Одной пехотой, да конницей Рима не взять. Стены у него крепкие.

Перед тем, как вернуться в лагерь, где была расквартирована его хилиархия, Федор еще некоторое время беседовал с Юзефом. Тот подтвердил ему, что великий Ганнибал, да продлит Баал-Хаммон его дни, уже оккупировал земли за горой Санта-Кроче и продвигается вдоль моря, предавая все огню и мечу.

Уничтожив мощные преграды на своем пути, армия Карфагена, оставив блокированный Неаполь и окрестности Капуи далеко в тылу, наступала сразу по двум направлениям, быстро приближаясь к Риму. Ганнибал использовал для этого отличные римские дороги, передвигаться по которым было одно удовольствие. Рим построил эти мощные дороги для того, чтобы держать в страхе всех своих соседей и быстро перебрасывать по ним легионы для подавления восстаний. Теперь его дороги работали на завоевателей и по ним с юга на север в сторону Рима двигались не только финикийцы, но и

те самые кельты, для скорейшего уничтожения которых эти дороги и строились.

Юзеф рассказал, что Ганнибал по достоинству оценил работу римских инженеров и строителей, не переставая их хвалить.

— Как далеко он уже продвинулся? — спросил Федор всезнающего летописца, а по совместительству человека, который записывал все исходящие из штаба приказы и отправлял в войска.

— По слухам, — ухмыльнулся Юзеф, — он уже в нескольких днях пути от самого Рима.

— Что же, — кивнул Федор, — тогда мне нужно поторапливаться. А то, если я еще немного задержусь здесь, на мою долю не останется ни одного римлянина.

На следующий день Федор решил устроить смотр своим войскам. Он велел построить хилиархию от которой по меткому замечанию Атарбала действительно осталось не много, — чуть больше шестисот человек, — и, опираясь на палку, в сопровождении Урбала и Териса, прошелся вдоль строя. Приставленный лекарь был недоволен поведением Федора, но сделать ничего не мог. Война есть война, на завтра намечалось выступление, а Федор хоть и раненый, но другого командира у хилиархии нет.

Осмотром Федор Чайка остался доволен. От потрепанных и изможденных недавними боями солдат не осталось и следа. За время болезни Федора все они отлично отдохнули и зализали свои раны. Перед ним, сверкая доспехами, стояло шестьсот пятьдесят восемь закаленных бойцов, готовых порвать хоть целый легион, вставший у них на пути. «Да, — все же огорчился Федор, — а всего пару недель назад их было полторы тысячи».

Закончив осмотр, Федор решился на короткую речь.

— Солдаты, — сказал он, — дорога на Рим открыта и завтра мы выступаем. Наша задача: охранять осадный обоз, который должен снести стены римской крепости. Последней преграды к окончанию нашей победоносной войны. Не пройдет и десяти дней, — при этих словах Чайка невольно покосился на Урбала, — как мы будем пировать уже на римском форуме и былая слава Карфагена, повелителя морей и суши, снова засияет, как и прежде. Сейчас вы можете выпить вина и предаться веселью, поскольку завтра нам предстоит снова идти в поход.

Услышав это, солдаты огласили криками такой бурной радости окрестности римского лагеря, что эхо пошло гулять по скалам. Распустив солдат по палаткам, Федор направился к себе в шатер.

— Готовить на утро коня? — с сомнением в голосе спросил Терис, проводив командира хилиархии до шатра.

Федор посмотрел на свою перевязанную ногу, на лекаря стоявшего неподалеку, вздохнул и велел Терису приготовить повозку.

К его удивлению до Палестрины, последнего крупного города, что стоял на Латинской дороге и мешал продвижению армии к Риму, африканцы подошли довольно быстро, и не встречая сопротивления. Враг явно находился на последнем издыхании, напрягая все силы, чтобы успеть подготовиться к отражению осады, а потому лишних легионов, для того чтобы дать большое сражение на подступах у римлян не нашлось. Но, тем не менее, бой у Палестрины¹⁸ вышел жестокий и кровопролитный. Небольшой гарнизон этого городка, состоявший из легионеров, морпехов Марцелла и ополчения граждан не пожелавших покинуть свой город, защищался до тех пор, пока не был полностью уничтожен.

Зная о судьбе римских пленников, которых Ганнибал после победы у Канн предлагал выкупить сенату Рима, Федор Чайка не был удивлен. Десять пленных римских военачальников из числа наиболее высокопоставленных были Ганнибалом освобождены под личную клятву вернуться и отправлены с посольством в Рим. Сенату предлагалось выкупить

¹⁸ Просим не забывать читателя, что он держит в руках альтернативно-историческое повествование. И большинство событий, описанных в данном романе, особенно происходящих после битвы при Каннах, существенно изменены или придуманы.

тысячи своих пленных солдат, среди которых к тому же находилось множество родственников жителей Рима. Несмотря на то, что лишних солдат у Рима не было, сенат демонстративно отказал Ганнибалу, сообщив, что не ведет переговоров с врагом государства на его земле. И тогда Ганнибал в бешенстве казнил часть из них, большинство, все-таки, оставив в живых, но продав в рабство греческим работоторговцам. Так закончили свое существование легионы Павла и Варрона. Часть из которых, впрочем, еще пряталась в окрестностях Ветузия, не слишком далеко от места сражения. Но эти побежденные солдаты находились в деморализованном состоянии и не представляли для армии Карфагена угрозы. Потому Ганнибал не стал тратить время на их полное уничтожение, а увел армию в сторону Капуи и вот теперь продвигался к Риму.

Участь пленников, которых сенат не пожелал спасти, наверняка была известна и жителям Палестрины, ведь ехали они по этой же дороге. Власть Рима на этих землях была давней, как и ненависть к ее противникам, а потому никто из жителей городка не пожелал сдаваться в плен карфагенянам.

Федор наблюдал за битвой из лагеря, что был выстроен неподалеку на одном из холмов, которыми изобилует эта горная местность. Осадные орудия, которые охраняла его хилиархия, сыграли в этой победе не последнюю роль. И когда, разрушив ворота и часть стены, пехотинцы Атарбала вместе с кельтами, ворвались в город, участь Палестрины была решена. Командир африканцев приказал поджечь город, чтобы римским разведчикам, замеченным нумидийцами у дальних холмов, было отлично видно, как приближается непобедимая армия Ганнибала. Приказ был исполнен и пожар полыхал всю ночь, а утром, когда дым еще поднимался над развалинами, армия двинулась дальше.

«Неужели этот город оборонял Марцелл и он теперь погиб, — думал Федор, облаченный в доспехи, осторожно шагая в штаб в сопровождении Териса и поглядывая на столбы дыма, — жаль, если так. Я хотел убить его сам».

Федор пробыл в штабе недолго, получив те же указания, — охранять обоз. Но ушел оттуда не сразу, а задержался, поскольку Атарбал допрашивал пленного римского солдата. Из рассказа раненного выяснилось, что город яростно защищался совсем не потому, что обороной командовал Марцелл. Отражение штурма организовал его заместитель, а сам сенатор ушел незадолго до начала осады с несколькими сотнями легионеров в сторону Рима, получив оттуда какой-то приказ. Какой именно, солдату было неизвестно. А все офицеры гарнизона были мертвы.

— Наверняка его перебросили на другую сторону хребта, поближе к Аппиевой дороге, — высказал предположение Атарбал, посмотрев на Федора, — Чтобы укрепить оборону там и помешать самому Ганнибалу, который уже приближается к Остии.

И добавил пренебрежительно:

— Из оставшихся в живых римлян, Марцелл сейчас последний опытный военачальник, достойный Ганнибала, который и с сотней солдат может стать нам преградой. Остальные, — просто слабаки. Так что, Федор, нам осталось недолго воевать.

— Остия — морские ворота Рима, — заметил неожиданно для себя Федор, — там ведь должен стоять флот.

— Ты неплохо осведомлен, — кивнул Атарбал, нахмурившись и обдумывая слова пленного, словно Чайки рядом уже не существовало, — можно подумать, ты там уже бывал.

— Я же командир разведчиков, — заметил на это Федор, напрягшись, что не ускользнуло от Атарбала. И тогда он решил сказать полуправду, что могла успокоить возникшие подозрения, — а, кроме того, я действительно там бывал. Еще задолго до войны. Ведь я родом из далеких северных земель, был моряком. И однажды мы заходили в Остию с товаром.

Атарбал посмотрел на Федора с некоторым интересом. Похоже, слова командира двадцатой хилиархии его удивили.

— Так ты был купцом до войны?

— Не купцом, — нехотя пояснил Федор, — а солдатом. Я плавал охранником на

торговом корабле.

— Да, припоминаю, — ухмыльнулся Атарбал, погладив бороду, — Юзеф рассказывал мне, что ты приплыл в Карфаген откуда-то из дальних пределов, куда еще не заплывал не один карфагенянин.

Федор молча кивнул.

— Но, мне все равно, откуда ты, Федор Чайка, — добавил Атарбал, присаживаясь в огромное кресло к столу, отделанному золотом и слоновой костью, на котором лежал свиток папируса. — Главное, что ты хорошо служишь. И доказал свою верность Карфагену. Ты можешь идти.

Чайка поклонился и направился к выходу из шатра.

— Что же, не будем медлить, — услышал он, уже выходя, голос командира африканцев, — До Рима уже недалеко. Юзеф, пиши приказ.

Еще двое суток корпус африканской пехоты, усиленной кельтами и нумидийцами, медленно продвигался по долине, зажатой с двух сторон горами, то и дело встречая завалы и кордоны на своем пути, но мощной обороны нигде не было организовано. Несколько раз авангард, состоявший на этот раз из кельтов, подвергался нападениям. В первый раз это была засада, устроенная у переправы через горный ручей, где засели римские лучники и манипула пехоты. Римляне спустились со склона камнепад, грохот которого донесся даже до Федора, передвигавшегося на повозке впереди своей хилиархии, но в самом конце колонны. Как потом оказалось, римляне из засады успели уничтожить целую спейру кельтов, а вторая по большей части погибла под камнями. Но, оставшиеся в живых разъяренные убийством своих воинов кельты, вскарабкались по склону и изрубили засевших там легионеров в куски.

Федор не переставал удивляться мужеству и отваге этих солдат, которые почти не носили доспехов, а иногда шли в бой почти голыми, имея на своем теле лишь исподнее, да штаны, а в руках щит и меч. Кельты, несмотря на то, что принадлежали к многочисленным племенам, как Испании, так и местным, обосновавшимся в долине реки По, часто враждовавшим между собой, до сих пор хранили верность Ганнибалу. За все время длительной кампании они ни разу не покинули поля боя и не устроили потасовку между собой. Последнее было особенно удивительно, ведь Федор Чайка уже хорошо знал их вспыльчивый и воинственный характер, которого так боялись римляне. И, тем не менее, военный вождь Карфагена умудрялся держать их под контролем. Численность кельтов, постоянно гибнущих во всех сражениях, куда Ганнибал посылал их первыми, неизменно восстанавливалась и пополнялась за счет новых наборов в северной Италии. Так что до сих пор кельты составляли самую многочисленную часть войска Карфагена. Испанскую конницу и африканцев Ганнибал обычно берег для больших сражений.

Ближе к вечеру того же дня, на авангард, пополнившийся свежими спейрами, напала римская конница. Отряд из сотни катафрактариев смял строй кельтов и прорвался в середину колонны, где передвигалась уже африканская пехота. Но, выученные боям в горах, опытные солдаты Карфагена быстро организовали оборону и дали отпор римским всадникам. Напав на спейру копейщиков, римляне меньше чем за полчаса потеряли половину отряда, уничтоженную меткими бросками дротиков. А остальных добили лучники и пехотинцы. Лишь несколькими десятками римлян, удалось унести ноги, прорвавшись обратно вдоль скал. Да и то, их немедленно бросились преследовать нумидийцы.

— Хотят показать нам, что еще что-то могут, — усмехнулся вслух Федор, глядя на бой со своей повозки, до которой римляне так и не добрались, — Кусают, чтобы не расслаблялись.

— Да, злятся римляне, — подхватил шагавший рядом Урбал, закинув на ремне щит за спину, — чувствуют, что приближается их конец.

— Еще немного, — вскинул руки Летис так, что прицепленные к поясу кинжалы звякнули о доспехи, — и я буду пировать посреди форума, а потом я пройду по местным...

— Не торопись, — осадил его Федор, поглядывая на окрестные скалы, кое-где у вершин прихваченные снежными шапками, — надо сначала до него добраться. Просто так

его тебе никто не отдаст.

— Это ничего, — отмахнулся Летис, поправив свой шлем, ремешок от которого резал его массивный подбородок, — я готов драться до тех пор, пока не уничтожу всех римлян.

Чайка промолчал, поглядывая на горы. Красивые вокруг были места, живописные. Можно сказать, курорт, если забыть ненадолго о бушевавшей войне.

На утро следующего дня горы стали расступаться, а местность выравниваться. Корпус Атарбала без помех продвинулся еще на десяток километров и вскоре нумидийцы обнаружили впереди большие скопления римских войск. Как вскоре выяснилось, от захваченного ими пленного, неосторожно удалившегося в ближний лес, это были рабы, вооруженные сенатом в спешном порядке и собранные в два легиона, готовые защищать Рим в обмен на свободу.

Нога Федора уже почти прошла, и он сам, в сопровождении адъютантов, Териса, а также вездесущих Урбала и Летиса, принял участие в осмотре местности и окрестных высот, занятых армией Карфагена, откуда отлично просматривались позиции противника. Преграждая финикийцам дальнейший путь на столицу, легионы рабов занимали ряд высоких холмов, отстоявших от позиций наступающей армии примерно на три километра. Между противниками простиралось больше относительно ровное пространство с редкими плоскими холмами, иссеченное многочисленными оврагами.

Воевать здесь широким фронтом было трудно, почти невозможно. Оборонявшиеся, устроив на занятых холмах стандартный римский лагерь, перерыли внизу под ним всю дорогу, создав там протяженный укрепленный вал. За ним был выстроен один из легионов, очевидно, тоже получивший сведения о приближении карфагенян.

Походная артиллерия была представлена «Скорпионами», установленными за частоколом на валу. Рассмотрел Федор там и около десятка баллист.

— Серьезные ребята, — заметил начальник разведчиков, покидая наблюдательный пост.

Летис, наблюдавший за передвижениями противника, только усмехнулся и погрозил им кулаком. Он не мог дожидаться сигнала к наступлению и постоянно теребил рукоять подвешенного к поясу кинжала.

Глава одиннадцатая

Укрепрайон Клорина

На всем протяжении земель бастарнов вплоть до города, служившего столицей брату убитого скифами в первом же бою вождя, армия Арчоя не повстречала никакого сопротивления. Видимо, выжившие в том бою бастарны подробно изложили Клорину, сколь сильная армия надвигается на них, и тот не рискнул встретить их в открытом поле. Отряд Ларина, осуществлявший разведку впереди главных сил, лишь несколько раз видел всадников врага, но те немедленно скрывались в лесу, едва заметив приближавшихся скифов. Леса свои, изредка перемежавшиеся полями, они знали отлично и легко уходили от погони. И Леха теперь ни минуты не сомневался, что у стен столицы этого племени бастарнов их ждет теплый прием. Впрочем, опасался он тоже не сильно. Виденная деревня не впечатлила его совсем. А расселившиеся по окрестным землям племена вряд ли могли выдумать что-нибудь покруче. «Здесь и дорог-то нормальных нет, наверняка, — думал храбрый морпех, качаясь в седле, и разглядывая первую дорогу, больше похожую на широкую тропу, на которую выехал его отряд в поисках подступов к столице Клорина, — не то, что каменных городов».

Однако, когда он выехал на очередное поле, вдруг открывшееся за первой же развилкой, как увидел город, который его удивил. Нет, укрепления столицы левобережных бастарнов, показавшиеся в паре километров впереди, не превосходили Херсонес и Ольвию высотой каменных стен. Прямо сказать, каменных стен здесь почти не было. Лишь цитадель, выстроенная на безлесом холме и возвышавшаяся над городом, была сложена из какого-то

темного камня. Да и то, только фундамент, на котором возвышались мощные бревенчатые стены и башни по краям. Зато сам город немалых размеров, облепивший все склоны холма, был обнесен не только частоколом, который здесь тоже присутствовал, но и огромной высоты валом, да и не одним. Две линии обороны, отстоявшие друг от друга метров на пятьдесят, представляли собой почти идентичные земляные валы немереной высоты, — метров десять первый и примерно пятнадцать второй, обсыпанные снаружи чем-то рыжим, похожим на глину. Перед внешним валом был к тому же вырыт широкий ров, заполненный водами текущей неподалеку реки. Был ли такой же ров перед вторым валом, рассмотреть не представлялось никакой возможности. Но, скорее всего, был. Отличие между валами, кроме высоты, состояло лишь в том, что первый был укреплен мощным частоколом, а на втором были выстроены бревенчатые стены со сторожевыми башнями.

Дорога, проходя по полю, упиралась в деревянную башню и прорытый под валом тоннель, закрытый мощными воротами. Ясное дело, что мост через ров с водой был уже поднят. А на башне и валу дежурили лучники. Их ждали.

— Крепкая деревня, — даже присвистнул Леха, рассматривая городок бастарнов, — теперь не удивлюсь, если у них вдруг обнаружатся и метательные машины.

С того места, откуда командир рассматривал город неприятеля, было видно, что местность идет под уклон. Город стоял на широком холме, который понижался вправо, где невдалеке виднелась еще одно поселение, так же обнесенное высоким валом и ошетилившееся частоколом, а за ним в паре километров третье. Все поселения жались к широкой реке, протекавшей позади них. Сам это Тирас или его приток, Ларин пока не знал. Да это было и не важно, река особенно не мешала штурму. Гораздо больше Леху заинтересовало то, что все поселения были соединены двумя линиями земляных валов поменьше, также по местной науке укрепленным острым частоколом. И это превращало три города в довольно протяженный укрепрайон у берегов реки, который просто обойти было делом нелегким, а оставлять его у себя в тылу было нельзя. Впрочем, решал здесь Арчой.

— Мы будем штурмовать, — решил командир корпуса, когда прибыл на место, выслушав сообщения разведчиков. И добавил, посмотрев на Леху и хозяйку Еректа, присутствовавших при разговоре, — мы пришли сюда не затем, чтобы обходить крепости, а для того чтобы их разрушать. Еще до захода солнца следует предпринять первую атаку на главный город.

Он посмотрел на вал и, подумав, решил.

— Конную атаку. Наши кони вполне могут взобраться на такой вал.

Леха не стал спорить, Арчою виднее, хотя ему вал показался крутоват. А кони, пусть даже и скифские, все же не горные козлы.

— Я это сделаю сам, — добавил Арчой, — а твои воины, Исилия, должны атаковать те два поселения, что я вижу в низине. Захвати их и подожги. Пусть жители столицы Клорина увидят, что их ждет, если они будут сопротивляться. А чтобы они думали быстрее мы подбросим подарок их вождю.

Он подал знак и тотчас два всадника поскакали к воротам. Достигнув берега и поднятого моста, они бросили на землю большой мешок, тут же усакавав обратно. Леха знал, что находится в этом мешке, и подумал, что голова Клондира и его тело, отдельно друг от друга, вряд ли обрадуют его брата, засевшего в крепости. В том, что бастарны обязательно попытаются узнать, что же находится в мешке, он не сомневался. Любопытство, даже на войне, страшная сила.

Мост немедленно опустили, и трое выбежавших воинов с копьями втащили мешок внутрь. Даже издали Леха смог рассмотреть, что за первыми воротами, что приоткрылись ненадолго, виднелись вторые, не менее массивные. Впрочем, хороший таран разобьет любые ворота. Но Арчой решил доверить атаку коннице.

Получив приказ, Исилия увела своих воительниц в дальний конец «укрепрайона», а несколько сотен скифов, рассыпавшись цепью, доскакали до рва с водой и бросили в него своих коней. Ров был довольно широкий, метров пять. Еще до того, как, цепляясь копытами

за скользкий берег, кони стали взбираться на земляной ров, в них полетели стрелы и дротики. Многих скифских всадников бастарны поразили еще на переправе. А те, кто выжил, напрягали своих коней взбираться вверх по крутому склону. Кони, впиваясь копытами в землю, прыжками поднимались наверх, втаскивая на себе тяжеловооруженных всадников.

Неожиданно в небе над полем, где выстроилось скифское войско, прогремел гром и пошел дождь. Глина, которой был вымазан вал, мгновенно размокла и даже самые сильные кони, преодолевшие уже почти половину склона, стали скользить по ней. А многие срывались, сбрасывая или подминая под себя седоков. В довершение защитники вала забрасывали атакующих копьями и осыпали их стрелами. Лучники могли бить в почти неподвижную мишень, которую представлял собой скиф на лошади, копыта которой скользили по размокшей глиняной поверхности. Буквально за полчаса половина скифов была перебита, а остальная скатилась в ров.

Глядя, как очередная лошадь, поскользнувшись с ржанием катится по склону, переломав хребет всаднику, а другие воины, лишившись коней, отступают, рискуя получить стрелу в спину, командир корпуса оценил возможности оборонявшихся и признал свою ошибку.

— Отменить атаку и строить лагерь, — приказал Арчой, — готовиться к осаде.

— Да, с наскока этот городишко не взять, — подтвердил Леха и посоветовал, — Надо строить таран и готовить лестницы. Да и пехота тут не помешает, лошади, они в поле хороши.

Арчой нехотя согласился, добавив.

— Вот ты этим и займись. Ты ведь города брал, я слышал. Значит, будешь командиром осадного отряда.

— Так ведь обоза же нет, — развел руками Леха, — Так только, пара телег с инструментами. Да кузнецы. Какой же я командир без обоза? Ни одной метательной машины с собой не взяли.

— Придумаешь, что-нибудь, — отмахнулся Арчой, — Не зря же тебя Иллур ценит.

— Ну, ладно, — подтвердил получение приказа морпех, польстившись на похвалу, — У этих бастарнов метательных машин вроде бы у самих нет, это хорошо. А с тараном мы что-нибудь сообразим, и покруче укрепления штурмовали.

Весь следующий день и еще три дня подряд лил дождь, словно пытаясь спасти бастарнов от неожиданного нашествия. От непрерывного дождя почва, и без того не сухая, быстро пропиталась влагой и разбухла. Конница скифов, оцепившая весь укрепленный район Клорина и теперь патрулировавшая его внешний ров своими разъездами, постоянно увязала в грязи. Кони месили эту жижу, с трудом выдирая из земли копыта, и за три дня протоптали множество новых тропинок в полях вокруг города.

Бастарны вели себя тихо и набегами не беспокоили, видимо, ожидая прибытия помощи, или пока скифы откажутся от идеи штурмовать укрепленный город. Только однажды они попытались атаковать выстроенный за ближайшим лесом лагерь, но контратака скифов была столь ошеломительной, что бастарны бежали, потеряв на поле боя почти шестьсот воинов. А преследователи едва не ворвались на их плечах в город. Но, к несчастью, бастарны успели поднять мост.

Теперь они изредка постреливали в проезжавших всадников со стен, но больше для острстки. Наученные горьким опытом скифы не подъезжали ближе, чем на два полета стрелы. Арчой же ежедневно приходил к Лехе в юрту и поторапливал его.

Отпущенное время Леха использовал с толком, несмотря на непогоду. Получив разрешение брать столько людей, сколько понадобится, морпех организовал строительство длинных лестниц, которых было изготовлено уже, без малого, сто пятьдесят штук. Он даже велел приделать к ним железные крюки, которыми можно было зацепиться за земляной вал. Если, перебравшись через ров, пристроить две такие лестницы, одну над другой, то вполне можно было дотянуться и до частокола. Но, на всякий случай, были сделаны еще двадцать лестниц поменьше. По ним предполагалось перебираться через частокол на самом верху,

совершив последний бросок.

Лестницы, понятное дело, связывали из росших вокруг деревьев. Лес тут был знатный, много сосен. И отходы не пропадали. Помимо осадных приспособлений Леха заготовил множество стволов, которыми предполагал завалить ров. По прикидкам инженера поневоле, их должно было хватить, чтобы устроить переправу под навесным мостом и еще в трех местах.

Но гордостью Лехиного производства был самодвижущийся таран на колесах. Вернее, самодвижущимся его назвать было нельзя в полной мере. Колеса у него были, но движущей силой выступало человек тридцать скифов, которых Леха заставил спешиться и впрячься в лямки. На высокой раме, на кожаных ремнях было подвешено массивное бревно, — на него пошло самое больше дерево, что смогли найти в лесу, — окованное спереди железными пластинами.

Походные кузнецы постарались и основательно укрепили ударную часть. Это, конечно, была не голова барана, не до культурных изысков тогда было, но вполне прочный металлический конус, способный за некоторое количество ударов снести любые ворота. Сверху и спереди, чуть с боку, таран был оснащен деревянными щитами, прикрывавшими от стрел тех, кто должен был его раскачивать.

Оглядев таран и огромное количество лестниц, Арчой остался доволен, хотя и не верил в пехоту, предпочитая конницу. Но здесь был особый случай, враг заперся за высокими стенами и, похоже, не собирался выходить на открытый бой.

— Теперь ты готов? — уточнил Арчой, хмуро посматривая на низкое дождливое небо. С высоты своего коня он глядел на таран и груды осадных лестниц, сваленных неподалеку от юрты Аллэксея.

— Да, жаль, только баллист нет, — посетовал Леха, — с ними бы враз управились. Но, и без них управимся.

— Хорошо, — согласился Арчой, — можешь начинать.

— Я? — удивился морпех.

С головой уйдя в работу, он совсем забыл о перспективе самому оказаться на острие атаки. Инициатива наказуема. Но выхода не было. Арчой приказал ему сформировать пехотное подразделение из спешившихся скифов, которое должно было пробить брешь в обороне противника для быстрой скифской конницы. Именно она должна была окончательно решить судьбу сражения и этого города, но первый удар было доверено нанести командиру разведчиков с пехотинцами.

— Ну, надо так надо, — развел руками морпех, и пошел инструктировать своих верных сотников, солдаты которых составляли ядро штурмовой дружины.

Как узнал Леха, за эти три дня войскам Исилеи удалось захватить внешний частокол второго городка, выбив оттуда бастарнов, и даже ненадолго ворваться за последнюю оборонительную линию. Однако, удержать успех не удалось. Ночная контратака бастарнов вернула им утраченные позиции, амазонкам же пришлось отступить. Выяснилось, что для штурма они заготовили слишком мало осадных приспособлений, да и те были уничтожены во время контратаки. Сейчас Исилее приходилось начинать все сначала и она, узнав, сколь серьезную подготовку провели скифы, даже прислала небольшой отряд из числа мужчин к Арчою, с просьбой передать им часть готовых лестниц. Леха хотел было возмутиться, сами пусть работают, но Арчой разрешил.

— Чем быстрее сарматы возьмут слабо укрепленные пригороды, тем больше паники возникнет в столице, — пояснил он обиженному организатору пехотной операции, — мы можем здесь увязнуть, укрепления против нас сильнее, а у них работы меньше. Так пусть делают ее быстрее.

Прибывшим к нему за осадными приспособлениями «костобоким» сарматам Леха приказал выдать двадцать лестниц, а на прощанье спросил у их командира, вспомнив вдруг, что до сих пор не знает самого главного.

— Как называется этот город?

— Орол, — ответил бородатый сармат, наблюдая, как его подчиненные привязывают самые маленькие лестницы к седлам коней, а большие грузят на кибитки.

— Интересное название, — подумал вслух Леха, — даже немного знакомое.

На вечернем совете, куда прибыла и сама Исилея вместе со своей наперсницей Тарнарой, — еще две верховные амазонки, виденные Лехой, отправились с царицей Оритией в дальний поход, — было решено начать атаку одновременно на рассвете. Морпех, старавшийся держаться перед Исилеей естественно, но без вызова, чтобы не раздражать лишний раз, поневоле чаще смотрел на ее подругу, считавшуюся правой рукой царицы Еректа с которой у него еще никаких конфликтов не выходило. И к своему удивлению заметил, что русоволосая воительница тоже поглядывает на него, ничуть не смущаясь. С виду девица ничем не уступала хозяйке Еректа, — такая же статная, высокая, голубоглазая, облаченная в дорогие пластинчатые доспехи, перетянутые ремнями от ножен длинного меча. В общем, не просто баба, а бой-баба, да еще красавица. И в других обстоятельствах Леха бы долго не раздумывал, попытавшись завязать знакомство. Тем более, что с Исилеей у него шансов было не много. Да и глаз еще побаливал. Но бессловесный контакт, который вдруг начал происходить между ним и Тарнарой испугал храброго морпеха даже больше, чем потенциальная агрессия с ее стороны. Ко второму он был уже готов, а вот первого еще ни разу не ощущал. Поэтому, от неожиданности, морпех стал смотреть на землю, опустив глаза и на все соглашаясь. А когда амазонки ускакали к себе в лагерь, даже испытал облегчение.

Перед закатом солнца вся подготовка была закончена. А к следующему утру, на рассвете, в крайних пределах леса выстроилось почти шестьсот человек с лестницами в руках. Триста из них были личной армией кровного брата Иллур, а еще триста прикомандированные Арчоем всадники, котрым приказали спешиться. Скифам не очень нравилось быть пехотинцами, но такие уж в нарождавшейся новой кочевой империи наступили времена. Кем скажут, тем и будешь, — и пехотинцем, и моряком, и артиллеристом.

На фланге наступательных колонн стояла конная сотня лучников, которым предстояло прикрывать наступление. Следом за ними находились многочисленные воины, несшие стволы деревьев, чтобы забросать ров. Было также приготовлено несколько повозок с камнями, собранными по всему лесу для укрепления будущей запруды. А позади атакующих порядков находился таран, возвышавшийся на дороге своей громадой. Впрягшиеся в него воины тоже были готовы по первой команде начать движение.

Едва начинало светать, когда, оторвав взгляд от едва различимой кромки вала, Леха посмотрел на сидевшего рядом в седле Арчоя, и, заметив его кивок, махнул рукой.

— Начинай!

Пехотинцы с бревнами преодолели поле без особых затруднений и сбросили первые стволы в воду напротив деревянной башни, поднятого моста и ворот. Мокрое от дождя дерево отлично тонуло. Затем подошла вторая волна солдат, которые сделали то же самое. Кибитки с камнями шумели уже в сотне метров по дороге. А за ним, с помощью нескольких десятков тел, двигался таран. Бастарны, услышав шум внизу, стали обстреливать скифов, скопившихся на другом берегу. Раздлись первые стоны и вопли раненных солдат.

Но, конные скифские лучники, уже гарцевавшие неподалеку, придвинулись к валу и окатили его ответным градом стрел. А затем принялись скакать вдоль него, непрерывно отправляя стрелы в солдат противника. Бой шел в полумраке. Защитники подожгли несколько факелов, перебросив их через ров, чтобы лучше видеть противника, но скифы тут же их потушили почти все, столкнув в воду.

— Быстрее, быстрее! — торопил Леха своих солдат, — Инисмей, давай скорее тащи камни, пока не рассвело окончательно. Гнур, дай сигнал войску Исилеи, а сам начинай штурм.

Сотник, обретавшийся на коне рядом с Лехой, подозвал воина и что-то приказал тому. Скиф тотчас запалил заранее приготовленную стрелу и послал ее в небо. Яркая точка прочертила в предрассветном небе дугу, и пролетев сотню метров, с шипением воткнулась в

мокрую землю.

— Ну, сейчас и там начнется, — проговорил Леха, посмотрев в направлении ближайшего поселения.

И действительно оттуда тотчас послышался шум: амазонки пошли на приступ.

Но и здесь, у ворот, закипело сражение. Пока под командой Ларина пехотинцы забрасывали в нескольких местах ров деревьями и камнями, солдаты Гнура, перекинув длинные лестницы, поползли по ним на другую сторону. Идея оказалась удачной. Десятки пеших скифов с луками и мечами за спиной, быстро оказались у подножия земляного вала и, пристроив лестницы, стали карабкаться на него дальше вверх.

Бастарны устроили обстрел по всем направлениям. Они обрушили на атакующих град дротиков и стрел, сбросили вниз еще несколько горящих бревен, которые переломали кости не одному пехотинцу. Но и скифы не теряли времени даром.

То и дело, отбивая щитом посланные в него стрелы, Леха гарцевал у самого рва и следил за ходом атаки. Первые пехотинцы, приставив одну к другой длинные лестницы, уже были на самом верху. На его глазах они закрепили за край частокола втащенные с собой короткие лесенки с крюками, взобрались по ним и вступили в рукопашный бой с защитниками крепости.

Первого скифа, оказавшегося на самом верху, мощный бастарн проткнул длинным копьем и сбросил вниз. Второй, едва вскарабкавшись на частокол, получил стрелу в грудь и тоже покатился вниз по склону. Но третьему удалось преодолеть острые колья живым. Убив из лука в упор подскочившего бастарна, он прыгнул за частокол и схватился с другим противником на мечех.

Справа от ворот сотник Гнур, а в двухстах метрах левее башни Уркун, вдохновляя своих солдат, карабкались по лестнице на самый верх земляного вала. В трех местах скифы уже пробили оборону и захватили часть первого вала, но чтобы удержать плацдармы и развить успех им требовалось подкрепление.

— Инисмей, — крикнул Леха, — бери еще две сотни и лезь на вал. Пробейся к воротам с той стороны, а здесь я сам управлюсь.

Инисмей, помогавший командовать организацией завала у ворот, кивнул. И вскоре Леха увидел, как две сотни скифов под градом стрел бросились форсировать ров и карабкаться наверх, прикрываясь на ходу небольшими круглыми щитами. Судя по тому, как и чем защищались бастарны, Леха успокоился, — метательных машин у них не было и в помине. По уровню вооружений бастарны сильно уступали грекам и даже скифам, доспехи имели среднего качества, а в бою надеялись только на свою силу. Хотя, как уже успел заметить командир разведчиков, храбрости им было не занимать. Да и на вид бастарны показались ему чрезвычайно рослым народом. Но все это не могло остановить победной поступи скифов.

Вскоре ров был заполнен бревнами и камнями, поверх которых солдаты накидали заранее заготовленные длинные деревянные щиты, чтобы сделать его ровнее. Два берега соединились. И вот теперь Леха с удовольствием отдал главный приказ.

— Кати таран! — крикнул он замершим в ожидании воинам, что впряглись в лямки. — К самым воротам!

Увидев, что скифы подкатывают к воротам таран, бастарны в ярости сбросили вниз горящее бревно, но промахнулись. Таран уцелел. Тогда они сосредоточили обстрел на тавивших его воинах, поразив многих, но и конные скифы-лучники не дремали. Они забросали защитников ворот градом своих стрел. На глазах Ларина, что ехал на коне вслед за тараном, двое бастарнов, пораженные стрелами в шею и грудь, рухнули вниз. Перевалившись через ограждение деревянной башни, устроенной над воротами, они словно два тяжелых мешка ударились о камни дороги, распластавшись бесформенными тушами. Было убито человек десять из скифских воинов, тянувших таран. Но, несмотря на это, подчиненным Ларина удалось таки дотолкать его до самых ворот.

— А ну, круши их, ребята! — заорал бравый морпех, спрыгивая с коня и присоединяясь

к воинам, что уже начали раскачивать массивное, обитое железом бревно.

И вскоре первый удар сотряс ворота крепости бастарнов.

Глава двенадцатая Таранный удар

Спустя час, когда совсем рассвело, первые ворота рухнули под методичными ударами скифов. Хотя далось это непросто. Бастарны, быстро осознав опасность, исходящую от тарана, не только обстреливали их из луков, но и бросали на головы атакующих камни, лили кипящую смолу. Не раз Леха поблагодарил себя за смекалку, — установленные спереди и сверху щиты. Они успели спасти немало жизней. Но, под непрерывным градом камней, рухнули и они. И вдруг, прямо на глазах у Лехи целый чан кипящей смолы опрокинулся на головы воинов, ближе всего оказавшихся к воротам. Дикие вопли огласили окрестности, а сваренные заживо солдаты, ослепшие от боли, бросились в разные стороны. Кто-то наткнулся на стену и упал, забившись в судорогах и катаясь по земле, а кто-то бросился бежать назад и прыгнул в ров с водой, из которой пошел пар. Но и те и другие умерли мучительной смертью.

Оставшиеся в живых утравили натиск и смогли, наконец, проломить первые ворота. Леха даже схватился за меч, в ожидании контратаки бастарнов. Но, ее не последовало. Защитники уже отошли за вторые ворота, завалив подступы к ним бочками и перевернутыми телегами.

— Разобрать завалы! — крикнул Леха, когда первые ворота рухнули и таран, едва войдя на половину, остановился, — Быстрее!

К счастью солдат не нужно было торопить, — еще один чан с горящей смолой пролившийся на заднюю часть тарана, и обваривший тех, кто не успел отскочить, сработал как лучший ускоритель. Не обращая внимания на вопли раненных, воины оттащили в сторону бревна и опрокинули мешавшую движению телегу. А затем быстро, с утроенной энергией втащили израненное тело тарана в подземную часть башни. Ларин быстро оглядел свою гордость, — к счастью ремни, на которых висело «ударное бревно», были целы. Теперь можно было не опасаться стрел, камней и кипящей смолы себе на голову. Хотя бы некоторое время.

Разрешив своим людям отдохнуть, командир разведчиков сам обследовал стены тоннеля при свете растекшейся горячей смолы и не обнаружил там никаких дверей. Видно из башни сюда было не попасть. Только снаружи или изнутри вала.

— Затаскивай таран в глубину! — крикнул Леха, и сам впрягся в ремень. В живых осталось не больше пятнадцати человек.

Когда скифы передвинули таран ко вторым воротам, позади него возник Инисмей.

— Ну, что там? — спросил Леха, прислушиваясь к воплям снаружи.

Правой, грязной от сажи рукой, Ларин вытер гарь и пот с лица, размазав все это еще сильнее. Видок у него был тот еще. Поздно вечером на кладбище встретишь, — с мертвецом перепутаешь. Но, сотника это не смутило. Он сам был измазан, правда, кровью врагов.

— Мы с Гнуром взяли и удерживаем почти всю стену справа от башни, — доложил сотник, — а Уркун захватил ее слева.

— Отлично, — похвалил его командир разведчиков, ожидая продолжения.

Сотник перевел дух и стал рассказывать дальше.

— Гнур даже спустился вниз и атаковал второй мост, но был отброшен и сейчас присоединился к нам для атаки на башню. Ее защищает очень много людей.

— Второй мост? — переспросил Леха, — значит, за этой башней есть еще один ров, так?

— Да, — кивнул Инисмей.

— И мост, который ведет к воротам через большой ров? — продолжил угадывать Леха.

— Так, — кивнул сотник, — но он еще не поднят. Если захватить его и пустить по

мосту конницу, то можно прорваться сразу в город. А если опоздать, то очень многих придется здесь оставить, пока возьмем второй ров. Он гораздо мощнее.

— Так захвати его! — приказал Леха, — а дорогу коннице я обеспечу.

И, посмотрев на изможденные лица оставшихся в живых солдат из obsługi тарана, добавил:

— Дай мне только еще человек тридцать.

Сотник исчез в дыму, который поднимался от горевшей снаружи башни и тлевшей вокруг нее земли. А вскоре сквозь дым в подземный тоннель пробралось три десятка бородатых скифов. Судя по виду, из тех, кому лично Арчой приказал спешиться. Они были еще свеженькие, не принимавшие участия в бою. «Отлично, — подумал Леха, разглядывая пополнение, — эти молодцы мне и нужны».

— А ну ребята, — обратился он к прибывшим, — бросайте на землю свои щиты и копья, да навалитесь-ка на таран. Я устал торчать в этом подземелье и очень хочу увидеть белый день с той стороны ворот. Осталось немного. Всего пара хороших ударов.

Скифы облепили таран и, раскачав его, нанесли первый удар, на который ворота отозвались глухим стоном. Второй удар был мощнее, послышался треск.

— Молодцы! — закричал Леха и опять примкнул к своим солдатам, — Навались!

Но, несмотря на своевременное подошедшее подкрепление, еще почти час ушел на то чтобы пробить ворота. И все это время снаружи раздавались звуки нешуточной драки, лишь слегка приглушенные толстыми брусками створок. Гнур и Уркун, словно ждали первого удара в ворота, чтобы начать свое наступление. Бой между двумя валами кипел давно, звон оружия и крики воинов, слились в гул, который все время нарастал. И Ларин уже начал переживать, что может не успеть. При такой интенсивности эта мясорубка могла быстро закончиться, бастарнов там было гораздо больше, как ни крути. И если мост будет поднят, то все усилия уйдут коню под хвост.

— А ну давай! — заорал Леха, когда по воротам пошли хорошо различимые трещины, — еще удар! Еще!

Наконец, ворота заходили ходуном, и верхняя часть обоих створок рухнула, открыв большой пролом. Эта удача огласилась криками радости со стороны скифов, но из пролома тотчас со свистом вылетело несколько стрел. Бородатый воин, стоявший рядом с Лехой захлебнулся кровью, — стрела бастарнов пробила ему горло. Вторая с чавканьем впилась в широкий брус, к которому был подвешен таран, пройдя буквально в паре сантиметров над шлемом Лехи Ларина.

— Ах, ты мразь! — заорал морпех в ярости и, подхватив приставленное к бревенчатой стене копьё, швырнул его в пролом, — получи!

Раздавшийся вопль был ему ответом. Копье нашло грудь бастарна. Тогда Леха подхватил еще одно и послал его тем же путем.

— А ну, четверо, схватили щиты и встали по бокам от пролома! — приказал Леха, решив, что тот еще не слишком широк, для прохода конной армии, — Еще четверо, взять луки и стрелять в каждого, кто покажется с той стороны! Остальные, навались!

И скифы снова принялись раскачивать таран под обстрелом врага. Но, принятые Лехой меры сделали свое дело: большинство стрел и копий, пущенных в пролом бастарнами, встречало на своем пути щиты скифов. А лучники не оставались в долгу. Солдатам Ларина хватило еще пяти хороших ударов, для того чтобы массивные балки ворот развалились и обрушились на защитников, придавив нескольких человек своим весом. Если не считать груды бревен посреди дороги, путь в крепость был свободен. Но вопли радости скифов быстро потонули в реве контратаковавших бастарнов, плотные шеренги которых Леха увидел сразу вслед за тем, как пыль от рухнувших ворот расселялась.

Прежде чем начать быстрое отступление, он также успел заметить, что мост и ворота второй линии обороны еще открыты. На подступах к нему бились с бастарнами пешие скифы. А по мосту в их направлении уже скакал большой отряд конных защитников.

— Твою мать! — сплюнул Леха, приседая, когда над ним пролетело и воткнулось в

бревенчатую стену длинное копьё, запущенное чьей-то умелой рукой, — Поднять щиты! Отступаем! Лучники, прикрыть отход!

Но, лучники и так «садили» как из пулемета, ловко выхватывая стрелы из колчанов и посылая их почти в упор в многочисленных врагов. Однако бастарны наступали быстрее и не считаясь с потерями. Преодолев груды бревен, оставшуюся от вторых ворот, они оказались в башне, середину которой занимал таран. Воины Ларина пятились, прикрываясь щитами от стрел и копий, просачиваясь с права и слева от его массивной громады наружу, и скоро все снова оказались перед воротами. Выбегая из них, Леха невольно бросил взгляд наверх в ожидании очередного чана с горячей смолой. Но к счастью башня была уже в руках скифов, — он заметил на ней нескольких бородатых воинов из сотни Уркуна.

А когда, преодолев по настилу ров, развернулся, быстро вдохнул чистого воздуха, и посмотрел слезящимися от задымленного тоннеля глазами на поле, то узрел конные порядки Арчоа, маячившие в нескольких десятках метров.

— Ворота разрушены, пусть свободен! — крикнул Леха, подскакавшему Арчою, — торопись, бастарны атакуют и могут поднять мост!

— Ничего, — бросил коренастый военачальник, надвигая шлем и перехватывая покрепче копьё, — Не успеют!

— А ты молодец, Аллэксей, — похвалил он морпеха, — сообщу Иллuru о твоих подвигах.

И махнув рукой в кольчужной перчатке, повел бронированную конницу в атаку. Проскакав вихрем по узкому настилу из бревен, скифы молниеносно растоптали и сбросили в ров пехоту бастарнов. Но в тоннеле возникла свалка, видимо два конных потока, ошестинившихся копьями, встретились в том месте, где проход сужался из-за оставленного в спешном отступлении тарана. Но Леха уже не переживал за исход схватки. Таран свое дело сделал, и Арчой пробьется даже сквозь узкий поход. И действительно, остановившиеся было задние ряды конных скифов, снова пришли в движение и всадники один за другим исчезали в тоннеле под башней.

— Ну, пошло дело, — удовлетворенно произнес морпех, опуская меч вниз.

Осмотрев стены, он пришел к выводу, что его воины контролировали ситуацию в надвратной башне и еще метров на двести в каждую сторону, где еще шли бои. Отдохнув немного, он перестроил своих людей, которых оставалось не больше двух десятков, и повел обратно в башню. Правда, подождав, когда в ней исчез последний скифский всадник.

Перед тем как в очередной раз преодолеть ров, Леха бросил взгляд в сторону соседнего городка, предназначенного Исилее. Там уже вовсю полыхал пожар, а битва шла не на стенах, а на улицах, где в дыму проносились едва различимые всадники или воительницы. Отсюда было не видно. «Молодец, баба, — похвалил Леха, — ворвалась таки в город. И нам пора».

Первое что он заметил, когда пробрался сквозь горы трупов в тоннеле, мост и ворота на втором валу были открыты и захвачены скифской конницей. На стенах, укрепленных гораздо сильнее первой линии обороны, засели бастарны, обстреливая всех, кто передвигался по мосту. Однако, главное было сделано. И теперь дело оставалось за малым, — захватить город, очистив его от коренных жителей.

На внешнем валу, только что перешедшим в руки пеших скифов, тоже было на что посмотреть. Многочисленные лестницы, построенные бастарнами с этой стороны для облегчения подъема, были завалены трупами оборонявшихся и скифов. Вокруг главной башни, только что закончилась сильнейшая битва, которую выиграли скифы. Инисмей, Гнур и Уркун, расставив своих людей так, чтобы никто вдоль вала не мог пробиться к воротам, спустились к своему хозяину и командиру, едва заведя его вниз.

— Молодцы, — похвалил сотников Леха, — выживем, награжу по-царски. Если бы не вы, мы бы тут на месяц могли застрять.

Все сотники были усталые, но, главное, живые. Хотя Уркун был ранен в плечо. Меч бастарна рассек доспех и задел в скользь плечо, из которого сочилась кровь.

— Сколько людей погибло? — перешел к делу морпех.

— У меня половина, — угрюмо сообщил Гнур, положив руку на кожаный пояс.

— У меня меньше, — ответил Уркун, поморщившись от боли.

— А у меня осталось всего человек тридцать, — заявил Инисмей.

— Да, не густо, — согласился Леха, — но, война есть война. Уркун, возвращайся в лагерь и зализывай раны, ты свое дело сделал. Людей пришли сюда, я с ними пойду в город. Остальным сторожить и защищать башню до тех пор, пока не очистим крепость от бастарнов.

Сотники устало кивнули и стали осторожно подниматься по лестницам вверх, прикрыв тела щитами. С другого вала, укрепленного бревенчатыми стенами, то и дело прилетали стрелы отчаяния. И хотя конная армия скифов уже растеклась по улицам столицы Клорина, на том валу были уничтожены еще не все бастарны.

С этого Леха и начал. Со своим небольшим отрядом он преодолел ров и поднялся во вторую надвратную башню. В течение двух часов Ларин с неполной сотней воинов выбивал оттуда бастарнов, до тех пор, пока не очистил и второй вал на полкилометра в обе стороны. На его счастье, защитников там осталось не много, только самые отчаянные. Остальные давно были внизу и защищали город и своего вождя в уличных схватках. Но они были обречены.

Так с боями, отряд Ларина прошел по второму валу на запад, где морпех, наконец, решил уже спуститься в город и устремиться на соединение с дружинами Арчоя, обложившими цитадель. Но, кое-что его отвлекло. Со стены морпех увидел, как амазонки, захватившие соседнее поселение гонят в столицу отряд пеших бастарнов, вождь которых искал здесь спасения. Бастарнов было человек двести, и они направлялись напрямик к башне, все еще находившейся в руках защитников. Эта невысокая башня с воротами разделяла на две части внутренний вал, отсекавший столичное поселение от его ближайшего пригорода. Между ними лежало небольшое поле, по нему сейчас бежали бастарны, арьергард которых отбивал яростные атаки конных амазонок.

Увидев это, Леха изменил свои планы, и решил вмешаться в ситуацию. Бастарнов, конечно было больше, но зато в городе уже царила скифская конница, а объединившись с сарматскими воительницами он мог рассчитывать на победу. А потому он атаковал башню. Но, засевшие в ней бастарны не желали сдаваться на милость победителю, и бой закипел жаркий. Тем более, что происходил он в узком пространстве, где ни лучникам, ни копьеносцам особо не развернуться. Приходилось орудовать исключительно мечом да кинжалом. В пылу схватки Леха слышал доносившиеся снизу вопли, но ничего поделать не мог. В общем, к тому моменту, когда башня перешла в его руки, закрывать ворота уже не было необходимости, — бастарны прорвались в город, и бой кипел уже на соседних улицах.

Спустившись, скифы примкнули к атаке амазонок. Неожиданным ударом во фланг, бородатые воины рассекли на две части отряд оставшихся бастарнов и загнали их на соседнюю улицу, ослабив и без того небольшое войско. Но защитники крепости бились не на жизнь, а на смерть. Отступать им было некуда. Хотя Леха быстро понял, что вождь, широкоплечий и крепкий мужик, ведет своих бойцов к цитадели, уже окруженной конными скифами. Он не знал, что его последняя надежда рухнула, и оттого бился отчаянно.

Леха решил лично захватить вождя бастарнов и, врубившись в ряды солдат противника, умудрился загнать его в открытые двери большого бревенчатого дома. В этот момент он заметил, что из-за угла соседнего дома показалось несколько конных воительниц, ведомых Тарнарой. Она тут же разглядела, с кем бьется Леха. Кинув коня в самую гущу бастарнов, амазонка стала давить их копытами и косить длинным мечом, прорубая себе дорогу к тому же дому. «Уж, не за ним ли она охотится, — промелькнуло у морпеха в мозгу, — но, уже поздно, дорогуша, я оказался здесь раньше. И я возьму его первым».

Дом был двухэтажным и принадлежал явно кому-то из зажиточных бастарнов, хотя и сделан был грубовато. Запах здесь стоял отменный, канализацией и не пахло, но зато наверх вела небольшая, но прочная лестница, а на втором этаже имелась целая масса узких комнат. Морпех рассмотрел все это, пока наступал на своего противника, вынуждая подниматься

того все выше и выше, до тех пор, пока они не оказались в большой комнате со столом на втором этаже. Быстро работая мечом, Леха выбил щит у вождя бастарнов, но поторопился, и едва не пропустив ответный удар в лицо. Меч врага вырубил большую щепку из косяка, а затем просвистел прямо над его головой.

Леха пригнулся, отступил назад и упал, зацепившись за поваленную скамью. Распластавшись на дощатом полу, он к тому же выронил свое оружие. На усатом лице бастарна, нависшем над ним, появилось плотоядное выражение. Вождь был огромного роста и широк в плечах. Ему оставалось только вонзить свой огромный меч в грудь распластавшегося на полу морпеха или отрубить ему голову. И он уже начал это делать, вскинув меч, но вдруг на лестнице зашумели быстрые шаги, и в комнату впрыгнула воительница с мечом.

Бастарн повернул голову в ее сторону, раздосадованный тем, что не успел довершить начатое. Но амазонка не дал ему много времени на размышление. Прыгнув вперед, она уклонилась от мощного удара и воткнула свой клинок ему в живот, вспоров кожаный панцирь, и даже провернув клинок для верности. Сраженный вождь выронил оружие, что-то пробормотал на своем языке, а затем упал рядом с морпехом, обливаясь кровью. На долю секунды его лицо оказалось рядом с Лехиным, но морпех не смог выдержать взгляд этих остекленевших глаз и быстро поднялся, подобрав свой оброненный меч.

— И сколько раз я буду тебя спасать, скиф, — бросила ему в лицо Тарнара, тряхнув волосами, и вперив в морпеха пронзительный взгляд голубых глаз, — ты уже дважды обязан мне жизнью. Чем расплатишься?

«Так вот кто меня тогда выручил», удивился Леха, осматривая статную фигуру, затянутую в кожу с ног до головы, и сказал вслух, бросив взгляд на поверженного Тарнарой противника:

— Спасибо, конечно, но я бы и сам справился. Мне оставалось еще немного до победы.

— Еще немного, — с усмешкой заявила амазонка, вкладывая меч в ножны, — и он отрубил бы тебе голову. Это и был Клорин. Он самый сильный воин среди бастарнов. Не понимаю, как ты смог загнать его сюда.

— Да я тоже не из робких, — еще продолжал хорохориться Леха, но потом был вынужден признать, — ты права, Тарнара. Проси, что хочешь, золота у меня достаточно.

Но Тарнара вдруг сделала шаг вперед, и, оказавшись в полуметре от Лехи, заявила:

— Золото мне от тебя не нужно. У меня его тоже достаточно.

— Тогда чем же я могу тебе отплатить, — заволновался Леха, почуяв близко дыхание этой разгоряченной кобылицы, от которой сейчас расходились во все стороны жаркие волны.

— Никого не впускать! — приказала Тарнара появившимся в дверях двум амазонкам, и те повиновались, быстро спустившись вниз.

И вдруг схватила Леху за ремень от ножен меча и буквально потащила за собой в соседнюю комнату, какой-то чулан, где повсюду были разбросана одежда. Там она повалила его на пол, а Леха, обалдевший от такого поворота, наконец, догадался, что его не убивать сюда привели. Однако первое время не мог совладать с собой, и был довольно пассивен. Лишь когда Тарнара отстегнула меч, скинула с себя все портупеи, и, тряхнув гривой, стала быстро расстегивать доспех, Леха отважился ей помочь, а она, как не странно, позволила.

А потом они, лишенные защиты, вцепились друг в друга как полоумные. Такого с Лехой Лариным еще не бывало ни в той, ни в этой жизни. Он жадно лизал ее красивую, быстро набухшую грудь. Потом спустился ниже, приник к горячей коже живота, а потом еще ниже, где все горело. И лишь затем вошел в нее. Но Тарнара тотчас же, обхватив его мощными бедрами, рывком перекатила на спину, оказавшись сверху, и Леха подчинился. Сейчас ему сладостно было даже это. Они катались по разбросанной одежде, словно дрались, еще долго, не обращая внимания на звон оружия на улице. Дикая амазонка выжала из него все соки. Но, последний раз, несмотря на слабые протесты разомлевшей Тарнары, морпех все же оказался сверху, и его мужская гордость была восстановлена. Хотя к тому моменту ему было уже наплевать на свою гордость.

«Вот это женщина, — думал Леха, зачарованно поглаживая гриву светло-русых волос, — за нее можно все отдать».

Глава тринадцатая

Битва с рабами

Драка была жестокой. Первыми в атаку на укрепленные рубежи устремились галлы. Федор получил приказ оставаться в аррьергарде, но занять оборону на случай внезапных атак с тыла, поскольку корпус Атарбала прошел несколько развилок, от которых в горы отходили небольшие дороги. Римляне вполне могли пропустить основные силы финикийцев, оставив там небольшие отряды, для того чтобы внезапно атаковать в нужный момент. Исходя из этих соображений, Атарбал поместил осадный обоз в центр, приказав Чайке подготовить и развернуть часть метательных орудий назад. Кроме его хилиархии тылы были укреплены еще двумя такими же подразделениями африканцев, так что быстрого прорыва можно было не опасаться.

Федор выполнил разумный приказ, но все же перепоручил наблюдение за тылом Урбалу, а сам поднялся на холм, чтобы видеть сражение. По расчетам разведчиков и данным нескольких захваченных пленных, рабов здесь набралось действительно около двух неполных легионов, то есть восемь тысяч человек. Корпус Атарбала без усиления «усиления» из кельтов, насчитывал немногим менее восьми тысяч человек, — после Канн, он получил небольшое пополнение, прибывшее из Карфагена к захваченному побережью Апулии. А без малого десять тысяч кельтов и тысяча нумидийцев обеспечивали двойной перевес в силе. Однако, что-то подсказывало Федору, — бой будет жаркий.

И действительно, первые же схватки на нейтральной полосе, где, как оказалось, в оврагах засели отряды пращников и копейщиков, были ожесточенными. Сняв все заградительные отряды, разъяренные кельты обрушились на укрепленный вал, но были отброшены. А ко всему еще сильно прорежены стрелометами и баллистами римлян. Но, атаки кельтов следовали одна за другой, и скоро оборона была пробита в нескольких местах, но и рабы не уступали в смелости солдатам Карфагена. В отличие от изнеженных римских граждан им терять было нечего, зато победитель, если не умирал, получал свободу. Оказывая яростное сопротивление, рабы отступили к порядкам выстроенного заранее легиона, управлявшегося, судя по всему, кадровыми военными.

Вслед за этим, чайка увидел, как Атарбал ввел в дело кельтскую конницу, которая устремилась в прорыв. Достигнув захваченного вала, половина всадников, сидевших по двое на лошади, спешилось, усилив пехотные порядки. А конница, сквозь расчищенные проходы, сразу же устремилась в атаку.

— Жаль, Ганнибал забрал всех слонов! — сокрушался Федор, глядя на это, — вот бы сейчас онигодились.

Но и без слонов наступление развивалось вполне успешно. Спустя несколько часов, пешие кельты глубоко вклинились в порядки рабов-легионеров, а конница смогла охватить их правый фланг. Стрелометы и баллисты уже не спасали державших оборону, да в такой мясорубке их и нельзя было применить, не уничтожив своих солдат. Ответная атака римской конницы смогла ненадолго отбросить кельтов на левом фланге, но вскоре они и там выровняли фронт.

Со своей наблюдательной позиции на холме Чайка мог видеть как длинноволосые и размазанные кельты бьются на мечах с рабами, многие из которых, возможно, были гладиаторами на аренах Рима. И с той и с другой стороны были представлены сильные бойцы. Но время шло. Трупы сотен кельтов и римских рабов, убитых в этой мясорубке, усеяли землю. Африканцы Атарбала, выстроенные по спейрам во второй линии, пока не принимали участия в затянувшемся бою. Однако, несмотря на ожесточенное сопротивление, к вечеру весь первый легион рабов был практически уничтожен. Федор ожидал, что теперь римляне введут в бой второй легион, что давно следовало сделать на его взгляд, чтобы

выправить ситуацию. Но, вместо этого, выжившие рабы, оставив на поле боя всю походную артиллерию, бежали в укрепленный лагерь.

Атарбал тотчас воспользовался этой оплошностью римских командиров, и приказал африканцам занять все подступы к укрепленным холмам. Сумерки еще не наступили, а оставшийся легион рабов был блокирован со всех сторон. Но это все еще была грозная сила, которую следовало уничтожить, прежде чем двигаться дальше.

— Атарбал приказал подтащить осадные орудия к лагерю! — передал Федору запыхавшийся гонец, едва разыскал его.

— Сделаем, — ответил Федор, направляясь к порядкам своих солдат, окруживших плотным кольцом обоз, — пусть не беспокоится.

Перетаскивать с помощью лошадей уже собранные орудия по изрезанному оврагами и усеянному трупами полю было не легко, но Чайка все же справился с задачей в короткие сроки. Десять баллист и три римских онагра, захваченные на военных складах Капуи, были установлены на выбранных позициях напротив лагеря. На предгорья уже опускалась ночь, темнота быстро укутала долину. Но Атарбала это ничуть не смутило.

— Выслать вперед нумидийских разведчиков, — приказал он, поглядывая на слабо освещенный факелами лагерь римлян, готовившихся к отражению штурма, — Выставить охранение из кельтов, перекрыть долину. И немедленно начать обстрел зажигательными горшками.

Атарбал посмотрел на службу орудий, уже натянувших торсионы, и крикнул так, что его услышал расчет самой дальней баллисты в ряду.

— А ну-ка, подожгите мне это гнездо! Еще до рассвета я хочу выкурить оттуда этих рабов.

И тотчас в лагерь римлян полетели зажигательные снаряды. За частоколом началась суматоха. Римляне носились между занимавшимися то тут, то там пожарами, стараясь их потушить. Но артиллеристы Карфагена забрасывали в лагерь все новые снаряды, усиливая панику.

Федор наблюдал на ночным обстрелом, стоя во главе своих солдат, выстроенных в несколько линий, позади расчетов баллист. Перед ними колыхалось целое море кельтов в ожидании контратаки римских рабов. Пожары в лагере вспыхивали один за другим. Уже горели бараки для солдат, и даже часть самого частокола. И вскоре за преторианскими воротами возникло оживленное движение.

— Сейчас пойдут на прорыв, — заметил Урбал, стоявший рядом с Федором.

— Похоже на то, — кивнул командир двадцатой хилиархии, и, обернувшись к солдатам, добавил, глядя, как в открывшиеся ворота выбегают римляне, — Приготовить оружие!

Раздался глухой лязг. Карфагеняне подняли щиты, обнажив из ножен фалькаты. Но прежде чем римляне могли добраться до артиллерии, охранять которую должны были солдаты Федора Чайки, им предстояло уничтожить всех кельтов. И все же он отдал этот приказ, — римляне понимали, что прорвать фронт это их последняя надежда на спасение. Все могло поменяться очень быстро.

При свете пожара, отблески которого играли на шлемах и обнаженных клинках римлян, из ворот выходили все новые центурии. Основной удар римляне нанесли чуть левее позиции метательных орудий. По всей вероятности, рабы не собирались больше удерживать лагерь, а хотели лишь одного, — прорваться и уйти к Риму. Но кельты, полностью окружившие лагерь на холме, помешали им выполнить задуманное.

Жестокая битва возобновилась. Звон оружия раздавался, казалось, совсем рядом. И Федор нервничал, не имея возможности видеть в ночи, что происходит. Римляне давили изо всех сил, и вскоре бой значительно отдалился от лагеря, полностью переместившись в темноту долины. Бомбардировка, между тем не прекращалась. Напротив, Атарбал приказал усилить ее, отрезав рабам возможность вернуться за частокол, где еще оставалась часть легионеров, закрывших ворота. Глядя на лагерь, и без того уже объятый пламенем, Чайке

оставалось только ждать. Так он простоял не меньше двух часов, пока из мрака не возник посыльный Атарбала сообщив, что обстрел можно прекратить. Римляне уничтожены, хотя, часть из них все же смогла прорваться. Возвращаться в лагерь было уже некому, а те, кто там оставался, сгорели заживо.

Подняв взгляд вверх, Чайка заметил, что рассвет уже понемногу занимался над окрестными холмами, означая начало еще одного дня, который они начали с победы. А когда совсем рассвело, Федор смог осмотреть и само поле боя. Невдалеке дымил, догорая римский лагерь. Повсюду валялись тысячи трупов убитых с такой яростью, что Чайка не удивился, увидев несколько отрубленных одним ударом голов и рассеченных пополам тел. Переступая через все это, казавшееся уже будничным, он прибыл к командному пункту Атарбала, — шатру, стоявшей на одном из холмов.

— Скоро сенат Рима узнает, что потерял еще два легиона, пусть и рабов, — с гордостью заявил Атарбал, увидев подошедшего Федора и указав ему на дымившийся лагерь, — Кого же они выставят против нас завтра: женщин?

Довольный своей шуткой, он даже засмеялся.

— Бой окончен, — заметил бородатый военачальник, — мои быстрые нумидийцы преследуют разбежавшихся рабов. До вечера, а может быть и дольше, мы будем стоять здесь. Я ожидаю вестей от Ганнибала, и уже распорядился стоять лагерь. Так что ты можешь отвести осадный обоз на защищенное место и дать солдатам отдых.

— Они не устали, — ответил Чайка, — мы же простояли всю ночь без дела. А битву сделали кельты.

— Тогда сам поспи, а то выглядишь плохо, — добавил Атарбал, — В таком виде тебе Марцелла не догнать.

И командир африканцев снова хохотнул, положительно пребывая в отличном расположении духа. Победа над двумя легионами, пусть и рабов, очень тому способствовала.

Федор не стал спорить, разместил своих солдат на отдых и отправился спать, едва ему установили шатер на месте еще недостроенного лагеря. Он быстро заснул, не обращая внимания на шум и грохот вокруг. А когда проснулся, то, не успев поест, был немедленно вызван в штаб. Надев доспехи и взяв свою постоянную свиту из двух адъютантов и Териса, Федор пешком, — надо же было тренировать ногу, — отправился на другой конец лагеря, разбитого на большом холме, всего в паре километров от римского.

— Садись, — указал ему на походное кресло Атарбал, — можешь даже выпить вина.

Федор, оставивший свиту снаружи, не стал отказываться от такой любезности со стороны верховного командования. Сел в кресло и выпил предложенную чашу отличного красного вина, которое Атарбал возил в своем передвижном баре. Вино было карфагенское, но, ничуть не уступавшее греческому. Федор уже научился отличать его на вкус. Оно растеклось по горлу приятным терпким ароматом.

«Мягко стелет, — вдруг подумал Федор, спросонья поглядывая на ухмыляющегося командира африканцев, — что-то задумал на мой счет, наверняка». Интуиция, обострявшаяся в минуты опасности, которых на войне хватало, и уже не раз спасавшая Федора, не обманула его и сейчас.

— Только что прибыл посыльный от Ганнибала, — финикиец начал без предисловий излагать суть, — он уже отбросил войска, блокирующие Аппиеву дорогу и вплотную подошел к римским пределам. Ганнибал стоит лагерем недалеко от развилки дорог, одна из которых ведет на Рим, другая на уже знакомую тебе Остию. Между ним и Римом стоит легион под командой Марцелла.

Атарбал помедлил, отпив вина, прежде чем заговорить снова.

— Не понимаю, зачем ему это, — сил у Ганнибала достаточно, чтобы справиться самому, — но он приказывает мне отправить две хилиархии для того, чтобы атаковать Марцелла с тыла и вынудить его покинуть позицию.

Федор молчал, не понимая, зачем ему это знать.

— И этот отряд он приказывает возглавить тебе, Федор Чайкаа.

— Мне? — переспросил Федор, словно плохо расслышал.

— Тебе, — повторил Атарбал, — возмешь свою хилиархию и солдат Карталона, воевали уже вместе. А сверх того три спейры кельтов и двести конных нумидийцев. Но помни: твое дело только вынудить Марцелла уйти с дороги. Остальное сделает Ганнибал. Так что береги людей, чтобы не угодить снова в ловушку, как у Теана. В серьезный бой не ввязываться.

Федор помолчал некоторое время, обдумывая происшедшее. Мозг работал медленно. То ли еще не полностью проснулся, то ли вино уже начало действовать.

— Когда вступать? — задал он, наконец, конкретный вопрос.

— Сегодня же, — ответил Атарбал, — ждать нельзя. Мы сами выступаем, чтобы как можно быстрее охватить Рим с востока и севера. Уверен, что через пару дней я отрежу его от центральных районов, перекрыв Фламиниеву дорогу. А Ганнибал подойдет с юга и окончательно отсечет город от моря.

Появившийся слуга долил вина в чаши разговаривающим, а затем вышел.

— Но имей в виду, Федор, — заметил опытный командир африканцев, — Сенат Рима отчаянно сопротивляется нашим усилиям. Конечно, еще немного и мы его дождем. Однако, в районе Остии и на другом берегу Тибра, как мне доносят, Рим сосредотачивает свои последние силы, перебрасывая их туда из всех других районов, еще неподконтрольных нам. Кроме тех рабов, что мы разбили, уже сформирован легион из преступников, которых набралось около шести тысяч человек. Всех их вооружили трофейным кельтским оружием.

Он снова прервался и, возвысив голос, в котором зазвучало удивление пополам с презрением, закончил.

— Представляешь до чего пал Рим? Правда, от этого преступники не становятся менее опасны, скорее наоборот. Поэтому будь осторожен вдвойне. Мы уже у ворот Рима, и здесь врагу уже некуда отступать. Будь готов еще на пути к Марцеллу повстречать любую опасность.

— Я постараюсь, — кивнул Федор и встал, — пойду готовиться к походу.

Выступить в тот же день не удалось, поскольку нумидийцы, отправленные ранее Атарбалом в преследование беглых рабов, вернулись лишь к вечеру. Их командир сообщил, что беглые рабы почти все уничтожены, но в дне пути находится еще одна застава, которая хорошо охраняется. Там сосредоточено много конницы.

— Ничего, — отмахнулся Атарбал, — их уже ничто не спасет.

И обернувшись к Федору, присутствовавшему при разговоре, кивнул в сторону командира нумидийцев.

— Выступишь завтра на рассвете. Возмешь двести человек под командой Угурты. Он тебе уже знаком.

— Знаком, — согласился Федор, — неплохой воин.

— Один из лучших разведчиков, — подтвердил Атарбал, — я его знаю еще с тех пор, как впервые увидел в Нумидии.

Утром следующего дня слегка поредевшие после боев хилиархии Федора Чайки и Карталона, усиленные тремя спейрами кельтов и конными нумидийцами под командой Угурты, вышли из укрепленного лагеря, повернули меж холмов налево и взяли курс на запад, в сторону моря. Высокий горный хребет, отделявший две ведущие к Риму параллельные дороги, — Латинскую и Аппиеву, — еще вчера остался позади солдат Карфагена, а теперь выился слева по ходу. Соединялись эти дороги в самом Риме, до которого Федор Чайка и его воины еще немного не дошли, вынужденные следовать приказу. А сегодняшний путь лежал по предгорьям, быстро переходившим по мере продвижения отряда в живописные холмы, то и дело рассеченные квадратами возделанных полей и садов.

Большая часть из них была засеяна пшеницей. Однако не редко встречались виноградники, и даже фруктовые деревья. На вершинах холмов периодически возникали виллы богатых римлян, ослепляя яркой белизной своих колонн и портиков. Все они были сейчас покинуты хозяевами. Эта мирная картина, освещенная лучами яркого солнца, целый

день радовала глаз командира двадцатой хилиархии сочными красками.

Нумидийцы рыскали по окрестностям, высматривая римских разведчиков и наблюдателей, которых здесь было множество. За день произошло несколько стычек с конными разъездами римлян, но серьезных столкновений пока не было. Больших пехотных соединений на пути отряда Федора Чайки в течение дня так и не встретилось. Римляне были рядом, он это чувствовал, но близко не подходили.

Примерно в десяти километрах скоро была обнаружена отличная мощеная дорога, по которой он как-то скакал в Рим со своим первым центурионом по кличке Бычок. Дорога была превосходная, даже снабженная указателями с расстоянием до ближайших населенных пунктов, главным из которых был Рим. Тогда по ней в обе стороны двигались множество повозок с товарами, пеших и конных людей различного звания. Теперь же нумидийцы доносили Федору, что там наблюдается скопление пеших легионеров, двигавшихся с ним параллельным курсом, но не переходивших к активным действиям. Возможно, это были передовые части «легиона преступников», как окрестил его про себя Федор Чайка, решивший не провоцировать никаких столкновений до тех пор, пока не выполнит поставленную боевую задачу. Если только, римляне не нападут первыми. Лагерь Марцелла, судя по всему, был уже близко.

К вечеру Федор начал беспокоиться. Но беспокойство это доставляли ему не столько римляне, сколько воспоминания и постоянное ощущение что он здесь уже бывал в той, своей новой жизни. Когда был легионером и посещал с Памплонием виллу его будущего тестя. Ведь эти живописные места считались среди римских богачей самыми лучшими для строительства загородных вилл, где они отдыхали от государственных забот и принимали многочисленных гостей.

Сидя на коне, Федор пристально вглядывался в холмы. Где-то здесь находилась и та самая вилла сенатора Марцелла, где он впервые увидел Юлию. Где все и случилось, круто изменив его жизнь. Только тогда он был здесь как простой солдат римской армии, новоиспеченный гражданин Рима с клеймом на плече, а теперь он идет по этой земле, как военачальник армии Ганнибала, захватившей уже почти всю Италию. Эта жизнь ему нравилась гораздо больше, но в ней не хватало Юлии.

Между тем, когда солнце уже начало клониться к закату, отряд Федора приблизился к очень знакомому месту. Когда кельты вышли на очередное широкое поле, упиравшееся в огромный парк, Чайка издалека увидел стоявшую на холме виллу Марцелла. Теперь он не мог ошибиться. Это был целый комплекс зданий из нескольких домов различной высоты, возведенных из светло-коричневого кирпича. Больше других выделялось главное здание с парадным входом и плоской крышей, покрытой керамической черепицей. От этого здания, которое называлось атрий, шли два крытых коридора, соединявшие его с другим зданием из трех этажей. Там находились многочисленные жилые помещения для хозяев и прислуги. Все остальное тонуло среди деревьев, а парк был рассечен множеством дорожек и украшен статуями римских и греческих божеств, которые так любил хозяин. Там же в глубине парка, находился другой уединенный дом, в котором они с Юлией предавались любви всего один раз.

Погрузившись в воспоминания о юной римлянке, Федор едва не проморгал атаку легионеров, появившихся в поле сразу с двух сторон.

Сначала нумидийцы, неожиданно атакованные тяжелой римской конницей на дальней окраине парка, были смяты и рассеяны. Легковооруженные солдаты Угурты вынуждены были немедленно отступить к пехотным порядкам, потеряв в стычке десятка два воинов. Удар был мощным и внезапным, хотя атакующих римлян было вдвое меньше.

— Перестроиться для отражения атаки! — заорал Федор, мгновенно застегнув ремешок на шлеме и выхватывая фалькату из ножен. Натянув поводья, он гарцевал рядом с менявшими на ходу порядок построения пехотинцами Карфагена.

Пешие солдаты Рима появились одновременно из-за противоположных концов парка, попытавшись неожиданно сдавить отряд Федора в тиски. Однако, между первыми

шеренгами атакующих и кельтами было не меньше трехсот метров. И когда они приблизились на расстояние броска дротика, Чайка уже был готов к нападению.

Две спейры кельтов, развернувшись, бросились на римлян, оставив третью прикрывать голову колонны от удара конницы. Африканцы Чайки, шедшие в начале колонны, развернулись в обе стороны, став спина к спине, в несколько плотных шеренг. А хилиархия Карталона обнажила оружие, готовая отразить атаку с тыла.

Слева кельты с ревом набросились на римлян, остановив их атаку и не дав даже приблизиться к основной колонне. Римляне успели ответить броском пилумов, поразив многих. Длинные мечи воинов с раскрашенными лицами обрушились на skutумы легионеров, разваливая строй. Завязался бой. Эту схватку обошла стороной римская конница, устремившаяся на порядки африканцев, но у них на пути встала третья спейра кельтов. Однако, это их не остановило, Точнее не всех. Глядя, как римские всадники ловко орудуют своими длинными мечами, рассекая головы и плечи кельтов, Федор был вынужден отметить их хорошую выучку. Буквально за пятнадцать минут они прорубили себе дорогу и достигли основной колонны. Но, когда сильно поредевшие порядки катафрактариев приблизились к шеренгам африканцев, их встретила волна саунионов, после которой полегли почти все прорвавшиеся.

Справа ситуация была похожей, но тут римлянам удалось опрокинуть кельтов и добраться до порядков солдат Чайки. Первые шеренги африканцев из восьмой и десятой спейр, выстроенные в начале колонны, вступили в схватку подле виллы Марцелла.

Эта рубка длилась уже почти час с переменным успехом, но постепенно все склонялось к победе солдат Карфагена. Окинув с высоты своего коня все сражение, Федор заметил, что атакован не столь большими силами римлян, чтобы отсиживаться в обороне. На первый взгляд в бою участвовало не более восьми манипул пехоты и пятидесяти конных римлян, большая часть из которых уже была уничтожена или увязла в сражении. А в запасе у Федора находилась целая хилиархия Карталона. В тыл римляне удара так и не нанесли, подкреплений тоже было не видно. Да и ширина поля позволяла маневрировать. Видимо им посчастливилось повстречать очередной «заградотряд», только более мощный, чем обычно.

— Терис, — приказал он крутившемуся рядом солдату, — немедленно беги к Карталону и передай приказ обойти правый фланг римлян с тыла и уничтожить. Здесь я сам управлюсь.

А завидев Урбала, солдаты которого еще «прохлаждались», отдал новый приказ.

— Седьмой спейре немедленно атаковать противника и отбросить его к парку!

Вскинув фалькаты и подняв щиты, седьмая спейра двинулась на врага, потеснив ближайшую манипулу ударом во фланг. Среди особенно яростно сражавшихся, Федор заметил мощную фигуру Летиса, что крушил римские шлемы и «разрезал на ремни» целые панцири, вращая своей фалькатой.

Удар солдат Карталона в тыл правому флангу решил исход этого небольшого сражения. Спустя час все было кончено. Римляне разбиты, а оставшиеся в живых разбежались в разные стороны. Кто к Аппиевой дороге, кто в сторону гор. Федор пустил по их следу нумидийцев с приказом добить всех, и на том успокоился.

Вернувшиеся с виллы разведчики, доложили, что она пуста. Отряд, напавший на них, очевидно, только сегодня пришел сюда. Следов его длительного пребывания обнаружить не удалось. Никакого лагеря поблизости не было, а вилла, хотя и пустует, но совсем недавно. Особенных разрушений не замечено, даже вся мебель на месте.

— Ну что же, — вздохнул Федор, обратившись к стоявшим неподалеку Урбалу и Летису, — пойдем, посмотрим, как живут сенаторы.

Друзья с радостью согласились. Особенно Летис.

Уже вечерело, и Федор принял решение. Отдав приказ Карталону о ночевке в этом месте, он велел тому занять все подступы к вилле со стороны Аппиевой дороги, до которой было уже рукой подать, а собственной хилиархии охранять подступы парку и походы к нему со стороны предгорий. Оставаться здесь было опасно, но Чайка не мог так быстро покинуть

эту виллу. Слишком многое это место изменило в судьбе морпеха. А потому, отдав приказания, Федор Чайка шагом направил коня к главному зданию. Урбал и Летис шли следом.

Проехав через великолепный парк по выложенной камнем дорожке мимо нескольких статуй, Федор миновал шикарные ворота и остановил коня у парадной лестницы, выложенной белым с прожилками мрамором. Лестница с широкими ступенями величественно поднималась ко входу в атрий. В глубине которого, сквозь колонны виднелся фонтан в виде рыбы, еще отчетливо различимый под лучами вечернего солнца, падавшими сквозь прямоугольное отверстие в потолке.

Небольшие окна главного здания были устроены довольно высоко, на втором этаже, и выглядели прочно: каждое имело крепкую деревянную раму с переплетом. А между двумя зданиями поменьше, виднелся зажатый коридорами таблинум, — архивный кабинет бывшего хозяина, где сенатор часто работал с бумагами, приходящими из такого близкого Рима.

Федор не торопясь, слез с коня, поправил панцирь и направился внутрь парадной части дома, махнув рукой своим друзьям, чтобы шли за ним.

— Пойдем, Летис, — хлопнул обалдевшего от такого великолепия здоровяка по плечу командир спейры, — Ты же так хотел попасть в дом сенатора.

Глава четырнадцатая

Забывтый архив

Едва войдя в атрий, Федор остановился на пороге. Все здесь напоминало ему о Юлии. Он невольно стал снова осматривать внутренне убранство атрия, вспоминая как все было тогда. Несмотря на вечернюю пору из комплювия¹⁹ падало еще достаточно света, чтобы хорошо различать предметы. Неглубокий резервуар прямо под ним, был предназначен для стекающей с крыши воды. Вокруг небольшого бассейна, подпирая деревянный потолок, стояли колонны. А в специальных настенных нишах помещались встроенные шкафы.

«Там должны быть посмертные маски», — вспомнил Федор, как тогда при нем раб открыл один из них, и Чайка успел заметить искусно сделанные маски и бюсты, в которых была запечатлена вся родословная Клавдиев, предков сенатора. Он инстинктивно шагнул к одному из шкафов и открыл его. Тот был пуст. Но слой пыли не успел стать слишком толстым. Значит, сенатор или его слуги, действительно недавно еще были здесь.

Подняв опрокинутое кресло с гнутыми золочеными ножками, Федор скользнул взглядом по стенам. Они были покрыты штукатуркой, побелены и украшенные фресками, с которых на морпеха глядели грозные боги Рима. «Ничего, — молча отвечал им Федор, — я вас не боюсь. Скоро вы все у меня будете вот здесь!».

И он сжал кулак, погрозив римским богам.

Пол Атрия был устлан каменными плитами, на которых валялись черепки нескольких разбитых ваз, видимо, задетых в спешке побега. Зато вся мебель действительно была на месте. Небольшой круглый столик, несколько кресел с выгнутыми на греческий манер спинками и вычурные лектусы, — спальные лежа, со спинкой в голове и сбоку. Большинство роскошных предметов было украшено слоновой костью, черепаховым панцирем, и золотом.

«Все, как тогда, словно и не прошло нескольких лет, — подумал Федор, все больше впадая в грустное настроение, — а вот здесь, у колонны она тогда и стояла».

— Шикарно живет какая-то римская сволочь, — раздался прямо над ухом громоподобный голос Летиса, пожиравшего глазами убранство атрия, быстро погружавшегося в полумрак. Федор мгновенно вышел из романтических грез, вернувшись в свое обычное состояние.

¹⁹ Четырехугольное отверстие в потолке посередине крыши

— Это вилла сенатора Марцелла, — просто заметил он.

— Как! — воскликнули в один голос друзья, — того самого Марцелла, нашего врага? Того, что недавно тебя едва не убил своей рукой?

— Да, это его жилище, — спокойно ответил Чайка, — другого Марцелла я не знаю.

— Давай сожжем этот дом! — предложил Летис.

— Нет, — отрезал Федор, — уже почти ночь, а это может привлечь римских солдат, которые, наверняка, где-то неподалеку. Кроме того, эта вилла будет хорошим подарком Ганнибалу, если уцелеет. Пусть он решает, что с ней делать: сжечь или поселится здесь самому. А мне она не по рангу.

Летис обиженно засопел, — ему очень хотелось немедленно что-нибудь здесь уничтожить. Не дожидаясь разрешения, он вдруг схватил один из лектусов, легко поднял над головой и с размаху ударил об стену. Золоченая кушетка сенатора разлетелась в щепки. Летис схватил второй.

— Обожди, — осадил его Федор, — Для начала надо осмотреть, есть ли здесь другая спальная мебель. А то придется лечь на полу.

— Да мне все равно, где спать, я солдат, — ответил здоровяк, но нехотя подчинился, с грохотом поставив лектус обратно на каменные плиты пола.

— Пошли со мной, пока совсем не стемнело, — приказал Федор, покидая атрий, — надо осмотреть библиотеку. Там Марцелл работал с документами из сената.

Урбал молча повиновался. Летис, пнув на прощанье оставшийся лектус, тоже последовал за ними.

Быстро сориентировавшись, Чайка по внутреннему коридору прошел в таблинум, дверь в который была заперта. Вот где нашла выход ярость сына владельца гончарной мастерской из Утики. Хватило одного движения плечом, и дверь слетела со своего места, вырвав «с мясом» петли из косяка.

Посреди архивного кабинета бывшего хозяина виллы стоял массивный стол, на котором виднелось несколько небольших искусно сделанных шкатулок. Узкий шкаф, разбитый на квадратные отделения, полные свитков, находился позади столь же массивного кресла. Еще парочка шкатулок побольше, похожих скорее на большие ящики, обитые железными пластинами, стояла на полу. Все шкатулки, к удивлению Федора, была закрыты. В кабинете царил порядок.

— Ничего не понимаю, — удивился Федор, — неужели сенатор так спешил, что забрал посмертные маски своих предков, но позабыл вывести свой архив. Или что-то ему помешало?

— Точнее кто-то, — ехидно заметил на это Урбал, — и я даже знаю кто.

Пройдясь по кабинету, Федор приказал:

— Летис, достань кинжал и вскрой пару шкатулок. Одну большую и одну поменьше.

Летис с радостью выполнил этот приказ, мгновенно расковыряв первый замок лезвием всегда имевшегося при нем кинжала отменной прочности и остроты. В малой шкатулке был всего один свиток.

— Так, — пробормотал Федор, разворачивая его и пытаясь прочесть документ, — записка от сенатора Кастора относительно нападения на галлов в северных провинциях. Это ясно.

— Может пожечь пару свитков? — предложил заботливый Летис, видя, как мучается в сгущавшейся темноте Федор.

— Не надо, — отрезал Федор, сворачивая свиток и опуская его обратно в шкатулку, — лучше вскрой вторую.

Летис быстро взломал очередной замок массивной шкатулки, больше напомнившей Федору передвижной сейф. Там действительно оказались деньги, дно было завалено множеством разнокалиберных кожаных мешочков, в которых оказались денарии. А сверху лежало несколько свитков.

— Деньги на строительство трех кораблей для флота Сицилии, — проговорил Федор,

поднеся свиток близко к глазам, — а также приказ претору Марцеллу немедленно явиться в Остию с флотом.

Федор задумался, что-то не сходилось.

— Так, это что же, получается, — произнес он вслух свои сомнения, — Марцелл прикарманил это серебро или просто забыл построить три корабля для сицилийской эскадры?

— Может, не успел, — подал мысль Урбал, — а только собирался. Тут мы ему и помешали.

— Да все сенаторы одно ворье, — авторитетно заявил Летис, который с интересом изучал в углу чей-то бюст, установленный на небольшой декоративной подставке в виде колонны, — уж я-то знаю.

Федор опустил свиток в шкатулку, и снова подозвал Летиса.

— Вскрывай следующую! — указал командир двадцатой хилиархии, наугад ткнув пальцем в шкатулку, стоявшую на средней полке шкафа.

Там оказались закладные на какой-то дом в Риме на Авентинском холме, отданный неким Всадником сенатору Марцеллу за долги. Там же находилось еще с десятков долговых расписок от людей не бедных и знатных. Похоже, у Марцелла половина Рима ходила в должниках. «Скоро мы спишем все долги, — недобро ухмыльнулся Чайка, — когда займем Рим. А бумажки-то интересные. Если покопаться на досуге, может, и нарою что-нибудь полезное для дальнейшей жизни».

— Все, закончим с этим, — сказал он вслух, — Похоже, нам повезло.

Затем обернулся к Урбалу и добавил:

— Наверняка, сенатор, бросаясь в бега, захватил все самое важно, но, может быть, тут тоже кое-что осталось. Надо захватить все это с собой. Урбал, заberi все бумаги и отдай Терису, пусть хранит их в моей походной повозке, пока не доберемся до Ганнибала. Летис, помоги.

— Будет сделано, — кивнул рослый финикиец.

— Как закончите, идите отдыхать. Лагерь должен быть уже разбит.

Федор, сам собиравшийся ночевать в одной из комнат виллы, добавил, немного подумав.

— А то возвращайтесь потом, переночуете разок на вилле сенатора в порядке исключения. Велю вам подыскать комнатку.

Но друзья отказались.

— Не по чину нам на таких виллах ночевать, — к удивлению первым отказался Летис, — вот когда Рим возьмем, тогда уж все будет наше. Я себе такую же отгрохаю. Или у другого сенатора отберу.

— Ну, как знаете, — не стал напирать Федор и вышел во двор, по которому сновали африканские пехотинцы с факелами. Остановив один из дозоров, Федор уточнил готов ли лагерь. Ему ответили, что Карталон разместил всех солдат с восточной стороны и приказал ставить палатки в парке. «Молодец, Карталон, — мысленно похвалил Федор помощника, — парк огромный. Там, среди деревьев, можно было даже костры разводить, никто не заметит, пока не подойдет совсем близко. С дороги точно не видно, холм и вилла закрывают».

— Осторожнее с огнем, — все же предупредил Федор дозорных, — не показываться с факелами за пределами двора.

Встретив неподалеку Териса, который с адъютантами разыскивал его, Федор отправил их помогать Урбалу с архивом, а сам вдруг вспомнил, что еще не побывал в том самом доме для важных курьеров и прислуги, где они с Юлией первый раз дали свободу чувствам. И немедленно направился туда. Идти было не очень далеко, но когда Федор Чайка приблизился к строению, уже тонувшему во мраке, то обнаружил, что его заняли солдаты для ночлега. Причем разместились здесь бойцы не какой-нибудь, а его родной, седьмой спейры, первыми обнаружившие дом.

«А чего я собственно ждал, — отругал себя Федор за лишние сантименты, — сам же

приказал устраиваться на ночлег. Ну не я, так хоть Урбал с Летисом тут заночуют».

Посмотрев на дом издалека, Федор, решил не рассказывать друзьям, чем он тут занимался с дочкой сенатора. Слишком личный был вопрос. Пока Чайка стоял, мимо несколько раз проскакали нумидийские всадники, тоже ночевавшие в парке неподалеку. Кельты устроились с западной стороны от дальних ворот. Убедившись, что дозоры не дремлют, удовлетворенный командир двадцатой хилиархии отправился обратно на виллу, где занял спальню сенатора, выставив у дверей охрану из десяти пехотинцев, и с удовольствием заснул.

В ту ночь ему снилась не война. Снилось ему, конечно, Юлия. Она плыла на большом корабле по морю, в котором начинался шторм. Огромные волны накатывали на борт, одна за другой, желая перевернуть и утопить квинкерему. Сильный ветер развевал длинные платиновые волосы девушки. Юлии было страшно за свою жизнь, но еще больше она переживала за крохотного ребенка, которого прижимала к своей груди, стремясь спасти его от налетавшего ветра. Глядя на нее, Федор знал, что она ждала его, ждала уже давно. Ждала всегда, с тех самых пор, как они расстались. Когда он вынужден был бежать в Карфаген, стремясь избежать гнева ее воинственного отца и обманутого жениха. И стал предателем Рима, который успел к тому моменту возненавидеть.

Глядя откуда-то сверху на палубу корабля, словно с небес, Чайка видел девушку, как наяву и верил, что скоро найдет ее, несмотря ни на что. Преодолеет любые преграды, что уготовила им судьба. Очередной порыв ветра вдруг поднял огромную волну, вознесшую корабль на самый верх, и разломил его пополам. Раздался страшный треск, заглушивший раскаты грома и заставивший онеметь сердце морпеха.

Чайка проснулся в холодном поту. Прислушался. Снаружи раздавался, какой-то треск, гул и звон одновременно. Наверное, именно он его и разбудил. Приходя в себя, Федор еще некоторое время продолжал лежать на постели, где вчера устроился в исподнем, прикрывшись походным плащом скинув доспехи на пол. Никакого белья гостеприимный сенатор ему не оставил.

Вдруг в окно со звоном влетел камень, и шлепнувшись о стену, упал на пол.

— Черт побери, — вскочил Чайка босыми ногами на каменный пол, мгновенно проснувшись, — там же драка идет! Влюбленный морпех, твою мать, расслабился!

— Почему меня не разбудили?! — наорал он на охранников, прильнувших к окну на лестнице, когда, наспех натянув без посторонней помощи кирасу, поножи, сандалии и нахлобучив на голову шлем, распахнул дверь.

— Только что началось, — попытался оправдаться охранник, взбежавший на глазах Федора по лестнице, — нас атаквали сразу со всех сторон. Я как раз бежал доложить вам.

— Кто напал? — уточнил Федор, успокаиваясь и переходя на деловой тон, — и сколько их?

— Римляне, — охранник развел руками.

Федор оттолкнул его в сторону и сбежал по лестнице во двор. Там его повстречал Карталон с несколькими офицерами, но еще раньше Терис.

— Римляне атаквали нас со стороны дороги, — успел шепнуть Терис, прежде чем, оттолкнув его, приблизился Карталон, обрубленное ухо которого налилось багровой краской. Но внешне бородатый финикиец был спокоен.

— Что происходит? — спросил Федор, поправляя наброшенный через плечо ремень от ножен фалькаты.

— Мы почти блокированы превосходящими силами, — бесстрастно заявил Карталон, — судя по всему, ночью подошел целый легион. На нас насаждают отовсюду, но первые стычки говорят о том, что его солдаты абсолютно не умеют воевать. Они плохо обучены и дерутся, как...

— Преступники, — закончил за него Федор Чайка, — что же, это действительно может быть легион преступников, выпущенных римлянами на свободу. Атарбал предупреждал меня.

— Дерутся они плохо, — продолжал Карталон, — но, их все равно втрое больше, чем нас. Каков будет приказ: оборонять виллу?

— Нет, — отрезал Федор, — вилла нам не нужна. Это не крепость. Уходим. Прорываемся на запад, в сторону моря. Терис, архив погружен?

Верный ординарец кивнул в сторону двух повозок. Они стояли у главных ворот, запряженные лошадьми, оставшимися от убитых во вчерашнем бою римских катафрактариев.

— Тогда вперед, время дорого.

— Атаковать мне? — на всякий случай спросил Карталон.

— Нет, пустить вперед кельтов, — пояснил свою мысль Федор Чайка, — а ты прикрывай наше отступление. Вернее, поддерживай прорыв.

Карталон кивнул и быстро удалился за ворота. А Федор, прислушался к нараставшему шуму, и ему показалось, что драка действительно идет со всех сторон. Не теряя больше времени, Чайка вскочил на подведенного коня, приказал Терису с адъютантами следовать за ним, и поскакал через парк. Прискакав к знакомому домику в его глубине, он быстро разыскал Урбала, который выстраивал напротив свою спейру и узнал от него, что три спейры уже дерутся с римлянами, сдерживая их атаки на том же поле, где вчера произошел бой.

— Передай им, что мы будем прорываться на запад. Следуй со своими солдатами за мной. Впереди пойдут галлы. Карталон прикроет отступление.

— Все ясно, — кивнул Урбал, и добавил, так, чтобы никто не слышал, — зря мы здесь заночевали, Федор. Могли бы дальше пройти. Глядишь, сейчас бы не пришлось отбиваться.

— Не зря, — отмахнулся Федор, — оно того стоило.

— Ну-ну, — ухмыльнулся с пониманием Урбал, но больше ничего не сказал.

Направление для удара Федор выбрал верно. С дальней стороны имения Марцелла скопилось меньше всего солдат противника и кельты, которых осталось две неполные спейры, смогли разорвать окружение, легко прорубив в нем брешь. Даже, слишком легко. Когда Федор со своей двадцатой хилиархией, так же потерявшей немало людей за последние недели боев, показался на поле, то успел увидеть, как разбегаются римские легионеры, при одном виде разъяренных кельтов.

Затем Чайка увидел странную сцену: кельт, смертельно ранивший своего противника, вдруг отбросил свой меч и стал вырывать у полумертвого римлянина его оружие. Сделав это, он сорвал с легионера шлем и даже отобрал щит, разукрашенный какими-то фигурками. И, нагрузившись этим железом сверх меры, воин побежал догонять своих, уже почти втянувшихся в лес, который начинался невдалеке.

Путь на запад из усадьбы Марцелла был свободен и в образовавшуюся брешь устремились нумидийцы, которых Федор отправил вперед на разведку, а затем и двадцатая хилиархия. Проезжая мимо мертвых римлян, Федор присмотрелся и понял в чем дело. То-то издалека ему показалось, что легионеры как-то странно одеты. Теперь он видел, что большая часть из них вооружена трофейным галльским оружием, которое римляне были вынуждены собирать по всем своим храмам. В таком виде римский легион преступников, а Федор не сомневался, что это был он, представлял собой довольно живописное зрелище.

«Да, — не без удовольствия подумал Федор, — тают запасы великого города. Представляю, как разъярились кельты, увидев перед собой этих новобранцев».

К счастью противник им попался не из сильных. Несмотря на свою превосходящую численность, легионеры не смогли удержать карфагенян в пределах почти окруженной виллы сенатора. Большая часть финикийских солдат уже покинула окружение, тяжелее всего приходилось Карталону, на бойцах которого легионеры вымещали обиду за упущенную победу. Карталон отступал с боями, оставив себе всего четыре спейры, и прикрывая отход основных сил к лесу.

Оказавшись в лесу, Федор решил сделать короткий привал: она ждал, что нумидийцы принесут ему недостающую информацию. Лесок был жиденький, укрыться здесь было особенно негде, и следовало немедленно двигаться дальше. Чайка решил попытаться

уйти и к ночи оторваться от преследователей, чтобы сохранить как можно больше людей для предстоящей операции. Положить всех прямо здесь, не входило в его планы.

Угурта не обманул его ожиданий. Прискакав вскоре с десятком всадников к повозке с архивом, рядом с которой разместился на отдых командир двадцатой хилиархии, он через переводчика сообщил, что если взять чуть правее, то скоро будет река. Она течет с гор и довольно бурная, имеет крутые берега. Брода нумидийцы не успели найти, но зато нашли целый деревянный мост. На несколько километров вверх и вниз по течению другого моста нет. Римлян тоже нет. А из обжитых мест нашли только две деревни, покинутые жителями. Дальше за мостом поля, переходящие в холмы средней величины. А еще дальше предгорья.

— Отлично, — повеселел Федор, — если переправиться и разрушить этот мост, то римляне поотстанут на некоторое время. Это то, что нам нужно. Показывай дорогу.

Он встал с повозки и снова вскочил в седло.

— Подъем! — и, обернувшись к адъютантам, добавил, — сообщить кельтам и всем командирам новое направление. Отправить связного к Карталону, а здесь оставить половину спейры, как проводников к мосту, чтобы дожидались его прихода. Остальные немедленно выступают.

Спустя час, разведчики доложили, что мост обнаружен. Это было не сложно, поскольку сильно разбитая лесная дорога, на которой они оказались, пройдя опушку леса, выходила строго на него. Похоже, в мирное время римляне здесь валили лес, по пути Федору попало на глаза несколько делянок, и сплавливали его по реке вниз к Тибру. Чуть ниже моста имелась небольшая пристань. А, может быть, все это тоже принадлежало оборотистому сенатору.

— Хилиархия должна переправиться на ту сторону как можно быстрее, — приказал Федор, — Здесь, со мной, останется спейра солдат с лучниками.

Когда переправа была почти закончена, Федор подозвал к себе одного из адъютантов и отдал новый приказ:

— Занять оборону на мосту, забаррикадировать подступы. Подпилите пару балок или разберите его часть, так, чтобы можно было быстро разрушить, после переправы солдат Карталона.

Финикиец кивнул и ушел исполнять приказание.

Спустя еще пару часов, когда все солдаты Федора были уже на другой стороне, а нумидийцы снова отправлены в разведку, со стороны леса послышался лягз, и скоро показались отступающие солдаты Карталона, на которых по-прежнему наседали римляне. Оставленные для связи бойцы вывели их к самому мосту, но и враг не отставал, висая на пятках. Особенно не понравилось Чайке, что к преследованию подключились конные римляне.

— Лучникам приготовиться, — сообщил он стоявшему рядом адъютанту.

И стрелки, человек тридцать, выстроившиеся вдоль берега, быстро натянули тетиву своих луков, приладив к ним стрелы.

Две спейры бойцов Карталона быстро перебрались по мосту, простучав по нему подкованными башмаками. Третья втянулась, а четвертая последняя, увязла на подступах в драке с римской конницей, далеко обогнавшей собственную пехоту. Катафрактарии рубили своими длинными мечами африканцев и давили их лошадьми.

— А ну, охладить этих вояк, — приказал Чайка.

И в конных римлян, представлявших собой отличные мишени, полетели стрелы. Федор видел, как одному из них стрела вошла в шею. Всадник выронил щит и меч, схватившись за древко стрелы, и рухнул лицом в грязь. Еще десяток всадников постигла та же участь. Но они не отступали, желая захватить мост. Однако, в пылу преследования слишком далеко оторвались от пехотинцев, и скоро были наполовину уничтожены. Увидев, что несет большие потери, командир римской конницы, приказал отступить в лес, чтобы возобновить атаку уже превосходящими силами. А Федору только того и надо было.

Едва последний солдат Карталона перешел на другой берег бурной реки, а его примеру последовал Федор с лучниками, как середина моста обвалилась. А затем обломки моста на

дальнем берегу загорелись, подожженные умелыми руками. Обернувшись назад, Чайка заметил раздосадованное лицо командир римской конницы, снова показавшегося на берегу. Какое-то время можно было не опасаться преследования.

Глава пятнадцатая

Цитадель

Цитадель Клорина сопротивлялась еще довольно долго. Даже после того, как скифы приволокли и кинули под ее стены труп самого вождя бастарнов, проткнутого мечом амазонки. Арчой думал, что это сломит дух осажденных и заставит их быстрее сдаться, но вышло наоборот. Бастарны поняли, что терять им нечего и яростно продолжали обороняться еще три дня, отбивая все атаки скифов. Вся столица крупнейшего племени бастарнов была уже в руках Арчоя. Еще день ушел на то, чтобы сломить сопротивление третьего городка, входившего в укрепрайон. А цитадель все сопротивлялась.

— Аллэксей, — сказал Арчой на рассвете четвертого дня, — сегодня мы должны сжечь это гнездо. Мы и так задержались слишком долго на этом берегу реки.

И Леха кивнул, согласившись, что без его людей тут не обойтись. До сих пор Арчой использовал пеших скифов самостоятельно, но безрезультатно, а остатки отряда Ларина под его руководством осуществляли разведку вдоль берега Тираса, который в этих местах был довольно широким. Разведка показала, что брод есть в паре километров вверх по течению. А на другом берегу, поросшим густым лесом, то и дело мелькали отряды бастарнов, но сюда не лезли. Видно, побаивались превосходящих сил противника, сумевшего покорить укрепрайон Клорина.

— Ничего, — отмахнулся Арчой, выслушав доклад командира разведчиков, — пусть разносят по своим землям весть о нашем приближении и смерти своих вождей. Я сам займусь окрестностями, а ты лучше почисти это место. Я устал ждать.

И конница Арчоя растеклась по близлежащим землям, полям и лесам, оставаясь, впрочем, на этом берегу. А Леха Ларин снова сформировал осадный отряд, пополнив его новыми скифами, которых перевел в пехотинцы, поскольку от его собственных людей осталось после атаки на ворота едва ли половина. То есть, около полтора человека, из которых треть была ранеными. И сотники командовали сейчас не больше чем полусотней каждый. Да и то, из трех, только двое, — Инисмей и Гнур, — были в строю, а Уркун залечивал раны в лагере. Потому Леха решил поберечь оставшихся людей, а вперед пустил новобранцев.

Цитадель бастарнов была выстроена на голом холме, что позволяло защитникам просматривать все подступы. А мощный фундамент был сложен из темного камня, отчего крепость казалась мрачной особенно в те пасмурные дни, что наступили недавно. С тех пор, как скифы начали осаду, постоянно лил дождь. Он то усиливался, то прекращался. Но ненадолго. Все улицы города, как и окрестные поля, давно разбитые копытами конницы, превратились в непролазные топи. Люди и кони ежедневно месили жижу своими ногами.

— Черт бы побрал эту погоду, — стоя перед строем солдат, выругался Леха, и, смахнув капли дождя со своего лица, отдал приказ, — Вперед! На стены.

Сотни воинов одновременно с четырех сторон стали подниматься по склонам покато го холма, встаскивая на себе длинные лестницы. Атака началась одновременно с проливным дождем и бородатые скифы, то и дело падали, поскользываясь. В таких условиях поджечь крепость, чтобы сэкономить силы, было нереально. Арчой торопил, приходилось идти на жертвы.

Скоро к природным атакам добавился обстрел бастарнов. Стрелы с хлюпаньем втыкались в хорошо различимых сверху солдат Лехи Ларина. Сколько в цитадели засело бастарнов, было не ясно. Но обстрел велся со всех сторон не маленькой крепости. Это подсказывало Лехе, что там могло находиться не меньше пары сотен этих лесных чудовищ, которым больше было некуда отступать.

«Хорошо еще, что лестниц я заготовил немало», — похвалили себя морпех, глядя, как скифы перебираются через небольшой ров и карабкаются на стены.

Но атака захлебнулась. Защитники цитадели бились яростно, забрасывая наступавших камнями и бревнами, ломавшими лестницы. Спустя час бой возобновился, однако бастарны отбили и эту атаку, стоившую им самим нескольких десятков жизней. Тогда Леха велел притащить сюда снизу таран. Предварительно его немного подлатали, но в целом он находился еще в исправном состоянии. И с его помощью повторил атаку на ворота.

Ров был завален, а небольшой поднятый мост разрушен, и скифы принялись методично разваливать главные ворота в цитадель. Здесь ворота оказались гораздо крепче, чем у внешнего рва. Подчиненным Ларина пришлось потратить почти полдня, чтобы расшатать крепкие брусья, обитые во многих местах железными полосами и скрепленные металлическими обручами. Осада затянулась, но, на сей раз, дождь мешал уже бастарнам, пытавшимся поджечь таран. Зажигательные стрелы гасли, как и смола, с шипением растекавшаяся по мокрой земле. И к вечеру ворота рухнули, открывая скифам дорогу в цитадель.

И тогда, основательно замерзший за время ожидания, Леха снова повел своих людей в атаку. Пешие скифы ворвались в крепость и набросились на бастарнов, оцетинившихся мечами и копьями. Атака началась с дуэли лучников. Сверху на наступавших скифов обрушился град стрел. Но скифы сами рождались уже с луком в руках. Они ответили достойно и смогли быстро пробиться на стены, где завязалась ожесточенная схватка. Леха собственноручно успел зарубить четверых бастарнов, а одного сбросил со стены, прежде чем выслушал доклады от своих сотников, что крепость целиком очищена от гарнизона. Натиск скифов не уступал по ярости обороне бастарнов и потому поддержка конного отряда, стоявшего наготове неподалеку, даже не потребовалась. Цитадель была захвачена незадолго до того, как этот хмурый день стал гаснуть, переходя в темную и мокрую ночь.

— Молодцы! — похвалил Леха, убирая меч в ножны.

— Мы нашли подземелья, — доложил вполголоса Гнур.

— Отлично, — кивнул Леха, — зажгите факелы и, пойдем, глянем, что там.

Спускаясь по длинной и узкой лестнице вырубленной в камне, Лехе несколько раз пришлось переступать через трупы бастарнов. А когда скифы дошли до самой нижней площадки, куда выходило сразу три двери, из темноты на шагнувшего впереди всех Ларина вдруг бросился вражеский воин с кинжалом. Но реакция морпеха не подвела. Он ушел от удара, перехватил руку нападавшего, и сбил с ног быстрой подсечкой. Шагнувший следом с факелом Инисмей, успел выхватить акинак, и заколол бастарна. Осмотревшись по сторонам, они больше никого не нашли.

— Надеюсь, это последний защитник крепости, — кивнул на убитого морпех, — посмотрим, что тут прятал этот Клорин.

Двери, само собой, оказались запертыми. Пришлось звать еще людей, которые притащили бревно и стали высаживать укрепленные двери одну за другой. К счастью, они оказались не такие крепкие, как ворота.

За первой скифы обнаружили подземный ход, который вел в сторону реки. Из мрачного коридора пахло сыростью. По стенам стекали крупные капли, а при свете факела в стороны бросилось сразу несколько крыс.

— Если это ход, — подумал вслух Леха, — то почему они все не сбежали отсюда?

— Может быть, о нем знал только сам Клорин? — подсказал Идею угрюмый Инисмей.

— Согласен, — кивнул Леха, — зачем ему спасать всех. А сам он не успел воспользоваться этим ходом. Меня повстречал и... еще кое-кого.

За следующей дверью скрывался целый арсенал, — копья, щиты, мечи, кинжалы, кольчуги, — которым можно было вооружить еще добрую сотню бойцов.

— Все это вынести отсюда и доставить в обоз, — приказал морпех, — поход у нас долгий, это добро нам еще пригодится.

А третья дверь скрывала за собой настоящие сокровища. Едва ступив в небольшую,

вырубленную в скале, комнату и откинув крышку ближнего сундука, Леха заметил, как в свете факела блеснула россыпь монет. Второй сундук также оказался полон. В третьем обнаружились украшения: цепи, браслеты, кольца. В четвертом снова монеты, но какие-то квадратные и мельче размером, с непонятными Лехе надписями. Кажется, греческие. Взяв одну из них в руку, он разглядел при мерцающем свете факела хищную птицу, похожую на орла, которая несла в клюве здоровенную рыбу. Всего сундуков было восемь.

— Ну, вот вам и награда, — выдохнул Леха, заметно повеселев и с задором посмотрев на своих сотников, державших факелы, — я же обещал: выживем, — награжу по-царски! Берите это все и тоже тащите в лагерь к шатру Арчоя. Вот он обрадуется.

Казну Клорина и захваченное оружие по приказу Лехи уже затемно доставили в лагерь. Арчой больше не желал задерживаться в этом городе и, разграбив его за три прошедших дня, приказал на утро спалить дотла.

— Молодец Аллэксей, — похвалил командир корпуса, — ты, хороший боец.

— А то, — ухмыльнулся Леха, начисто лишенный скромности, — я еще и не такое могу.

После двух удачных «таранов» и недавних событий в доме у западной окраины, Леха был доволен собой как никогда. И еще неизвестно, что его больше радовало: первая победа или вторая.

— Я дам тебе часть этого золота, — сообщил Арчой, — ты его заслужил. Остальное отвезем Иллuru.

— Ясное дело, — кивнул Леха, словно спрашивали его мнения, — нам сейчас нужно много новых кораблей, а потому и золото не помешает.

Мудрый Арчой пропустил его слова мимо ушей. Кровный брат Иллuru мог позволить себе многое, даже не всегда уважительное отношение к более опытным воинам и начальству. Тем более, Арчой был одним из тех, кто тогда, очень давно, участвовал в ритуальном обряде. Тогда он, как и многие скифы из родни Иллuru, скрепил своей кровью родство с прибывшим издалека воином и тоже стал его кровным братом. Леха, надо сказать, до сих пор не знал всех своих «родственников», а вот они его помнили хорошо.

Наутро слегка развиднелось. Дождь прекратился и Арчой отправил Ларина в лагерь к амазонкам, что стояли уже у самого берега с приказом переправиться и провести совместную дальнюю разведку на той стороне реки. Леха с некоторым трепетом в душе отправился выполнять приказание. Дело в том, что после бурного соития с Тарнарой, он не знал как себя теперь вести. Получив от него, что хотела, горячая амазонка облачилась в доспехи и исчезла со своими воительницами в неизвестном направлении. Бой на улицах еще шел, и она тотчас вклинилась в очередное сражение, пропав в лабиринте улиц.

Теперь предстояла новая встреча. Передвигаясь в сторону лагеря амазонок по раскисшему полю вдоль частокола, из-за которого повсеместно поднимались столбы дыма, Леха немного придерживал коня. На него нахлынули приятные воспоминания о прекрасном и упругом теле Тарнары, от которого во время соития исходил такой жар, что он едва не сгорел от страсти. А как она его сжимала упругими бедрами... Уууу!!! Такого со своей наложницей Леха Ларин не разу не испытывал, хотя и та могла быть теплой и нежной. Но Тарнара была просто огонь.

«Да она меня ведь почти изнасиловала, — с удивлением отметил Леха, купаясь в воспоминаниях с блаженной улыбкой на лице, — еле отбилась и даже успел получить удовольствие. Надо же было как-то расплачиваться за спасенную жизнь. Может, у них так на самом деле принято. Я-то откуда знал?».

Вообще, Леха действительно пребывал несколько последних дней в растерянности. Хорошо хоть штурм цитадели подвернулся. Было чем заняться. А то не выдержал бы и поехал сам в лагерь к амазонкам. Надо же было выяснить, что дальше. Спросить ведь было не у кого. Не к Арчою же приставать с вопросами, чего ждать, когда переспал с амазонкой. И что делать, если с тех пор ничего не происходит?

«Он, может и знает, но тут дело интимное, — рассуждал Леха, глядя на

приближавшийся частокол вокруг лагеря Исилии, и любовно поглаживая левый глаз, — Надо как-нибудь осторожно разузнать, как поступить. Продолжения хочется, а логику сарматских баб пока не улавливаю. Поматросил и бросил, что ли? Непонятно. Да и обидно, блин. Леху Ларина еще никто не бросал».

Прибыв в расположение амазонок со своими бойцами, которых прихватил всего пятьдесят человек, Леха проехал сразу к шатру Исилии. Хозяйка Еректа находилась подле него и тренировалась в шутиливой битве на мечах с одной из своих воительниц. Приглядевшись, Леха понял, что это была не Тарнара, и даже выдохнул, немного расслабившись. Как он не хотел новой встречи, а все же побаивался с непривычки.

Ловко отбив несколько ударов, облаченная в черные доспехи Исилия, сшибла с ног свою партнершу по спаррингу и приставила острие клинка к ее горлу. Бой был окончен. А впечатлительный морпех, смотревший на все это, моментально ощутил острую сталь на своем кадыке, словно это ему хозяйка Еректа приставила меч к горлу. Слишком сильные были впечатления от их первой встречи.

— Приветствую тебя, хозяйка Еректа, — поздоровался морпех и передал сообщение, поглядывая на запыхавшуюся после схватки Исилию, — Арчай приказывает нам отправиться на разведку другого берега. Совместным отрядом.

— Зачем? Я уже отправляла туда своих воительниц, — ответила Исилия усмехнувшись, — можем начинать переправу немедленно.

— Арчай хочет знать обо всем, что находится в полудне пути от реки, — настоял на своем Леха, которого все же раздражала свободная манера общения сарматских женщин, подчинявшихся только с виду, — нужна дальняя разведка.

Исилия внимательно посмотрела на Леху и вдруг по ее лицу скользнула загадочная усмешка. «Она что, знает, что ли про нас, — растерялся бравый морпех, — Тарнара рассказала?» Но Исилия снова стала серьезной, а ее голубые глаза обрели стальной оттенок.

— Хорошо, — сказала она, вскакивая на лошадь, — прогуляемся прямо сейчас. Я поеду сама и возьму с собой сотню. Для небольшой прогулки за реку вполне хватит. Больших сил бастарнов там сейчас нет.

— Вот и проверим, — кивнул Леха, осматривая воительниц, что немедленно оказались в седлах, едва получив приказ. Не прошло и пяти минут, как сотня амазонок, затянутых в кожаные доспехи и вооруженных до зубов была готова к выступлению.

— А что твоей «правой руки» с нами не будет? — выдал себя Леха, когда не обнаружил среди них своей неожиданной любовницы.

— Нет, — просто ответила Исилия, и Лехе снова показалось, что по губам воительницы скользнула усмешка, — Я отправила Тарнару на разведку вдоль реки по этому берегу. Вчера там видели отряды бастарнов. Но когда она вернется, ей прикажут догнать нас. Так что, — вперед.

— Вперед, — согласился Леха, и дернул за узду своего коня.

Спустя недолгое время объединенный отряд скифов и сарматских воительниц, покинув лагерь и обогнув дымившееся городище, был на берегу реки.

— И где тут брод? — поинтересовался Леха, направляя коня по довольно крутому берегу, кое-где обрывами спускавшемуся к самой воде. Чуть позади он заметил небольшую пристань, а за ней у главного города Клорина еще одну, гораздо больше. Похоже, Орел был перевалочным пунктом на пути в греческий город, удобно расположившийся в устье реки. Да и Тирас наверняка был судоходен на большом протяжении и здесь должны были регулярно появляться купеческие корабли. Однако, за время осады скифы не видели ни одного судна, бороздившего местные воды вверх или вниз по течению. То ли бастарны всех распугали, то ли наоборот скифы, внезапно объявившиеся на этих берегах.

— Чуть выше по течению, — сообщила хозяйка Еректа, бросив изучающий взгляд на командира скифских разведчиков, — осталось недолго.

Действительно, не прошло и получаса, как берег стал почти пологим, а река раздалась вширь. Сарматская воительница первой бросила коня в волны реки, которая едва доходила

теперь благородному животному до груди, облаченной в панцирь. Плавать в таких доспехах лошади было бы не легко, но Исиля действительно знала брод, и конь, ступая по каменистому дну, быстро переправился сквозь шумящую реку на другой берег, нигде не встретив препятствий. Так же спокойно переправился весь отряд скифов и амазонок.

Во время переправы Леха, придерживая рукой небольшой щит, сначала пристально поглядывал на другой берег, условно занятый бастарнами. Потом, постепенно напряжение прошло, и он стал смотреть на реку и слушать исходящие от нее звуки, — шум волн по перекатам действовал на него умиротворяющее. Да и в небе все больше расходились облака, пропуская первые лучи солнца к земле, истосковавшейся по теплу. Погода налаживалась, будто боги, поверив, что скифов ничем не остановить, решили отныне им помогать. Уже почти у другого берега, на мелководье, Леха даже разглядел сверкнувшие серебром рыбы тельца в лучах нарождавшегося солнца и, вспомнил, как они с Федором ходили на морскую рыбалку.

Скоро конь командир разведчиков коснулся копытами другого берега и стряхнул с себя водянистую муть. А едва отряд преодолел прибрежный лесок и вновь выехал в поле, морпех невольно осадил коня.

— Ну, — стал он размышлять вслух, — как поедем?

Перед ним лежала долина, полого поднимавшаяся вверх. По левую руку на холмах рос мощный лес. Впереди, на несколько километров растянулось обширное пустое пространство, поросшее редколесьем, и кое-где переходившее в настоящие поля. А справа к нему опять прижимался лес. Никаких селений было не видно, хотя вдоль леса на холмы тянулась едва различимая тропинка. Направо сворачивала еще одна лесная дорога. Некоторое время она шла вдоль берега, но затем пропадала среди деервьев.

— Вдоль леса, — предложила Исиля, махнув рукой влево.

— Согласен, — кивнул Леха, ему самому этот путь отчего-то показался более подходящим.

И отряд, вытянувшись в колонну по пять человек, поскакал вперед.

Глава шестнадцатая

Новый поворот

Так они благополучно добрались до вершины холмов, откуда, оглянувшись назад, Леха заметил дымы с другого берега. Это еще догорал Орол, недавно взятый не без его помощи.

— Далеко видать, — произнес Леха, — хороший сигнал бастарнам, где нас искать.

— Они не будут нас искать, — заявила Исиля, резко осадив коня, — этот дым скорее сообщил им о том, что надо бежать и прятаться как можно дальше. Так они и делают сейчас.

— Ты уверена, что они не нападут на нас? — спросил Леха с сомнением в голосе, поглядывая на только что пройденную долину, — не такие уж они трусливые ребята.

Позади, выстроившись рядами, отдыхали в седлах конные скифы и воительницы сарматов. А впереди, начиналась еще одна долина, сплошь поросшая лесом и ограниченная следующей грядой. Здесь же на холме, лесные тропы, заменявшие бастарнам дороги, вновь расходились на две стороны. Однако, несмотря на то, что люди в этих местах явно бывали, никаких деревень, а тем более городов, они пока не встретили на своем пути.

— Мы разбили их сильнейших вождей, — гордо заявила амазонка, — а из оставшихся не все рискнут пойти против нас.

— Так мы что, уже победили? — удивился Леха, поглядывая на макушки деревьев и с наслаждением вдыхая пьянящий аромат сосен. Картина кругом, если забыть про дымы за спиной, была вполне мирная.

— Еще нет, скиф, — ответила хозяйка Еректа, удивительно словоохотливая сегодня, — земли бастарнов обширны на этом берегу Тираса. И теперь они откатятся далеко, быть может, до самых Бастарнских Альп, зализывая раны и собирая новую армию. И, если мы не дадим бастарнам достаточно времени, то скоро покорим их страну. Хотя и не без потерь.

— Меня зовут Алексей, — обиделся Леха на «скифа».

Амазонка в ответ только тихо сверкнула из-под шлема своими голубыми глазами. По их выражению Леха понял, что ей все равно, как его зовут. Однако, ему показалось, что Исилия сегодня была какая-то слишком добрая. Еще не разу не «наехала» на него и не пыталась поставить на место. «Может, заболела? — подумал морпех, но, осторожно оглядев ее пышущее здоровьем лицо, статную фигуру и ноги в кожаных штанах, затянутых у лодыжек ремешками, решил, — Не похоже».

— А что лежит дальше? — спросил морпех, пытаясь угадать, — за этой лесной долиной?

— Не знаю, скиф, я там никогда не бывала, — Исилия повторила его имя без злобы, но с нажимом. Однако Лехе показалось, что делает она это скорее не для того, чтобы позлить его, а заигрывает, что ли. Хотя с чего бы ей это делать, морпеху было непонятно. Его по-прежнему терзали сомнения: знает она насчет Тарнары или нет?

— Ну, так давай посмотри, — неожиданно сказал Леха таким тоном, словно отдавал приказ и сам поразился своей внезапной смелости. Настроение у него вдруг сделалось отличное.

Он ударил коня пятками по бокам и первым поскакал вперед. Грозная царица Еректа, как ни странно, не стала спорить, а последовала за ним.

Когда солнце окончательно разогнало облака над лесом и холмами, отряд скифов и сарматов углубился во вражескую территорию уже довольно далеко. Долина с дымами от пожаров давно осталась позади, а предводители обоих воинств, все скакали с упоением вперед по лесной дороге, словно были у себя дома. Так продолжалось до тех пор, пока на одной из полянок они не нарвались на отряд бастарнов, выросших словно из-под земли. Вернее, именно оттуда и повыскакивали на лесную дорогу пешие копейщики и мечники, прятавшиеся между кочками. Саму дорогу они основательно забаррикадировали мощным завалом из деревьев, преградив путь конным воинам.

А в едва осадивших коней всадников с обеих сторон дороги немедленно полетели стрелы.

— Ах вы, уроды волосатые! — заорал Леха, вскидывая свой меч и отбивая щитом снизу удар копья, где к нему подскочили сразу трое бастарнов, — ну, сейчас я вас научу жизни!

Исилия, не медля, пустила коня вскачь вперед, выхватив свой длинный меч. А, перемахнув через завал, врубилась в толпу бастарнов, разя их сверху, словно богиня победы. Отправляя по эту сторону завала очередного копейщика на тот свет своим ударом, Леха опять невольно засмотрелся, как ловко дерется хозяйка Еректа.

Позади него тоже разгорелась битва между амазонками, скифами и бастарнами бросившимися друг на друга. Конные воины не стали дожидаться, пока их всех перебьют из луков на дороге и бросились в лес, атаковав засевших за деревьями вражеских лучников и мечников. Бой быстро распространился по обширной территории, и очень скоро стало непонятно где свой, а где чужой воин. Но в ближнем бою ошибок не выходило.

Разделавшись с копейщиками, Леха развернул коня и, проскочив поперек дорогу, ударил на группу пеших меченосцев, свалив двоих «бронированной» грудью своего коня, а на остальных обрушив удары клинка. Одного из самых ловких воинов, что едва не вспорол ему доспех на боку, Леха с размаху пнул ногой в грудь и тот пропал среди ветвей ели, зарывшись в какую-то яму.

— А ну, гони их дальше, Инисмей! — заорал Леха своему сотнику, что бился неподалеку, нанося очередной удар сверху по подвернувшейся голове какого-то бастарнского вина, — их тут не много. Нас больше!

Однако вдруг он заметил, что позади завала, где рубилась Исилия с несколькими воительницами, окруженная десятком вражеских бойцов, появился небольшой отряд конных бастарнов. Их было человек тридцать, но внезапное нападение на амазонок могло стоить хозяйке Еректа жизни. Перевес сил мгновенно переходил к бастарнам, если бы они

беспрепятственно доскакали до места схватки. И, проткнув очередного бойца, Леха вдруг развернул коня и погнал его в обход завала, крикнув на ходу, чтобы Инисмей и еще пятеро поддержали его атаку.

Прорвавшись сквозь лес, где двое скифов были убиты выстрелами из-за деревьев, Леха и его сотник с тремя всадниками, встретили атаку конных бастарнов. Трех скифы, мгновенно выхватив луки, успели свалить еще на расстоянии. А с остальными пришлось схватиться на мечах. На узкой дороге им удалось навязать поначалу свои правила войны, но бастарнов было больше, да и скорость была набрана не малая. Потому после первой сшибки, на землю повалилось трое бастарнов в кольчугах и двое скифов, а наступавшие воины оттеснили Ларина и его сотника к самому завалу. Остальные напирали сзади. Еще немного и скифы должны были все тут умереть. Но Исилая с воительницами, увидев как Леха спас их от мощнейшего удара бастарнов, сама пришла ему на помощь. Однако и ее силы были на исходе. Вскоре от удара копыта пала последняя из амазонок, что билась рядом с ней, а Инисмея в пылу схватки оттеснили далеко в сторону конные бастарны.

— Ко мне! — заорал Леха охрипшим голосом, пытаясь призвать на помощь своих солдат рубившихся позади завала, но времени на ожидание не оставалось. Да и драка там шла жестокая.

— В лес! — крикнула Исилая, и, проткнув доспех ближнему воину, первой развернула коня, бросив его в образовавшуюся брешь в строю противника. Леха отбив удар и нанеся ответный своему поединщику, выбивший его из седла, устремился за амазонкой.

Ветки хлестали по лицу, царапая кожу и словно стремясь выколоть глаза. Деревья стояли на пути сплошной стеной, ошетилившись иглами и толстыми сучьями. Если бы не доспехи, в который были одеты люди и кони, их бока давно бы были распороты. Проскакав так метров пятьдесят, Ларин и амазонка успели по дороге зарубить еще двоих мечников врага. Но, когда Леха обернулся, то увидел за собой погоню. Бастарны не желали их отпускать. Предводитель конных воинов в самом дорогом доспехе что-то крикнул своим людям, и за ними устремилось не меньше десятка бастарнов.

Леха хотел было сразу вернуться на дорогу, но здесь повсюду шла сеча, людей было великое множество, и чтобы не прорубать себе дорогу, пришлось пустить коня в обход. Уставшая Исилая скакала рядом, то и дело, уклоняясь от пущенных в нее стрел и рассекая головы внезапно подвернувшимся бастарнам.

Вскоре, они заметно отделились от дороги, шум битвы затихал, но погоня не отставала. Их догоняли. Тогда Леха вернул меч в ножны, но выдернул лук из притороченный к седлу сумки. Ловким движением вытащил из висевшего там же колчана стрелу, приладив ее к тетиве. Как-никак он ведь был теперь скифом, а каждый скиф умеет владеть луком. Даже на полном скаку. Положение обязывает.

Впереди показалась небольшая поляна. Пустив коня туда, Леха развернулся и на ходу выпустил стрелу в ближайшего всадника бастарнов. Просвистев между деревьями стрела вошла точно в цель. Всадник схватился за плечо и упал под копыта своему коню, перекатившись несколько раз.

— Попал! — радостно завопил Леха, словно стрелял впервые в жизни, прилаживая новую стрелу.

Сразу три бастарна показались между деревьями метрах в двадцати. Леха отпустил тетиву. И еще один преследователь скатился с коня. А потом и второй. Однако и у бастарнов оказались умельцы пускать стрелы. Потеряв трех человек бастарны поменяли тактику. Из-за первой линии выдвинулись сразу два всадника в кожаных куртках, натягивавших на скаку луки. Леха, не успевший еще приладить очередную стрелу, бросил коня в сторону, избежав смерти. Стрела вонзилась в сосну рядом с ним. Вторая улетела далеко вперед, обогнав его. Затем туда же просвистела третья. Но по раздавшемуся ржанию коня, Леха понял, что бастарнский лучник не промахнулся. Его стрела торчала из крупа коня Исилай, скакавшей чуть впереди.

— Черт бы тебя побрал, ворошиловский стрелок, — выругался Леха, натягивая лук и

снова оборачиваясь назад, — получи, Робин Гуд, хренов!

И следующим выстрелом умудрился сразить одного из лучников. Второй пустил еще стрелу и ускакал в сторону, ненадолго пропав из вида. Леха ускорил бег своего коня и догнал амазонку, увидев, что из крупы ее лошади торчит уже две стрелы. А одна вонзилась животному в шею. Конь хрипел, но скакал.

— Как ты? — спросил он.

— Нормально, только конь теряет силу, — отмахнулась Исилея, и бросила, смотря куда-то поверх его головы, — нас оттесняют от дороги. Конь скоро падет, а пешими не пробиться. Придется уходить дальше в лес.

Леха повернул голову. Бастарны, — их вдруг стало даже больше, чем было, словно убитый не умирал, а делился на двоих, — скакали параллельной дорогой по лесному холму, действительно отсекая их от дороги. Помощи ждать было неоткуда. Они слишком отделились от своих людей. Шансы у них были, но мало. Оба были измотаны затянувшейся схваткой, но, хвала богам, не ранены.

— Давай вон к той опушке, — крикнул Леха, натягивая тетиву, — там их лучше будет видно, а потом в чащу. За ней, кажись, болото. Уйдем.

Пустив стрелу в ближнего всадника, Леха опять попал, — угодил ему в ногу, пригвоздив к седлу. Вопль раненного бастарна его только обрадовал.

— Знай наших! — сплюнул Леха, погоняя коня.

Первыми оказавшись на опушке леса, морпех и амазонка, проскакали ее, снова оказавшись среди плотно растущих деревьев. И вдруг конь Исилеи захрипел, рухнув на передние ноги. Хозяйка Еректа перелетела через холку и скатилась на землю, быстро вскочив на ноги. «Выучка у неё что надо», — мысленно отметил Леха, разворачивая коня и прячась за сосной. На том краю опушки показались бастарны, сначала трое, за ними вдалеке еще четверо. И что-то говорило Лехе, что это еще не все преследователи.

Рядом раздался новый хрип, — животное завалилось на бок, пустив пену изо рта. Но рука Лехи не дрогнула. Он спустил тетиву, и стрела с чавканьем вонзилась в грудь ближнему бастарну, преодолевшему уже почти половину опушки. Затем Леха ссадил с коня второго. Третьего он убил в спину, потому, что тот повернул коня, решив спрятаться за такими близкими деревьями, но не успел.

— Четверо осталось, — неуверенно заявил Леха, покосившись на Исилею, стоявшую неподалеку с обнаженным мечом.

— С ними мы справимся, — уверенно кивнула хозяйка Еректа, слегка тряхнув волосами. Шлем она потеряла в бою.

— И стрелы у меня закончились, — добавил морпех, оглядывая пустой колчан.

— Все равно справимся, — отмахнулась амазонка.

Когда бастарны, разделившись по двое, зашли с разных сторон, обогнув опушку лесом, загнанные к болоту беглецы их уже поджидали во всеоружии. Дернув поводья, Леха бросился из-за массивного дуба на свою парочку, ссавив одного с коня мощным ударом, но не убил. Перед падением всадник успел прикрыться щитом. А второй сам напал на него, метнув копье. К счастью, промахнулся. И копье воткнулось в кочку. Зато Леха не промахнулся. Пока бастарн обнажал меч, морпех ловким движением метнул свой кинжал не оставив ему шансов. А второго он настиг метров через десять, раскроив ему череп.

Расправившись с нападавшими, Ларин повернулся туда, где билась амазонка в ожидании увидеть пару свежих трупов. Но к удивлению заметил, что Исилея едва ранила одного из воинов, а второй теснил ее к видневшемуся за спиной болоту.

«Ослабла, видать, барышня, — самодовольно ухмыльнулся Леха, — или бастарны настырные попались. Ну, ничего, сейчас мы ее спасем. Чтобы знала, как над мужиками издеваться».

В этот момент второй бастарн, вновь подскочил к хозяйке Еректа, выбив у нее небольшой круглый щит, которым она до сих пор отбивалась. А другой нанес удар, уворачиваясь от которого амазонка, поскользнулась на мокрой кочке и рухнула навзничь.

Бастарны ринулись вперед. Еще мгновение и они разрубили бы ее или проткнули своими мечами.

«Черт, как бы поздно не было», — пронеслось в мозгу морпеха.

Выдернув на ходу за древко торчавшее из земли копьё, Леха пустил коня вскачь и с ходу метнул его в одного из нападавших. Раздался дикий вопль, — копьё, пронзив кожаный панцирь со спины, вышло из груди бастарна. А его «напарник» обернулся, чтобы отразить нападение, на мгновение оставив Исилею без присмотра. И тут же об этом пожалел. Не вставая, амазонка всадила ему свой длинный меч в подреберье, пронзив кожаный панцирь.

— Ты жива? — спросил Леха, осадив коня рядом с хозяйкой Еректа.

Та поднялась, взглянув на окровавленного бастарна, молча кивнула, насупившись. Но все же выдавила из себя:

— Спасибо, что спас, скиф. Я в долгу не останусь.

— Да ладно, — принял похвалу Леха с самодовольной ухмылкой, — с кем не бывает. Сегодня я тебя, завтра ты меня.

Но когда он перевел взгляд на опушку, то улыбка мгновенно сползла с его лица. Среди сосен мелькали черные куртки бастарнов.

— Черт побери, — выругался Леха, — там еще человек двадцать. Прыгай позади меня на коня, поскачем на болота. Обратно нельзя.

Исилея насупилась еще больше, видно что-то Леха сделал не так. Но морпеху было наплевать.

— Прыгай, давай! Время уходит. Пешком не убежим.

И амазонка решилась. Она ловко запрыгнула в седло, обхватив Леху сзади руками.

— Скачи, скиф!

И конь морпеха, хоть и уставший, но зато целый и невредимый, понес их в болота, почуяв звериным чутьем тропинку среди невысоких деревьев. Некоторое время они петляли среди топей, где конь увязал по колена. Затем болота закончились, но беглецы скакали еще минут двадцать сквозь лес, пока, наконец, стало ясно, что ушли от погони. И тут вдруг уставший конь вывез их на небольшую поляну, где они с удивлением заметили полуразвалившуюся сторожку.

— Это еще что за домик отшельника, — удивился Леха, останавливая коня и устало спрыгивая вниз. Все тело ныло от долгой скачки и битвы. К счастью ран особых не было.

Болота давно остались позади. Они снова находились на твердой земле. Вокруг шумел лес. Серьезный лес. Замшелый. Здесь не то, что дорог, и тропинок-то не было. И людей, само собой, никто не ожидал встретить. А вот на тебе.

— Ну, пойду, гляну, — сказал Леха, направляясь к ветхой избушке, — что за ведуны здесь в чащобе обитают.

Исилея тоже спустилась на землю, но осталась стоять на месте.

Приблизившись, Леха осторожно толкнул покосившуюся дверь, ожидая, что на него прыгнет сейчас какое-нибудь чудище. Но полуразвалившийся домик оказался пустым. Заросшим паутиной и плесенью, но пустым. Окон в нем не было, а когда глаза морпеха привыкли к полумраку, он разглядел лишь широкую лежанку у самого пола, да какие-то глиняные черепки в углу. Кто здесь жил раньше было не ясно, но это уставшего морпеха абсолютно не волновало. Сейчас здесь было безопасно. Люди не найдут, а нечисти он не боялся. Все, что ему хотелось, — это немного отдохнуть, прежде чем выбираться обратно, пока не наступила ночь.

— Здесь никого нет! — крикнул он, не выходя наружу, — можем передохнуть!

Исилея что-то прокричала в ответ, но Леха не расслышал. Решив, что уже выполнил свой долг, уставший морпех отцепил меч, сбросил панцирь и, оставшись в исподнем и штанах, с наслаждением растянулся на деревянной лежанке, скрипнувшей под его тяжестью. Полежав так пару минут, он уже начал проваливаться в сон, как вдруг дверь в сторожку отворилась. Леха не стал открывать глаза. Но услышал, как на земляной пол что-то мягко опустилось, а еще через минуту ощутил, как кто-то прилег рядом и начал гладить его живот

поверх рубахи. Открыв глаза, морпех с удивлением разглядел в полумраке рядом с собой знакомый силуэт хозяйки Еректа.

— Ты что? — инстинктивно отстранился Леха.

— Ты спас меня, — тихо, но твердо произнесла Исилия, приблизив к нему свое лицо, — и я хочу тебя отблагодарить.

Мысль была приятной, но Леха все же напрягся. Слишком ярким были воспоминания о попытке просто познакомиться, а тут такой поворот. Но сильные пальцы Исилии быстро проникли под рубаху, а потом спустились ниже. Какой тут, к черту, сон. Морпеха словно пронзил разряд тока, когда в руках хозяйки Еректа, проскользнувших под ремень штанов, оказалось его мужское достоинство. Леха хоть и был безумно уставшим, но у него вдруг словно открылось второе дыхание.

«Они что, все так себя с мужиками ведут? — пронеслось у Ларина в голове, когда с него быстро стянули рубаху, а он ощутил у своего лица две горячие груди, и приятную тяжесть тела хозяйки Еректа сверху, — жениться, небось, тоже сами предлагают...да еще попробуй, откажись, от такого предложения».

Слишком уж близко к нему находилась Исилия, чтобы думать о каких-то грядущих проблемах. И он позволил себе приобнять это стройное тело, прижав к своему. А затем поцеловать в губы, поглаживая амазонку по горячей упругой спине. Гордая воительница не сопротивлялась.

— Не боишься меня больше? — вдруг спросила Исилия, ответив на поцелуй.

Леха задумался, пытаясь разглядеть в темноте ее голубые глаза, которые при дневном свете так горели, что ему казалось, должны были светиться и в темноте. Но ощутил лишь жар ее тела и горячее дыхание. Морпех тянул с ответом, вопрос то был не из легких.

— Не знаю, — наконец признался он, — женщины у сарматов ведут себя не так, как в моем народе. Непривычно.

— Да, — подтвердила Исилия, — мы равны с нашими мужчинами и сами решаем за кого выходить замуж. Сами выбираем себе мужчину. А ты...смелый.

«Так я и думал, — расстроился Леха, — Не буду больше никого спасать. А то потом проблем не оберешься».

Но Исилия больше ничего не сказала. Она стала целовать своего спасителя в шею, потом грудь и, спустившись ниже, наткнулась на препятствие в виде ремня. Ловким движением хозяйка Еректа избавила Леху от штанов. Они уже были явно не к месту.

Но теперь морпех решил вести с самого начала и резким движением, вдруг перекатив Исилию на спину, быстро вошел в нее. Сначала амазонка напряглась, словно что-то Леха опять сделал не так, но потом покорилась. Неожиданно быстро. И Леха наслаждался с ней безумной страстью, упивался каждой секундой соития. Как она была хороша! Стоило ему оказаться в объятиях Исилии, как он забыл и о Тарнаре, и о своей наложнице. Никого сейчас для него больше не существовало в этом мире. Они катались по скрипучей лежанке. Меняли позы, и снова жгли друг друга своей страстью. Но, в конце концов, выбились из сил и заснули, крепко обнявшись.

Разбудил Леху приглушенный конский топот. Исилия тоже услышала его чутким слухом. Подняла голову, оторвав ее от груди морпеха, прислушалась.

— Откуда здесь люди? — удивился Леха, и посмотрев в полумраке на обнаженную Исилию.

— Не знаю, — ответила хозяйка Еректа.

Но быстро выскользнула из объятий морпеха и надела исподнее. Затем накинула рубаху и натянула кожаные штаны. Конский топот, тем временем, приблизился и затих у заброшенного лесного домика. Всадник был явно один. Он осадил лошадь и спрыгнул на землю. Исилия потянулась к мечу, но, прильнув к щели над дверью, разглядела его и расслабилась.

— Тарнара, — произнесла она, отпуская меч.

— Кто?!!!

Леха готов был провалиться сквозь землю, если бы смог.

— Но, как она здесь оказалась? — прошептал он, словно опасность еще не миновала.

Быстро разыскав в полумраке штаны, морпех принялся нервно натягивать их.

— Наверное, разыскивала меня по следам. Я слышу топот еще нескольких всадников. Это наверняка мои воительницы.

В этот момент дверь в сторожку отворилась и на пороге возникла Тарнара с мечом в руке. Увидев Исилю, она, казалось, была изумлена.

— Ты здесь? — отпрянула амазонка.

— А разве ты не меня искала? — удивилась хозяйка Еректа, натягивая сапоги и выходя на свет.

Выглядела она в кожаных штанах и рубахе на выпуск живописно. Волосы Исилии струились по спине, едва не доставая до пояса.

— Тебя видели у болот, хозяйка. Но мы не нашли тебя, хвала богам, среди мертвых и бросились искать в лес, — Тарнара в изумлении обернулась и указала рукой в сторону пасшегося неподалеку коня, — Но, ведь это конь того скифа...

«Господи, и эта туда же», — морпех сидел на лежанке, одетый в исподнее, и, не зная как действовать дальше. Как-то все закрутилось не в ту сторону.

— Да, он здесь, — спокойно согласилась Исилия, — когда мой конь пал, скиф спас меня в бою и теперь стал моим мужчиной.

«Ну, все, — решил Леха, — Сейчас они меня разорвут».

— Это мой мужчина, — неожиданно резко заявила Тарнара.

— Теперь мой, — отпарировала хозяйка Еректа, бросив удивленный взгляд в глубину сторожки, — чтобы там между вами не произошло.

Леха решил, наконец, показаться наружу. Прятаться дальше было стыдно. Он ведь мужик, чтобы там о нем не думали эти амазонки. Морпех вышел на свет божий и оперся о косяк, скрестив руки на груди.

— Я его не отдам, — бросила Тарнара в лицо своей хозяйке, поднимая меч.

Едва увидев Леху, она стала похожа на разъяренную львицу.

— Вот как, — еще больше удивилась Исилия, снова обратив взор на морпеха, — чем же он тебя приворожил?

— Не твоё дело, — огрызнулась Тарнара, — защищайся или умрешь.

— Ты смеешь угрожать своей хозяйке? — в голосе Исилии зазвучали барские нотки, но морпех ощутил, что и она задета за живое.

— Да, — едва не крикнула Тарнара, — у меня больше нет хозяйки! Бери меч или я убью тебя безоружной.

Морпех видел, что дело зашло слишком далеко. И хотя на дальнем краю поляны появились еще человек двадцать воительниц из охраны Исилии, они могли не успеть защитить свою хозяйку.

— Спокойно, девочки, — проговорил Леха, решив развести в стороны разъяренных амазонок, — вы бы меня, для начала, спросили. Может, как-нибудь договоримся...

— Молчать!!! — заорали обе амазонки в один голос, обернувшись в его сторону.

«Ну, ни хрена себе, компот», — только и успел подумать Леха, перед тем как Исилия схватила приставленный к косяку меч и бросилась на Тарнару. Их оружие со звоном скрестилось, вышибая искры. Но если Тарнара была в полном боевом облачении, то хозяйка Еректа не имела на себе никакой защиты и могла надеяться только на свою ловкость.

— Не мешать! — приказала Исилия подоспевшим амазонкам, — я сама с ней разберусь! Следите, чтобы скиф не вмешался!

А Леха как раз захотел вмешаться, — ему нравились обе девушки. Не хотелось что бы кто-то из них погиб по глупости. Но двадцать охранниц, окруживших поляну полукругом, оттеснили его от места схватки. «Не убивать же их всех подряд», — подумал в отчаянии морпех, глядя на грозных красавиц, но сдержался.

Мечи двух амазонок засвистели в воздухе, то и дело, сшибаясь, а воительницы

запрыгали по поляне, удаляясь от сторожки. Обе амазонки отлично владели мечом. Они ловко наносили друг удары и так же ловко уклонялись от них. Глядя, как они дерутся, Леха сначала пытался заставить себя думать, что это они бьются не по настоящему. Играют. Не могли же две бабы всерьез захотеть разрубить друг друга на куски из-за мужика. Ну, подумаешь, обе с ним переспали. Бывает. Можно ведь было этот вопрос решить полюбовно. Но договариваться на счет мужиков амазонки, похоже, не умели. Не проститутки, все-таки. И битва для них шла всерьез.

Несколько раз Исиля задела плечо Тарнары распоров доспех до крови, но амазонка ответила ей быстрым ударом в бок, едва не стоившем жизни хозяйке Еректа. Та в последнее мгновение увернулась, и меч распорол ей только рубаху, обнажив голое, но невредимое, тело. А затем, перехватив меч двумя руками, Исиля нанесла молниеносный удар снизу вверх, распоров острием своей противнице доспех на животе. Из раны обильно потекла кровь.

Все произошло в одно мгновение. Обескураженная Тарнара, выронила меч из своих рук и рухнула на колени. А Исиля, подскочив ближе, хладнокровно вонзила клинок ей в грудь, проткнув сердце. Обратив на Леху взгляд, полный боли, Тарнара повалилась в траву. А хозяйка Еректа, развернувшись, в десять шагов достигла того места, где стоял морпех, окруженный амазонками.

— Ты только мой, — заявила она, воткнув окровавленный меч в землю.

Часть вторая Рим в осаде

Глава первая Огненное кольцо

Первый камень, выпущенный из баллисты, упал в Тибр, подняв фонтан брызг, видимый даже на таком расстоянии.

— Давай! — снова махнул рукой командир артиллеристов, когда увидел, что обслуга уже натянула торсионы, зарядив очередное ядро.

И другой каменный шар, просвистев положенное расстояние, тоже упал в реку. За его полетом нервно наблюдали римские legionеры, сосредоточенные на высоких стенах с другой стороны реки.

— Недолет, — констатировал старший артиллерист, обернувшись к командиру хилиархии, что стоял неподалеку, скрестив руки на груди, — нужно подтащить более тяжелые орудия. Мы хоть и рядом, но эта полевая баллиста не достает. Нужна осадная.

— Онагры из обоза Капуи подойдут? — уточнил Федор.

— Да, онагр должен достать, — кивнул артиллерист, — там, в обозе, как раз осадные. Мощные штуковины.

— Жди, — согласился Федор, — скоро будет.

Бросив прощальный взгляд на крепкие стены Рима и остатки деревянного моста внизу, сожженного legionерами при отступлении, Федор Чайка развернулся и стал спускаться вниз с обратной стороны холма. Там его поджидала оседланная лошадь и верный ординарец Терис. Неподалеку прогуливался также один из его адъютантов, в ожидании приказов от начальства.

— Скажи в обоз и передай мое приказание: выдвинуть к Яникулу десяток онагров, — сообщил ему Федор, едва добрался, — будем расшатывать римскую оборону здесь. Река тут поуже, да римляне стеной отделены. В общем, место подходящее.

Адъютант вскочил на коня и отправился выполнять приказание.

— А мы в лагерь, — бросил Федор Терису.

До лагеря армии Ганнибала, почти блокировавшей Рим с юго-запада и востока, они

добрались лишь спустя несколько часов. Двадцатая хилиархия Федора согласно плану великого пунийца, занимала часть холма Яникул с предместьями, вплотную примыкавшими к стенам огромного, растянувшегося на десятки километров, города. На этом участке армия финикийцев ближе всего вклинилась в оборону римлян, дравшихся за каждый камень. Война подходила к концу. И африканцы Атарбала находились уже не в запасе, а на самом острие атаки.

— Еще один натиск, — утверждал Ганнибал, — и Рим наш. Нельзя дать врагу собрать свои силы в кулак. Иначе, война затянется.

А потому, следуя своей привычке решительно атаковать, Ганнибал, едва подойдя к Риму, немедленно устроил штурм сразу нескольких ворот город и даже взял два моста. Однако в город проникнуть не удалось. В результате кровопролитного сражения передовые части Атарбала были отброшены, а мосты разрушены.

Зная о приближении непобедимой армии Великого Пунийца римляне основательно подготовились. Все предместья, особенно на правом берегу Тибра, они превратили в зону сплошных баррикад, охраняемых пехотинцами и конными разъездами. На всех окрестных склонах гор, нависавших над дорогами, холмах и даже просто небольших возвышенностях диктатор Марк Юний приказал установить баллисты и катапульты, так что финикийцы рисковали попасть под обстрел, где бы они не появились. Передовые отряды африканцев и кельтов действительно несли большие потери, пытаясь, пока безуспешно, просочиться сквозь линии эшелонированной обороны в предместьях.

По общему количеству метательных орудий оборонявшаяся сторона значительно превосходила атакующую. Солдаты Чайки, ближе всего соприкасавшиеся с оборонительными позициями римлян, несли большие потери от регулярного обстрела римской «торменты». Изучив ситуацию, Ганнибал, со дня на день ожидавший известия о подкреплении, тем не менее, решил, не теряя времени нанести мощный удар на одном из направлений, сосредоточив здесь всю имевшуюся в обозе осадную артиллерию. И направление это прикрывали как раз хилиархии Федора и Карталона, занимавшие позиции по соседству среди римских предместий на захваченном холме Яникул.

С севера, несмотря на усилия Атарбала, уже перекрывшего Фламиниеву дорогу и доступ в центральные районы страны, путь в Рим был еще свободен. Впрочем, как и из Остии. Этот приморский город Ганнибал не смог взять с ходу и, перепоручив его дальнейшую осаду одному из своих военачальников, двинулся к Риму, по пути ожидая известий, что тот вот-вот окончательно отсечет Рим от моря. Но римляне сконцентрировали в Остии немалые силы, которые до определенного момента возглавлял Марцелл.

Однако, узнав о движении Ганнибала к Риму, Марцелл получил приказ сената вернуться в город и с боями отступил из своего лагеря у развилки дорог. На этом пути он повстречал хилиархии Федора, двигавшиеся к его лагерю, на соединение с Ганнибалом. И хотя задача для которой его сюда послали, оказалась выполненной по воле судьбы еще до его появления, Чайка, тем не менее, успешно уйдя от преследования легиона преступников, ввязался в бой и потрепал отступающие к Риму части Марцелла.

Сенатор отступал прямо по Аппиевой дороге, еще контролировавшейся римскими силами на последнем оставшемся участке перед городом. Он имел в своем распоряжении целый легион, собранный из моряков Остии и доукомплектованный из других соединений, однако не стал обращать особого внимания на выпады двух хилиархий, внезапно атаковавших его фланг. Тем более, что у него на пятках висела испанская конница самого Ганнибала. Под прикрытием нескольких манипул и турм²⁰ собственной конницы, сдерживавших атаки Федора Чайки, легион Марцелла благополучно проследовал в сторону Рима. Лишь его мощный арьергард не смог прорваться вслед за основными силами, и был

²⁰ Состав конницы римского легиона на данный момент: 300 всадников — разделенных на 10 подразделений (турм) по 30 человек в каждой.

полностью раздавлен испанцами и подошедшими к ним на помощь солдатами Федора.

— Я же тебе приказывал не ввязываться в бой, — пожурил его Ганнибал, когда Федор, не смыв даже дорожную пыль, явился к нему в шатер с докладом, — твоя задача была только выманить Марцелла.

При этих словах пуниец, сидевший у роскошного стола из слоновой кости над картой боевых действий, ухмыльнулся и добавил:

— Но, ты не виноват. Это за тебя уже сделал римский сенат.

— Не давать же ему спокойно уйти, — осторожно возразил Федор, почтительно останавливаясь в нескольких шагах, — моя атака лишила его как минимум трех манипул и пары турм конницы. А я обошелся малыми потерями.

— Мне докладывали, — заметил на это пуниец, вновь ухмыльнувшись, — после Теана у тебя к Марцеллу личные счета.

Федор не стал развивать эту тему, но неожиданно заявил:

— Чем меньше римлян, тем ближе победа.

— Ты говоришь как настоящий полководец, Чайкаа, — с удивлением заметил Ганнибал, снова отрываясь от карты, над которой размышлял, и внимательно разглядывая своего командира, — и даже, как политик. Я и раньше это замечал.

Теперь Ганнибал целиком повернулся к Федору.

— У тебя есть мечта стать сенатором?

— Нет, — ответил Федор, — мне нравится в армии.

— От армии до сената не так далеко, — добавил Ганнибал, словно задумавшись о чем-то своем, — если только иметь знатное происхождение и большое богатство.

Федор едва сдержался, чтобы не рассказать, о том, что хоть он и простой солдат, но уже знает, как минимум, одного сенатора. И тот сенатор не из последних. Входит в знаменитый совет «Ста четырех».

Однако, поразмыслив, Чайка решил все же пока не хвалиться тем, что знает Магона, отложив откровения на более позднее время. Тем более, что имел смелость вскрыть по дороге несколько шкатулок из захваченного архива Марцелла и нашел в одной из них прелюбопытнейшее письмо, адресованное, правда, не самому Марцеллу, а другому римскому сенатору Кастору. И все бы ничего, если бы не отправитель письма, некий сенатор Ганнон. Карфагенский сенатор. Письмо было очень коротким. Так, не письмо, а скорее записка, в которой сообщалось, что условия принимаются, а прежняя договоренность остается в силе. Никаких подробностей. Но это и насторожило Федора. С чего бы сенаторам двух воюющих стран поддерживать столь тесные контакты? Хотя Федор знал о том, что между Римом и Карфагеном еще задолго до первой войны существовало несколько договоров о разграничении торговли. Может быть, письмо относилось к торговым операциям. Да вот только имя римского сенатора было хорошо знакомо бывшему же римскому легионеру Чайке. И сенатор этот, насколько Федору припомнилось, занимался в армейском штабе отнюдь не гражданскими операциями. Да и обнаружилось письмо в архиве не какого-нибудь купца, а главного «полевого командира» римлян, отнюдь не пылавшего добрыми чувствами в отношении Карфагена.

Тут пахло заговором. И Федор теперь не знал, что ему с этой информацией делать. Рассказать Ганнибалу или нет? Как ни крути, не его это дело совать свой нос в интриги высшего нобилитета. Тут могли быстро голову открутить. И свои и чужие. В пять секунд. Но, с другой стороны, если эту информацию правильно и своевременно применить, то это давало хороший шанс продвинуться по служебной лестнице, оказав услугу заинтересованным лицам. Неискушенный еще в таких делах Федор, допускал, что командующий испанской армией мог быть одним из них. Но все же не торопился с выводами. В общем, осторожность победила. Записку эту Федор припрятал, а все остальное велел привезти с собой к шатру Ганнибала.

— По дороге сюда я не только потрепал солдат Марцелла, — заявил Федор, после затянувшегося молчания, во время которого Ганнибал, словно забыв о его существовании,

снова увлекая созерцанием карты, — Я побывал на его вилле, она тут неподалеку, и даже захватил кое-что ценное. Могу ли я показать?

— О чем ты говоришь? — вновь заинтересовался карфагенянин.

— Мой большой друг, узнав о приближении армии Ганнибала, видимо, так быстро покинул свою виллу, — витиевато начал командир двадцатой хилиархии, — что позабыл на ней весь свой архив. Я осмелился захватить и привезти его сюда. Надеюсь, великий Ганнибал найдет там что-либо ценное.

— Архив Марцелла? — он даже встал со своего места, — Ты захватил архив Марцелла?

— Да, — кивнул Федор.

— Где он?

— Рядом с шатром, — ответил Чайка, — куда его отправить?

— Вели принести его быстрее сюда, — приказал Ганнибал.

Федор вышел из шатра и сделал знак Терису с помощниками, которые ожидали у повозки, доверху груженной шкатулками из кабинета сенатора. Они немедленно перетащили все в шатер командующего испанской армией. Ганнибал молча наблюдал за тем, как растет гора из плетеных и обитых железом коробок у его ног. А когда Терис принес последнюю и вышел, поклонившись, обернулся к Федору.

— Это весьма ценный груз, — заметил мудрый финикиец, — ты смотрел, что в этих ящиках?

— Не осмелился, — соврал Федор, давно избавившийся от взломанных шкатулок, и уже предупредивший Урбала с Летисом, чтобы помалкивали обо всем, что видели, — это не моего ума дело.

— Что же, — проговорил Ганнибал, пристально всматриваясь в лицо Федора, — ты поступил правильно. Ведь среди этих документов случайно может обнаружиться нечто такое, что способно повлиять на исход войны. И чем меньше ты будешь знать, тем целее твоя жизнь.

— Я солдат, — снова слукавил Федор, у которого от слов Ганнибала не прибавилось оптимизма, — и мне не за чем знать секреты сильных мира сего.

— А ты не глуп, — снова усмехнулся Ганнибал, приблизившись к Федору, — отправляйся к казначею, я прикажу выдать тебе награду за этот архив. Ты достоин ее, даже если там нет ничего ценного.

— Благодарю, — поклонился Федор, перед тем как покинуть шатер.

Соединившись с Ганнибалом, хилиархии Чайки и Карталона, в составе его армии вышли к Тибру, окончательно отрезав этот берег от римских владений. Правда, другой берег все еще находился в руках неприятеля. Да и по самой реке, довольно полноводной, как заметил морпех, то и дело сновали римские биремы, перевозившие морских пехотинцев из Остии в Рим на глазах у карфагенских разведчиков. Несколько таких кораблей было потоплено из баллист, но в целом отсутствие флота не давало Ганнибалу возможности полностью прервать сообщение по Тибру. Остия все еще сопротивлялась, туда морем прибыли подкрепления из Сицилии, которые сенат спешно перебрасывал для защиты Рима, и карфагенянам по-прежнему приходилось воевать на два фронта, распыляя свои силы.

Однако Ганнибал верил в победу, тем более что со дня на день ждал гонцов из Апулии, куда должен был прибыть новый флот с пехотинцами и осадным вооружением, которого армии так сейчас не хватало. Между тем, Федор, присутствовавший на совете в Капуе, припомнил, что подкрепления ожидалось еще неделю назад, но до сих пор Ганнибал не сообщил об их прибытии. «Видно, немного задержались в пути, — с надеждой подумал Федор, припоминая все прочитанное в прошлой жизни об этом и отгоняя предательские мысли, — хотя сейчас бы они пришлись в самый раз».

Если Ганнибал уже и получил какие-то известия с берегов Апулии, то Федору ничего об этом не сообщил, хотя отдал приказ готовиться к штурму на участке, захваченном его хилиархией. Решив, что начальству виднее, Федор Чайка использовал отпущенное ему время

для поисков Юлии, регулярно отправляя в окружные рейды по предместьям отряды своих солдат. Он даже сам иногда участвовал в «набегах», имея надежду разыскать хоть какие-либо следы прекрасной римлянки и ребенка. Своего ребенка, как он теперь думал. Однако, никаких следов не было. Ни на вилле самого Марцелла, ни на еще одной вилле, где останавливался сенатор, ни в усадьбе Памплония, подаренной новобрачным на свадьбу и также попавшей в зону, захваченную солдатами Карфагена.

Местонахождение всех этих домов Федор легко узнал от римских пленных. Марцелла здесь знал каждый. Однако поиски морпеха не дали пока результатов. Сенат принял решение защищать город до конца. Но, вряд ли Юлия находилась в осажденном городе. Наверняка, Марк Клавдий, если не убил ее собственной рукой, — во что Федор старался не верить, — уже переправил дочь по свободному берегу Тибра к морю или еще дальше. Шансов разыскать девушку в этом аду было мало. Но Федор не сдавался и упорно продолжал поиски. Он боялся и того, что найдет ее не первым. Мысль, что Юлия с его ребенком попадет в плен к кому-либо из других финикийских военачальников, была ему также ненавистна. Ведь в этом случае, если она не погибнет, то станет рабыней. А если дочь сенатора попадет в руки к простым солдатам... Федор гнал от себя эти мысли и продолжал поиски.

В Риме жил не один Марцелл и богатых вилл в окрестностях города, уже попавших под власть финикийцев, было предостаточно. Теперь здесь повсюду полыхали пожары. Исполняя приказ Ганнибала постоянно терзать оборонительные порядки римлян, его армия наводила ужас на жителей и защитников города, испепеляя все на своем пути, хотя и не могла пока пробиться за стены. Отправляя своих солдат в очередной набег на предместья, Федор даже напутствовал их фразой «Рим должен быть разрушен!», чем вызвал бурю радости у своих африканцев.

Но, особенно неистовствовали в окрестностях Рима кельты из долины реки По. Немало натерпевшиеся от своих поработителей, истреблявших этот народ целыми племенами, они с радостью восприняли тот факт, что теперь пришел черед заносчивых римлян расплатиться по долгам. Вожди кельтов рубили римские головы сотнями, с гордостью привязывая их к седлам своих коней. Федор не слишком одобрял этот кровавый обычай, но, вспоминая, что творили римляне в долине реки По, и что в будущем мог еще натворить Цезарь в землях далеких галлов, он не препятствовал этому. Кто теперь знает будущее? Ведь благодаря усилиям Ганнибала, и его, Федора Чайки, скромному участию в них, Цезарь теперь мог вообще не родиться, а «концентрационные лагеря» для галлов никогда не воплотиться в жизнь.

Тактика выжженной земли, призванная деморализовать гарнизон и жителей Рима, вынудив их сдаться, уже приносила свои плоды. В одном из последних рейдов, где Федор лично принимал участие, бой шел за небольшой квартал ремесленников, притулившийся у стены города. Квартал несколько раз переходил из рук в руки, пока, наконец, не стал финикийским. Вокруг него полегло множество солдат, но большая часть из них была римскими. Удовлетворившись плодами победы и десятком пленников, Чайка приказал отступать на обустроенные позиции. А, вернувшись в расположение хилиархии, сам допросил нескольких пленных.

О сенаторе пленные легионеры знали лишь то, что он руководил обороной восточной части города, то и дело, отбывая в Остию для поддержания боевого духа ее солдат. Несколько раз Марк Клавдий Марцелл по приказу диктатора уезжал в области, прилегавшие к Риму с севера, чтобы контролировать набор новых солдат, призванных пополнить ряды оборонявшихся. В общем, на месте не сидел, и сдаваться не собирался.

— Кто защищает город? — уточнил Федор, глядя в глаза испуганному легионеру, которого допрашивал у себя в шатре последним.

Рядом стояли Летис и Урбал.

Парень был явно не из героев. Да и амуниция на нем сидела как-то криво. Судя по виду, вчерашний крестьянин.

— В Риме остались только двадцатый и двадцать первый легионы, — испуганно

пробормотал солдат, поглядывая на здоровяка-финикийца, сверлившего его взглядом, не предвещавшим ничего хорошего, — под командой самого диктатора. Я служу в двадцать первом.

Федор молчал, давая пленному выговориться, хотя и не думал, что узнает от него что-то ценное. Не походил этот избитый крестьянин на носителя государственных секретов.

— Правда, я попал туда недавно, — словно оправдывался легионер, — Из Лациума, где из остатков разбитых при Каннах легионов собирали новые. Призывали на службу всех, кто был способен держать оружие. Даже стариков и мальчишек. Призвали и меня.

— Понятно, не регулярные солдаты, а всякий сброд из ополчения, — кивнул Федор, — видел я уже и рабов, и преступников, что еще можешь сообщить?

— Население было в панике, — неуверенно заявил легионер, — Никто не сомневался, что Ганнибал немедленно пойдет на Рим.

— Было? — удивился Федор, переступив с ног на ногу, — а сейчас, когда мы здесь, что успокоились?

Он сделал шаг вперед и вперил свой взор в лицо испуганного солдата.

— Что творится в Риме? На улицах. Что говорят в народе? Ну?!

— Диктатор пытается навести порядок, но у него не выходит, — осторожно заметил легионер, пытаясь успокоиться, после того, как Летис положил правую руку на рукоять кинжала, — Как узнали, что разбиты при Каннах и Ганнибал приближается, народ хотел броситься прочь из города, но мы ему не дали. Марк Юний приказал закрыть все ворота. Тогда толпа наводнила улицы. Женщины и дети, оплакивали убитых родственников. Несколько дней царила паника. Сенаторы ничего не предпринимали, а народ буйствовал. Даже двух весталок обвинили в нарушении обета девственности. Одна из них тогда покончила жизнь самоубийством, другую похоронили заживо. Но народ долго еще не мог утихомириться. От ужаса даже решили принести богам в жертву живых людей, — давно такого не было. На скотном рынке сожгли живьем грека и его жену, а также нескольких кельтов. Еще многих просто забили до смерти.

— Ну да, — кивнул Федор, — нашли козлов отпущения. Будто они во всем виноваты.

— Так решил народ и жрецы, а приказа помешать этому не было. Но сейчас топу разогнали, — закончил легионер, — диктатор запретил всем выходить из домов. Только регулярные солдаты и ополчение могут свободно передвигаться по улицам.

— О сенаторах слышал что-нибудь? — безнадёжным тоном поинтересовался Федор.

— Говорят, некоторые, уехали, но большинство здесь, в Риме, — неуверенно ответил пленный, — чтобы уверить народ, что город не сдадут Ганнибалу.

— Много ополченцев? — уточнил Чайка.

— Много, — кивнул солдат, — призывают всех. Однако, ходят слухи, что скоро прибудет из Остии или с севера еще два легиона.

— Откуда возьмутся эти два легиона? — удивился Федор.

— Не знаю, — пожал плечами пленный, — я не военный трибун, чтобы знать. Солдаты поговаривают.

Федор насупил, словно решая, нужен ли еще ему этот пленник.

— Вы оставите мне жизнь? — дернулся солдат, — я же рассказал все, что знал.

— Не так уж много ты мне рассказал, — помедлил командир двадцатой хилиархии, снова изучая лицо пленника, будто видел его впервые, — но, я сегодня добрый.

И, обернувшись к Летису, приказал:

— Отведи его к остальным пленным. Потом решим, что с ними делать.

Глава вторая

За городской стеной

За ночь Тибр удалось перегородить полностью. Операция по наведению переправы прошла успешно, хотя не спавшие который день римляне пытались этому помешать, то и

дело, обстреливая из баллист каменными ядрами наугад сновавших в темноте солдат противника, и забрасывая их зажигательными стрелами. Однако, удалось. Помогли развалины старого моста, стоявшего здесь раньше. Некогда этот мост упирался в сторожевую каменную башню с воротами. Но теперь башня сиротливо вздымалась с той стороны реки, а ворота ее были наглухо закрыты.

Спустив осторожно на воду первые лодки, солдаты из прикомандированной к этому участку фронта инженерной части, с большим трудом привязали их к торчавшим из воды на середине реки остаткам деревянных свай. И, несмотря на сильное течение, остальное было делом техники. Буквально за несколько часов, от захваченного армией Карфагена берега до середины реки, протянулся деревянный настил, уложенный на подогнанные и скрепленные между собой лодки.

Эти суденышки солдаты Чайки несколько дней до начала штурма укреплений старательно собирали по всему берегу. Но их оказалось очень мало, — отступая, римляне сожгли почти все, — поэтому пришлось в тайне делать новые. Настил «понтонщики», как их называл бывший сержант российской морской пехоты, тоже приготовили заранее. За холмом результата их работы ждали выстроенные в боевой порядок солдаты хилиархии Федора Чайки и солдаты Карталона, прикомандированные для организации прорыва римской обороны. Там же готовились к бою еще около тысячи кельтов, что стояли в ожидании сигнала, опершись в темноте ночи о свои мечи и боевые топоры.

Темнота была относительной. Здесь у подножия холма, на берегу реки, время было похоже на ночь. Но в паре километров левее, полыхала усадьба одного из сенаторов, специально подожженная, для того чтобы отвлекать внимание. Языки пламени также лизали черное небо километрах в пяти правее от места главного удара. Там несколько сотен кельтов издавали страшный шум, круша еще не разрушенные здания и храм какой-то богини у самых стен Рима. Все это они делали специально, по приказу. Солдатам же Атарбала и лично Федора Чайки, Ганнибал еще раньше поставил четкую задачу: ближайшей ночью захватить стену и ворваться в город, во что бы то ни стало.

— Ждать дальше нельзя, — сообщил он на коротком военном совете у себя в шатре, — нужен решительный штурм. Мы и так слишком увязли в этой осаде.

Видя настроение Ганнибала, никто из военачальников не осмелился спросить его насчет ожидавшихся подкреплений. Промолчал и Федор. В конце концов, если более знатные военачальники молчат, кто он такой, чтобы не доверять военному гению человека, уже не раз доказавшего свое умение вести войну с любыми средствами. За время римской кампании Федор настолько уверовал в непобедимость карфагенского полководца, внушенную ему еще в самом начале похода Летисом и Урбалом, что теперь был готов поверить, что они успеют взять Рим еще до подхода подкреплений из метрополии. Своими силами. Ведь похожие сражения, когда противник превосходил их числом, они уже не раз выигрывали умением и доблестью. А потому, едва покинув шатер, принялся отдавать приказания об ускорении подготовки штурма, которая и так шла полным ходом.

Едва мост был доведен до середины реки, как римляне окончательно уверились в том, что финикийцы затевают что-то серьезное на их участке. На стенах началось движение легионеров, а вниз полетели стрелы и ядра, круша и поджигая лодки с солдатами инженерных частей, направлявшимися к другому берегу. Вопли первых раненных и убитых огласили ночь, обещавшую быть бессонной. Тем не менее, с большими потерями, но переправу удалось довести до конца.

Ответный обстрел стен римской крепости велся десятком онагров, расположенных чуть правее наблюдательного пункта командира двадцатой хилиархии. Для того чтобы немного сбить спесь с римлян, но не выдавать до поры места второго нападения на стену, — переправа солдат на лодках уже началась чуть ниже по течению, — Федор приказал не применять пока горшки с зажигательной смесью. Только ядра. И теперь слушал, как те со свистом разрезают тьму, круша наверхие городской стены и сшибая с нее легионеров.

Едва Чайка получил доклад о завершении строительства переправы, как махнул рукой,

отправляя своих солдат в бой.

— Вперед! — приказал он стоявшим рядом с ним на холме командирам спейр, — На Рим!

И финикийцы под свист летящих над их головами ядер, спейра за спейрой, молча бросились в атаку, неся с собой длинные лестницы. Глядя с вершины холма, как его безмолвная армия устремилась в атаку, спускаясь вниз и вступая на шаткий настил из досок, бывший морпех подумал что этой минуты он ждал так давно, что даже не испытывает особого волнения от того, что начал штурмовать сам Рим.

«Интересно, — думал Федор Чайка, — где теперь мой центурион, Гней Фурий Атилиий, учивший меня любить Рим? Наверное, в Таренте отсиживается, если не погиб при Каннах».

Но отвлеченные мысли быстро покинули голову командира двадцатой хилиархии. Едва первые солдаты Карфагена вступили на покачивавшийся настил, как римляне устроили интенсивность обстрела из баллист. Ядра сшибали в воду финикийских солдат одного за другим, превращая их в кровавую кашу, но те упорно продолжали пробираться к другому берегу. Чтобы лучше видеть происходящее внизу римляне добавили к ядрам горшки с зажигательной смесью. Несколько таких горшков, пущенные с разных сторон, разбрасывая в полете огненные протуберанцы, прочертили в ночном небе яркую линию и угодили четко в строй наступающих пехотинцев. С реки слышались дикие вопли обожженных людей. Огонь быстро разлился по настилу, пожирая доски. На глазах Федора охваченные пламенем люди в ужасе бросались в воду. А бежавшие за ними уже не могли остановиться и, напирая, сталкивали раненных с моста.

Римляне обрушили на наступающих огонь всех своих баллист и ядра на глазах Федора кромсали доспехи пехотинцев, беспомощно закрывавшихся щитами. Переправа на короткое время осветилась огнем этого пожара, но, к счастью его быстро потушили, снизив точность попаданий римской артиллерии. Командир спейры был жив и повел солдат за собой, первым прыгнув на другой берег, отбив щитом брошенное в него копье.

Городская стена отстояла от реки всего на несколько метров, на которых в зыбком отсвете кое-где еще горевших огней виднелись сараи, напоминавшие Федору своим видом не то амбары для зерна, не то какие-то склады. Однако римляне, увидев, что разрушить переправу издалека не удалось, быстро подожгли эти сараи, снова осветив место атаки. На сей раз, однако, освещен был только берег, прилегавший к башне с воротами, а солдаты Карфагена продолжали сыпаться из тьмы на этот берег, как из рога изобилия. Теперь римляне могли пускать прицельно только стрелы, а баллисты продолжали обстреливать переправу наугад, поскольку точных попаданий в деревянный настил горшками с зажигательной смесью больше не было. Все они, промелькнув огненным метеором в ночном небе, с шипением падали воду Тибра.

От разгоревшейся крыши сарая теперь было достаточно света, чтобы Федор смог, не сходя со своего места, различить, как его бойцы разбежались вдоль стены, прилаживая лестницы. Вскоре он уже видел, как они ползли вверх, карабкаясь по ступенькам. Пробрить ворота в башне он даже не планировал, поскольку затащить туда таран было делом не реальным. А вот контратаки римлян опасаться стоило, и он заранее отдал приказ командиру шестой спейры, что атаковала сейчас берег, выставить охранение с той стороны и не пускать его в бой до тех пор, пока не наступит переломный момент в битве. Командир исполнил приказ, — треть спейры сконцентрировалась напротив запертых ворот, уйдя в темноту, чтобы не быть полностью истребленной еще до того, как сможет вступить в бой. Остальные карабкались на стену по огромным лестницам.

Федор перевел взгляд направо, где в кромешной темноте переправлялись отряды из седьмой спейры на лодках. Там все пока было тихо. А если так, то согласно плану, они должны быть уже под стенами.

— Начать обстрел зажигательными горшками, — приказал он через стоявшего возле него адъютанта, — зададим жару гражданам Рима.

И когда первые зажигательные снаряды разбились о стену или улетели в город, вызвав

там немалый переполох, Федор в проблесках огня с удовлетворением заметил, что бойцы седьмой спейры, сумели за это время не только переправиться на другой берег, но и под шумок начать штурм. Их фигурки виднелись уже у самой кромки стены, по которой расхаживали ничего не подозревавшие римские легионеры. Где-то там был и Урбал, лично поведший свой отряд в бой.

В глубине души Федор гораздо больше надеялся на этот удар из темноты, чем на лобовую атаку стены у башни. В том месте, где карабкались сейчас бойцы седьмой спейры, река делала поворот, огибая холм. И стена в этом месте была построена на пару метров ниже, чем рядом. Видимо, строители крепости решили, что достаточно естественных преград в виде подножия холма. Однако вскарабкаться по нему для «горных стрелков» Урбала, прошедших подготовку в Пиренеях и Альпах оказалось плевым делом. И вскоре, после пролета очередного «метеорита» Федор заметил, что на стене уже идет бой. Карфагеняне, оказавшись наверху, в полной темноте атаковали защитников крепости, застав их врасплох.

— Отлично, — заметил на это Федор, — молодцы, ребята!

Однако в этот момент со стороны хорошо освещенной пожарищем башни и стены раздались громкие крики, перекрывшие все исходившие оттуда звуки сражения. Федор перевел свой взгляд и увидел, что из раскрывшихся ворот на берег, сомкнув строй, выдвигаются римские легионеры. Чтобы выйти из крепости ее защитники сначала опустили небольшой деревянный мост, который находился перед воротами. Раньше он служил последним пролетом моста через Тибр, а теперь вел прямо в реку, за неимением моста. Переправа, которую устроили карфагеняне на его обломках, находилась чуть в стороне.

Легионеры посыпались через открытые ворота, многочисленные как саранча, атаковав вынужденных растягивать фронт вдоль узкой полоски берега финикийцев. Впрочем, Федор мог похвалить себя за прозорливость. Заслон был выставлен здесь не зря.

Теперь бой шел и на стенах, куда уже успели взобраться некоторые солдаты, и внизу у реки. Но солдат в заградительном отряде было слишком мало. Мощным ударом римляне отбросили африканцев к переправе и уже теснили их обратно за реку.

— Того и гляди сожгут переправу, — сплюнул от досады Федор, поглядывая на и без того дымившуюся в нескольких местах от прямых попаданий единственную «дорогу» на другой берег, — усилить натиск! Послать туда еще одну спейру! Отогнать римлян!

Адъютант убежал передавать приказ. И вскоре по зыбкому мосту, подняв щиты и острия клинков, устремились солдаты девятой спейры. К тому моменту, как они приблизились к противоположному берегу Тибра, римляне действительно захватили уже почти треть переправы. К счастью в пылу атаки они не успели еще нанести ней значительных повреждений, поскольку бились на два фронта: пытались выдавить с нее солдат противника и обороняясь от атак с фланга тех финикийцев, что заняли берег у стены. Возникла невообразимая сутолока, все усиливавшаяся из-за непрерывного обстрела со стены. Казалось, римские лучники, копейщики и пращники валили всех подряд, не жалея даже своих.

Атака свежей спейры исправила ситуацию, но ненадолго. К отброшенным на берег римлянам пришлось подкрепление, и финикийцы вновь начали отступать. Как развивается бой солдат Урбала с легионерами, Федор не понимал, поскольку, несмотря на искры, то и дело сверкавшие там при скрещивании клинков, было непонятно, кто побеждает. Никаких ярких огней на стене пока не зажглось. Все это означало, что и там атака на римские позиции шла тяжело.

— Черт побери, — выругался Федор по-русски, заметив нескольких римских легионеров с факелами в руках, которые бежали позади атакующих солдат своей манипулы и вознамерились так поджечь переправу хотя бы у самого берега, — они хотят мне все испортить. Нет уж, хрен вам, граждане!

И не обращая внимания на удивленно взиравшего на него адъютанта, который не понял ни слова, Федор выхватил фалькату, бегом направляясь вниз.

— Передай приказ кельтам немедленно наступать, — бросил он на бегу не

отстававшему адъютанту, — Карталон пусть ждет в резерве. Если сейчас не прорвемся, все, пиши, пропало.

А когда тот исчез в темноте, Федор спрыгнул на вздымавшиеся в такт течению доски настила и приказал командиру десятой спейры, находившейся в резерве у самой воды:

— За мной, бойцы! Порвем этих римских свиней!

И первым бросился на другой берег, выкрикивая проклятия в адрес легионеров, подхваченные за его спиной верными африканцами. Буквально за несколько минут непрерывные крики слились в дикий яростный вой такой силы, что Федор даже не слышал своего голоса, когда пытался отдавать приказы. Но это было уже не важно. Остановив контратаку, сбросив десятки легионеров в воду и не дав им поджечь доски настила, спейра высыпалась на римский берег, сметая все на своем пути.

— Ворота! — орал Федор, врубившись в строй легионеров и пробираясь по трупам, усыпавшим берег, — захватить ворота!

Яростно работая фалькатой, он увлек за собой солдат, подавая им пример безудержной храбрости.

Одним мощным ударом отрубив кисть ближнему римлянину, который пытался проткнуть его своим мечом, командир хилиархии уклонился от резкого выпада с боку, скорее почувствовав его, чем разглядев. Затем он избежал еще одного, прикрывшись щитом. Ответным ударом он пронзил кадык легионера, вставшего у него на пути. Кровь, брызнув из раны фонтаном, испачкала лицо Федору, но он в исступлении продолжал молотить по щитам, сгрудившихся впереди легионеров.

Рядом также бесстрашно сражался командир десятой спейры. Уложив отточенными ударами фалькаты на траву подряд двоих римлян, он первым вскочил на короткий опущенный мост, уводивший теперь на открытую воду. Там он сразился еще с одним рослым легионером, проткнув его панцирь под самым сердцем. Но, не успело тело массивного римлянина обрушиться в воды Тибра, как командир десятой спейры африканцев сам пал, сраженный стрелой в спину.

Вдруг с реки донесся едва различимый гул. Бросив короткий взгляд назад, Федор заметил кельтов, что спешили ему на помощь. Быстро светало. Первые лучи солнца уже нагревали волны Тибра. От реки поднимался легкий туман, но никто из бойцов не жаловался на холод.

Даже потеряв командира, финикийцы продолжали наступать. Их натиск был настолько силен, что буквально за несколько минут ожесточенной схватки римляне были смяты. А, увидев кельтов и мгновенно расставшись с желанием уничтожить переправу, они начали отступать обратно за ворота. Федор видел недалеко от себя центуриона, который, размахивая мечом, изрыгал проклятия на головы пунов и кельтов, но, тем не менее, приказывал своим солдатам отступать.

— Вперед, бойцы! — заорал Федор надсадным криком, который быстро перешел в хрип, утонувший среди звона оружия, — еще удар и мы выиграем войну!

Солдаты ответили ему воплем ярости. Удар карфагенян был преисполнен такой силы, что они ворвались в открытые ворота города на плечах отступающих легионеров, оказавшись на узкой улице, что вела вперед между каменных домов.

Федор настиг центуриона и, сразившись с ним, быстро лишил командира римлян короткого меча. Не теряя времени, тот отбросил щит, выхватил подвернувшуюся палку из перевернутой телеги, что лежала у стены, и ударил, метясь в голову финикийцу. Федор уклонился, поднырнув под нее, и проткнул острием фалькаты пах центуриона. Раздался треск кожаного панциря и ламбрекенов, по клинку потекла кровь. Римлянин упал на колени и был тут же затоптан наступающими солдатами Карфагена.

Давка вокруг была невообразимая. Бой шел уже на вымощенной улице, которая чуть впереди вливалась в небольшую круглую площадь и расходилась за ней тремя лучами новых улиц. Сверху, поражая прорвавшихся солдат Карфагена в спины, засвистели стрелы. Римляне все еще контролировали стену около башни и стояли впереди плотными рядами до

самой площади.

— Развивать наступление! — заорал Федор, обернувшись назад и увлекая за собой солдат, — вперед в город! Захватить площадь.

И снова прыгнул на линию щитов, которыми прикрывались легионеры из наполовину уничтоженной манипулы. Отбив чей-то меч, он умудрился обмануть пехотинца, сделав ложный замах, показав, что собирается рубануть по ногам. Римлянин «купился», слегка опустив щит, а Федор вместо этого нанес косой удар в лицо. Залившись кровью, солдат упал, выронив щит и меч, а в плотной шеренге ненадолго образовалась брешь. Чтобы не дать врагу опомниться, Чайка прыгнул вперед и снова обрушил свою фалькату на головы ближайших легионеров. Вскоре пал второй римлянин в шеренге, а затем третий. Брешь все расширялась, и в нее устремились другие бойцы Карфагена, многие из которых тоже падали замертво. Но провидение хранило Федора, — сам он до сих пор был жив, даже цел и невредим, не считая легкой кровотоочивой раны, оставшейся от царапнувшего по плечу римского меча.

Новый удар окончательно уничтожил остатки манипулы римлян, так яростно атаковавшей их у переправы всего каких-то полчаса назад. Уже почти рассвело, но здесь, у стены полумрак еще не совсем рассеялся. Солдаты Карфагена очистили прилегавшую к башне улицу от римлян и выдавили их с площади, заняв ее.

Тут Федор остановился, лихорадочно выбирая новое направление удара. Одна улица вела в центр города, две другие почти параллельно стенам. Пока он размышлял, дав солдатам короткий отдых, с воплями в город ворвались кельты. Остановив их командира, Федор направил подкрепление по правой улице. И кельты, издав боевой клич, устремились дальше, потрясая своими топорами.

Отовсюду поднимались дым: осадная артиллерия не зря поработала. Несколько домов в городе полыхали, объятые пламенем. Обернувшись, Федор посмотрел на стену, — бой там все еще шел. И нельзя было сказать, что победа осталась за Карфагеном. То и дело оттуда вниз, на крыши пристроенных к стене домов, падало чье-нибудь мертвое тело, а в скопившихся на улице и площади финикийских солдат прилетали стрелы.

— Беги за солдатами Карталона, — приказал Федор солдату, оказавшемуся к нему ближе всех, — пусть очистят стену от римлян. И займут весь прилегающий к башне район.

Солдат убежал выполнять приказание. А Федор, опершись на клинок, снова окинул исподлобья тяжелым взглядом эту первую часть Рима, захваченную его солдатами. И подумал, поправив съехавший на глаза шлем, «Только бы не упустить победу». Несмотря на прорыв, его терзало смутное беспокойство, гадкий червячок сомнения, хотя с виду успех был очевиден. Федор Чайка стоял уже на мостовой Рима, но это была еще не победа, а половина победы. И следовало развивать успех.

— Вперед! — скомандовал Федор, отогнав от себя сомнения, и указал на главную улицу, что вела в центр города, — побеспокоим сенаторов!

Но едва его потрепанная спейра преодолела сотню метров по свободной улице, впереди послышался цокот копыт и, поблескивая доспехами в лучах утреннего солнца, показалась римская конница. Много римской конницы.

— Держать строй! — заорал Федор, приготовившись к мощному удару.

Римляне не заставили себя долго ждать. Их декурион махнул рукой и всадники пустили коней вскачь. А, приблизившись на расстояние броска, закидали первые шеренги карфагенян копьями, а затем, выхватив длинные мечи, обрушили их на головы солдат Чайки. Римские катафрактарии давили всех на своем пути конями, сразу начав теснить порядки карфагенян. Цокот копыт по камням и людские крики слились воедино.

Первая шеренга полегла только от копий. Сам Федор чудом умудрился отбить тяжелое копье, но не удержал щит. А когда римский всадник оказался рядом, резко поднырнул под лошадь и воткнув ему острие в бок. Катафрактарии рухнул с коня, а Федор быстро оказался в седле, завладев его конем. И тут же вступил в бой сразу с двумя противниками.

Но на коне он оставался недолго. Зарубив второго катафрактария, он схлестнулся с оставшимся. Но, прилетавшее из глубины римских порядков копье воткнулось в шею

лошади и благородное животное, захрипев, вскоре завалилось на бок. Федор, снова спрыгнув на мостовую, едва увернулся, чтобы не оказаться погребенным под лошадью. Щита у него не было, зато фалькату он по-прежнему крепко держал в руке. Так крепко, что сумел отбить мощный удар катафрактария, направленный ему в голову. Отведенный в сторону меч лишь звякнул по шлем, но у морпеха все равно зазвенело в ушах. Поразив конного римлянина сначала в ногу, Чайка ткнул его в снизу живот и отделался от этого противника навсегда. Затем бросил быстрый взгляд вокруг, осмотрелся.

Атака конных римлян просто раздавила половину его солдат. Теперь они снова были отброшены к площади и пятились к воротам. Отступали с большими потерями. Но это было еще не все. Подкрепления Карталона не было видно. Зато Федор отчетливо разглядел, как кельты бьются с такими же конными римлянами в конце своей улицы. А, обернувшись на крик в другую сторону, увидел быструю атаку римской манипулы, подобравшейся к ним с фланга по соседней улице.

— Держать строй! — орал Федор, отбиваясь от катафрактариев, и стараясь изо всех сил сдерживать практически смятых солдат, чтобы быстрое отступление не превратилось в паническое бегство.

Пешие римляне, успевшие до того выкосить человек двадцать карфагенян ураганом пилумов, яростно напирали, вознамерившись растоптать их остатки. Федор видел перекошенные от ярости лица легионеров, почуявших вкус крови и, что самое обидное, вкус победы. С невероятным трудом Чайке удалось отступить под мощнейшим натиском пеших и конных римлян, которые, оказавшись на узкой улице, стали мешать друг другу.

Воспользовавшись этим, он сумел отступить из города с горсткой оставшихся в живых солдат. Несколько шеренг сдерживали натиск в арьергарде, а остальные устремились к берегу. Едва оказавшись за воротами, Федор вдруг увидел своего посланца к Карталону мертвым. Из спины африканца, распластавшегося на траве, торчала стрела. Сам он плавал в луже крови.

«Так вот почему Карталон не пришел на помощь», — пронеслось в мозгу Чайки, когда он бросил полный боли и досады взгляд на противоположный берег. Но размышлять было уже некогда. Это был настоящий разгром, после так успешно начавшегося штурма.

— Отступаем! — приказал он, — быстро на тот берег.

И окинув стену, на которой уже мелькали только римские шлемы, панцири и плащи, добавил:

— Разрушить за собой переправу!

Главы третья

Назад, к морю

Из разведки Леха вернулся в подавленном настроении. Вроде жив, здоров, а не весел. Все не выходила из памяти Тарнара, зарубленная на его глазах грозной хозяйкой Еректа. Нравы, царившие среди сарматских воительниц, снова вывели его из равновесия.

Вернувшись тогда к своим на дорогу вместе с амазонками, Леха немедленно разыскал Инисмея и велел ему постоянно быть рядом, словно боялся, что царица Еректа теперь будет претендовать на то, чтобы Леха стал исполнять все ее приказы. Однако, этого не произошло. Во всяком случае, до возвращения в захваченный Орол. И весь путь до бурливого Тираса Леха проделал более менее спокойно. Хотя, даже возможные нападения бастарнов его больше так не отвлекали, как вопрос, что же делать дальше.

Когда совместный отряд амазонок и скифов преодолел речку в обратном направлении, пришло время расставаться. Неподалеку от ворот в лагерь Исилеи, она повернула коня, приблизившись к Лехе, ехавшему впереди своих воинов.

— Завтра вечером я приеду к тебе, — сообщила ему на прощанье царица Еректа, — жди.

И это обещание вселило в него первобытный ужас. Оно звучало как приговор свободе.

Леха промолчал тогда, сделав вид, что пропустил слова хозяйки Еректа мимо ушей, но в глубине души разволновался. «Это что же, получается, — невесело размышлял морпех, понукая коня, который вез его мимо полуразрушенного частокола в лагерь скифов, — она меня, свободного мужика, теперь все время напрягать будет? Баба красивая, спору нет. Но, что же это за любовь будет под страхом смерти. Мужик я, в конце концов, или где?».

Окутанный сомнениями, Леха прибыл к Арчою в юрту, — тот по прежнему жил в лагере, — и доложил о результатах разведки.

— Молодец, Аллэксей, — похвалил его бородатый скиф, сидя на ковре, скрестив ноги и попивая какой-то густой отвар, — значит, послезавтра снимаем лагерь и движемся дальше, за реку. Пора снова погулять по землям этих бастарнов, да пожечь города.

— А почему не завтра? — с надеждой спросил Леха.

— Вчера прибыли гонцы от Оритии. Она поднялась уже до самых истоков реки и сожгла там немало деревень, — поведал Арчой.

— Не сомневаюсь, — кивнул морпех, — это они могут.

— А завтра я жду гонцов от Иллур. И собираюсь отправить к нему своего. Да, кроме того, надо в Ольвию отправить еще кое-что ценное. Думаю, до вечера не управимся с подготовкой.

— Скажи, что за кибитки я видел? — спросил Леха, углядев, перед тем как войти в юрту, несколько крытых повозок, стоявших друг за другом посреди лагеря, — вокруг них столько охранников.

Арчой усмехнулся.

— Это и есть подарки нашему царю, — проговорил он нехотя, — там золото, что мы захватили в этих землях. Думаю отправить его завтра утром в Ольвию, а потом двинемся дальше.

План возник в голове у морпеха мгновенно.

— Слушай, Арчой, — попросил Леха, — отправь меня в Ольвию командиром охраны этого обоза. Я все доставлю в целости, только разреши вместе с караваном отбыть.

— Это еще зачем? — поднял брови командир корпуса, — ты мне здесь нужен. Кто в разведку ходить будет, города брать?

— Городов здесь немного, как-нибудь без меня управитесь. А мне, — взмолился Леха, на ходу придумывая достойный повод, — очень надо с Иллуром повидаться. Появилось срочное дело к царю, от которого может нашей войне большая польза выйти.

— Ай, не хитри, Аллэксей, — заподозрил неладное Арчой, — зачем тебе непременно сейчас к царю понадобилось? Говори.

Но морпех ни за что на свете не сказал бы правду, а потому продолжал твердить свое «Очень надо».

— Я отвезу и сразу вернусь, — соврал, наконец, Леха, мечтавший оказаться как можно дальше от этих мест. И, как можно скорее.

— Ну, хорошо, — сдался Арчой, тряхнув своей бородой.

Допив свой отвар, он поднялся. Низкорослый и широкий в плечах, без коня этот мудрый скиф смотрелся не менее грозно, чем верхом.

— Хорошо, — повторил Арчой, упершись руками в бока, — Доставишь казну Клорина в Ольвию, оттуда съездишь к царю. Он сам решит, там его оставить или отвезти в центральную Скифию. А оттуда сразу возвращайся обратно.

— Найдешь нас по следам пожарищ, — усмехнулся довольный скиф.

Леха закивал, вне себя от счастья.

— Я обещал тебе часть этого золота за хорошую службу, — добавил Арчой, — можешь взять, его уже приготовили.

— Да мне не надо, — стал отказываться Леха, обрадованный уже тем, что избегнет завтрашней встречи с хозяйкой Еректа, — главное, чтобы никто не знал, куда я отправился.

— Это буду знать только я, — ответил Арчой, не уловив в словах кровного родственника иного смысла, кроме беспокойства о доставке золота.

— Вот и отлично, — кивнул Леха, — Договорились.

— А свое золото заberi, — приказал Арчой, — ты его заслужил.

Леха подчинился. В конце концов, чего отказываться, раз дают. Действительно заслужил, — воевал, не за чужими спинами отсиживался. Да и бойцов наградить обещал.

* * *

Выспавшись с удовольствием и в одиночестве, на следующее утро brave морпех был снова доволен жизнью. День выдался солнечным. Ставший уже обычным мелкий дождь прекратился. И Леха счел это хорошим знаком, поймав себя на мысли, что с некоторых пор стал верить в приметы.

Для охраны золота требовалось выделить не меньше трехсот человек, и он взял в этот поход всех своих людей, что остались. Таких набралось чуть больше полутора сотен, считая раненных. Доукомплектовал их всадниками Арчой и, хорошенько перекусив, отправился в дорогу. Задерживаться в лагере ему совершенно не хотелось.

Покидая лагерь скифов последним, Леха невольно обернулся и посмотрел в ту сторону, где за обугленными развалинами пригородов Орола, скрывался лагерь амазонок. Но, не увидев никого, спешащего к нему навстречу, и облегченно вздохнул.

— Давай быстрее! — поторапливал Леха возниц, дефилируя мимо повозок от головы к хвосту колонны, то и дело заезжая в лес и посматривая назад, будто ожидая погони. До вечера было еще далеко, но, пока, слава богу, вокруг все было тихо.

Повозок получилось десять штук. Из них половина была занята юртами для ночлега, а в остальных находился «золотой запас» Клорина. Грузенные тяжелым металлом, повозки шли не быстро, несмотря на все усилия возниц. Первое время колонна двигалась по лесной дороге, почти не останавливаясь. Затем путь лежал через раскисшие от долгих дождей поля, окруженные густым лесом, и кое-где повозки приходилось вытаскивать. Но преодоление этих трудностей вызывало у морпеха только легкую улыбку. Он занимался этим с радостью. И дело шло. В общем, несмотря на задержки, к вечеру они были в разрушенной деревне бастарнов, которую обнаружили и сожгли первой.

— Здесь и заночуем, — решил Леха, приказав разбить лагерь недалеко от пепелища, — Инисмей, организуй дозоры, да проследи, чтобы сменялись вовремя. В лагере пеших поставь и чтоб никто не спал.

— Все сделаю, — кивнул сотник, отправляясь выполнять приказ.

— Не дрова везем, — предупредил Леха, — за сохранность обоза головой отвечаем.

Но Инисмею не нужно было повторять дважды. Он расставил дозоры в самом лагере и вокруг него, организовав все, как следует. И, тем не менее, Леха этой ночью спал беспокойным сном. Несколько раз он просыпался в холодном поту, — ему казалось, что вдалеке слышится стук копыт всадников. Однако, очнувшись, он мог различить только голоса ночных птиц. Окрестный лес мирно спал. И морпех усилием воли тоже заставлял себя снова заснуть. Утро он встретил утрюмым и невыспавшимся. Однако, надо было двигаться дальше.

Осмотрев повозки и найдя все в полном порядке, Леха приказал выступать. Не успели они покинуть пепелище укрепленной деревни бастарнов и углубиться в лес, как снова начался дождь. Лесная дорога быстро раскисла. Скифы двигались вперед медленно, периодически вытаскивая застревающие повозки с золотом. Но все это Леху только раздражало.

Разведчики, которых Ларин рассылал по окрестностям, приносили только успокаивающие вести, — бастарны не показывались. Лишь однажды им удалось заметить разъезд бастарнов, на одной из опушек, но и тот быстро скрылся в лесу. Никаких крупных отрядов на пути каравана с золотом пока не встречалось.

Ночевка на опушке леса, где скифы выстроили повозки кругом, образовав заграждения от возможных атак, тоже прошла мирно. По всей видимости, вторжение скифов заставило

уйти из этих мест уцелевшие племена бастарнов. И даже те, кто не попал под удар, а остался, прятаясь в лесах, не стремились лишней раз появляться на пути отряда завоевателей.

На следующее утро природа вокруг начала меняться. К обеду лес стал редеть и скоро сменился на лесостепь, чаще стали появляться поля. Дождя здесь не было давно и, несмотря на то, что весь следующий день скифы ехали по полям, без всяких признаков дорог, продвигались они теперь довольно быстро. А когда темнота вновь начала сгущаться, отряд выехал на высокий холм, за которым путь лежал только вниз. Поднявшись на его вершину, Леха заметил внизу высокие зубчатые стены и башни, за которыми раскинулось безбрежное море.

— Ну, вот и добрались, — выдохнул начальник золотого каравана, — Ольвия.

Караван из десятка повозок под охраной трех сотен солдат, оказался за стенами укреплений, когда тьма уже полностью накрыла город. Встретившись с начальником местного гарнизона, Леха сообщил ему кто он и откуда, — впрочем, в этом не было особой необходимости, все военачальники знали кровного брата самого царя Скифии в лицо, — и разместил своих людей на постой. Золото было перегружено в одну из башен и оставлено под надежной охраной.

— Ну, как идут дела? — решил разузнать последние новости Ларин, — Взяли уже Тиру?

— Нет еще — ответил широкоплечий скиф, у которого вместо правого глаза из-под шлема виднелось красное месиво, неуклюже зашитое иглой. При свете горевшего костра, выражение лица начальника гарнизона Ольвии выглядело зловещим.

— А что так, — удивился командир разведчиков и похвалился, не удержавшись, — вон мы бастарнов, уже за реку загнали. А скоро им вообще конец настанет.

— Греки оборону хорошо держат, — ответил скиф, — на земле Иллур уже выиграл несколько сражений. Но приступ еще не закончен. Флот у них сильный, не дает подойти с моря к стенам.

— Понятно, без меня ни куда, — заметил на это Леха, и спросил напрямик, — Корабль дашь? Так быстрее доберусь.

Начальник гарнизона отрицательно замотал головой.

— Нет корабля, Аллэксей. Весь флот с Ичеем ушел на войну. Только грек остался и строит свою большую лодку. Но на ней ты завтра не сможешь уплыть, хотя она почти готова.

— Гиалисподис уже почти закончил свой дредноут? — настал черед Лехи удивляться, — отлично. Завтра посмотрим. Ну, а до Тиры я и на коне доберусь как-нибудь.

Ночь в отведенном ему доме он провел отлично. Выспался и на утро был бодр и свеж, как никогда. Хорошенько перекусив, чем бог послал, Леха проведаль своих солдат и, разрешив им отдыхать до особых распоряжений, направился в гавань. Там он быстро разыскал пристань, где вел постройку своего супертяжеловеса греческий инженер-механик Гиалисподис. Это оказалось не трудно. Мачту эннеры Леха Ларин, облаченный в доспехи и бодро шагавший к гавани по каменной мостовой между двух и трехэтажных городских домов, заметил еще на подходе. Она возвышалась над крышей одного из домов. А когда дома закончились, и он оказался на берегу моря, обустроенном многочисленными причалами, то корабль предстал во всей своей красе. Но, это был даже не корабль, а какой-то монстр.

— Вот это посудина, — Леха даже присвистнул от удивления, приближаясь к сходням, у которых маячили охранники.

Прикрепленный мощными канатами к пирсу корабль был с первого взгляда в два раза больше хорошо знакомой Лехе квинкеремы. На широченной палубе было выстроено семь башен для стрелков. Три огромные, — две на корме, а одна на носу, — и четыре по бортам. Охрана состояла из бывалых воинов, которые знали его в лицо и пропустила Леху на корабль беспрепятственно.

Гиалисподис возился у мачты с каким-то устройством натяжения, объясняя его работу

не то матросам, не то рабочим через переводчика.

— Привет гениальным инженерам, — поздоровался Леха, впечатленный конструкцией, которая произвела на его морскую душу неизгладимое впечатление, но тут же вспомнил, что сам не говорит по-гречески, а Гиლისподис еще слабо владеет скифским. К счастью помог переводчик, обретавшийся тут же.

— И вам желаю долгих дней жизни, — ответил учтивый Гиლისподис, признав своего главного куратора по некогда секретному проекту в Золотой Бухте.

— Вот приехал в город и сразу к тебе, — пояснил Ларин, осматривая высоченную мачту, задрав голову, — мне вчера сказали, что ты уже почти закончил корабль. Значит, скоро в бой.

— Да, корабль почти готов, — кивнул инженер, отрываясь от своих занятий, — осталось только доделать кое-что из оснастки. Это не долго. Пару дней.

— Ну, тогда пойдем, поглядим твое хозяйство, — предложил Леха, и прищурившись на солнце, добавил, — Я сегодня к царю еду, вот и доложу.

Гиლისподис подчинился, приказав рабочим заняться другими делами, и покорно зашагал рядом с Лариным. Вместе с ними на осмотр направился и переводчик: седовласый старик тоже из пленных греков. Не дожидаясь, пока инженер начнет рассказ, Леха помог ему вопросом.

— Слушай, Гиლისподис, корабль с виду огромный, но слегка пониже квинкеремы кажется?

Переводчик «отработал» вопрос.

— Да, это действительно так, — закивал инженер, польщенный проявленным интересом к его детищу, — вы очень наблюдательный. Здесь всего четыре палубы, зато он гораздо шире. За счет этого я смог разместить семь башен для стрелков на верхней палубе.

— Это хорошо, — подтвердил Леха, — башни, дело полезное. И пехоту ведь сюда можно посадить, так?

— Да, — быстро ответил инженер, — несколько сотен морских пехотинцев, можно разместить на нижних палубах.

— И быстро твоя посудина плавает? — уточнил Леха, останавливаясь у борта. Перегнувшись вниз, он стал рассматривать весельные порты.

— Не очень, — осторожно ответил Гиლისподис, остановившись рядом, — она движется на длинных веслах, на каждом из которых будет сидеть три гребца. Иногда может ходить под парусом.

— В общем, еле тащится, — резюмировал Леха, распрямляясь, и заставив переводчика немного напрячься, чтобы перевести сказанное.

Гиლისподис замолчал на некоторое время, подбирая ответные слова, но вскоре продолжил свою экскурсию.

— Да, эннера довольно тихоходна. Но взамен скорости она имеет большую военную мощь. На верхней палубе, кроме башен, поместиться целых двенадцать метательных машин, сделанных моим коллегой Калпакидисом.

— Кстати, как он? — вскользь поинтересовался морпех.

— Ушел в поход вместе с армией царя Иллур, — ответил грек.

Инженер развел руками, словно приглашая Леху оценить мощь античной артиллерии, уже установленной на палубе. Леха проследил за его жестом и действительно обнаружил двенадцать крупных корабельных баллист, способных превратить вражеский корабль в решето. Сейчас их хищные морды были развернуты в стороны, почти вдоль бортов.

— Впечатляет, — согласился он, отходя от борта и приблизившись к одному из орудий, погладил его свежеструганные балки.

— Эннеру можно применять для охраны гаваней, — напомнил Гиლისподис, — или для осады вражеских крепостей с моря. Дальность стрельбы позволяет.

— Вот на днях и проверим, — предположил Леха, окинув взглядом широкую палубу, в центре которой размещалось целых три шлюпки, — так что ты, давай, побыстрее заканчивай

эту плавучую платформу для артиллерии.

На прощанье, уходя с палубы, Леха поинтересовался:

— А у греков таких много во флоте?

— Нет, — ответил Гиалисподис, — На этом море подобных кораблей нет ни у одной греческой колонии. Это очень дорого даже для них.

— И как только Иллур согласился столько денег выкинуть, — пробормотал Леха себе под нос, а, чуть прибавив голос, произнес, — ну, прощай. Думаю, через пару дней я за тобой вернусь, если Иллур кого другого не пришлет. Готовься.

Гиалисподис поклонился вслед представителю власти. А Леха, довольный осмотром и прогулкой на берег моря, зашагал обратно в расположение своих солдат. Там, найдя своих сотников, приказал немедленно готовиться к выступлению. Всадников Арчоя он оставил в Ольвии, охранять золото. А сам вознамерился быстрым маршем достигнуть Тире, чтобы лично предстать перед Иллуром, доложив ему о достижениях в землях бастарнов и узнать, что дальше делать с их золотом. Свою часть добычи, переданную ему Арчоем, он раздал своим солдатам в качестве награды за штурм укрепленного Клоина, оставив себе лишь немного. Когда все было готово полторы сотни скифов выехали из ворот Ольвии взяв курс вдоль побережья, уже захваченного армией Иллура на несколько дней пути на юг.

Главы четвертая

Крепкий орешек

Путь от Ольвии до Тире занял у отряда Лехи Ларина чуть меньше трех дней. Все это время дорога петляла меж прибрежных холмов, то, уходя от моря, то снова возвращаясь к нему. И повсюду глаза командира разведчиков видели следы недавних боев. Особенно много их стало, когда отряд пересек границу владений Тире, отмеченных специальным столбом у дороги. Теперь справа и слева, а иногда и на самой дороге, во множестве валялись трупы скифских воинов и греческих наемников, защищавших Тире. Из мертвых тел торчали стрелы, а уже начавшие разлагаться под южным солнцем трупы, клевали стервятники.

Если не считать этого обстоятельства, путь до соседней греческой колонии был нетрудным. Поскольку сама дорога, хоть и не отличалась завидной шириной, была вымощена от Ольвии до границы ее владений на юге, которые соприкасались с землями тирских греков. А оттуда ее мостили уже обитатели соседней колонии, поддерживавшие торговые связи со своими единокровными соседями. Это значительно облегчило наступление орды Иллура, который пронесся ураганом по этим землям, превратив их в пепелище.

Впрочем, сам город, судя по всему, был еще не взят и по пути отряду Ларина не раз попадались разъезды всадников Иллура. Остановив один из таких разъездов к обеду третьего дня, он узнал, что царь стоит лагерем неподалеку от греческой колонии. Город окружен, но еще сопротивляется.

— Ну, значит, еще успеем повоевать, — успокоился Леха, словно боялся опоздать, и от радости даже хлопнул по плечу сидевшего рядом в седле сотника. Скиф поморщился от боли, но улыбнулся через силу своему хозяину.

— Успеет, — согласился он.

Это был Уркун, раненный в плечо при осаде Орола. Рядом придерживали своих коней Инисмей и Гнур, подъехавшие чтобы пообщаться с Лехой и узнать последние новости.

— Далеко до лагеря? — уточнил Ларин.

— К вечеру доскачете, — уверенно заявил скиф, бывший среди дозорных за старшего.

— Ну, тогда нечего время терять, — приказал Леха, понукая коня, — вперед, бойцы. Скоро нас ждет лихая сеча.

Когда начало смеркаться и над морем, которое они на протяжении всего пути не теряли из вида, появились кучевые облака, Леха заметил впереди огромный лагерь, состоявший из сотен и сотен юрт. Вдоль него сновало множество конных воинов. Лагерь скифской армии

находился на вершине холма, поднявшись на который Леха увидел обширный залив, на другой стороне которого виднелся город и крепость, возведенная почти у самой воды. Часть залива была отгорожена дамбой, за которой прятались греческие корабли. Сколько их было, в наступивших сумерках было не разглядеть. Зато здесь внизу и чуть левее лагеря, был хорошо различим собственный флот скифского царя Иллур. Множество триер обсыхали, вытасканные на берег, а несколько более массивных кораблей, — судя по всему, квинкерем, — бороздили вечернее море.

«Стерегут, чтобы ни одна мышь не просклизнула, — радостно подумал Федор, у которого от одного вида кораблей, начиналась тоска по морю и морским походам, — а город то еще целехонький, похоже я действительно не опоздал».

Въехав в лагерь сквозь многочисленные кордоны, которые быстро опознали в прибывшем «своего», Леха разместил людей на ночлег в дальнем углу лагеря, где еще имелось свободное место, благо свои «передвижные дома» они привезли с собой. А затем сразу отправился на прием к царю. Однако, его не пустили. Охранники у юрты молодого царя Скифии признали кровного брата, но остались глухи к его желанию немедленно повидать Иллур.

Сначала Леха не понял такого отказа, вроде бы в опалу попасть еще не успел, но пока топтался недалеко от входа, до него донеслись громкие постанывания, лишь слегка приглушенные толстым войлоком жилища. «Вот оно что, — ухмыльнулся морпех, — ну, тогда все понятно. Секс, — дело серьезное. Пойду, пройдуся, пока царь наслаждается жизнью».

— Передайте царю, как освободится, что я прибыл в лагерь, — сообщил он на всякий случай охранникам, — есть у меня к нему важное сообщение. Позже зайду.

И отправился в сторону берега, достиг которого уже в полной темноте. Лишь изредка тьму разрывали пятна небольших костров, разведенные позади корабельных корпусов, чтобы огонь не был замечен с другого берега.

Приблизившись к одному из таких костров, Леха поговорил с моряками, готовившими себе ужин, и выяснил, что ставка Ичей находилась дальше по берегу, почти на песчаной косе, выдававшейся в воды залива. Потратив еще полчаса, он нашел-таки большой каменный дом, построенный кем-то из местных зажиточных греков, а теперь выполнявший функцию адмиралтейства у скифов. Вокруг дома, окруженного небольшим садом и тремя террасами, выходящими к морю, стояла охрана из «старослужащих», знавших Леху в лицо. Потому, пропустили его внутрь без долгих разговоров. Сам Ичей был на месте, и оказался более досягаем, чем царь, поскольку предавался чревоугодию, а не плотским утехам с наложницами. Правда в отличие от Иллур, этот скиф явно предпочитал юртам каменные дома и прочие предметы греческой цивилизации.

— Я смотрю, осада города вам доставляет большое удовольствие, — заметил Леха, входя в просторную комнату, половину которой занимал стол с едой и десятком кувшинов, освещаемый огнем жаровни в углу, — все только и делают, что расслабляются.

Ичей был один, а еды и вина было столько, словно он ожидал в гости человек десять.

— Война наша жизнь, а жизнь коротка, — философски изрек молодой адмирал, откусывая кусок жареного мяса, и облизывая сальные пальцы, — садись, Аллэксей. Отведай вина и мяса. После атаки на это побережье, мне удалось захватить здесь неплохой винный погреб, уничтожением которого я занимаюсь уже третий день.

— А воевать кто будет? — поинтересовался Леха, усаживаясь на лавку, наливая себе вина, и рассматривая колонны, поддерживавшие высокий потолок комнаты из которой открывался вид на море, — обстановка у тебя тут действительно греческая. Прямо, хоть Одиссею пиши.

— Ты лучше ешь, — посоветовал Ичей, не обратив внимания на странные слова, — устал, наверное, с дороги.

Леха с удовольствием откусил свежезажаренного мяса и оторвал ломоть от ароматной лепешки.

— Ну, рассказывай, — не выдержал он затянувшегося молчания, прерываемого только чавканьем, да причмокиванием, когда утолил первый голод, — что тут у вас творится.

— У нас перемирие, — заявил Ичей, отхлебнув вина из нового кувшина, даже не став наливать его в чашу.

— Что у вас? — не поверил своим ушам морпех, — перемирие? Иллур передумал воевать?

— Ай, не спеши, Аллэксей, — укорил его Ичей, хитро подмигнув, — наш царь совсем не глуп. Мы давно окружили город, пожгли все его поля с хлебом, отрезали греков от всех дорог. В море, на виду у жителей, постоянно плавают мои корабли, закрыв выход из залива. Отсюда никто не сможет вырваться, если только не станет рыбой или птицей.

Он замолк, прильнув к очередному кувшину. А Леха налег на лепешки, показавшиеся ему божественно вкусными и молча ждал, пережевывая, пока Ичей нахлебается вдоволь вина. Наконец скифский адмирал, отставил кувшин в сторону и вернулся к разговору. Расписной глиняный кувшин с красными фигурками танцующих людей, рухнув со стола, разбился на множество осколков, но Ичей не обратил на это никакого внимания. Зато Леха обратил, — кувшин был абсолютно пуст.

— Наш царь, — вновь заговорил Ичей и язык его на сей раз, ворочался уже с трудом, — объявил грекам, что ни никого не тронет, если они сам сдадутся и добровольно признают его власть, как это сделала Ольвия.

— А что, разве Ольвия сдалась нам добровольно? — удивился Леха, прислоняясь спиной к стене, хмельное вино уже давало о себе знать, — не ты ли поджег ее гавань?

— Ну, — задумался Ичей, вспоминая все, что он наговорил, — я хотел сказать, что Иллур никого не казнит. И все. Он дал грекам на размышления три дня. И сегодня они закончились.

— Они не сдадутся, — заявил Леха, — они ведь надеются, что мы совершим набег и уйдем. А они отобьются или откупятся. Ведь скифы так далеко вдоль берега давно не заходили. Так что греки наверняка, попытаются отсидеться за своими стенами и послать за подмогой в соседнюю колонию. Все греки так поступают.

— Уже пытались, — отмахнулся изрядно захмелевший Ичей, — но, ни по суше, ни по морю никто отсюда выйти не может. Я же тебе уже говорил, кажется. Лично я перехватил уже две биремы, пытавшиеся ночью выйти в море, одну за другой. От этих хитроумных греков можно всего ожидать. Но я придумал, как их перехитрить. Видишь, мои корабли даже ночью бороздят эту гавань.

Он тут же встал, приблизившись к открытой террасе, и указал куда-то в ночь. Оказавшись рядом, Леха действительно заметил странные огни на воде, протянувшиеся цепочкой через весь залив. С пьяных глаз ему показалось, что это огни аэродрома, но он тут же вспомнил, что все аэродромы остались в прошлой жизни. Ичей все быстро ему объяснил, выпив еще кувшин греческого. Оказалось, что это были плоты, связанные веревками в линию до самых берегов, на которых изобретательный адмирал приказал разжечь костры и поддерживать их всю ночь, пока не сгорят сами плоты. Эта нехитрая система иллюминации позволяла скифским «сторожевикам», бороздившим волны за этой огненной полосой, видеть любое судно или даже лодку, пытавшуюся выскочить из залива. И такая тактика уже принесла свои плоды, как только что услышал Леха.

— А ты, молодец, мореман, — поздравил коллегу Леха, восхищенный простотой замысла, — соображаешь.

Но видимо Ичей не обратил на слова Ларина особого внимания. Потому что ничего не ответил. Однако, когда Леха обернулся, то быстро понял причину этого молчания. Адмирал мирно спал на лавке, прижав к груди пустой кувшин.

— Жертва греческой цивилизации, — сплюнул Леха на каменный пол, прислонившись к стене и вперив взгляд в адмирала, — Кочевник, е-мое. Пить, не умеет, а туда же, в моряки подался. А если греки сейчас вылазку сделают и повяжут тебя тут, спящего?

Но «жертва греческой цивилизации» молчала, мирно посапывая.

— А ну тебя к черту, — обиделся Леха, — мне на прием к царю пора.

Но, сделав несколько шагов, передумал, отложив визит на утро. «Может, у него там барышни задержались, еще помешаю», — решил Леха и, покинув ставку адмирала, нетвердой походкой направился в лагерь.

Свежий ночной ветерок быстро заставил его протрезветь и расположение своих воинов он нашел легко. Его юрта уже давно была установлена, а у входа дежурил охранник. Пробравшись внутрь, бравый морпех растянулся на ковре, и сладко заснул, оставив все проблемы на завтра.

На рассвете его разбудил невероятный шум. Едва выскочив в исподнем наружу, командир разведчиков, обогнул юрту и посмотрел туда, откуда эти шумы доносились. Его взгляду предстала картина ужасного разрушения, царившая среди вытасченного на берег флота. С холма, на котором располагался лагерь, было отлично видно несколько греческих квинкерем, пересекших еще затемно гавань и внезапно атаковавших скифский флот на стоянке. Греки и не подумали прорывать блокаду залива, как от них все ожидали. Они просто напали и уничтожили почти весь вражеский флот, стоявший на берегу. С квинкерем, качавшихся на волнах неподалеку от берега, то и дело взлетали в воздух горшки с зажигательной смесью, и обрушивались на беззащитные триеры. Половина судов Ичей уже горела. Среди оставшихся, на глазах Лехи запылало еще две. Не успокоившись на этом, греки высадили десант морских пехотинцев, который атаковал и уничтожил лагерь скифских моряков, расслабленно отдыхавших на своем берегу и ощущавших себя в полной безопасности.

Оправившись от первого потрясения, скифы контратаковали, уничтожив половину греческих пехотинцев. Но было поздно. Сделав свое дело, и взяв уцелевших морпехов на борт, квинкеремы отправились обратно к другому берегу. Преодолев неширокий залив на глазах разъяренных скифов, в бессилии пускавших стрелы с побережья, корабли Тиры скрылись за дамбой. Это случилось незадолго до того, как ним на перехват подошли квинкеремы скифов, всю ночь в ожидании прорыва охранявшие выход из «запечатанного» залива.

— Я так понимаю, — сказал сам себе Леха Ларин, оглядев картину утреннего побоища, — перемирие закончено.

Он вернулся в юрту и облачился в доспехи. Пора было, наконец, предстать пред светлые очи кровного брата и рассказать про золото бастарнов. «Может быть, это его немного утешит», — думал Леха, забираясь на коня и направляясь к юрте Иллур в сопровождении Инисмея и эскорта из тридцати бородатых разведчиков. Но, не проехав и полдороги, он уже заметил царя Скифии, который вихрем пронесся мимо него к берегу. За ним проскакали его телохранители. «Чует мое сердце, — продолжал рассуждать Леха, — что адмирала сегодня по головке не погладят».

Его предсказание сбылось очень быстро. Даже, быстрее чем он ожидал.

— Где Ичей? — услышал Леха зычный голос царя Скифии, — немедленно привести его сюда!

Приблизившись к месту недавнего избиения младенцев, — «как хорошо провернули операцию, сволочи», — Леха не мог не отдать грекам должное, — морпех заметил Иллур. Скифский царь гарцевал на коне между двух догорающих триер, от которых уже остались только обугленные остовы. Чуть в стороне из дыма сиротливо торчала мачта еще одного корабля. А неподалеку собрались моряки, оставшиеся без кораблей. И когда Ичей, с лицом белее мела, предстал перед царем, то Иллур оказался короток на расправу.

— Так ты обеспечил охрану моего флота? — спросил он голосом, от которого у Лехи побежали мурашки по коже. Этот тон не предвещал ничего хорошего тому, к кому обращался владелец голоса, — с этими обугленными головешками я теперь должен атаковать укрепленную Тиру?

Ичей молчал, глядя на догорающие корабли. Оправдываться было бесполезно.

— Повесить его, — приказал царь, — на мачте корабля. Я окажу тебе последнюю

милость, Ичей. Ты умрешь моряком.

Несколько охранников Иллур спешили и немедленно, спеленав не сопротивлявшегося адмирала, затащили его на палубу уцелевшей триеры по сходням. Там они перебросили веревку через рею, одели петлю на шею приговоренному, и, не дав ему опомниться, быстро вздернули. Раздался сдавленный крик и скифский флот остался без командующего.

Глядя, как раскачивается тело Ичея в лучах утреннего солнца, то и дело затмевавшегося клубами дыма, Леха вдохнул носом гарь и быстро ощутил, сколь коротка жизнь. Еще вчера он беседовал с этим веселым скифом, вокруг был мир и удовольствие, а сегодня он снова на войне. И близость к царю совсем не означала пожизненную неприкосновенность. Иногда, даже наоборот. Ларин засомневался, стоит ли сейчас показываться на глаза разгневанному Иллuru. Но тот, обернувшись, сам заметил его.

— А ты здесь что делаешь? — громко прозвучал вопрос, — я ждал тебя гораздо позже.

Леха вздрогнул, но все же уловил нотки удивления и радости в голосе кровного брата. Кажется, прямо сейчас, его казнить не собирались.

— Я привез тебе ценный груз, — начал Леха издали, — и теперь вижу, что вез его не зря. К сожалению.

— О чем это ты бормочешь, — смягчившись, проговорил Иллур, подъезжая ближе, — ну, раз ты здесь, проедемся вдоль берега. Мне надо кое-что тебе рассказать и кой о чем расспросить.

Командир разведчиков молча подчинился. Они поднялись на прибрежный холм и неторопливо поехали в сторону города бок о бок. Иллур молчал, поглядывая на море. Леха его, понятное дело, не торопил. Инисмей с воинами поотстал, пристроившись за охранниками Иллура.

В утреннем воздухе сильно пахло гарью, приносимо сюда ветром с места пожарища. Но, скоро они отъехали достаточно далеко, чтобы Леха мог насладиться свежим морским воздухом. Вдоль берега постоянно сновали конные разъезды, патрулировавшие окрестности города. А далеко впереди морпех заметил большой отряд, примерно в тысячу конных бойцов, что стоял, выстроившись за холмом, неподалеку от главных ворот города. «Видно, на случай вылазки приготовлен», — подумал Леха, но уточнять не стал.

Так, любясь пейзажем, они проехали некоторое время, пока Иллур не сказал, словно вспомнив о чем-то незначительном.

— Ты вовремя вернулся и сам все видел. Мне теперь нужен командир над флотом, Аллэксей. Без флота Тиру не взять.

Еще пару недель назад Леха только рад был бы такому назначению, а теперь не знал радоваться или огорчаться. Судьба Ичея наводила на размышления. Но за последнее время Леха так устал от постоянных размышлений, что колебался не долго. Лучше уж тут в славном бою сгинуть, чем...там.

— Надо, так надо, — просто ответил он, — я готов.

— Вот и отлично, — кивнул Иллур, — сегодня же принимай командование. Посмотри, что осталось и придумай, как нам взять город. Греки хорошо защищаются. Лучше, чем Ольвия. На суше, правда, слабоваты, после двух сшибок кавалерия больше не показывается за стенами. Но в море пока сильнее нас. А теперь... вдвойне. Скоро надо ждать прорыва.

Иллур замолчал, посмотрев, прищурившись на морскую гладь залива.

— Но мы их все равно возьмем.

— Ясен перец, возьмем, — делано усмехнулся Леха, — а что нам еще остается. Не обратно же с позором возвращаться.

— Никогда, — мотнул головой, облаченный в высокий раззолоченный шлем, Иллур, — мы завоюем все побережье до самой Греции. И все эти земли станут новой Великой Скифией. Так что Тира скоро падет.

Он повернулся и пристально взглянул на кровного брата.

— Что случилось в землях бастарнов? И что ты там мне привез?

— Все отлично, — доложил Леха, с радостью переключаясь на приятные новости, — мы захватили почти все земли по левому берегу Тиры и уже переправились на другой. Сожгли несколько городов, среди которых один крупный, столицу местного царька Клорина. Я привез тебе его золото, как приказал Арчой. Думаю, оно тебе пригодится.

— Где оно? — уточнил царь.

— Оставил пока в Ольвии, под надежной охраной, — сообщил Леха, — не сюда же везти?

— Правильно. Золото, это хорошо, — кивнул Иллур, — на него можно построить много кораблей и нанять много воинов. Но корабли строить долго, а нужны они мне сейчас.

— Есть у меня одна идея, — вспомнил Ларин о «монстре», что достраивал Гиლისподис, — видел я в Ольвии, как наш греческий инженер эннеру заканчивает. Знатная штука. Может сильно помочь в осаде. Там столько метательных машин помещается, и не сосчитаешь. Как на нескольких триерах сразу. Ее бы сюда перегнать, сразу дело быстрее пойдет. Только она тихоходная слишком и охранять ее надо, чтобы по дороге не подожгли.

— Вот и отправляйся немедленно в Ольвию, — приказал Иллур, — только морем. Возьми с собой, сколько надо кораблей из оставшихся для охраны, и доставь эннеру сюда. Я ее давно жду.

— А как же Арчой? — делано возмутился Леха, — он же меня обратно ждет с известиями.

— Ничего, — отмахнулся Иллур, — найду, кого к нему отправить вместо тебя. Ты мне здесь служить будешь.

Нельзя сказать, чтобы Леха был недоволен.

Глава пятая

Великое посольство

Море нещадно раскачивало корабль, словно проверяя его на прочность. Волна била в наветренный борт, но квинкерема упорно возвращалась на курс, стараясь не сбиться с пути. В довершении всего пошел мелкий дождь, но Чайка все не уходил с палубы, вглядываясь в низкий горизонт. Там впереди, за почти слившимися с водой облаками находился край италийского сапога и римские корабли, стерегущие выход из Адриатики.

— Это даже хорошо, что погода испортилась, — проговорил себе под нос Федор, покрепче цепляясь за мокрые ограждения, — когда подойдем, будет уже ночь. Может, и без боя проскочим.

Где-то там, в водянистом крошечке сейчас находился Тарент, город, где началась его служба Риму, о которой до сих пор никто не знал, кроме самых близких людей. Подумав об этом, Федор оглянулся по сторонам, словно кто-то мог подслушать его мысли. Но рядом никого не было. Несколько моряков возились чуть поодаль с парусами, а все морские пехотинцы отдыхали сейчас под верхней палубой. Здесь же было пустынно.

Чайка обернулся назад, где, рассекая волны, шли за флагманской квинкеремой еще два корабля. Такие же квинкеремы с полными экипажами моряков и морпехов, готовых на все. Невзирая на зимнее время, чреватое бурями, — на дворе уже давно стоял ноябрь, — три корабля во главе с флагманом по имени «Агригент», названным так в честь города на Сицилии, где он был построен, спешили в Карфаген. Так приказал Ганнибал.

Флагман, на котором плыл Чайка, вез посла Ганнибала, — его родного брата Магона, который должен был донести до сената послание командующего испанской армией, завязшей в боях под Римом и уже начавшей выдыхаться без обещанных подкреплений. А Федор ехал в качестве помощника посла и со своей собственной миссией, которая возникла у него весьма неожиданно.

Спустя несколько дней после неудачного штурма стен Рима, Федор и Карталон вновь предприняли попытку, но и она оказалась неудачной. Легионеры отбили. Федор пробовал еще и еще, положив немало солдат. Так прошло три недели, наполненные большим

количеством стычек и кровопролитных схваток не только на участке двадцатой хилиархии, но и по всему фронту. Изредка карфагенянам удавалось одержать незначительную победу, захватив какой-нибудь участок стены, но римляне тут же контратаковали всеми имевшимися силами и выбивали противника за пределы города. Оборонялись они с остервенением человека, приговоренного к смерти, но не терявшего надежду ее избежать.

Остия все еще находилась в руках римского сената, получавшего через нее подкрепления морем. Попытка Атарбала, давно перерезавшего Фламиниеву дорогу, полностью окружить Рим с севера и запада тоже не увенчалась успехом. Он встретил на северных подступах ожесточенное сопротивление недавно подошедших и неведь откуда взявшихся резервов римлян. После сражения, в котором в обеих сторон погибло несколько тысяч пехотинцев и много конницы, Атарбал вынужден было остановить свои войска на этом рубеже и укрепиться, получив от Ганнибала приказ «беречь людей». А людей, после неудавшегося штурма Рима с ходу, вскоре стало не хватать. Рим был не заштатной крепостью, а огромным городом, со стенами, протянувшимися на десятки километров, и осадить весь этот периметр было трудно даже для Ганнибала, уже начавшего испытывать недостаток в людских ресурсах.

В штаб армии регулярно приезжали гонцы из Капуи, Неаполя и с побережья Апулии, где также была оставлена часть войск Карфагена и несколько имевшихся в распоряжении Ганнибала кораблей. Но эти гонцы не привозили радостных вестей, — подкрепления, по неизвестным для Чайки причинам, задерживались. До Федора доходили слухи, что высшие командиры не раз интересовались у своего вождя, где же обещанные флот, слоны, конница и свежая пехота, но так и не получили четкого ответа. Штурм постепенно переходил в затяжную осаду. Хилиархии африканцев и кельтов все глубже окапывались на занятых позициях, укрепляя их, поскольку римляне, отойдя от шока и пораженческих настроений первых дней, уже неоднократно предпринимали вылазки, беспокоя позиции армии пунов. Дух сопротивления постепенно окреп.

— Разведчики докладывают, что на моем участке римляне завтра попытаются сделать вылазку, — отчитывался Федор Чайка перед Атарбалом, поле очередного дня, проведенного в томительном ожидании активных действий, — туда подошли две свежих манипулы.

— Ничего, ты как-нибудь справишься, — отмахнулся начальник африканского корпуса, — тем более, что подкреплений пока нет. Помочь тебе нечем.

Федор уже собрался уходить, но Атарбал окликнул его в дверях.

— Зайди немедленно к Ганнибалу, — приказал он, когда Чайка уже покидал шатер, — он хотел тебя видеть.

Не понимая, зачем он понадобился командующему, Федор все же явился, куда было сказано. Ганнибал сидел один в роскошном кресле с гнутыми ножками и пил вино, по обыкновению склонившись над картой. Вернее над несколькими свитками, как разглядел в следующий момент Федор, признав в них письма из архива Марцелла. Чайке, обычно приветливый с ним командующий, на этот раз не предложил даже сесть.

— У тебя есть толковый человек, на которого ты мог бы оставить командование хилиархией? — спросил Ганнибал, отрываясь от чтения при свечах, — всего на несколько дней, поскольку мне некогда искать тебе замену.

— Но, я еще в строю, — слегка обиделся Федор, не понимая, к чему клонит Великий Карфагенянин.

— Завтра ты отправишься в Капую, — сообщил Ганнибал снова поворачиваясь к свиткам, — выгребешь все, что еще сохранилось у них на военных складах, включая артиллерию, предназначенную для обороны города. Сформируешь еще один осадный обоз и приведешь его сюда. Мне не хватает осадных орудий. Возьми с собой пару своих спейр и столько же кельтов для охраны. Этого будет достаточно, в тылу у нас пока спокойно.

Осознав, что ему предстоит местная командировка, Федор успокоился и, поразмыслив, предложил:

— Можно назначить Урбала, он сейчас служит командиром седьмой спейры.

— Твоего друга, — проявил неожиданную осведомленность командующий испанской армии, сказав это по-прежнему не поворачивая головы, — того, с которым вы вместе попали в мою армию из флота?

— Да, — не стал отнекиваться Федор, — того самого. Он прошел всю кампанию от Испании до Рима и не раз доказывал вам свою верность.

— Хорошо, пусть будет он, — кивнул Ганнибал, не желая больше уделять внимания этому вопросу, — Прибыв в Капую, ты сделаешь еще кое-что.

Он раскрыл стоявшую на столе шкатулку, инкрустированную слоновой костью и драгоценными камнями, достал из нее плотно свернутый и запечатанный папирус, протянув Чайке. Федор взял свиток с поклоном.

— Это письмо, которое ты передашь моему брату, разыскав его близь Неаполя, — сообщил Ганнибал, невольно добавив, — он тоже будет вынужден изменить свои планы и срочно отправиться в путь по одному делу.

— В Карфаген за подкреплениями? — брякнул Федор первое, что пришло ему в голову, но тут же пожалел об этом.

Ганнибал поднял на него глаза, в которых сверкнул холодный огонек, дав понять, что командир хилиархии лезет не в свое дело. Но Федор был уже достаточно давно знаком с командующим, чтобы ему подобное сходило с рук.

— Да, — нехотя подтвердил Ганнибал, снизойдя до объяснений, — ты догадлив, Чайка. Я отправляю его послом в Карфаген, чтобы он продемонстрировал там свидетельство наших побед и потребовал ускорить отправку подкреплений. Но ты должен держать язык за зубами, даже Атарбал не догадывается об этом.

Ганнибал вдруг перестал читать письма и, подняв глаза на пламя горевшей свечи, произнес:

— И пусть Баал-Хаммон поможет нам повлиять на тех, от кого это зависит. Мы действительно слишком задержались под стенами Рима.

— Я буду нем, как рыба, — подтвердил Федор и тут с его языка вновь сорвался ненужный вопрос, — а сенатор Магон относится к тем, от кого это зависит?

На сей раз командующий испанской армией был искренне удивлен. Более того, заинтригован. Он перестал разглядывать свитки из архива Марцелла и вперил взгляд в стоявшего перед ним человека. Некоторое время Ганнибал изучал простоватое с виду лицо Федора, а затем спросил, хитро усмехнувшись.

— Ты знаешь одного из совета судий? — от этого голоса у Федора поползли мурашки по коже. — Я не зря подозревал, что ты не так прост, Федор Чайка.

Федор захотел немедленно провалиться сквозь землю, поскольку по глазам знатного финикийца понял, что очень глубоко вторгся на запретную территорию. И теперь легко не отвертится, просто сославшись на то, что прибыл из «северных земель» и ничего не знает.

— Как хорошо ты знаешь Магона Великого? — вопрос разорвал повисшую в шатре тишину.

— Ну, — начал тянуть время захваченный врасплох Федор, чтобы выдумать правдоподобную версию, — не так чтобы хорошо и не очень близко...

— Ты тратишь мое время, — безжалостно напомнил Ганнибал, — а оно стоит очень дорого. Я жду ответа.

— Как-то я спас ему жизнь, — выпалил Федор, решив, сколько веревочке не виться, а конец все равно один.

Ганнибал, казалось, был удивлен.

— Как это случилось? — продолжал допытываться командующий, сделав шаг вперед и скрестив руки на груди. Похоже, он решил выудить из Федора всю интересующую информацию.

— Это было далеко, — поговорил Федор, словно пытаясь вспомнить события давно минувших дней, хотя помнил все так, будто это случилось вчера, — в Крыму. То есть в землях, где живут скифы-кочевники, там же стоит греческий город Херсонес.

— Знаю, — кивнул Ганнибал, — у скифов хорошая конница. А Магон бывал в тех краях по делам сената и, вероятно, своим. Сенат плетет интриги далеко за пределами Карфагена, впрочем, как и наши враги греки.

— Так вот, — продолжил Федор, удивившись столь широкой осведомленности командующего испанской армией, — Магон был там по своим торговым делам, другое мне не ведомо, когда на него напало одно из кочевых племен. Я оказался рядом и защитил его своим оружием. С тех пор, он запомнил меня, привез в Карфаген и даже наградил. Я не очень богат, но у меня есть свой дом в Карфагене и небольшое имение в деревне.

Остальные подробности своего появления в Карфагене Федор решил опустить.

— Магон щедр к тем, кому благоволит, — заметил на это финикиец, и спросил напрямик, хитро усмехнувшись, словно обнаружил шпиона, — но как ты оказался там и кто ты порождению? Из какого народа происходят твои предки?

— Я русский, — прямо ответил Федор, — из семьи лекарей. А мой народ живет к северу от Крыма. И граничит с кочевниками.

— Странно, я не знаю такого народа, — заметил Ганнибал таким тоном, словно разговаривал сам с собою, — Но, это объяснимо. Ни один карфагенский корабль, даже в древности, не заплывал в те холодные края.

«Слава богу, — подумал Федор, — иначе допрос бы продолжался».

— Так ты недавно попал в Карфаген? — новый вопрос все же заставил насторожиться морпеха.

— Да, — односложно ответил Федор, решив, что краткость, — сестра таланта.

— Но, ты хорошо изучил наш язык, — заметил пуниец, говоришь почти без акцента, как житель пограничных с Нумидией областей.

— Благодарю, — снова поклонился Федор, мечтая лишь о том, как бы ускользнуть из шатра командующего без последствий. Но, не вышло.

— Значит теперь ты, — вдруг воскликнул Ганнибал, — человек Магона Великого в моей армии?

Федор не знал, что ему делать от таких предположений, — радоваться или готовиться к виселице. Но Ганнибал неожиданно сменил гнев на милость.

— Что же, это не так плохо, что ты знаешь сенатора. Он богат и очень влиятелен. Его власть гораздо больше моей. Так, ты вхож к нему в дом? — вдруг перевел Ганнибал разговор в неожиданное русло.

Пуниец опустился в кресло, не дождавшись ответа. Федор молча кивнул.

— Это очень кстати, — добавил Ганнибал, оборачиваясь к столу с папирусами.

«И черт меня дернул за язык, — укорял себя морпех, — молчал бы себе в тряпочку, жил бы спокойнее. А теперь придумает еще какое-нибудь новое задание».

Предчувствие его не обмануло.

— Ты не поедешь в Капую, — вдруг заявил Ганнибал, — Ты поедешь в Карфаген. Вместе с моим братом. Сейчас я напишу ему письмо. А обоз вместо тебя оставят другие.

Спустя короткое время, Ганнибал протянул Федору новый свиток, гораздо меньше предыдущего.

— Пока мой брат Магон будет выпрашивать подкрепления в сенате, — заявил Ганнибал, — ты встретишься с Магоном Великим. Я возлагаю на тебя ничуть не менее важную миссию, Чайкаа. Ты должен уговорить своего покровителя помочь нашим делам. Это в его силах. Тем более, что у моей семьи много врагов в сенате. И его весомый голос может решить исход дела. А уж я в долгу не останусь. Ни перед ним, ни перед тобой. Так и передай ему.

— Но я не могу гарантировать, что встречусь с ним, — вяло попытался отказаться Федор, — я ведь простой солдат, а он сенатор. Вдруг Магон будет находиться в отъезде или не захочет встретиться со мной? У него ведь множество неотложных государственных дел.

— Твой покровитель сейчас в Карфагене, это мне доподлинно известно, — сказал финикиец, — а, узнав, что ты прибыл с посольством Ганнибала и хочешь встретиться с ним,

он не откажет. Он ведь сам хочет знать все обо мне, хотя наверняка имеет здесь шпионов помимо тебя. А более важного государственного дела, чем победа над Римом сейчас нет. И он это понимает.

Федор слегка поморщился при слове «шпион».

— Так что, отправляйся немедленно, — закончил напутствие Ганнибал, — Ты поедешь в статусе помощника посла. Я дам вам три корабля. И хотя бы один должен прорваться сквозь римскую блокаду. Лучше, если это будет ваш корабль.

«Вот тебе бабушка и юрьев день, — неожиданно вспомнил Федор русскую поговорку, — впутался в историю. Впрочем, для начала надо добраться до Карфагена, проскользнув сквозь римский флот. Остальное потом».

— Разрешите мне взять свою часть золота из походной казны, — набравшись наглости, попросил Федор, — раз уж я все равно плыву в Карфаген, то заодно отвезу и свою награду домой.

— Что же, — усмехнулся неизвестно чему заметно повеселевший Ганнибал, — Зайди к казначею, возьми свое золото. Я распоряжусь. И помни, я жду вас с братом не позже, чем через месяц. Пусть боги хранят вас.

Незамедлительно посетив казначея Чайка выгреб из казны все полагавшееся ему золото, распределив его по трем не очень объемным, но приятно тяжелым ящикам. Казначей, дородный бородатый чиновник из военных, с удивлением наблюдал за манипуляциями командира двадцатой хилиархии. Тот вел себя так, словно вообще не собирался возвращаться. Но Федор не имел ничего подобного на уме, а просто решил воспользоваться случаем и обезопасить свое состояние. Мало ли что. Война идет. Фортуна переменчива. А так деньги будут в безопасности.

Оставив казначея при своих сомнениях, он вернулся в лагерь и быстро собрался. Брать ему было особенно нечего. Доспехи, да пару смен белья. Попрощавшись с Урбалом, на которого временно возложил обязанности командира хилиархии и с Летисом, не понимавшим, куда его друг отбывает в самый разгар военной кампании, когда вот-вот и уже понадобится собирать большой пир победителей на Форуме, Федор отбыл из лагеря.

— Вернусь через месяц, — сообщил он своим друзьям, забираясь на коня.

Повозку с золотом под охраной своих людей он уже отправил вперед с приказом присоединиться к отряду, двигавшемуся по дороге в Капую, командовать которым было поручено его старому знакомому Адгерону.

— Далеко едешь? — поинтересовался Урбал.

— Далеко, — ответил задумчиво Чайка, — на юг. Хотел бы я тебе сказать больше, но не могу. Прощайте. Всыпьте тут без меня римлянам, как следует.

— Быстрее возвращайся, — заметил на это Летис, — а то к твоему приезду война уже закончится. Говорят, скоро подойдут подкрепления и мы, наконец, проломим эту чертову оборону.

— Ну, если так, — заметил на это Федор, оглянувшись на полыхавшие предместья Рима с вершины холма на котором состоялся этот разговор, — когда будете жечь город, оставьте в неприкосновенности здание сената, чтобы я мог на его стене написать что-нибудь бранное для потомков.

— Не дожدهшься, — буркнул Летис, — его мы сожжем первым.

Выступив вечером, и передвигаясь довольно быстро по Латинской дороге, свободной от римлян, первую остановку отряд Адгерона сделал только у Палестрины. Сгоревшая крепость возвышалась безмолвной громадой в стороне от дороги.

Спустя несколько дней, спейры карфагенян и кельтов миновали Теан, памятный Чайке мост через Вультурн и скоро были уже в окрестностях Капуи. Там, временно не исполняющий обязанности командира двадцатой хилиархии, Федор Чайка передохнул денек и затем отделился от обоза, отправившись с проводниками из местного гарнизона на поиски Магона. Брат Ганнибала командовал конницей и всеми войсками, что блокировали Неаполь, который до сих пор не желал сдаваться на милость победителям. Имея постоянную связь с

внешним миром через морские просторы, где назло Ганнибалу до сих пор хозяйничал римский флот, жители Неаполя, вероятно, знали о том, что Великий Карфагенин застрял под Римом. Впрочем, те же жители ожидали постоянных сообщений о падении столицы и наблюдали под своими стенами разъезды испанской конницы, что не поднимало им настроения.

Встретив один за другим несколько таких разъездов, Федор быстро нашел лагерь на побережье, в котором расположился Магон со своей армией, перекрывшей все подступы к Неаполю. Дальше начинались предгорья. Подъезжая к лагерю, неподалеку Федор заметил какой-то вулкан.

Глава шестая **Снова в Карфаген**

Едва получив письмо брата, Магон отдал необходимые распоряжения и немедленно отправился в дорогу, взяв с собой лишь малое число солдат. Из-под Неаполя они отбыли в Апулию, на другой конец италийских земель, поскольку, хоть и находились почти на берегу моря, здесь хозяйничали римляне. А в Апулии войска Ганнибала, захватив обширную часть побережья, обустроили себе в одной из хорошо защищенных бухт временный порт, куда прибывали редкие корабли, прорвавшись сквозь римскую блокаду. Именно туда и должны были прибыть основные подкрепления. Но время шло, а их все не было.

Размышляя об этом по дороге, что заняла еще неделю, Чайка вдруг вспомнил свой разведывательный рейд в горах возле Генуи, состоявшийся уже так давно, что он и думать о нем забыл. Тогда, находясь еще в северной Италии, Ганнибал, судя по всему, планировал сделать из Генуи порт, через который он будет получать подкрепления из Карфагена. Но, одержав подряд несколько блестящих побед, оказался уже почти на другом конце Италии и с тех пор война пошла по новому сценарию. Генуя, оставшаяся далеко позади в землях лигуров, была уже не так актуальна. Тем более, море с этой стороны «сапога» так и кишело римскими триерами. Да и сами лигуры, несмотря на многочисленные победы армии Карфагена до сих пор не перешли полностью на его сторону, подняв восстание против Рима. Разве что Терис, лигуриец по происхождению, служивший теперь у Федора верой и правдой, мстя римлянам за униженных родственников. Но Териса в эту поездку с собой Федор не взял. Оставил при штабе Урбала.

Свое золото Чайка сложил в узком кубрике на корме, который ему выделили на время плавания. Ящики занимали почти половину объема, так что оставалось место только для деревянного лежака, на котором Федор и спал. Сам Магон занимал «апартаменты» по соседству, состоявшие из двух совмещенных комнат, хотя их размер тоже нельзя было назвать гигантским. Плавал Федор уже на таких кораблях неоднократно и отлично знал, что с отдельными помещениями тут большой напряг. Кают, а тем более роскошных, в понимании пассажира двадцатого века, здесь не было вообще. Лишь несколько очень узких помещений у кормы, предназначенных для капитана и его ближайшего помощника. Да и то, эти кубрики, как называл их Федор, сразу же передавались высокопоставленным гостям, если такие появлялись на корабле. Все остальные, — матросы, гребцы, морские пехотинцы и артиллеристы, включая офицеров, ночевали на своих палубах в общих помещениях. Корабль был военный, не предназначенный для особо длительных плаваний, а несколько дней все это вынести было не слишком тяжело. Моряки народ привычный. Хотя, финикийцы, насколько их успел узнать Федор, и на таких кораблях запросто бороздили дальние воды. Чего не сделаешь ради коммерции.

Один раз, побывав в гостях у Магона в соседней каюте, Федор заметил несколько больших и богато отделанных ящиков. «Тоже золото везет, — подумал Чайка, пытаясь взглядом проникнуть под массивную крышку одного из них, — наверняка, сенаторов подкупать». Но Магон, словно услышав мысли морпеха, открыл один из ящиков, продемонстрировав ему содержимое.

К удивлению Федора там оказались не золотые монеты, а кольца. Множество странных колец из золота и серебра с различными гравировками, но практически одного вида. Разглядывая в недоумении эти горы одинаковых колец, Федор вдруг заметил на некоторых следы запекшейся крови, словно их сняли с окровавленных пальцев или вообще с отрубленных.

— Что это? — спросил Федор.

Такой странной взятки он еще не видел.

— Тут, — Магон, одетый в роскошную кирасу, обвел довольным взглядом ящики, — три медимна,²¹ золотых всаднических и сенаторских колец, снятых со знатных римлян, что пытались уничтожить нас при Каннах.

— А зачем они нам? — не понял Федор, — вместо монет?

— Они гораздо ценнее монет, Чайка, — заверил младший брат Ганнибала, — это свидетельство наших побед и унижения Рима.

Он закрыл ящик и отошел от него.

— По прибытии мы покажем эту гору колец сенаторам Карфагена, отрастившим большие зады у себя в метрополии, и уверенных что победа легко достигается только путем переговоров с врагом и его подкупом. Это произведет на них должное впечатление. Так сказал Ганнибал. И я тоже уверен, мы немедленно получим поддержку и обещанные подкрепления.

— Да, — пробормотал озадаченный Федор себе под нос, вспоминая окровавленные кольца, — веселая будет презентация.

Он уже собрался уходить, но в дверях обернулся, решив поделиться с послом своими сомнениями.

— А если подкрепления уже плывут нам на встречу? Мы повернем назад?

— Нет, — коротко ответил младший Барка.

Федор подождал еще мгновение, но Магон, такой же смуглолицый, как и его брат, больше ничего не сказал. Пришлось довольствоваться этим туманным ответом. «Бог его знает, что там еще должен выпросить у сената этот Магон, — подумал Федор, — у меня своя задача есть. Надо о ней подумать».

И вот сейчас стоя на палубе и напряженно вглядываясь в темнеющий мокрый воздух, Федор раздумывал над тем, что попросил его сделать Ганнибал, едва узнав о знакомстве с сенатором. Вернее, приказал. Мягко, но приказал. Даже статус помощника посла ему дал, так что, при желании, Федор мог вести с сенатором вполне официальные переговоры. Но размышления Федора были прерваны появлением на размытом горизонте нескольких хищных силуэтов, числом никак не меньше восьми штук.

— Триеры, — приставив ко лбу ладонь, опознал их Федор, несмотря на ухудшавшуюся с каждой минутой видимость, — римские триеры. Ну, ничего, погода работает на нас.

И он посмотрел в хмурое и низкое небо, попросив морских богов вызывать бурю, чтобы не пришлось вступать в бой. Мысленно он уже был в Карфагене, а телом еще на палубе флагманской квинкеремы «Агригент», что стремилась к нему, пробираясь вдоль опасных берегов южной Италии, где еще хозяйничали римляне. Федор знал, что маневренные карфагенские корабли по одиночке или малыми группами, то и дело прорывали блокаду побережья, которую пытались организовать римские ВМС. Надо сказать, вполне успешно. Однако выбора у посла и его эскорта не было, прежде чем настанет день дебатов в сенате метрополии, нужно сначала добраться до родных берегов.

Капитан «Агригента» тоже заметил хищные триеры и массивный корабль начал забирать круто влево, уходя от берегов в открытое море. На той стороне Адриатики хозяйничали иллирийские пираты. И хотя в такую погоду вряд ли они выходили на промысел, попасть в плен к пиратам тоже не входило в планы карфагенских послов. Тем не

²¹ Около 120 литров.

менее, римские триеры вынуждали корабли Ганнибала удаляться от берегов Италии. Капитан «Агригента» решил, что из двух зол выбирают меньшее. Федор был с ним согласен. Следовало попытаться уйти от преследования, не ввязываясь в бой с превосходящими силами противника.

Узнав о появившихся на горизонте кораблях римлян, Магон тоже вышел на палубу, и некоторое время наблюдал за приближавшимися триерами, встав рядом с Федором. Однако, оценив обстановку, вернулся к себе.

— У нас отличный капитан, — заявил он напоследок, спускаясь по скрипучим ступенькам лестницы, — нам ничего не грозит.

Ветер дул попутный для карфагенян, хотя и слишком сильный. Квинкерема раскачивалась, прыгая с волны на волну, издавая громкий треск, пугавший даже некогда привычного к морю Федора.

— Давно я в море не выходил, — разговаривал сам с собою помощник посла, вцепившись покрепче в ограждение, и поглядывая на готовую сверзнуться ему на голову переднюю мачту, — все на суше, да на суше. Совсем отвык.

Но с палубы, на которую периодически обрушивались волны, обдавая его солеными брызгами, не уходил. Морская душа бывшего морпеха получала несказанное удовольствие от стихии, усиленное погоней. Федор вдыхал полной грудью соленый ветер и наслаждался. Пыльная жизнь лагерей вдруг отошла на второй план, уступив место романтике морских странствий.

Несмотря на свою быстроходность, триерам некоторое время приходилось двигаться почти встречными курсами с кораблями карфагенян, и погоня затянулась. До самой темноты римляне так не смогли перехватить маневренные суда финикийцев, шедшие подо всеми парусами с риском перевернуться. А, пропустив их вперед, не смогли приблизиться. Спасла наступившая ночь. В опустившейся на Адриатику темноте противник потерял беглецов.

Когда стемнело, Федор спустился к себе, и выпил немного вина, чтобы согреться. Капитан, понятное дело, не собирался нигде приставать к берегу. Ночь, со всеми ее опасностями в виде рифов и мелей, была более безопасна сейчас для посланцев Ганнибала, чем ожидание хорошей погоды у этих чужих берегов. Слишком многое было поставлено на карту.

Федор прислушался к скрипам снастей и вою ветра: боги услышали его просьбу, — за бортом назревал настоящий шторм. Невольно Чайка вспомнил, как тонул и чудом спасся несколько лет назад у тех же самых берегов, волею providения оказавшись в этих широтах. Это было где-то рядом. И корабль был такой же. Однако, слишком долго погружаться в эти неприятные воспоминания Федор не захотел, отогнав их усилием воли.

— У нас хороший капитан, — повторил он вслух слова Магона, опрокидывая в себя последнюю чашу красного вина, — и нам ничего не угрожает.

А затем растянулся на жестком лежаке и спокойно заснул.

Утром ветер немного стих, но направления не изменил, к счастью для финикийцев. Едва проснувшись, Федор поднялся на палубу, где обнаружил посла, расхаживавшего по ней возле передней мачты в компании капитана и командира морпехов «Агригента». Погода все еще оставалась скверной. Ветер то и дело приносил заряды дождя. Осмотрев море за кормой, Федор обнаружил, что горизонт чист, если не считать двух квинкерем под штандартом Карфагена.

— Отлично, — не удержался Чайка, — римляне отстали, а наши, да хранит нас Баал-Хаммон, не потерялись в такую ночь.

Однако, скользнув взглядом влево, командир двадцатой хилиархии немного погрустнел. Там у самого горизонта виднелась земля, скалистые горы и холмы. Судя по всему, южная оконечность Италии. А недалеко от нее отчетливо вырисовывались многочисленные мачты и силуэты римских кораблей. Их было не меньше сотни. Целый флот, бороздивший прибрежные воды. Финикийцам удалось проскочить мимо него в ночи, но теперь они были заметны, и Федор, даже не сходя со своего места, без всякого бинокля

заметил группу примерно из десятка кораблей, устремившихся в преследование. Теперь ветер был попутным и для них. И что-то говорило Федору, что римляне имеют много шансов догнать малочисленный посольский отряд и захватить его. Сил и возможностей у них для этого было предостаточно. Даже природа, еще вчера помогавшая финикийцам, теперь выступала на их стороне.

— Хозяева морей, черт бы вас побрал, — выругался Федор, и, приблизившись к Магону, который тоже рассматривал римский флот, поинтересовался:

— Нас догоняют?

Брат Ганнибала, занятый разговором с капитаном, бросил на Федора недовольный взгляд, но все же ответил.

— У нас быстроходные корабли, Чайка, мы положимся на волю богов.

— Это верно, — ответил Федор, нервно поглядывая на горизонт, усеянный римскими кораблями, — вступать в бой с такой армадой было бы безумием.

— Если понадобится, — спокойно заметил на это Бибракт, капитан «Агригента», рослый и бородатый финикиец с глубоко посаженными глазами, — мы вступим в бой и умрем за свою родину. Сколько бы их не было.

«Это ясно, — мысленно ответил Федор, — но прежде хотелось бы попасть в Карфаген. Так что остается только положиться на волю богов и наши корабли, лучшие в этом мире». Вслух, однако, он сказал другое, указав на римлян:

— Уверен, «Агригент» вдвое быстрее любого из них.

С тем и удалился на корму.

Весь день продолжалась безумная гонка. Ветер не стихал и корабли римлян, отправленные своим флотоводцем в погоню, преследовали квинкеремы финикийцев. Скоро Италия пропала из вида, однако римляне не отказались от мысли захватить беглецов, продолжая преследовать их в открытом море. Это были более легкие триеры, которых оказалось пятнадцать штук, и расстояние между двумя группами кораблей неуклонно сокращалось.

— Упорные, сволочи, — говорил сам с собою Федор, глядя в сторону противника, — и смелые. Хотя чего нас бояться, когда у тебя в пять раз больше кораблей.

Однако, квинкеремы финикийцев строились лучшими кораблями на всем средиземноморье, или Обитаемом мире, как говорили местные. И, несмотря на более массивные корпуса, они продолжали пока удерживать лидерство в этой гонке. Хотя командир морпехов «Агригента» уже давно отдал приказ разобрать оружие и готовиться к схватке. Обслуга баллист была готова, и, зарядив орудия, только ждала приказа, чтобы открыть стрельбу.

Так прошло еще часа два, за которые пять римских триер оторвались от своих и вплотную приблизились к двум квинкеремам финикийцев, по-прежнему шедших чуть позади флагмана. К вечеру над морем развиднелось, но ветер не стихал, сдувая с гребней волн белые барашки. Со своей позиции на корме Федор видел, как засуетились морпехи на борту квинкерем. А вскоре в наседавших римлян полетели и первые каменные ядра.

— Началось, — выдохнул Федор, нервно обернувшись и вглядываясь в море прямо по курсу, в надежде увидеть там родной африканский берег. Но его не было. Безбрежное море колыбалось от края до края, упираясь только в пустынный горизонт.

Догнав противника, римляне сразу бросились в атаку, словно стремились выместить на нем всю ярость, накопившуюся почти за день погони. Но артиллеристы Карфагена моментально умили их пыл. Две триеры, попав под заградительный обстрел мощных баллист, быстро потеряли мачты и, вместе с ними, ход. Использовать весла на такой волне было опасно, и они остановились, как беспомощные щепки посреди открытого моря. Из трех оставшихся две попытались выиграть артиллерийскую дуэль, но тягаться с карфагенянами было трудно. На борту квинкеремы баллист было гораздо больше, хотя и не все сейчас можно было использовать по противнику. Капитаны охранения, продолжая уходить в сторону Африки, заставляли свои суда маневрировать, и огонь велся с обоих бортов

попеременно. Вскоре карфагеняне подожгли горшками с зажигательной смесью третью триеру.

Вглядевшись в силуэты римских триер, Федор понял, почему римляне, несмотря на преимущество в скорости, так долго не могли их настичь. На триерах были построены башни и носовые «вороны».²² Доработка стандартной конструкции, идея римских военных инженеров. Незаменимые в ближнем бою башни, — оттуда можно было вести стрельбу из луков или «Скорпионов» по палубе противника, — они сильно тормозили движение. А, кроме того, на пару с массивными абордажными мостиками, приведенным до боя в вертикальное положение, добавляли судну парусности. Всю уязвимость такой конструкции при сильном ветре Федор увидел буквально через пять минут своими глазами.

Одна из триер, догнав финикийский корабль, попыталась нанести таранный удар. Но капитан не рассчитал маневр, и, резко сменив курс, поймал боком налетевший шквал. Таран не состоялся. Римский корабль сначала резко накренился, — с палубы в воду полетели матросы и пехотинцы, — а затем, задержавшись на мгновение, словно пытался побороть стихию, и вовсе лег на борт, почти исчезнув среди волн. «Ворон» с треском отломился, рассыпавшись на части.

Но радоваться было рано. К месту сражения подоспели еще несколько триер растянувшейся на несколько километров римской эскадры. Теперь и они применили обстрел зажигательным горшками. Сначала на одной, а затем и на другой, квинкереме начался пожар. Но отважные моряки и артиллеристы продолжали сражаться. А вскоре наступил и черед морской пехоты. Левый, по отношению к Федору, финикийский корабль получил пробоину от таранного удара триеры. А правый был уже накрепко привязан абордажными крюками и сброшенным на его палубу «вороном», по которому карабкались вверх римские легионеры. Их сбрасывали оттуда в море морпехи Карфагена, сгрудившиеся у борта, но, сути это не меняло. Часом раньше или часом позже, но исход был ясен уже сейчас. Обе квинкеремы, окруженные со всех сторон врагом, были обречены.

Однако их команды ценой своих жизней смогли задержать погоню, дав время «Агригенту» вновь отдалиться от римлян на приличное расстояние. Огонь, полыхавший уже на борту обеих судов, был виден отчетливо и становился все ярче по мере того, как темнел воздух над морем. Наступала новый вечер на просторах Средиземного моря, как продолжал его по-прежнему называть для себя Федор Чайка.

Слушая звон оружия и редкие крики, что изредка доносил до его чуткого слуха ветер, Федор поглядывал то на капитана, то на Магона хладнокровно взиравшего на битву и гибель своих людей.

— Мы не будем им помогать? — не удержался Федор от вопроса, хотя отлично знал ответ на него.

— Мы не можем останавливаться, — спокойно заметил на это брат Ганнибала, и добавил с еле скрываемым раздражением, — слишком дорогой ценой нам достался выигрыш во времени и мы должны его использовать.

— Они настоящие солдаты, — с восхищением добавил Бибракт, глядя на гибель своих товарищей по оружию, — я хотел бы умереть такой славной смертью, чтобы Баал-Хаммон принял мою душу.

Федор промолчал. Душой он тоже был там, среди воюющих моряков.

С наступлением темноты римляне окончательно потеряли их из вида, но полной уверенности, что на утро они вновь не увидят у себя за кормой триеры противника, не было. Очень уж упорный капитан вел их. Однако, и до утра еще надо было дожить. Следующей ночью сильный ветер превратился в настоящий шторм. Стихия не только раскачивала длинный военный корабль из стороны в сторону на мощных волнах, но и испытывала его на

²² «Ворон» — корвус — изобретенный римлянами абордажный мостик с металлическим крюком на носу. Предназначался для того, чтобы намертво прикрепить корабли один к другому во время абордажной атаки и пустить по нему на палубу противника собственную пехоту.

прочность, пытаясь переломить изделие финикийских корабелов поперек корпуса. Треск по всему корпусу квинкеремы стоял такой, что Федор постоянно ждал, — вот эта волна будет последней.

Паруса убрали, мачты закрепили на палубе. Помолились, принеся жертву духу моря Ашерату. И теперь корабль носило по волнам как щепку в открытом море. Федор очень надеялся, что бог примет дары, иначе их могло на утро прибить обратно к берегам Италии. Такого исхода плавания он не хотел увидеть и в страшном сне. Хотя какой тут сон. Пробираясь к себе в кубрик, Федор видел как льется с верхней палубы по лестнице вода, а гребцы постоянно проверяют надежно ли держат кожаные пластыри, которыми были задраены весельные порты. Но, обошлось.

На утро шторм внезапно стих. Так резко, что Федор решил что оглох, когда открыл глаза после недолго забытья. А выйдя на палубу, обнаружил, что на море дует лишь еле ощутимый ветерок, вызывавший легкую рябь. Можно сказать, вообще не дует. Израсходовав за ночь весь свой гнев, море успокоилось, улеглось.

Оглядевшись вокруг, капитан «Агригента» решил, по каким-то только ему заметным признакам, что они уже недалеко от Карфагена.

— Еще день пути, может чуть больше, и мы будем на месте, — заявил он после осмотра повреждений на корабле, среди которых самым значительным была потеря второй мачты, которую сорвало с креплений.

— Хорошо, что нас не унесло обратно, — выдохнул Федор, расслабляясь.

Ни одной римской триеры поблизости не было видно. «Зря за нами погнались, — подумал Чайка, — в такой шторм, наверняка, все погибли из-за своих надстроек. Хотя, если бы все остальные погнались, глядишь, Рим бы остался без флота. Как уже не раз бывало по воле богов».²³

Появившийся на палубе Магон, оглядев горизонт, тоже остался доволен.

— Боги приняли жертвы, — заявил он, — надо быстрее двигаться дальше.

Раздался свисток и в бортах открылись весельные порты. Сквозь них в воду протянулись длинные черные весла. Целых пять рядов весел разной длины. И по следующему свистку, означавшему команду, все они разом погрузились в воду, сделав гребок. Массивный корпус чуть сдвинулся вперед. Затем, еще и еще. И сильно потрепанная, но не лишенная хода квинкерема, устремилась в Карфаген.

Капитан почти не ошибся. На второй день, ближе к вечеру Федор, дремавший на корме под мерный плеск весел и лоя кожей легкий ветерок, приятно обдувающий тело, — все это время над морем стояла отличная солнечная погода, — услышал крик впередсмотрящего матроса, и, обернувшись, увидел берег. Песчано-желтый полуостров, на котором раскинулся невероятных размеров город. Перед ним высился еще один скалистый островок, тонувший в мареве от палящего солнца. А вдоль берега и вокруг этого острова море невероятно красивого, изумрудного цвета, просто кишело кораблями финикийцев. Сотни квинкерем, триер и более мелких судов охраняли цитадель Карфагена от любого вторжения.

— Ну, вот и доплыли, — сказал себе Федор, — Осталось решить небольшую проблему в сенате.

Глава седьмая Корабль-монстр

После осмотра останков сгоревшего флота и проверки боеспособных кораблей, вновь

²³ Во времена Первой Пунической войны римляне четыре раза теряли почти весь свой флот из-за штормов. Последний раз тогда это случилось в 249 году до Р.Х — год тяжелых неудач для Рима на суше и на море. Потеряв в общей сложности более 700 кораблей и жизни около 100 000 моряков, римляне сочли это предостережением богов. В течении нескольких лет после этого они воздерживались от крупных морских операций.

назначенный адмирал скифов выяснил, что в его распоряжении осталось всего шесть триер из шестнадцати и пять квинкерем, бороздивших в ту ночь волны залива.

— Ну, что же, не все так плохо, — рассудил Леха Ларин, отправляясь в обратный путь вдоль берега, — еще есть чем воевать.

Для острастки он немедленно велел трем квинкеремам подойти поближе к дамбе, за которой прятались греческие корабли и обстрелять их. Он был уверен, что греки не станут ввязываться в бой, рискуя кораблями, но поугатать их стоило. А то слишком осмелели.

Выполняя приказ, квинкеремы скифов несколько раз продефилировали вдоль самой дамбы, отправив грекам несколько «зажигательных гостинцев» и массу каменных. Сильно повредить пришвартованные в глубине гавани большие корабли не удалось, но зато скифы сожгли и пустили на дно пару бирем, попавших в зону обстрела. Эта операция не очень ослабила греков, но придала уверенности в своих силах скифам, в которой они нуждались после ночного погрома, потеряв почти половину своего флота. И теперь силы были почти что равны. Как доложили Ларину разведчики, до начала штурма Тиру защищало четыре квинкеремы, шесть триер, и десяток бирем. Вполне приличный флот, лишившийся за дни блокады лишь нескольких кораблей.

— Все, — приказал Леха своему заместителю, поднимаясь на борт знакомой квинкеремы, носившей имя морского бога «Тамимасада», которую он вновь избрал флагманом, — до моего прибытия никаких операций. Блокировать залив и только. По ночам не спать, беречь корабли. От греков всего можно ожидать.

С тем и вышел в море на рассвете, уведя с собой три квинкеремы и столько же триер, предназначенных для боевого охранения «плавучей платформы для артиллерии», как морпех именовал гигантскую эннеру. На нее теперь и сделал ставку Иллур, заблокировавший Тиру на суше. Но штурм стен велся пока неудачно, и скифам никак не удавалось пробиться в город. Греки же силы зря не расходовали, видимо, ожидая подкрепления. Лишь прореживали с крепостных стен баллистами скифские отряды, рискнувшие слишком близко приблизиться к городу.

В глубине души Леха опасался уводить с собой половину кораблей, ослабляя морскую блокаду, но, выбирать не приходилось. Эннера была слишком дорогим удовольствием, чтобы потерять ее, так ни разу и не применив по назначению. За время плавания Леха с давно забытым чувством гордости вспоминал десантные корабли из своей прошлой жизни, способные нести множество бронетехники и солдат. «Вот бы их сюда сейчас, — думал морпех, — или хотя бы один крейсер с крупнокалиберными пушечками. Подошел, дал залп, раз и готово. Нет крепости». Но, толку от этих воспоминаний не было, и потому Леха предпочел выкинуть их из своей головы. Действовать приходилось тем, что есть.

Погода на море выдалась свежей, но через пару дней ближе к обеду Ларин со своей эскадрой добрался до Ольвии, все еще выглядевшей с моря полуразрушенным городом. Обгоревшие руины многих домов были заметны невооруженным глазом. При штурме скифы постарались на совесть, сравнив с землей половину мощных укреплений, и теперь с тем же упорством занимались их восстановлением. Но, теперь это было свое. Над постройками быстро восстанавливаемой гавани возвышалось массивное тело эннеры, смотревшейся внушительно даже на таком расстоянии.

Завидев подходивший с моря флот, охрана на стенах Ольвии всполошилась, заряжая баллисты, но вскоре успокоилась, опознав своих. «Тамимасада» первым вошел в гавань и пришвартовался рядом с эннерой. Вслед за ним вошли остальные корабли.

— Где Гилисподис? — спросил Леха у охранников, едва спрыгнув на пирс.

— Недавно ушел в мастерские, вместе с переводчиком, — ответил наблюдательный охранник, взмахнув рукой в направлении нескольких объемных строений, возвышавшихся в дальнем конце пирса, — Да вот они возвращаются.

Греческий инженер действительно спешил навстречу кровному брату царя, едва узнав, что с моря прибыли гости.

— Ну, здравствуй, инженер, — поприветствовал его Леха, поправив немного

тесноватый доспех, который он надел, как и полагалось военачальнику, — вот я и вернулся за тобой, как обещал.

Он перевел взгляд на деревянного монстра, возвышавшегося на несколько метров над пирсом, и уточнил.

— Готов корабль?

— Готов, — ответил Гиисподис через переводчика, — все снасти проверены, баллисты установлены, ядра загружены, осталось повести испытания.

— Испытания? — напрягся Леха, отчего-то, вдруг вспомнив о судьбе Ичея, — так, чем же ты тут занимался все это время, ядрена вошь? Нам воевать надо, а у него оружие не испытано. Интеллигент хренов.

Седовласый скиф-переводчик справился, хотя у него и возникли некоторые трудности с переводом. Гиисподис заметно побледнел. Он очень боялся боли. И, видимо, решил, что его сейчас начнут снова пытаться, как тогда, при пленении.

— А ну, давай, выводи свою посудину в море, — приказал Леха, внезапно решившись, — До вечера еще время есть. Вот, я тебе сейчас устрою испытания вместе с госприемкой. И бирему какую-нибудь выводи, чтобы цель была, куда ядра пускать.

— Сейчас на море волнение, — осторожно заметил Гиисподис, побледнев еще больше, — может быть, храбрый Алексей, подождет до завтра. Море должно успокоиться.

— Ни хрена, — вежливо заявил новоиспеченный адмирал Скифии, — или ты сейчас же выводишь свою эннеру, или как ее там, в море. Или я тебя самого, мать твою, вздерну на ее же мачте, не дожидаясь испытаний. Уяснил? Некогда мне ждать у моря погоды. Шторма нет и ладно.

Переводчик, покраснел от натуги, но все же довел основной смысл до греческого инженера. Тот благоразумно согласился. Выбор был не велик: утопить корабль при испытаниях или погибнуть немедленно.

— Вот и хорошо, — кивнул Леха, увидев покорное лицо Гиисподиса, — отправляйся на палубу и готовь корабль к отходу, а я скоро буду. И чтобы пехотинцы на нем тоже были. Испытания проведем с полной нагрузкой.

Пока на эннеру готовили к выходу, Леха успел посетить хранилище золотого запаса, и убедиться что все в порядке. Вozы с золотом бастарнов пребывали в полной сохранности под неусыпным взором скифов Арчоа и местных воинов. Вернулся Леха в порт, когда последняя сотня морпехов, поднялась на палубу, исчезнув в трюме корабля-монстра. Моряки и артиллеристы уже заняли свои посты по расписанию. В том числе и на башнях, возвышавшихся по всему кораблю. «Ну, хоть команду успел подготовить, — удовлетворенно подумал Леха, заметив слаженные, на первый взгляд действия моряков, — и то ладно».

Бросив взгляд на легкую волну, гулявшую по морю, он решительно ступил на сходни.

— Вперед, — скомандовал Ларин инженеру, поднявшись на широкую палубу, — выводи в море!

Гиисподис транслировал команду, кому следует. Раздался свисток и в воду погрузились десятки весел. Гребцы, которых было по три человека на весло, налегли на них, и вся эта махина сдвинулась с места, отойдя от пирса. «Ну, с богом», — выдохнул Леха, едва не перекрестившись.

Эннера медленно, но верно приближалась к выходу из гавани, где наблюдавшие за ней охранники, опустили на дно массивную цепь, преграждавшую путь. Впереди нее шла бирема с привязанной шлюпкой, — плавучая мишень. Остальные корабли Леха оставил у пирса. Греков поблизости давно не наблюдалось.

Пока корабль не вышел на открытую волну, Ларин, поднявшись на кормовую башню, занимался тем, что рассматривал все его особенности. В принципе, после плавания на квинкереме все было знакомым, только размеры удивляли. Этот монстр был почти вдвое длиннее, метров девяносто, не меньше. При этом, мачта была одна, но зато какая. Колоссальных размеров свежеструганный брус, изготовленный, наверное, из целой сосны, возвышалось над палубой, неся на нее таких же гигантских размеров парус, правда, еще не

раскрытый. По центру располагались аж три шлюпки, а на корме сдвоенное рулевое весло. Впечатляла также ширина палубы, количество башен и количество корабельных баллист. На квинкере, — самом большом корабле, который до сих пор встречал Леха Ларин в античном мире, — все это тоже было, но гораздо в меньшем количестве и меньших размеров.

Вот гавань, наконец, осталась позади и в борт эннеры стали бить волны, раскачивая массивный корабль. После двадцати минут плавания, пока они удалялись от берега, Леха пока был доволен. Массивную эннеру раскачивало весьма умеренно и кровный брат Иллур передвигался по палубе от борта к борту, словно по земле, которая лишь подрагивала от удара волн. Скрипов и треска, впрочем, хватало. Огромный корабль стонал на все лады, но плыл вперед. Правда, очень медленно. Бирема сопровождения давно обогнала его.

— Парус поставь, — приказал Леха, глядя, как волны изредка заливают весельные порты, — а то не ровен час, утопим твоего монстра.

Гилисподис выполнил приказание. Порты задраили, парус раскрыли. Ветер надул гигантское полотнище и эннера пошла чуть быстрее. Но скорость, конечно, была далека от идеальной. На взгляд уже немало поплававшего на античных кораблях морпеха, этот еле тащился.

— Ладно, Гилисподис, — смиловился Леха, проверив ходовые качества мастодонта античного мира, — покажи, на что способна артиллерия.

Парус снова убрали, и корабль лег в дрейф. Получив сигнал, моряки с биремы перебрались на шлюпку, отчалив от обреченного корабля. А прислуга шести баллист левого борта, натянув торсионы, доложила о готовности.

— Давай, — махнул рукой Леха, решив дать первый залп собственноручно.

Баллисты вздрогнули почти одновременно, послав каменные ядра в цель. Наблюдавший с кормовой башни за их полетом Леха, ожидал, что хотя бы два или три ядра попадут точно. Но, к его удивлению, в цель угодили все шесть. От первого же залпа бирема превратилась в решето. А второй просто разметал в клочья ее израненный корпус, уничтожив небольшой корабль. На поверхности остались плавать только обломки. Третьего залпа не требовалось.

— Вот это да, — восхищенно проговорил морпех, с некоторым привкусом разочарования, оттого что все так быстро закончилось. И, обернувшись к стоявшему рядом греческому инженеру, добавил, — Молодец! Хороший корабль построил. Если он также будет утюжить греческие триеры, Иллур тебя наградит, помни мое слово.

Выслушав перевод, Гилисподис просиял. У него отлегло от сердца.

Возвращаясь назад в гавань после испытаний у кровного брата царя, вдруг возник еще один законный вопрос.

— У твоей эннеры есть название? — спросил он, посмотрев в глаза инженеру.

— Пока нет, — развел руками Гилисподис, — я ее только закончил.

— Как мы ее назовем? — беспокоился Леха, — корабль же не может обходиться без имени?

— Обычно кораблям дают имена богов, — напомнил Гилисподис, — такая традиция.

— Да я знаю, — кивнул Леха, — но это особенный случай. Надо и имя такое же придумать. Особое мощное.

Он замолчал ненадолго, напрягая извилины, чем не очень любил заниматься.

— Может, «Гнев Скифии»? — предложил он, — не очень оригинально, но зато точно.

Гилисподис развел руками, мол «неплохо», но не мое это дело. Сами решайте.

— Или просто «Гнев богов», — продолжал размышлять морпех, решившись, наконец, — ладно, пусть до Тиры с этим именем поплывет. А там с Иллуром посоветуемся.

Обрадованный, что получил в свое распоряжение столь мощный корабль, Леха приказал выступать в поход следующим же утром.

— Время не ждет, — сообщил он слегка озадаченному Гилисподису, который рассчитывал после испытаний остаться в Ольвии, а теперь должен был сопровождать свое

детище в Тиру, — Иллур с меня за каждый день задержки спросит. А я с тебя. Но в первом бою без тебя никак, сам понимаешь. Надо будет еще раз все проверить. Так что, собирайся.

День выдался отличный. Погода благоприятствовала планам скифского адмирала. Ветер дул попутный, но не очень сильный. И на рассвете, полностью оснащенная эннера вышла в море в сопровождении эскорта. На этот раз Леха Ларин, изменил своей привычке плавать на флагманской квинкереме, перепоручив ее капитану, а сам обосновался на суперлинкоре по имени «Гнев богов», желая до конца прочувствовать каков этот корабль в действии. Однако к вечеру того же дня, несмотря на то, что огромный парус был наполнен ветром, они едва потеряли из виду Ольвию. Охранение, состоявшее из квинкерем и триер, которому полагалось следовать за гигантским кораблем, то и дело вырывалось вперед, и вынуждено было «притормаживать», дожидаясь пока эннера преодолеет очередные полкилометра. Адмирал был немного разочарован.

К вечеру они пристали к берегу на ночевку, а утром снова тронулись в путь. Ветер дул все тот же, но скорости у «Гнева богов» не прибавилось. И когда к концу второго дня они едва дошли до границ старых владений Ольвии, Леха был уже не на шутку раздосадован.

— Этак, меня любая триера уделает, — жаловался он, стоя на кормовой башне, чайкам, во множестве вившимся на огромном корабле, — хорошо, если без приключений дойдем.

Гиалисподис, как всегда, находившийся подле адмирала, молчал. Добавить ему было нечего.

Третий день путешествия тянулся еще дольше, поскольку ветер сменился и норовил прибить эннеру к берегу, от которого она и так не слишком удалялась. Все время приходилось возвращать рыскавший корабль на курс, уводя его от столкновения с прибрежными скалами. Пару раз едва не сели на мель. И когда огромный корабль вошел для ночевки в небольшую бухточку, где едва поместился, Леха с облегчением выдохнул. День закончился без серьезных проблем.

На утро, перед тем, как снова отчалить, Леха отправил двоих морпехов пешком в стан Иллурас с донесением, что караван на подходе, но задерживается на неопределенный срок. Судя по рельефу берега, который адмирал старательно запоминал, когда плыл в Ольвию, учитывая пройденное расстояние и, главное, скорость этого дредноута, в заливе их могли ожидать не раньше, чем еще дня через два. А то и больше, если, не дай бог, разыграется ветер.

Получив задание, морпехи стали карабкаться вверх по скалам и вскоре исчезли за прибрежным холмом. А Леха с завистью посмотрел им вслед, подумав «Сегодня, наверняка, уже в лагере будут».

В заливе, куда впадает полноводный Тирас, они появились к исходу пятого дня. Решив до поры не показывать противнику свое новое оружие, Леха спрятал эннеру в укромной бухте, как по заказу, имевшейся недалеко от песчаной косы, где стоял печально известный ему дом «адмиралтейства». Отправив остальные корабли на усиление, Леха вновь пересел на «Тамимасадас» и вскоре выгрузился у специально построенного пирса на песчаной косе, вернувшись в штаб.

Там он узнал, что за время его отсутствия случилась масса происшествий. И главное, не успел он отбыть в Ольвию, как греки предприняли успешный прорыв, атаковав корабли заграждения. Во время ожесточенной битвы, они сожгли одну квинкерему и повредили две триеры, обломав им весла ловким маневром. Но и сами потеряли два корабля. Скифы в ответ подожгли греческую квинкерему и пустили на дно таранным ударом одну триеру, а двум другим, участвовавшим в нападении, удалось прорваться и уйти на юг. Так что теперь в хорошо защищенной гавани Тиры, оставалось три боеспособных больших корабля и всего пара триер, не считая мелкоты.

— Ну, и то ладно, — резюмировал адмирал, выслушав доклад от бородатого скифа-морехода об уничтожении вражеских кораблей в бою, — надо воспользоваться этим немедленно. Кораблям готовиться к штурму. Я к Иллурас, вернусь, чтобы все было готово.

Вскочив на коня, Леха поскакал в ставку царя, раздумывая о том, что прорвавшиеся

греки могли привести помощь и следовало торопиться.

— Им вряд ли помогут, — успокоил его Иллур, принявший его немедленно в своей юрте, — но ты прав, начинать штурм гавани надо немедленно. Время не ждет. Где ты пропадал так долго?

— Эта эннера оказалась не такой быстроходной, как я рассчитывал, — попытался оправдаться Леха, — но зато баллисты у нее действительно мощные. Если подогнать этот корабль к дамбе и высадить десант, то, под прикрытием орудий, имеем много шансов захватить гавань раньше, чем греки сумеют что-нибудь сообразить.

Иллур встал, прошелся по юрте.

— Что же, твое нападение будет сигналом к общему. Едва ты ворвешься в гавань, я пошлю людей на стены. Сколько тебе нужно времени?

— Я уже готовлю штурм, — предупредил Леха, — начну завтра на рассвете.

Не удержавшись, Иллур тем же вечером съездил в гавань и осмотрел прибывшую эннеру в присутствии Лехи и Гиლისподиса, которому запрещалось пока отлучаться корабля. Царь скифов прошелся по огромной палубе, осмотрел многочисленные башни для стрелков и с благоговением погладил мачту. Похоже, остался доволен. Но, покидая корабль, Иллур был немногословен.

— Действуй, Аллэксей! — сказал он, взобравшись на коня.

Глава восьмая

Эннера в бою

Над водой еще висел белесый туман, когда суперлинкор «Гнев богов» вошел в залив и направился на веслах в сторону входа в гавань Тиры. Рядом с ним шли все имеющиеся в распоряжении адмирала квинкеремы, чтобы не оставить противнику шансов. Триеры Леха оставил в резерве, прикрывать выход из залива на всякий случай. Предстоящая битва должна была стать битвой метательных машин. И адмирал, снова находившийся на эннере, собирался управлять обстрелом крепости отсюда.

Несмотря на сумерки, которые частично скрыли маневр скифского флота, эннера была столь большой, что не заметить ее было трудно. И все же кораблям Лехи Ларина удалось подобраться почти к самой гавани и нанести первый удар в предрассветной мгле, до того как греки смогли отреагировать на угрозу.

— Мы должны подойти как можно ближе к дамбе и высадить десант, — инструктировал накануне Леха командира четырех сотен морпехов, скрывавшихся в огромном чреве эннеры, — ваша задача, захватить дамбу и опустить цепь, открыв проход кораблям в гавань. А затем пробиваться в город и захватить ближайшие башни. Вам помогут пехотинцы с других кораблей.

Бородатый крепыш, облаченный в пластинчатый панцирь, кивнул.

— Мы выполним приказ, — подтвердил он свою решимость, — или умрем.

— Конечно, на трех имеющихся шлюпка это будет сделать невозможно, — продолжал Леха, расхаживая перед строем вооруженных до зубов морпехов, — Поэтому за нашим кораблем пойдет несколько бирем, которые доставят вас до укреплений противника. Мы прикроем вашу высадку из орудий. Ну, а там уже все будет зависеть от вас. Царь ждет победы в этом бою. Мы слишком долго торчим под этим проклятым городом.

Командир морпехов кивнул еще раз.

— Ну, вот и отлично, — закончил Ларин, и добавил, уже поднимаясь по лестнице на верхнюю палубу, — ждать приказа.

Конечно, скорость была не главным козырем «Гнева богов», но для такого мастодонта двигался и даже выглядел он весьма грациозно. Осторожно разрезая килем невысокие волны, это семибашенное чудовище, со снятой мачтой, неожиданно выплыло из тумана напротив перегороженного входа в гавань Тиры и, остановившись, мгновенно выпустило из своего чрева сотню пехотинцев. Оказавшись на палубе, пешие скифы, быстро спустились по

веревкам и сходням на пришвартованные за гигантским кораблем быстроходные биремы и устремились к дамбе, с которой на них взирали греческие пехотинцы, уже распознавшие опасность. Следующие три биремы взяли на борт еще сотню, тут же направившись к дамбе.

Между тем, квинкеремы сопровождения, обогнув эннеру, первыми открыли стрельбу по дамбе и стоявшим за ней судам, заставив греческих пехотинцев на некоторое время спрятаться в укрытия. На глазах адмирала ядра, пущенные скифскими артиллеристами, просто смели с мола шеренгу пехотинцев Тиры.

Когда первые десантные суда, сделав последний взмах весел, воткнулись в дамбу, пехотинцы посыпались на нее один за другим, и, словно жуки, стали карабкаться по камням основания вверх, где их уже поджидали греки с обнаженными клинками и лучники. Завязалась жестокая драка. У оборонявшихся было преимущество, и многие скифы быстро сложили головы, пронзенные стрелами или мечами гоплитов. Бой шел так близко, что Леха слышал стоны раненных и умирающих. Но скифам, ценой больших жертв, все же удалось взобраться на мол, и оттеснить греков назад.

Тем временем, операция продолжалась. Оставив десантников на берегу, биремы возвращались обратно к «большому десантному кораблю» и забирали новых солдат, чтобы поддержать наступление. Находясь на этот раз на носовой башне, Леха мог отчетливо видеть, как развиваются события. Однако, засмотревшись на схватку морпехов, он вдруг услышал отчетливый свист ядра, которое, пролетев буквально над его головой, расщепило одну из шлюпок, прикрепленных в центральной части палубы, превратив ее в груды обломков. Следующее ядро ударило в боковую башню, прошив насквозь тела двух лучников, находившихся там. Это оживились артиллеристы защищавшие Тиру. Их баллисты были установлены на башнях и возвышениях вдоль всей дамбы, и могли оттуда достать сейчас до любого из подошедших слишком близко судов противника. А такими стали все, едва показалось солнце и рассеялся туман.

Квинкеремы, дефилировавшие вдоль мола, отвечали грекам тем же. Завязалась артиллерийская перестрелка. Ядра свистели в воздухе, круша и ломая надстройки скифских кораблей и бортовые ограждения, а иногда и пробивая борта. И лишь «Гнев богов» пока молчал, занятый высадкой десанта. Однако, когда на глазах адмирала греки утопили две биремы, прошив их ядрами из баллист, Леха пришел в ярость. Развалившиеся корабли, оставили барахтаться на поверхности воды множество скифов, облаченных в тяжелые доспехи. Но все они быстро пошли на дно, утянутые своей амуницией. В бессильной ярости, наблюдая за гибелью своих людей, адмирал вдруг заорал на капитана, находившегося тут же на башне.

— Немедленно открыть стрельбу! — брызгал слюной Ларин, — чего стоишь, быстро, я сказал! Снести на хрен с мола все баллисты.

— Но, — попытался оправдаться капитан, — там же идет бой.

— Выполнять! — заорал Леха.

И эннера, развернувшись левым бортом к гавани, дала, наконец, первый залп по позиции баллист в ближней части дамбы, на подходах к которой греческие гоплиты рубились со скифскими пехотинцами, не давая им развить наступление. Залп был столь кучным, что три из четырех баллист мгновенно были разрушены, а прислуга перебита на месте. Оставшиеся в живых греки пришли в ужас, даже перестали стрелять. Зато скифы завопили от радости, рассмотрев результаты своего попадания.

Следующий залп смел и четвертую баллисту, а заодно и десяток гоплитов, уже отступивших сюда под натиском скифских пехотинцев. Начало было положено. Часть дамбы, оказалась в руках нападавших. Однако, небольшие башни по бокам от сквозного прохода, где размещались механизмы, управлявшие подъемом цепи, все еще находились в руках защитников. Переведя взгляд туда, Леха заметил, что цепь опущена, а из гавани на большой скорости, одна за другой, выходят либурыны противника, до отказа забитые пехотинцами. И все они направлялись напрямик к эннере.

— Похоже, нас восприняли всерьез, — бросил капитану Леха, указав на

приближавшиеся либурны, — а ну-ка, встретить гостей, как полагается.

Греки, понимавшие толк в кораблях, действительно успели достаточно подробно рассмотреть эннеру, быстро оценив ее возможности. Комендант порта, кто бы он ни был, сразу же понял, что если оставить этот гигантский корабль в неприкосновенности, — а обстрел с берега пока мало повредил эннере, — то она непременно разнесет половину построек и кораблей, находившихся в зоне досягаемости ее баллист. А остальное сделает десант, который итак слишком быстро завоевал плацдарм для дальнейшего наступления. Поэтому греки немедленно организовали контратаку, посадив пехотинцев на уцелевшие либурны и отправив их на захват эннеры, чтобы заставить ее метательные орудия замолчать.

— Перенести огонь на либурны. — заорал капитан сигнальщику, стоявшему на палубе, — стрелкам, приготовиться к отражению атаки противника.

Ларин успел насчитать двенадцать либурн, устремившихся к «Гневу богов». Но это было еще не все. Греки, осознав, что от этой атаки будет зависеть судьба города, бросили в нее и свои большие корабли. Вслед за либурами, под ритмичные взмахи весел, из гавани Тире показались три массивные квинкеремы. Две из них направились к «Тамимасадасу», который высаживал десант с другой стороны дамбы, под прикрытием своих орудий. А одна устремилась вслед за либурами. Это был, видимо «запасной вариант», на случай, если абордаж не пройдет.

— Только тарана нам не хватало, — процедил сквозь зубы Леха, нервно поглядывая на приближавшиеся либурны и квинкерему, рассекавшую позади них своим килем теплые волны залива, — увернуться ведь не успеем.

И посмотрев на капитана, приказал.

— Уничтожить либурны противника! Рулевым, внимание на квинкерему. Постараться избежать таранного удара.

Артиллеристы уже выполняли приказ. Первым же залпом ядра накрыли приближавшиеся суда с греческими пехотинцами. Две либурны пошли на дно, едва успев покинуть гавань. Еще одну ядро поразило в заднюю часть, расщепив рулевое весло, и корабль стал забирать влево, вскоре столкнувшись с другой либуриной. От этого столкновения, пехотинцы с обоих судов полетели в воду.

— Молодцы, артиллеристы, — похвалил адмирал, оглянувшись на залив, где маневрировали скифские квинкеремы.

Их капитаны, увидев контратаку греков, были полны решимости отыгаться за сожжение флота и недавний ночной прорыв. Одна из квинкерем, тотчас присоединилась к бомбардировке либурн противника, а еще две направились на перехват кораблей атаковавших «Тамимасадас», который, высадив десант, был вынужден отойти от дамбы, избегая атаки с двух сторон. Еще одна скифская квинкерема пошла на таран греческого корабля, направлявшегося к эннере. Неожиданно, на узком пространстве напротив входа в гавань, собралось множество массивных кораблей, палубные баллисты которых посылали ядра в противника с такой скорострельностью, что уже должны были задымиться от разогрева. Иногда эти ядра, пролетев над противником, поражали своих. Кругом стоял треск и вой, сквозь который уже были не слышны стоны раненных.

«Тамимасадас» все же не смог избежать тарана. Греческая квинкерема настигла его раньше, чем тот смог увернуться, и нанесла точный удар, достигший цели. Получив пробоину «Тамимасадас», завалился на левый борт. Зато другой скифский корабль на полном ходу налетел на греков. Но квинкерема из тирской эскадры успела поменять положение, а кроме того она имела бронирование ниже ватерлинии, защитившее ее от таранного удара. Острие тарана соскользнуло в сторону, корабли притерлись бортами, ломая весла, и в ход пошли абордажные крюки. Два судна сцепились намертво, и на палубах засверкали клинки пехотинцев. Пошла настоящая мясорубка.

Впрочем, Леха быстро отвлекся от созерцания всеобщей перестрелки, таранов и десантной операции на берегу, поскольку некоторые либурны греков все же добрались до «Гнева богов», несмотря на массированный обстрел. Первые десантники, забросив

абордажные крюки, уже карабкались на высокий борт. А в них целились с башен скифские лучники.

Наблюдая за начавшимися схватками у борта своего корабля, адмирал быстро оценил преимущество, имевшееся у его солдат. Скифы, засев на башнях вдоль всего борта, легко «снимали» любого, кто показывался на его верхней кромке или полз, схватившись за веревку. Из десантников, доставленных к эннере первыми двумя либурнами, на палубу «Гнева богов» не поднялся никто. Многочисленные трупы греческих пехотинцев, пронзенные стрелами, плавали среди волн, быстро уходя на дно под тяжестью доспехов.

Однако греки тоже были упорными бойцами и отлично понимали, что от этой атаки зависит будущее города. К огромному кораблю подошло еще несколько либурн. И спустя десять минут штурма на палубе скопились уже около тридцати греческих гоплитов. Количество вражеских солдат с каждой минутой росло. Разбитые на две группы, — на корме и носу, — вскоре они предприняли яростную атаку, чтобы расширить захваченный плацдарм. И, прежде всего, они атаковали ближайшие башни. Одной из таких башен была носовая, на которой находился сейчас сам скифский адмирал.

Прежде чем подоспевшие матросы и морские пехотинцы сняли угрозу, Леха Ларин вынужден был принять на себя командование обороной башни, на которой кроме него находился еще капитан, двое лучников и один солдат-посыльный. Его убили первым. Греческий гоплит швырнул кинжал в солдата, видневшегося в проеме башенного ограждения, к которому вела лестница.

Не успело тело посыльного рухнуть на палубу, как наверх по лестнице устремились сразу несколько греческих пехотинцев. А еще один даже забросил на башню абордажный крюк. Пригвоздив к ограждению лучника, он стал карабкаться вверх по веревке.

Первого грека Ларин убил из лука, подхватив его из рук умирающего солдата, а затем вынул меч из ножен и перерубил веревку, увидев в метре от себя гребень шлема и затем разъяренно лицо поднимавшегося по ней грека. Пехотинец рухнул на палубу и был тут же зарублен подоспевшими скифами. За это время несколько человек все же поднялось по лестнице и, оттеснив защитников, прорвалось в башню, где на узком пространстве закипела схватка.

Солдат-лучник, сменивший свой лук на акинак, капитан и адмирал скифов, бились рук об руку против пятерых гоплитов. Капитан быстро расправился со своим противником и попытался помочь Ларину, на которого бросилось сразу двое пехотинцев, размахивая мечами. Но, сделав неосторожный выпад, был пронзен греческим воином. Меч пробил доспехи капитана эннеры на боку. Обливаясь кровью, тот согнулся и, откатившись в сторону, вскоре затих. Скифский лучник неплохо владел мечом и уже отправил на тот свет одного грека, но второй оказался более опытным бойцом. Даже потеряв щит, он выбил оружие их рук скифа и коротким ударом разрубил ему горло, а затем присоединился к атаковавшим Ларина грекам.

— Трое на одного, — сплюнул Леха, отбивая удар меча и нанося ответный в пах.

Грек согнулся, потом упал на колени, и адмирал увидел, как у него по ногам обильно течет кровь.

— Теперь двое, — добавил Леха, отступая и перепрыгивая через тела мертвых солдат усеявшие пол в башне.

Двое оставшихся воинов в кожаных панцирях, шлемах с наверхушками, и выдававшимся чуть вперед нащечниками, закрывавшими почти все лицо, тяжело дышали, остановившись в трех шагах. Один был со щитом, другой без, но это не играло особой роли. Перед ними, и они это понимали, находился военачальник скифов, убить которого было просто необходимо.

Леха отступил к ограждению, подняв меч, щита у него тоже не было. Не предполагал адмирал лично махать мечом в этом сражении. Он сейчас бы с удовольствием забился в самый угол, прикрыв спину, но башня была круглой. Бросив взгляд в сторону, Ларин увидел, как по лестнице наверх лезут скифские пехотинцы. Деваться грекам было некуда, и они

бросились на него одновременно.

Отбив удар первого, того, что был без щита, Леха с силой пнул его ногой в грудь, отбросив к дальнему концу башни. Грек споткнулся о чье-то тело и упал. Едва поднявшись, гоплит хотел снова броситься на Ларина, но неожиданно получил стрелу в спину и упал снова. На этот раз он больше не поднялся. Леха успел краем глаза заметить, что «снял» его скифский лучник с соседней башни.

Зато со вторым греком бой начался жестокий. Удары меча сыпались на адмирала один за другим. Причем, грек оказался изобретательным бойцом. Он то бил в голову, то приседал, прикрывшись щитом, и норовил рассечь пах. То старался рубануть по неосторожно выставленной ноге. Но и Ларин был не лыком шит. Поднаторел уже Леха в схватках и битве с холодным оружием, да и подготовка морпехов из прошлой жизни не выветрилась еще из головы. А потому он добавлял к драке на мечах кое-какие элементы рукопашного боя, приводившие несколько раз видавшего виды грека в изумление. Первый раз он, вместо того чтобы рассечь ногу противника ударил его своей ногой по колену. Взвыв от боли, грек отступил, привлекая поврежденную ногу. Тогда Ларин перешел в контратаку и, нанося удар за ударом, сначала провел лихую подсечку, в результате которой боец рухнул, снова вскочил, но остался без щита. А затем ударом ноги отправил его в полет к самому ограждению. Все это произошло за какие-то секунды. Скифские солдаты еще не успели взобраться по лестнице в башню, как Леха выбил у ослабевшего грека меч, лишив последних шансов на победу в поединке.

— Получи, гнида! — прорычал морпех и ударом кулака, а точнее зажатой в нем рукояти меча, отправил грека в полет на палубу.

Перевалившись через ограждение, греческий гоплит рухнул на палубу, посреди расступившихся скифов. Присмотревшись, Леха заметил, что его шея была неестественно вывернута.

— Этот больше не опасен, — выдохнул адмирал, обернувшись к обступившим его солдатам, — займитесь остальными. Немедленно очистите палубу.

И, посмотрев на мертвого капитана, добавил.

— Мы еще не захватили город.

Следующие пять минут, пока скифы добивали прорвавшихся на палубу греков, Ларин рассматривал ситуацию на море и берегу, пытаясь понять, что же изменилось. Он заметил поврежденный «Тамимасадас» в море и две горящие квинкеремы греков. Третья вела бой со скифским кораблем, пытаясь прорваться в сторону «Гнева богов», но у нее это не выходило. Скифские моряки и артиллеристы крепко взялись за нее. И, вскоре, капитан единственной оставшейся «на ходу» квинкеремы из тирской эскадры принял решение выйти из боя. Сделав разворот, он направился обратно в гавань.

Внимательно осмотрев дамбу, Ларин заметил, что его пехотинцы были отброшены и почти уничтожены с левого фланга, но с правого, там где «Тамимасадас» высадил десант, дело быстро шло к захвату одной из башен у морских ворот.

— Передать на ближнюю квинкерему, чтобы немедленно начала преследовать уходящих греков, — заорал Леха подзывая сигнальщика, — Пусть прорывается в гавань. Начальников гребцов и баллист ко мне.

А когда те явились на башню и увидели мертвого капитана, приказал.

— Корабль подвести ближе к берегу и разметать в клочья все, что там есть. А лучше, запалить гавань.

Бородатые скифы одновременно кивнули, отправившись исполнять приказания. И вскоре эннера, сделав несколько методичных взмахов веслами, оказалась у самой дамбы. Развернувшись правым бортом «Гнев богов» обрушился на гавань Тиры, круша и ломая все, до чего доставали его баллисты. А это были складские постройки у дамбы, несколько небольших судов, и греческие солдаты, атаковавшие скифский десант. К обычным ядрам на этот раз артиллеристы добавили горшки с зажигательной смесью. И вскоре в гавани занялся пожар, быстро перекинувшийся на пристани и близлежащие постройки.

А когда скифская квинкерема ворвалась в гавань, преследуя греческую и, протаранив, притерла ее к берегу, артиллеристы с ее борта добавили грекам «огня». И гавань Тиры вскоре заволокло черным дымом.

Глядя на этот прорыв, Леха заметил, что десантники с «Тамимасадаса» захватили правую башню, и цепь теперь невозможно было поднять снова. Вход в гавань был открыт. С квинкеремы, что уже находилась в акватории, был немедленно высажен десант, предпринявший первую попытку прорыва в город. Правая часть дамбы была захвачена. На подступах завязалось жаркое сражение. Но его исход был предрешен. В открытые морские ворота вошла еще одна из скифских квинкерем. Добывая из баллист разбежавшихся по берегу греческих пехотинцев, она уткнулась носом в берег и высадила десант напротив горевшего пирса, удвоив количество атаковавших городские улицы.

С борта эннеры, сеявшей разрушения в стане почти поверженного противника, Леха Ларин заметил, как с берега скифы начали штурм городских стен, и приказал направить к ним навстречу новый отряд, высадившихся на берег пехотинцев. Тира была обречена.

Глава девятая **Посол Ганнибала**

По мере приближения Федор узнавал уже ставший для него новой родиной великий город. Хотя и не был здесь уже два года. А Карфаген выглядел все таким же: мощным и живописным. Вдоль берега, укрепленного высокой крепостной стеной с башнями, за которой Чайка разглядел и башню ставки наварха во внутренней гавани, курсировали военные корабли. Здесь же имелись внешние причалы, для тех, кто посещает Карфаген впервые или чтобы пришвартоваться, когда во внутренней гавани нет места. Бывало и такое, — Карфаген, как ни крути, центр самой оживленной торговли во всем Обитаемом мире. Вход во внутреннюю гавань был перегорожен мощной дамбой, с узким сквозным проходом около тридцати метров в ширину, не больше. Туда, как и в тот раз, когда беглый римский легионер Федр Тертуллий Чайка появился здесь на зерновозе, стремилось множество торговых кораблей. Правда, теперь их останавливали не у входа в гавань, перегороженного массивной цепью, которая то поднималась из воды, то вновь опускалась в нее, а задолго до подхода к крепости. В открытом море.

И к ним, едва завидев «Агригент», шедший на веслах, направилось сразу три таких же судна из береговой охраны. Их остановили недалеко от острова, где Федор разглядел небольшой укрепленный замок, похожий на наблюдательный пункт, вынесенный за пределы столицы. Но, едва узнав, кто плывет в Карфаген, немедленно пропустили и даже сопровождали, став временным эскортом посла Ганнибала. Первая квинкерема новой охраны, даже временно приостановила вход в гавань всех купеческих судов, выстроившихся в длинную очередь перед цепью, пропустив вперед «Агригент».

Здесь Магон даже приказал сбавить ход и «Агригент» едва ли не остановился посреди оживленной гавани, запруженной многочисленными торговыми судами, мешая их продвижению. «Не иначе ждет каких-то почестей, — подумал Федор, глядя, как головная квинкерема сопровождения уже пришвартовалась, и с нее на берег не сошел, а скорее сбежал, исчезнув в толпе, посыльный офицер, — зуб даю, сейчас сбегутся сенаторы нас приветствовать».

Пока «Агригент» дрейфовал посреди обширного пространства торговой гавани, окруженного со всех сторон стенами крепости, Федор, — надо же было как-то себя развлекать, — перевел взгляд с дамбы на город. И, прежде всего на высокий холм, вокруг которого была выстроена неприступная цитадель. А в ее центре, на самой верхушке холма морпех увидел величественный пирамидальный храм, от подножия которого земля живописно расходилась террасами, украшенными яркими цветами. «Храм Эшмуна, — вспомнил Федор название этого культового сооружения, — бога здоровья и врачевания».

За ближайшим к внешней стене пирсом, у которого возвышались склады для товаров,

Федор узрел еще одно знакомое громадное сооружение, похожее на каменный холм и на греческий портик колоссальных размеров одновременно. Отгороженное от торговой гавани крепостной стеной, в которых имелся только узкий проход, массивное сооружение с башней на крыше было ставкой наварха, — командующего флотом, — и находилось на острове, посреди закрытой военной гавани. Именно из этой, особо охраняемой акватории, с благословения сенатора Магона, новоиспеченный гражданин республики Карфаген Федор Чайка начал свой новый жизненный путь под этим жарким солнцем.

— Ну, наконец-то, — оторвал его от воспоминаний недовольный голос младшего брата Ганнибала, — а я думал, что мне придется ждать их вечно.

Федор оторвал взгляд от ставки наварха и перевел его на пирс, к которому, блестя на солнце золотом шлемов, приближался многочисленный отряд пехотинцев и, к большому удивлению Чайки два слона в украшенных особым образом пополах и накладных доспехах, понукаемые погонщиками. На спине у одного слонов имелась небольшая башенка-корзина, способная вместить нескольких человек. Шедшие впереди стражники разгоняли народ. Однако вся эта парадная процессия не осталась на пирсе, а проникла внутрь закрытой гавани, вскоре исчезнув из вида.

— Можем приставать, — отдал приказ Магон капитану «Агригента».

А затем, когда корабль, вошел в военную гавань, но еще не ошвартовался у специально предназначенной для таких случаев пристани, обернулся к Федору, смотревшему на все эти великолепные сооружения с нескрываемым восхищением, хотя и видел их уже раньше неоднократно.

— Сейчас я отправлюсь в сенат с кратким сообщением о своем прибытии. — неожиданно обратился к нему Магон, — Уже вечер и вряд ли все сенаторы сейчас готовы будут выслушать меня. Думаю, заседание соберут только завтра или даже позже. А ответ этих умников придется ждать еще пару недель.

Он умолк ненадолго, молчал и Федор.

— Думаю, у тебя найдется, где остановиться в этом городе? — заметил Магон как бы между делом.

— Конечно, — кивнул Федор, бросив взгляд на пристань, узкое пространство перед которой было запружено выстроившимися солдатами, — у меня есть дом в квартале Мегара.

— Вот и отлично, — сухо заметил брат Ганнибала, намекнув напоследок о предполагаемой встрече Федора с сенатором, — так будет удобнее, у тебя ведь есть здесь и свои дела.

Два слона, находившиеся позади солдат, вдруг одновременно издали грозный рев, словно действительно были рады видеть прибытие Магона. Глухо стукнувшись о причал, квинкерема пришвартовалась, трап был спущен быстро.

— Я пришлю за тобой, когда буду готов отплыть обратно в Италию, а пока отдыхай от войны, — сообщил, направляясь к трапу Магон, — если новости от интересующего меня лица будут раньше, то можешь посетить имение Барка в старом городе. Я буду жить там.

Федор невольно поклонился. Таким напыщенным стал вдруг Магон, едва оказавшись в Карфагене. «Наверное, иначе нельзя, если находишься у власти, — подумал Федор отстраненно, и вдруг вспомнил о римском золоте, что умудрился провести сквозь все опасности в метрополию, — неужели он решил, что я буду проситься переночевать в родовом имении Барка? Обижает, мы и сами не бедные». Но, промолчал.

Едва Магон спустился на камни пристани, как солдаты затрубили в трубы, огласив замкнутое пространство гавани громкими звуками приветствия в честь посланца Ганнибала. Их командир, приблизившись к Магону, что-то сказал ему, указав на слона. Магон кивнул с небрежным видом.

И тут слон опустил, сначала на одно колено, затем на другое, а погонщик приставил специальную лесенку, по которой военачальник взобрался на спину слона, удобно разместившись в башенке. Огромное животное встало, легко подняв своих седоков и, подгоняемое наездником, направилось в сторону города. За ним устремился второй слон и

отряд пехотинцев. Посмотрев на торжественную встречу с борта корабля, Чайка засобирался на берег. Несмотря на то, что все почести принял Магон, небольшая их часть предназначалась и Федору. Все ж таки помощник посла, хоть и не знатного рода. Впрочем, морпех не относился к этому титулу всерьез. Ганнибал послал его сюда с одной единственной целью, попытаться получить помощь от знакомого сенатора, не самого последнего человека среди властителей Карфагена. А в разгар войны, да еще когда армия уже стоит у самых стен яростно сопротивляющегося Рима, любая помощь может быть решающей, способной окончательно склонить чашу весов в нужную сторону.

Вечерело. И, несмотря на важность момента, Федор решил сначала отдохнуть от тревожностей этого плавания, а начать все дела с завтрашнего утра. Погрузив золото на повозку, предоставленную ему по первому требованию, и взяв с собой десяток солдат из морпехов «Агригента» в качестве охраны и почетного эскорта, — как-никак помощник посла, — он отправился на поиски своего дома. Так давно здесь не был, что даже боялся заблудиться. Но первые же шаги по улицам Карфагена вернули ему память.

Миновав крепостную стену сквозь ворота, он сразу попал в старый город, центром которого и самым древним строением вообще была цитадель Бирса, заметная еще с моря. Здесь находилось много храмов и общественных зданий, здесь жили жрецы и самые богатые купцы, а также другие видные деятели. Но часть прилегавших к порту кварталов занимал все же средний класс, — ремесленники и мелкие торговцы, обитавшие в высоких семиэтажных домах из камня добротной постройки. Кварталы богачей и высшей знати находились на значительном удалении от порта, среди садов и рукотворных озер.

Здесь же, у подножия Бирсы, находился и форум. Широкая, мощеная камнем площадь, куда сходились три улицы, как всегда запруженные народом. Несмотря на вечерний час, все здесь еще жило по законам торгового города. Кого здесь только не было. И местные смуглолицые торговцы, разложившие свой товар перед многочисленными покупателями, и чернокожие нумидийцы, и египтяне, и еще многие другие, чью национальность Федор определить был не в силах, хотя повидал за два последних года, казалось, уже не мало. Но глаза по-прежнему разбегались от пестроты и разнообразия товаров, одеяний продавцов.

— Кому масло оливковое? — раздался в двух шагах вопль торговца, — Подходи!

— Кому халаты парчовые? Пурпур триский?! Все есть! — вторил ему другой.

«Словно и нет никакой войны, — подумал Федор, пробираясь через толпу, которую разгоняли идущие впереди морпехи, — живут себе, торгуют».

Он внезапно ощутил глубокую, накопившуюся усталость и заторопился домой. Быстро миновав форум, Чайка велел своим сопровождающим свернуть направо. Там в квартале Мегара, и находился дом Федора, подаренный ему сенатором за свое спасение перед отплытием на войну.

До небольшого, по меркам местных богачей, трехэтажного домика, окруженного цветущим садом, Федор и его спутники добивались почти час. И прибыли уже в сумерках. У массивных ворот его встретил смуглолицый слуга-охранник, поначалу даже не узнавший хозяина в неизвестном, заросшем бородой, военачальнике с эскортом из десяти вооруженных до зубов солдат. А когда разглядел, кто перед ним стоит, упал в ноги, и забормотал что-то, явно умоляя простить.

— Что, хозяина не признал, — ухмыльнулся добродушно Федор, — понятное дело, три года прошло. А вот он я, вернулся. Открывай ворота, повозку надо внутрь впустить. Я кое-что ценное привез.

Слуга вскочил на ноги и мгновенно бросился исполнять приказание, издав не то крик радости, не то возглас, означавший для всех остальных прибытие долгожданного хозяина. Тотчас в доме раздался шум, и во дворе образовалась небольшая толпа.

В свое время, стараниями Магона, и еще больше его расторопного приказчика Акира, сюда переехал не только сам Федор Чайка. Вместе с ним в этот дом переехало трое смуглолицых слуг-охранников, кухарка и томная нумидийская рабыня, навязанная Акиром Федору для плотских утех. От рабыни, тайно влюбленный в юную римлянку Федор задним

числом избавился. В тот краткий период службы в Новом Карфагене, еще на земле Испании, перед началом великого похода, ухитрился отправить Акиру, за скромную плату следившему и за этим домом и за сельским именем морпеха, весточку, чтобы приказчик избавился от нумидийской красавицы. Чего ей зря томиться в четырех стенах? А так, глядишь, еще пользу принесет кому-нибудь. Девица была молодая, здоровая. Детей нарожать могла, чернокожих. И Акир, слегка обиженный тем, что Федор призрел его подарок, продал девушку втридорога заезжему торговцу из Египта. Так что теперь дома обитала только охрана, следившая за порядком, и кухарка. Чему Федор, хранивший верность Юлии, в душе был несказанно рад.

Сгрузив золото и рассчитавшись с возницей, не знавший, что он перевозил, Федор отправил морских пехотинцев назад на корабль и, растянувшись на мягкой кушетке, велел первым делом приготовить себе знатный ужин. Устал он с дороги, проголодался. И вина принести самого лучшего. Требовалось расслабиться. А государственные дела и сенаторы подождут да завтра. Он, в конце концов, на фронте кровь проливал за то, чтобы здесь царило спокойствие и достаток.

Впрочем, несмотря на поздний час, одного слугу он отправил к сенатору Магону с сообщением о своем прибытии, и просил его узнать, не согласится ли столь занятой человек уделить в ближайшие дни ему немного своего времени. Не успел Федор вкусить легкого ужина из свежезажаренных птиц и распить кувшин красного вина, как вместе с охранником явился Акир собственной персоной.

— Как я рад тебя видеть Федор! — заявил низкорослый приказчик сенатора, облаченный в дорогой хитон, и заключил его в свои объятия, — рад, что ты жив и невредим, да ниспошлет Баал-Хаммон тебе долгие дни, полные счастья. Как я по тебе соскучился.

— Садись, отведай со мной того, что приготовила мне на радостях кухарка, — предложил Чайка, снова устраиваясь на кушетке, — она, видать, по мне тоже соскучилась. Только охранников откармливала, а теперь, вот меня дождалась. Птиц каких-то нажарила на скорую руку. Вроде, съедобные.

И, когда Акир сел напротив уставленного снедью стола, сам налил ему в золоченую чашу вина, добавив:

— Когда же тебе скучать? Все в разъездах, наверное, торгуешь, времени свободного нет.

Акир испустил протяжный вздох, развел руки с короткими пальцами в стороны и поднял очи к потолку, подтверждая правоту Федора. За те два года, что они не виделись, приказчик сенатора не особенно изменился. Лысый и толстый, как и положено торговцам, приказчик был на удивление подвижным для своих габаритов. Он все время перемещался и елозил по кушетке, словно имело шило в одном месте, которое мешало ему сидеть спокойно.

— Как поживает твой высокочтимый хозяин? — поинтересовался Федор, проглотив горсть сочных оливок. Любил он это дело.

— Я, как только услышал, сразу поспешил к тебе, — сказал Акир, — сенатор сегодня занят, уже поздно. Да и ты, наверное, устал, ведь путь был не легким?

Федор кивнул.

— Да, мы едва ушли от римлян, хвала богам. А две квинкеремы сгорели у меня на глазах в неравном бою. Потом попали в шторм. Но, добрались. Послы Ганнибала не могли просто так погибнуть.

Теперь кивнул Акир, выражая полное согласие со словами Федора. Боги не могли допустить, чтобы послы Ганнибала погибли, так и не выступив в сенате с его посланием.

— Весь Карфаген ждал вас как героев. Мы наслышаны о победах великого Ганнибала. На завтра назначено слушание, где хозяин должен присутствовать, — продолжил Акир, возвращаясь к разговору, — Недавно пришел гонец, незадолго до твоего слуги. И хозяин велел передать, что примет тебя завтра вечером, если заседание не затянется.

Отпив вина, он быстро оторвал крыло у птицы неизвестной Федору породы, которая, похоже, пришлась по вкусу приказчику. Финикиец, с лица которого никогда не сползало хитрое выражение, даже замычал от удовольствия, быстро обглодав крыло до косточки.

— Отличная стряпня, — сказал он, причмокивая и облизывая пальцы, таким тоном, что Федору стало не понятно, кого он похвалил: кухарку или себя, за то, что сам когда-то нашел ее для морпеха.

Впрочем, это оставалось правдой в любом случае, Акир был опытным управленцем и умел находить нужных людей. Два прошедших года именно он, с помощью своих людей, следил не только за обширными владениями самого сенатора, но и за недвижимым имуществом новоиспеченного гражданина Карфагена. Дом был в полном порядке, насчет имения в деревне Федор тоже не сомневался. Наверняка и там все в норме. Акир умел вести дела. Хотя, посмотреть, конечно, тянуло, — как там растут его оливковые деревья. Ведь перед самым отплытием Акир принес ему, кроме кошелька с золотом от хозяина, не менее ценный свиток. В нем была дарственная на небольшое деревенское имение недалеко от Карфагена, где находились обширные огороды и пятнадцать оливковых деревьев. Все это хозяйство обрабатывали десять рабов, тоже являвшиеся теперь собственностью Федора Чайки, которую он еще ни разу в жизни не видел.

— Я рад, что тебе понравилось, — ответил Федор и похвалил падкого на лесть приказчика, — кухарка, — высший сорт, спасибо, что нашел ее для меня.

Лысый финикиец расплылся в улыбке.

— Для спасителя моего хозяина я достану все, что пожелаешь.

— Извини, я немного устал, — заметил вскользь быстро захмелевший Федор, которого накопившаяся усталость последних дней начала быстро клонить в сон, едва он расслабился, — и больше хочу спать, чем есть.

Акир мгновенно вскочил с кушетки.

— Мне пора, Федор. Отдыхай. А завтра я приду за тобой или пришлю кого-нибудь, как только хозяин освободится.

— Хорошо, — согласился Федор и, проводив гостя до дверей, отправился в спальню, уставленную массивной, но добротной мебелью, оставив недоеденный ужин на столе.

Там он рухнул на кровать и, едва коснувшись покрывала лицом, заснул не раздеваясь. Так он проспал полночи. Затем очнулся, нашел в себе силы раздеться и, сбросив одежду, снова заснул. На этот раз он проспал долго. Почти до обеда.

Его разбудило щебетание птиц в саду.

— Ишь раскричались, — недовольно пробурчал Федор, накидывая тунику и выходя на открытую террасу, с которой открывался отличный вид на тенистый сад.

Деревья окружали весь дом, рядом с которым жили купцы среднего достатка и знатные воины. Федора такие соседи устраивали. Не голытьба, но и не помпезные сенаторы, к которым вечно навешиваются в гости люди их круга, одна свита которых из охранников и рабов занимает половину улицы, мешая движению. И это не считая колесниц и повозок. В общем, он был доволен своим положением и своим домом. А, вспомнив про несколько ящиков римского золота, «заработанных» за еще неоконченную кампанию, повеселел еще больше. Сейчас будущее выглядело не особенно мрачным. Жить можно.

Прищурившись на солнце, лучи которого все же пробивались на террасу, несмотря на росшие рядом раскидистые деревья, Федор оглядел город. Вдохнул терпкие запахи. До него доносилось множество звуков, но все они по счастью были абсолютно мирными. Карфаген уже давно проснулся. Купцы открыли свои лавки, а покупатели запрудили форум и все прилегающие улицы. Жрецы молились богам, призывая их ниспослать урожай и победу над врагами. Жизнь шла своим чередом. А в сенате, уже наверняка начался «официальный прием» по случаю прибытия посла с театра военных действий.

— Интересно, как там дела у Магона, — напрягся Федор, заговорив с собой вслух на русском языке, который до сих пор не стирался у него из памяти, хотя морпех говорил на нем в последний раз еще в Крыму, когда расставался с Лехой Лариным, — дадут нам подкрепления или как?

Неожиданно в дверь спальни раздался стук.

— Ну, кто там?

В приоткрытую дверь просунул лицо вчерашний охранник.

— Звали, хозяин?

— С чего ты решил, что я тебя звал? — удивился Федор.

Охранник замялся, потом все же выдал из себя.

— Вы что-то сказали громко. Я не разобрал, но, мне показалось, что вы зовете меня.

— Ах, вот оно, что, — понял Федор, возвращаясь с террасы, — нет, я тебя не звал. Но раз уж ты здесь, скажи мне, как тебя зовут?

— Ирид, хозяин, — ответил бородатый крепыш.

Роста он был среднего, абсолютно лыс, но, судя по телосложению, развитым плечам и мускулистым рукам, оружием владел прилично. «Надо будет проверить, — решил Федор, — охранник, как-никак. Надо знать, на что он способен».

— А мою кухарку?

— Ее зовут Береклит, хозяин.

— Хорошо, ты можешь идти, — отпустил его Федор.

А когда охранник исчез за дверью, снова вышел на трассу, и медленно проговорил по-русски, разбивая по слогам:

— Хо-зя-ин, — как это странно, но приятно звучит.

Решив, что до вечера от посла вряд ли поступят новые сведения, Федор решил немного прогуляться по городу. Оставив порядком надоевшие доспехи и фалькату дома, он облачился в немного помпезный зеленый хитон, сшитый по местной моде, и добротные сандалии. Подпоясался кожаным ремешком. Привязал к поясу кошелек с золотом. И стал похожим на зажиточного горожанина, который не особенно будет выделяться в толпе. Немного подумав, Федор для чего-то взял с собой небольшой свиток, письмо, найденное в архиве Марцелла, словно боялся на минуту оставить эту реликвию без присмотра даже дома. Свиток он засунул себе за пазуху, еще раз проверив, плотно ли прилегает ремень к животу. На том и успокоился.

Прихватив с собой двух вооруженных охранников, — хватит им тут расслабляться, — Федор вышел на прогулку и направился, куда глаза глядят. Пешком, хотя мог бы купить себе колесницу и передвигаться на ней, благо улицы были мощеные. Но, несмотря на резко увеличившийся золотой запас, Федор пока не привык шиковать. Хотя, при желании мог бы не только колесницу с четверкой лошадей купить, а новый корабль с экипажем, или два. А, может быть, даже слона. Все привезенное золото и серебро морпех еще до конца не пересчитал. Взял, сколько дали, и прибавил к тому, что было.

«Надо, кстати, будет с Акиром поговорить об этом, — подумал Федор, лениво вышагивая впереди охранников в сторону ближайшего парка, и щурясь на солнце, — может, пристроить свои миллионы в дело сенатора за хороший процент. Я-то ведь скоро опять уплыву на войну, а деньги пускай работают. Глядишь, еще накапает».

С удивлением, отметив у себя рост купеческих настроений, Федор покинул квартал. Видно сказывалось возобновившееся общение с торговцами.

Скоро небольшая процессия вошла в разбитый на холме парк, миновав широкие ворота. Этот парк, а на взгляд Федора настоящий сад, — в котором было много аккуратно подстриженных цветущих кустов, разделенных дорожками и фонтанами, — был местом излюбленного отдыха карфагенян. Вот и сейчас, едва углубившись в благоухающие аллеи, Федор заметил там множество праздных карфагенян, что отдыхали у фонтанов сидя на каменных скамьях. Чайка, наверное, впервые отметил, что не все горожане проводили свое время, занимаясь торговлей. Некоторые философствовали, неторопливо переговариваясь о своих проблемах, и чертили на песке какие-то круги и другие, более замысловатые фигуры.

Глядя на них, Федор вдруг вспомнил рассказы любознательного Урбала и то, что сам когда-то читал. В Карфагене, помимо торговцев, существовало множество ученых и философов. А, соответственно, библиотек, наполненных ценнейшими для своего времени сведениями о путешествиях, мореплавании, сельском хозяйстве. Там, при желании, можно было прочесть о том, как лучше возделывать и орошать землю, чтобы твой огород,

плантация финиковых пальм или виноградники приносили наибольший доход. Как научиться выводить самую выносливую породу лошадей, как построить корабль и многое другое. Хозяйство в Карфагене приносило большие доходы, в отличие от того же Рима, поскольку было гораздо лучше спланировано и отлажено.

«Надо будет как-нибудь посетить местную библиотеку, — решил Федор, покидая парк отдыха, и направляясь в сторону порта, — почитать, как там надо ухаживать за финиковыми пальмами, если успею».

Благодаря тому, что климат в здешних местах был благодатным для ведения сельского хозяйства, повсюду рос инжир и пунийское яблоко,²⁴ миндаль, и конечно вездесущая финиковая пальма. Даже в самом городе на случай осады были разбиты многочисленные огороды. За месяц пребывания в Карфагене перед отбытием на фронт, Федор смог это отлично рассмотреть, благо часть огородов находилась неподалеку за парком, примыкая к крепостным стенам.

Технологии, которыми овладели за сотни лет, финикийцы применяли на всех своих землях, включая недавно захваченные, постепенно превращая даже пустыню в цветущие сады. Для этого требовались знания, деньги, упорство и труд тысяч рабов. Все это у карфагян было, не зря же этот город считался богатейшим портом на западе Обитаемого мира, а финикийские купцы самыми оборотистыми, постоянно отодвигавшими конкурентов-греков на второй план.

Как припомнил Федор, оставив парк за спиной и ненадолго оказавшись среди хижин местной голытьбы, многочисленные колонии и фабрики Карфагена располагались, преимущественно, на расстоянии одного дня плавания друг от друга. Если плыть на север, то ближайшей была Мальта, — как морпех по привычке называл ее, — и два соседних с ней острова, по-прежнему входившие в состав державы. Значение этих островов, как перевалочных баз и портов, только выросло, после того как Карфаген утерял Сицилию.

Обычно фабрики строились на островах вблизи берега, в устьях рек или тех местах, откуда было легко добраться до моря. Ведь море было основной сферой жизни финикийцев. Без моря они себя не видели полноценным народом, хотя некоторые умники, типа сенатора Ганнона, предлагали расширяться вглубь материка, позабыв о морских традициях и не воевать с Римом. И сейчас, в разгар победоносной войны, такие настроения были совсем не на руку Ганнибалу.

Вспомнив про Ганнона, командир двадцатой хилиархии, бившейся сейчас далеко отсюда во славу Карфагена, вспомнил и о странном письме, подписанном этим сенатором. На первый взгляд оно не таило ничего серьезного, и даже не было зашифровано, но Федор уже решил показать его Магону при встрече. Ганнон, кажется не находился среди его друзей. Пусть он решает, что делать.

Преодолев по мостикам несколько оросительных каналов, Федор прошел вдоль раскинувшихся почти у крепостных стен огородов, и вскоре вновь оказался в кварталах, застроенных домами зажиточных горожан. Оттуда он пошел в старый город к форуму, где, потолкавшись часок среди многочисленных прилавков, зашел в лавку к оружейнику и выбрал новую кирасу взамен старой, носившей на себе следы многочисленных ударов римского меча.

«Могу себе позволить, — решил Федор, любовно оглядывая искусную инкрустацию на посеребренных металлических пластинах и мысленно уже отправляя старую в утиль, — чего мне эти деньги, солить что ли? Вот вернусь в Рим, неизвестно когда снова тратить начну».

Однако возникла непредвиденная проблема, — золотые монеты, взятые с собой не глядя Федором, оказались очень большого номинала. Товар тоже был не из дешевых, но у оружейника не было мелкой сдачи, а скинуть он никак не хотел, углядев в Чайке богатого покупателя, которому кираса пришлась в пору и сильно понравилась.

²⁴ Гранат.

«За копейку удавится, сволочь», — пробурчал Федор, получив третий тактичный отказ скинуть цену от лысого старика в синем балахоне, с загорелым морщинистым лицом и одним зубом на весь рот. Пришлось идти к менялам, лавка которых располагалась в самом углу рынка. Уже вечерело, и рынок скоро должен был закрыться. Но Федор успел. Едва разобравшись со своим золотом и отдав новенькую кирасу охранникам, он уже направился к выходу, чтобы идти домой и тут столкнулся с Акиром.

— Я искал тебя. Хозяин вернулся из сената, и ждет тебя сегодня вечером, — заявил приказчик, едва заведя Федора и, отведя его в сторонку, — он непременно хочет поговорить сегодня. Лучше даже прямо сейчас.

— Хорошо, — кивнул Федор, непроизвольно погладив свиток под хитоном, и мысленно похвалив себя: «Интуиция».

Затем он обернулся к охранникам.

— Ирид, пойдешь со мной. А ты отнеси кирасу домой и, если там есть какие-нибудь известия для меня, придешь к дому сенатора Магона. Если нет, оставайся на месте.

Глава десятая **Тайный разговор**

Быстро миновав несколько застроенных многоэтажными домами кварталов у самого рынка, они, вскоре, попали совсем в другой мир. Взору морпеха предстал квартал особняков и вилл, утопающих в зелени.

Не теряя времени, Акир провел его знакомой дорогой к воротам здания высившегося пирамидой посреди парка. Федор сразу узнал этот многоярусный дворец, каждый из этажей которого украшали колонны, башенки, а также изваяния мифических животных и птиц. Здесь он впервые, с того момента как покинул Крым, когда-то снова повстречался со своим благодетелем. Много воды утекло с тех пор, но здесь ничего не изменилось. Огромный дом выглядел все также величественно. А с наступлением вечера, уже погрузившего в полумрак уголки обширного парка, даже мистически. Изваяния хищных животных и птиц на террасах казалось, могли ожить и спуститься в парк, или взмыть в небо над ним, чтобы вовремя перехватить и умертвить любого, кто задумал вред их хозяину.

Заглядевшись на изваяния, Федор даже замешкался у входа, остановившись.

— Хозяин ждет, — напомнил Акир.

И Федор вновь ускорил шаг, устремившись за ним. В воротах все также стояли стражники в полном вооружении, а двое из них были уже с факелами. Такие же факелы горели вдоль всей аллеи на специальных подставках, пока приказчик и Федор с охранником шагали по ней к массивным, позолоченным дверям главного входа в особняк.

«Раньше хозяин принимал гостей на террасе», — подумал Федор, поднимаясь по мраморным ступеням, и не ошибся. Акир провел его на второй этаж. У дверей, ведущих на террасу, находилась несколько вооруженных пехотинцев. Здесь Ирид вынужден был остановиться. Дальше пускали только проверенных людей.

— Жди меня здесь, — приказал ему Федор, следуя дальше за приказчиком.

Акир ввел Чайку на террасу и молча удалился через запасной выход, скрытый в боковой стене. В неровном свете горевших на полу террасы жаровней, морпех увидел массивное кресло с золочеными ручками в форме птичьих голов, в котором вальяжно расположился седовласый сенатор. Закутавшись в темно-синий балахон, он неторопливо потягивал вино из чаши украшенной драгоценными камнями. На груди чиновника, фигура которого тонула в полумраке, тускло поблескивала золотая цепь с амулетом, изображавшим диск и полумесяц, — симфор Карфагена.

— Приветствую вас, Великий Магон, — поклонился Федор, едва оказавшись на террасе, — прошу простить меня за мой вид, Акир сообщил мне, что вы срочно хотите меня видеть. Я не успел переодеться.

— Здравствуй, Чайка, — седовласый сенатор указал ему на соседнее кресло, — рад

тебя видеть. Мы слишком давно знакомы, чтобы обращать внимание на такую безделицу, как неподобающая одежда. Тем более я сам вызвал тебя для разговора.

— Ценю вашу дружбу, — искренне заметил Федор, снова поклонился и сел в кресло.

— Угощайся, — предложил Магон, указав на стол, уставленный яствами и кувшинами с вином, — разговор этот не предназначен для посторонних ушей, поэтому я отослал слуг. Даже Акиру не зачем знать, о чем пойдет речь.

Федор налил себе вина, отпил глоток и, облокотившись на спинку кресла, стал ждать, пока Магон захочет начать разговор. Взгляд морпеха скользнул по саду, где стрекотали насекомые и пробовали голос одинокие птицы, невидимые в сгущавшейся темноте.

— Сегодня было долгое заседание, и я немного устал, — пожаловался, наконец, Магон, нарушив затянувшуюся тишину, — я ведь уже не мальчик, протирать скамьи в сенате. Шестой десяток разменял. Иногда хочется отойти от дел и уехать навсегда в деревню. Выращивать там тыкву и виноград.

Федор ожидал от всесильного сенатора чего угодно, только не разговора по душам. «Впрочем, насторожился Федор, кто их знает, этих политиков. Может быть, просто усыпляет бдительность. Хотя, кому еще я могу доверять, если не ему».

— Три года прошло, — теребя бороду проговорил сенатор таким тоном, словно подводил баланс, — не так уж и много, а ты, Федор Чайка, уже командир хилиархии.

— Вы прекрасно осведомлены, — осторожно заметил на это Федор.

Магон допил вино и поставил чашу на стол.

— Ганнибал действительно так близок к победе, как рассказывал сегодня его брат? — спросил сенатор.

— Он должен был представить вам доказательства наших побед, которые привез с собой, — ушел Федор от прямого ответа, неожиданно вспомнив по груз золотых и серебряных колец, снятых с отрубленных пальцев римских вельмож.

— Он представил, — кивнул Магон, тряхнув своей бородой, столь длинной и курчавой, что в ней иногда пропадала золотая цепь с амулетом, — и, клянусь небесной царицей Таннит, я давно не видел столь приятного глазу зрелища. Тысячи лучших римлян повержены в прах силой Ганнибала, силой самого Карфагена.

Магон повернулся к сидевшему рядом Федору и в глазах его появился блеск.

— В сенате это вызвало настоящий переполох. Бурю восторга. Ганнибалу пообещали немедленную помощь.

Сказав это, сенатор вновь откинулся на спинку кресла.

— Ганнибал Барка умен, как и его отец. Он знал, чем можно возбудить сенат к действиям. Но, я вынужден повторить вопрос, Чайка.

— Мы стоим у стен Рима, — поспешил ответить Федор, — но они яростно защищают город. Я сам водил в атаку свою хилиархию и даже однажды пробился за стены, но...

Чайка вздохнул, прежде чем продолжить.

— Но, ненадолго. Нас отбросили мощной контратакой, и с тех пор моя нога больше не ступала на мостовую Рима. Как я не старался.

Чайка даже хотел встать, чтобы пройтись по террасе и сдержать возбуждение, охватившее его при воспоминаниях о недавних кровопролитных сражениях. Слишком яркие были воспоминания. Но сдержал свой порыв.

— Рим начал приходить в себя, — продолжил он свой рассказ, — это, конечно, не мое дело. Но по всему видно, что сенат Рима, еще недавно напрягавший последние силы для защиты города, собирает по всей стране новые подкрепления. И они постоянно подходят на помощь осажденным, полностью блокировать которых мы так и не смогли.

Резким движением Федор взял кувшин и, увидев кивок головы, налил вина сенатору и себе. Магон не мешал ему распоряжаться кувшином, обратившись в слух.

— Осмелюсь заметить, у нас очень сильная армия, но даже она нуждается в пополнении, — снова заговорил Федор, сделав глоток, — мы одержали множество крупных побед практически не получая подкреплений, оторванные от своей базы. На море до сих пор

господствуют римляне. Ганнибал — великий полководец, но армия обескровлена. Она отдает последние силы. А Рим, даже почти уничтоженный, все же опирается на свою землю.

Чайка не выдержал и встал, пройдясь до парапета террасы, вернулся назад.

— Именно сейчас нам так нужен флот, который отогнал бы римские корабли от берегов Италии и уничтожил бы их, — сказал он, снова устроившись в кресле, — Римский флот связывает нам руки. На суше дела идут хорошо, но мы израсходовали последние силы. Еще немного без подкреплений и война может принять совсем другой оборот. Они нам нужны, как воздух.

Закончив свою тираду, Федор умолк. Он вновь отпил вина и закусил странными сухими палочками, сделанными из теста. Они были обсыпаны кунжутными зернами, имели солоноватый вкус. Это угощение лежало перед ним на отдельном блюде.

— Что же, Ганнибал Барка не зря прислал тебя ко мне, — усмехнулся Магон, — он знал, кого послать. В твоих словах сквозит вера в своего военачальника. И ты умеешь убеждать. Надо сказать, его брат не так хорошо выступал вчера в сенате, хотя и выглядел не менее уверенно.

— Я рассказал Ганнибалу о знакомстве с вами в последний момент, — заявил Федор, — я здесь оказался случайно и не должен был ехать вместе с его братом.

— Случай, — заметил вскользь на это седовласый Магон, — желание богов.

— Три года войны, что я провел рядом с Ганнибалом, — закончил мысль Федор, — он и не догадывался о том, что у меня есть столь влиятельный знакомый в сенате.

— Так вот чем объясняется твой статус, — кивнул Магон, — Посольства я ожидал давно. И был даже удивлен, что Ганнибал так долго тянул с ним.

— Он надеялся на подкрепления, — ввернул слово нетерпеливый Чайка, — обещанные ему, как я слышал, раньше.

— Я ждал, что приплывет его брат, — продолжал Магон, пропустивший эти слова мимо ушей, — Ганнибал никогда не доверил бы такую задачу никому другому, до тех пор, пока жив хоть один мужчина из семейства Барка. Но, по моим данным тебя среди послов не должно было быть. Однако, ты здесь. И у меня нет оснований не доверять твоим словам.

«Он еще меня и проверять вздумал», — возмутился в душе Федор, но сдержал свою обиду, понимая, что в играх политиков, от которых зависит судьба страны, иначе и нельзя. Слишком дорога цена ошибки.

— Он послал меня к вам за помощью, — осторожно заявил Чайка, — ведь ему эти подкрепления обещали давно.

— Его брату сегодня тоже обещали подкрепления, — спокойно заметил на это Магон.

Федор оторопел. Сенатор сказал это таким спокойным тоном, который иначе как «Получите, после дождичка в четверг» и нельзя было понять.

Чайка, услышав это замечание, едва не возмутился открыто. Ему хотелось вскочить и крикнуть этому расслабленному сенатору, отъедавшемуся тут в тишине и спокойствии столицы: «Мы, там, ядрена вошь, жизни свои кладем, что бы вы здесь задницы отращивали! Кровь рекой льется, люди гибнут, а они, видите ли, тут размышляют, прислать пару кораблей вместо тысячи обещанных или нет. Им из Карфагена гораздо виднее, как управлять войной за морем. В игры играют, патриоты, твою мать!».

Но, не сказал.

— Значит, он меньше верит в посольство своего брата, чем в тебя, — задумчиво произнес Магон, теребя золотую цепь, — это кое-что говорит. И о нем, и о тебе.

Федор молчал, играя желваками.

— Мы почти закончили строить новый флот, — наконец произнес сенатор, который словно не видел, в какой ярости пребывает его гость, — однако, боюсь, он не скоро покинет гавань Карфагена.

— Но, почему? — едва не вскочил со своего места Чайка, — Ведь именно сейчас нам нужна помощь. Еще один удар и война будет закончена.

— Это не такой простой вопрос, как тебе кажется, Чайка, — снисходительно заметил

Магон, — Рим, к сожалению, не единственный наш враг, хотя и самый опасный сейчас. Да и не твоего ума это дело. Ты, конечно храбрый солдат, но еще не наварх и не суфкет.

Федор заткнулся. Ему мягко напомнили, что он слишком обнаглел и действительно ведет себя как равный Магону. А их разделяла пропасть. Да что там пропасть, — они были как огромная планета и ее незначительный спутник. Один из тысячи. Магон был в числе тех, кто выбирает и смещает со своих постов военачальников уровня Ганнибала. Кто такой для него Федор Чайка, пусть и доблестный солдат, доказавший это?

«Если бы не эпизод со скифами, едва не лишившими жизни столь блестящего сенатора, — охладил свой пыл морпех, — то быть бы тебе, брат Федор, рабом на корабле или чьей-нибудь плантации финиковых пальм. Так что, помалкивай, пока цел. Да радуйся жизни. Не так уж плохо она у тебя здесь сложилась».

И вдруг его кожу под хитомом что-то кольнуло. Федор вспомнил о свитке, так предусмотрительно захваченном с собой.

— Осмелюсь заметить, — начал издалека Федор, слегка успокоившись, — воюя недалеко от Рима, мне случайно удалось захватить имение сенатора Марцелла, который в спешке покинул его и забыл там весь свой архив. Мне казалось, это имя вам должно быть известно.

В глазах Магона появился интерес, едва он услышал о Марцелле.

— Продолжай, — он даже поторопил Федора, нарочно державшего паузу, чтобы усилить эффект.

— Так вот, — закончил командир двадцатой хилиархии, — я позволил себе просмотреть некоторые бумаги сенатора, лежавшие на поверхности шкатулки, и нашел там одно любопытное письмо. Вы ведь знаете, что я читаю на языке римлян. Не уверен, что оно имеет большую ценность, — не моего ума это дело, — но, думаю, одна подпись вас заинтересует.

Он сунул руку за пазуху, извлек свиток и протянул сенатору. Тот жадно схватил его, повернул к ближайшей жаровне, и быстро пробежал глазами. Когда Магон закончил читать это короткое письмо, он вновь улыбнулся, и лицо сенатора особенным образом изменилось. На нем появилось плотоядное выражение. И Федор понял, что все сделал верно.

— А ты не так прост, как кажешься, — вновь усмехнулся Магон, сворачивая свиток, — Ганнибал видел это письмо?

— Нет, — Федор отрицательно мотнул головой, — я передал ему весь захваченный архив, кроме этого свитка. Но, прочел не все. Возможно, там было еще что-нибудь стоящее вашего внимания.

— Я в очередной раз делаю вывод, что не ошибся в тебе, — сказал сенатор, поднимаясь.

Федор тоже встал.

— Мне нужно срочно отдать кое-какие распоряжения, — быстро закончил встречу Магон, поправляя свое длинное одеяние, — ты можешь отправляться к себе домой или даже в имение. Все равно ответ на просьбу посла поступит не раньше чем через десять дней, так что у тебя еще есть время отдохнуть. Но, перед отъездом, мы еще встретимся. Я должен дать тебе одно поручение.

С тем Федор и покинул виллу сенатора, прихватив по дороге ожидавшего в соседнем помещении Ирида. Второй охранник не появился, значит, вестей от младшего брата Ганнибала пока не было. Впрочем, Федор не торопился. Ему хватало информации для размышлений, хотя и полученной намеками. А о том, что произошло в сенате, он уже был частично осведомлен.

Магон Барка проявил себя на следующий день. Утром Федора разыскал его слуга и привел в особняк в старом городе. Это было не менее помпезное здание, чем вилла сенатора, окруженное высокой оградой. У массивных ворот стояло так много охранников, словно это был штаб армии, а не жилой дом. «Впрочем, — подумал Федор, поднимаясь по мраморным ступеням, — семья Барка всегда отличалась воинственностью. И война, — ее основное

ремесло, так стоит ли удивляться».

Брат Ганнибала принял его в просторном кабинете, высокий потолок которого подпирали мраморные колонны. Посредине стоял стол с вином и закусками. Особняк был выстроен на холме, а с имевшегося здесь балкона открывался хороший вид на гавань Карфагена, в которую сейчас входил военный корабль.

— Как прошел прием в сенате? — поинтересовался Федор, поздоровавшись и переводя взгляд с гавани на Магона.

По случаю визита в дом Барка, командир двадцатой хилиархии вновь облачился в доспехи, и даже надел новую кирасу.

— Это был всеобщий восторг, — с радостью сообщил Магон, и добавил, видимо, уже не считая нужным скрывать от Федора истинный размер подкреплений, — сенат рукоплескал нашим победам. Увидев три медимна золотых сенаторских колец, мне тут же пообещали сто кораблей с пехотинцами, сорок слонов и пять тысяч нумидийцев.

— Но, если не ошибаюсь, — припомнил Федор, — перед штурмом Рима Ганнибал говорил про двести квинкерем?

— Это уже забыто, — отмахнулся Магон, нахмурившись, — сенатор Ганнон, за которым сейчас стоит большинство, недавно отправил часть нового флота в Испанию, на помощь нашему брату Гасдрубалу. Васконы снова подняли там мятеж, который нужно немедленно подавить. А восемь тысяч пехотинцев он услал на дальние границы Нумидии, чтобы расширить там владения Карфагена. И уверял меня, что наемников сейчас не хватает.

— Значит, все-таки Ганнон, — пробормотал себе под нос Чайка, а, повысив голос, спросил, — но зачем отсылать так нужных нам пехотинцев в глубь материка, а флот в Испанию, если главные события происходят в Риме?

— Это же Ганнон, — скривил губы в усмешке его собеседник, — этот древний старик строил козни еще моему отцу. А теперь мешает брату и мне. Он ненавидит всю нашу семью и ради этого готов разрушить плоды любой победы Карфагена, с которой связано имя Барка. Даже той, что уже почти свершилась, несмотря на его противодействие.

— Но остальные сенаторы, они-то, что, не понимают, что победа над Римом принесет им не только моральное удовлетворение? — не удержался Федор, снова позабыв о том, кто он есть и с кем разговаривает.

Однако, Магон не обратил на его фамильярность должного внимания. На слишком большую мозоль наступил Федор.

— Ганнон очень богат и влиятелен. Уверен, он многих подкупил, — стал излагать свою точку зрения брат Ганнибала, — Кроме того, война отсюда видится совсем по-другому. Ганнон внушил многим, что мой брат начал эту войну больше по собственному усмотрению, нежели по приказу сената, хотя приказ был. И теперь многие считают, что было бы неплохо, если бы Ганнибал сам закончил ее, без посторонней помощи. И без новых затрат на войну.

Услышав это, Федору вновь захотелось перейти на русский язык и произнести пару крепких словечек в адрес сената, но он сдержался.

— Так что, если нам дадут хотя бы то, что обещали вчера, — закончил свою речь Магон, — это будет уже неплохо. С такими силами мы сможем взять Рим, а потом, окончательно очистив землю от легионеров, займемся теми, кто бороздит наше море. Взяв же Рим, мы склоним и даже противников в сенате на свою сторону.

«Его еще нужно взять», — подумал Чайка, снова переводя взгляд на гавань. Слушая собеседника, Федор раздумывал, не рассказать ли ему о письме. Но быстро решил, что не стоит. Пусть уж этим занимается сенатор, у него больше возможностей использовать письмо с наилучшим эффектом. Да и как он будет выглядеть, если брат Ганнибала захочет посмотреть на это письмо.

— А как твои успехи, Чайка? — вывел его из задумчивости Магон, — был у интересующего нас сенатора? Или еще нет?

— Был, — не стал врать Федор, — поговорили. Он тоже сказал, что с подкреплениями все будет не так просто и быстро. И что сенат будет долго размышлять. Даже посоветовал

отдохнуть, пока есть время.

— Великий Магон, — мудрый человек, — согласился брат Ганнибала и нахмурился, — а сенат никогда не торопится с ответом. Даже сейчас, в разгар войны. Я кое-что предприиму, а ты можешь отдыхать. Я пришлю за тобой, когда ты мне понадобишься.

Сенат действительно не торопился с ответом, и Федор застрял Карфагене почти на месяц вместо ожидаемых десяти дней. За это время он осмотрел весь город, побывал во многих храмах, воздав хвалу богам. А, отдав им должное, посетил с Акиром несколько кабаков, куда собирался разный торговый люд, чтобы облегчить свои кошельки. Но вскоре устал и от веселья, решив заняться делом, раз уж его никто не беспокоил. И съездил на пару с приказчиком на недельку в свое деревенское имение, находившееся в двух днях пути к югу от Карфагена.

Как ни странно, Федору понравилось. Домик в деревне у него был не столь большим как в столице, но зато пятнадцать оливковых деревьев оказались неплохим вложением капитала, особенно если вспомнить, что достались они ему даром. За прошедшее время Акир уже сумел снять с них и продать два урожая оливок, из которых приготавливали отличное масло, не падавшее в цене даже на заморском рынке.

— Может здесь еще виноградник разбить? — посоветовался с ним Федор, оглядывая песчаную почву своего надела и огороды, на которых сейчас трудились его рабы.

— Не стоит, — отговорил его приказчик, — огород здесь итак еле выживает. А для виноградника нужно гораздо больше места. Тебе придется прикупить еще земли и потратиться на дополнительно орошение. Это не дешево.

— А много надо? — щурясь на белое африканское солнце, заинтересовался Федор, которого вдруг потянуло стать плантатором, — у меня есть деньги, правда не знаю, хватит ли.

— Не торопись, Федор, — посоветовал Акир, — вот вернешься с войны, там видно будет. Деньги тебе еще пригодятся.

— Да уж, — согласился Чайка, — с этим не поспоришь. Рановато мне еще расширяться.

И Федор отложил эту затею на более поздние времена, решив поверить многоопытному в таких делах приказчику. Тем более, что дела и без того шли вполне прилично.

Пожив недельку в деревне, Федор и Акир вернулись в Карфаген, миновав по дороге множество живописных холмов, усаженных целыми рощами оливковых и финиковых пальм. Глядя на эти живописные места, Федор поймал себя на мысли, что он нашел себе новый дом в этом времени и хотел бы остаться здесь навсегда.

Оказавшись снова в столице, и не успев переговорить с братом Ганнибала о последних новостях, на следующее утро Федор проснулся от громкого стука в дверь. Его разбудил посыльный от сенатора. На этот раз, это был не Акир, а один из охранников, сообщивших, что сенатор требовал немедленной встречи.

Поняв, что предстоит официальный визит, Федор на всякий случай облачился в доспехи. А, едва переступив порог знакомой виллы, Чайка заметил какое-то оживленное движение внутри. Масса посыльных и странных людей в балахонах, лиц которых было не разглядеть, входила и выходила из кабинета сенатора, минуя охранников, проверявших каждого. Но его провели к хозяину дома немедленно.

— Ты уже знаешь последние новости? — впери в него взгляд сенатор, едва Федор остался с ним наедине в тиши кабинета. И, не дождавшись ответа, отчетливо произнес, — вчера посла Ганнибала пытались убить.

Глава одиннадцатая

Посланец Великой Скифии

После сожжения Тиры скифы пировали целую неделю, прежде чем двинуться дальше. На этот раз Иллур не приказывал уничтожить все городские укрепления или сжечь сам

город, хотя ему этого очень хотелось. Начав свой великий поход на запад, Иллур стремился к непрерывному расширению своих границ, а, добившись этого, получил новую проблему, — протяженные границы теперь требовалось охранять. Лучше крепости в новых землях ничего пока было не придумано. А в случае с Тирой, это был еще и порт на берегу моря. Поэтому Иллур, едва захватив Тиру, отдал приказ заново отстраивать сильнее всего пострадавший порт. Молодой царь сделал это, чтобы тот как можно быстрее смог принимать корабли из соседней Ольвии, тем самым, передвинув свою передовую военно-морскую базу из Крыма и Ольвии, еще дальше на юг, приблизившись к берегам Греции.

Расчет царя оказался верным. Несмотря на прорыв нескольких кораблей, ни до, ни после захвата города, никакой помощи осажденной греческой колонии от соседей пока так и не поступило. Предаваясь празднествам по случаю победы, Иллур еще долго стоял лагерем неподалеку от Тиры. Как вскоре выяснилось, ожидая прибытия гонцов с других фронтов, увидев которых новоиспеченный адмирал скифских ВМС опять загрустил. Это были амазонки. К счастью, при встрече оказалось, что это люди самой Оритии, прибывшие из глубокого рейда по тылам противника.

Прискакав из-за дальних гор, они напрямик направились по захваченным землям к берегу моря, разыскав стоянку скифской армии, и, похоже, не встречались с воительницами Исилеи, пропадавшей где-то в глубине бастарнских владений.

Присутствовавший при встрече яснооких посланниц сарматской царицы, затянутых в кожу доспехов, Леха немного расслабился. В душе brave морпех был вынужден признаться себе, что предпочел бы выйти один против десяти греческих гоплитов, нежели вновь выяснять отношения один на один с Исилеей, от которой не так давно, по сути, просто сбежал, побоявшись предложения руки и сердца, от которого он не смог бы отказаться. И теперь его часто тянуло посоветоваться с Иллуром. Поговорить по душам о том, как себя вести с амазонками, но морпех все откладывал.

Однако, стоило амазонкам покинуть шатер Иллора, как Леха снова забеспокоился. И причиной тому послужило неожиданное заявление царя.

— Долго мы еще будем здесь на солнышке греться? — уточнил Леха, проводив взглядом последнюю из воительниц, чьи бедра заставили его против воли ощутить сладостное томление вперемешку с безотчетным страхом. Ощущений от романов с амазонками у него уже хватало. Всяких. Да и совесть иногда покусывала. Отчего Ларин даже не спешил узнавать, как дела у него в родном стойбище. Быть может, Зарана там уже родила ему сына.

— Скоро должны прибыть гонцы от Арчоа, — заявил Иллур, поднимая чашу с вином, — узнаем последние новости. Там и решим, что дальше делать. Думаю, ударим дальше, в глубь земель гетов.²⁵ Пора нам выходить на широкие степные просторы. Там победа всегда за нами будет. А с остальными колониями греков на побережье после разберемся. Никуда не денутся.

Осушив чашу, Иллур поставил ее на подставку, низкий деревянный столик, на котором стояли раззолоченные блюда с фруктами. И добавил, обернувшись к кровному брату.

— Отдыхай пока, корабли чини, а потом будет у меня к тебе еще одно задание.

Услышав слова царя, Леха против воли вздрогнул. Гонцами от Арчоа могли оказаться, на сей раз, воительницы Исилеи, с которыми он почему-то пока не хотел встречаться. А может и она сама. Проклиная себя за эту странную робость перед претендовавшей на него

²⁵ При дальнейшем продвижении как вокруг Карпат, так и вдоль моря, скифы неизбежно вторгались в придунайские земли, в описываемый период населенные смешанными племенами гетов и даков, главную роль среди которых играли геты. Начиная со 2 века до н. э культурная общность этих племен усиливается, поэтому историки часто применяют смешанный термин «гето-даки», для описания этих фракийских племен.

Геты жили на низменности к юго-востоку от Карпат, а даки на территории Трансильвании. Лишь в 1 веке до н. э., после смерти знаменитого царя Буребисты, первенство стало переходить к дакам, а саму страну стали называть Дакией.

амазонкой, морпех предпочитал сейчас оказаться в самом пекле сражения. И его вдруг снова потянуло в бега.

— А чего тянуть, — обострил он ситуацию, — корабли почти все готовы. Осталось только «Тамимасада» подлатать. Он сильнее других пострадал. Их и без меня починят. Ты говори, что за дело.

Иллур, некоторое время изучал физиономию своего адмирала, словно видел его впервые, но все же кивнул, согласившись.

— Ты прав, Аллэксей, время пришло, — подтвердил скифский царь, жестом отправив наружу слугу, который только что наполнил чаши царя и его кровного брата, — слушай.

И царь Скифии рассказал, наконец, что за миссию он собирался поручить своему кровному брату. Дело выходило куражное. Не дожидаясь общего наступления конных скифских армий по всему протяженному фронту, Лехе предлагалось немедленно отплыть на корабле и высадиться в дельте Истра, то бишь Дуная, как он полагал, где до сих пор теплилось небольшое скифское государство, оставшееся от завоеваний легендарного царя Атея и называвшееся Малой Скифией. Окруженное гетами и даками, а также соседствующее с мощными греческими колониями, бывшей силы оно уже давно не имело. Однако и не исчезло с карты совсем, продолжая чеканить свою монету и больше торговать, чем воевать с соседями. В преддверии широкомасштабного наступления, Иллур вознамерился вдохнуть в этот осколок бывшего скифского величия новую силу. Лехе предстояло тайно достичь берегов скифского анклава, разыскать местного царя по имени Палоксай,²⁶ и провести переговоры с ним или с его старейшинами о выступлении армии Малой Скифии против гетов, сразу после того, как они узнают о приближении орд Иллура.

— После того как Орития и я нападём на царство гетов с двух сторон, удар в тыл придется очень кстати, — усмехнулся Иллур, отпивая красного вина, — их оборона должна будет развалиться на части. Мы разобьем их отряды по одиночке, а затем снова займемся жирными греческими торговцами, что обосновались на берегу.

— Ты уверен, что наши дальние родственники пойдут на восстание? — на всякий случай спросил Леха, — если вокруг них столько сильных противников.

Иллур усмехнулся, вновь отпив вина. Помолчал.

— Конечно, дело не легкое, Аллэксей, — заговорил он вновь, — потому и посылаю тебя. Ты такие дела любишь. Может, и повоевать придется. Но, прежде ты должен добиться от старейшин согласия. Как доносят мне верные люди, старейшины там пока предпочитают торговать с греками. Как и наши, совсем недавно. И в самой стране сильно влияние греков. Но стоит моей армии перейти границы гетов, как все изменится. У них будет очень простой выбор или встать на мою сторону или помогать моим врагам. И память предков не позволит им пойти против скифов.

Иллур отставил чашу в сторону.

— Но помни, восстание должно начаться не раньше моего наступления. Иначе их просто раздавят. И, постарайся сохранить, все в тайне. Как договоришься со старейшинами, не жди меня среди них, и не участвуй в войне. Морем вернешься обратно и примешь под командование флот в Тире.

— Согласен, — радостно кивнул Леха, поднимаясь, — пойду готовить корабль.

* * *

На следующее утро, собрав все необходимое, включая сундук с золотом и тайную грамоту царя к обитавшим в дельте Дуная скифам, Леха погрузился на триере и вышел в море. Вместе с ним в опасное путешествие отправилась неполная сотня Гнура, вновь спешившись, вместе со своим сотником.

²⁶ В данном случае выдуманный персонаж.

Сначала Леха хотел отправиться в плавание на квинкереме, все же помощнее корабль будет. Но, не срослось. Выбор пал на триеру не только потому, что «Тамимасадас» все еще был не отремонтирован, — слишком сильно «приложила» его греческая квинкерема своим тараном.

— Чем быстрее будет твой корабль, — заметил на это Иллур, — тем лучше. Ты не воевать плывешь с греческим флотом, а переговоры вести. Бери триеру, сотню надежных людей, и отправляйся. Ты должен вернуться с ответом не позднее, чем через месяц, до начала наступления.

— А что так долго? — удивился морпех, — я думал, сплаваю туда на пару дней и назад. Это же вроде не очень далеко, если по берегу.

— Так быстро не выйдет, — успокоил его Иллур, — Для начала доберись, без приключений. В тех водах немало греческих кораблей плавает.

Леха напрягся, решив было попросить подкреплений, но передумал. Тут дело тонкое назревало, разведка.

— Если перехватят по дороге, — приказал царь, — золото на дно пустишь. А грамоту уничтожь любым способом. Но чтобы никто о моем замысле не знал до той поры, пока сюда не подойдет еще пятьдесят тысяч конных воинов из Скифии.

— Съесть ее что ли? — удивился Леха.

— Как доберешься, осмотришь там, — продолжал наставлять Иллур, пропустив замечание кровного брата, мимо ушей, — разузнай на месте с кем старейшины дружат больше: гетами или греками. И действуй осторожно. В местные распри не ввязывайся. Как поймешь, что к чему, сразу назад. Понял меня, Аллэксей?

— Да понял, — махнул рукой Леха, — чего тут не понять.

— И пусть хранят тебя наши боги, — попрощался Иллур с кровным братом, — сегодня я принесу им жертву.

Выйдя в море, Леха сразу оценил преимущества путешествия на быстроходной триере. Легкий, а по сравнению с эннерой вообще невесомый, корабль летел по волнам, направляемый вперед ритмичными взмахами весел. Путь вдоль побережья, населенного гетами, занял почти четверо суток из-за того, что все время приходилось петлять, то приближаясь к берегу, то удаляясь от него. За это время адмирал лишь единожды разрешил вытащить корабль для ночевки на пустынный берег. Ночь прошла нервно, в постоянном ожидании нападения. Сотня Гнура всю ночь охраняла место стоянки, рассредоточившись по холмистому берегу на значительном расстоянии. К счастью, геты просмотрели корабль, приближавшийся к побережью уже в сумерках. Но все остальные дни Леха приказал ночевать прямо на корабле, благо погода благоприятствовала. В первый день невооруженным глазом он увидел множество деревень на берегу, а потом им постоянно попадались греческие корабли, и он приказывал уходить в море от греха подальше. Несмотря на то, что их тоже могли заметить с тех коарблей, никто не преследовал триеру посланцев скифского царя.

На четвертый день, кормчий, знавший все местные берега как свои пять пальцев объявил, что сегодня они уже должны достичь побережья, населенного дружественными скифами. Эта была небольшая территория в дельте Истра, оккупированная еще в глубокой древности солдатами царя Атея и до сих пор населенного его потомками.

— А дальше что? — навел справки Леха, рассматривая в южном направлении низкий берег, иссеченный многочисленными рукавами великой реки, впадавшей неподалеку в море.

— Дальше Истр, — ответил знаток местных берегов, и добавил, словно догадавшись что Ларин не все понял с первого раза, — Это ближайшая греческая колония, так же как река называется. А за ней к югу еще города стоят Томи и Одесс. Дальше всех отсюда Аполлония. А там уж и до Византия недалеко.

— Ну, тогда поворачивай к берегу, — приказал Леха рулевому, смутно подозревая что он находится где-то в районе будущей Болгарии, — дальше нам не надо, если там сплошные греки. Будем надеяться, что местные скифы, хоть и живут далеко, не совсем оторвались от

родни. Признают нас по одежке.

Спустя несколько часов, триера вошла в русло реки, — это был, судя впечатлениям кормчего, еще не сам Истр, а один из его притоков, — и вскоре пристала к пирсу небольшого городка, расположенного на лесистом холме. Дело было к вечеру, но на пирсе, у которого были пришвартованы еще две местные триеры и множество лодок, вскоре собрался народ, посмотреть на гостей с моря. Леха, оставаясь на палубе, с настороженностью рассматривал суда и местных жителей, которые были одеты почти также как обитатели знакомого ему Неаполя Скифского. Те же рубахи, штаны, перехваченные внизу ремнями, сапоги. Словно никуда и не уплывал. Ни греческих торговцев, ни солдат он с первого взгляда на пристани не заметил. На берегу были видны вооруженные люди, облаченные в доспехи скифского образца, но нападать на них пока никто не собирался.

— Похоже, мы на месте, — выдохнул адмирал, — пора налаживать контакты с администрацией.

Ждать этого пришлось не долго. Не успел он сойти с корабля, как к нему явился местный «чиновник», поинтересовавшись, кто они такие, к кому и зачем прибыли. Узнав, что Леха понимает его язык, первым делом сообщил, что тому следует заплатить пошлину за стоянку. Морпех безропотно заплатил, приврав, что собирается торговать, и что прибыл сюда в качестве начальника охраны грузового каравана, который подойдет не сегодня завтра. Местный мытарь, узнав, что Леха Ларин желает немедленно пообщаться со старейшиной по личному делу, и, зажав в ладони золотую монету греческого производства, вызвался проводить.

— Пока все нормально идет, — подбодрил сам себя Леха и приказал сотнику, — Гнур, оставь половину людей охранять корабль, да пошли человека ночлегом заняться. Остальные со мной.

Поднимаясь на холм, по узкой улочке городка вместе с многочисленными охранниками Леха Ларин выглядел настолько внушительно, что, едва достигнув ворот единственного каменного здания, провожатый посоветовал ему оставить своих людей снаружи.

— Это почему? — насторожился Леха.

— Чтобы не возникло недоразумений, — туманно пояснил провожатый и кивнул в сторону начальника охраны местного городского начальства, воина свирепого вида, уже схватившегося за рукоять меча. Позади него выстроилось человек пятнадцать лучников, перегородив двор. Вся охрана была одета в доспехи, очень походившие на те, в которые Ларин облачил своих людей. Похоже, обе Скифии развивались параллельно и древних традиций здесь не утеряли.

— Ах, это, — понял морпех, делая над собой усилие, чтобы войти в образ охранника обычных торговцев, — Хорошо. Мы мирные люди. Торговать приехали. Но, пару человек я могу взять с собой?

И услышав согласие, приказал сотнику остаться с основной массой воинов на улице. При желании, Леха со своими орлами мог легко захватить и этот дом, и даже весь не очень богатый с виду городок, напоминавший сильно разросшуюся деревню. Больших военных сил он здесь не заметил. Но, Иллур послал его сюда не воевать, а мирный договор заключать. Да и народ вокруг был тоже вроде бы не вражеский. Те же скифы, только живут далеко.

Начальник прибрежного городка под названием Хамор, — бородатый дядька, лет под сорок, одетый в богато отделанную длинную рубаху, кожаную жилетку и штаны, — принял Леху радушно. И радушие его умножилось, после того, как он узнал, что Леха прибыл сюда из Великой Скифии не только по торговым делам, а отчасти по государственным, и желает поскорее добраться до двора царя Палоксая.

— У меня там дела, — пояснил Леха, — торговые. С одним из ближайших помощников Палоксая.

— Но, царь наш в столице живет, далеко отсюда, — пояснил местный градоначальник, обнажив рот в котором не хватало полвины зубов, явно желая оказать почет дорогому гостю, — еще два дня вверх по реке и потом день на конях.

— Ничего, — кивнул Леха, — мы доберемся. Я приплыл на корабле. Дайте нам провожатых, чтобы дорогу до столицы знали. А уж я в долгу не останусь.

И он высыпал из кошелька на стол несколько золотых монет, данных ему Иллуром для такого случая.

— Сегодня поздно выступать, — проговорил местный хозяин, быстро сгребая блеснувшие монеты — располагайтесь пока на ночлег. У пристани есть подворье, там же есть хорошие комнаты для ночлега. Останетесь довольны. Мы привыкли принимать много гостей с моря. А с утра я пришлю к вам провожатых, что доведут ваш корабль почти до самой столицы.

— Хорошо, отдохнуть не помешает, — согласился морпех и поинтересовался напоследок, — Как тут у вас, войны нет?

— Нет, — отозвался его собеседник, — у нас все спокойно. Торгуем. Соседи нас давно не обижают, а мы их. Вот на севере, поговаривают, ваши воины с греками схлестнулись. Ольвию взяли и дальше посматривают.

— Я не знаю, — отмахнулся Леха, решив, что и так взболтнул лишнего, — может и так. Давно в дороге. Но ведь война торговле не помеха. А вообще, мое дело караваны охранять.

— А когда ваш караван прибудет? — уточнил хозяин города.

— Завтра, в крайнем случае, после завтра, — приврал Леха, обернувшись в дверях, — много товаров привезет. Ждите.

Когда Ларин вышел на улицу, уже смеркалось, и весь обратный путь до пирса отряд проделал в сгущавшихся сумерках. Устроив половину людей на ночлег в подворье, — несмотря на уверения местного старейшины, явно не привыкшем к столь большому наплыву гостей, — остальных адмирал оставил спать на корабле. А сам, уступив настойчивым приглашениям хозяина трактира заночевать в «лучшей комнате», поднялся на второй этаж низкого бревенчатого здания, и растянулся на жесткой лежанке, скинув с себя доспехи.

Рано утром, после сытного завтрака с вином, хлебом и сыром, Леха вновь был на корабле, где его поджидал молодой парень из деревенских, назвавшийся провожатым. Быстро сторговавшись на счет цены, Леха приказал отчаливать. И триера, сделав несколько мощных гребков, устремилась вверх по течению. Посмотрев назад, Ларин заметил, что от пристани вслед за ними также отошло несколько лодок с местными жителями, большая часть из которых направилась к морю. Адмирал сначала насторожился, но потом увидел среди снастей рыбацкие сети и махнул рукой.

— Рыбаки.

За время пути Леха рассматривал берега реки, но больших городов пока не попадалось, все больше деревни, да поселки. Судходство здесь тоже было развито слабо. В основном по реке ходили корабли не больше биремы, сделанные, судя по всему местными корабелями, топорно. Триера, на которой он приплыл, казалась просто суперсовременным кораблем. Однако, когда к исходу вторых суток они благополучно приплыли к большому городу, окруженному каменными стенами, имевшему обширную пристань, то увидели здесь кроме местных, несколько греческих торговых кораблей и одну триеру.

Город у излучины реки вырос внезапно. Увидев греческих пехотинцев первым, Гнур потянул за рукав Леху, глазевшего на башни и стены крепости. Тот, обернувшись, едва не схватился за меч, но все же сдержался, сделав над собой усилие.

— Мы, — мирные люди, — напомнил он себе и своим солдатам, когда триера скифов пришвартовалась неподалеку от греческой, — торговать приехали. Держаться спокойно. В драку не лезть. Первыми.

Провожатый довел их до базара и помог раздобыть добрых коней.

— Далеко ли до столицы вашей? — уточнил Леха, поглаживая по холке черного как смоль скакуна.

— К вечеру будем, — подтвердил парень.

— А это что за город? — полюбопытствовал морпех, обводя взглядом каменные дома вокруг, образовавшие многочисленные улицы, расходившиеся от базарной площади.

— Это Тернул, — ответил парень, — здесь торговля сильная.

— Вижу, — кивнул Леха, — греков здесь много.

— Да, — согласился парень, ухмыльнувшись, — сюда они заезжают часто. Все мимо нас плывут. А товаров много везут. Особенно из Том, да Истра. Греки торговать умеют.

— Это верно, — кивнул Леха, заметив на базаре многочисленные лавки греческих купцов, и чуть поодаль человек десять пехотинцев, разгуливавших, как ни в чем не бывало среди скифов, — я бы с ними поторговался. Да жаль, поспешать надо.

Поразмыслив, Леха решил оставить половину солдат под началом Гнура в здешнем порту, охранять триеру. А сам отправился к царскому подворью, взяв с собой всего пятнадцать человек.

— Чего глаза мозолить большим отрядом, — сказал он Гнуру, — я по-тихому туда и назад съезжу. Быстро обернусь. Дня за два, а потом сразу назад.

Провожатый не обманул и к вечеру они были в другом городе, где должен был находиться дворец Палоксая. Дорога, едва они отделились от берега, углубилась в лес и долгое время шла по чащобе, словно царь Малой Скифии решил спрятаться ото всех своих врагов в дремучем лесу, а заодно и от народа. Хорошо хоть дорога была не размякшей, дождей давно не было.

Прибыв к вечеру в небольшую, но мощную крепость на лесном холме, Леха был удивлен. Город словно застыл во времени и по сравнению с городами Великой Скифии отставал лет на сто в своем развитии. Никакой мостовой, что видал Леха в Неаполе Скифском или Херсонесе здесь и не пахло. Даже виденный утром Тернул производил более сильно впечатление. Впрочем, крепость выглядела крепкой, и каменные дома имелись, хотя и в небольшом количестве. «Похоже, в этих землях больших городов не много, — подумал Леха, — а царь любит жить на природе, как и наш Иллур. Это хороший знак».

У ворот их встретила многочисленная конная охрана, начальник которой, бесцеремонно остановив отряд Ларина, спросил:

— Кто такие и зачем явились в Урканак?²⁷

— Посол Великой Скифии к царю Палоксаю, — гордо заявил Леха, — открывайте ворота.

Глава двенадцатая Старейшина Иседон

Самого Палоксая на месте не оказалось. Он был в отъезде, на севере страны, и должен был прибыть не раньше чем через неделю. Но Леху незамедлительно принял его ближайший помощник Иседон, — старейшина самого уважаемого здесь рода, как он представился.

— Мы рады приветствовать в наших землях посланца грозного Иллура, — произнес седовласый Иседон, одетый в длинное серо-зеленое платье, похожее на балахон, что сильно отличало его ото всех виденных здесь Лехой прежде скифов, — да продлят великие боги его дни.

Узколицый Иседон, на голове которого красовалась небольшая войлочная шапка, делавшая его похожим с точки зрения морпеха, на крестьянского старосту, даже поклонился. «Боится, — едва не расплылся в улыбке скифский адмирал, разглядывая странно одетого вельможу, — значит, уважает. Зараза». Составив первое впечатление, он решил, что старик действительно пользуется здесь большой властью и можно провести с ним первый раунд переговоров, дожидаясь царя.

— И я рад, от имени Иллура, царя всех скифов, приветствовать вас в этом замечательном замке, — Леха неумело поклонился в ответ на приветствие Иседона, стукнув себя кулаком по нагрудному доспеху.

²⁷ Название вымышлено.

Морпех от природы не был слишком наблюдателен, но даже от него не ускользнуло легкое раздражение, промелькнувшее на лице первого помощника царя. Впрочем, это длилось всего мгновение. И вскоре Иседон снова расплылся в слащавой улыбке, пригласив его за стол.

Разговор происходил в одной из небольших палат царского замка, куда Леху, сразу после прибытия и вручения грамоты, пригласили отведать великолепный ужин. На столе громоздилось множество дичи и рыбы на золотых блюдах. Вино в кувшинах и всевозможные деликатесы, от которых у морпеха, проголодавшегося за день скачки, быстро потекли слюнки. Вдоль стен стояли слуги, готовые исполнить любое приказание.

— Боюсь, вам придется обождать, — посетовал Иседон, отщипывая длинными сухими пальцами немного от бока закопченной рыбы, — наш мудрейший Палоксай, отправился на охоту в леса возле острова Певка. Он большой любитель загнать кабана и не вернется, пока не сделает этого.

— И долго его придется ожидать? — не очень дипломатично поинтересовался скифский адмирал, усаживаясь на дубовый стул со спинкой, испещренный грубой резьбой.

— Быть может, несколько дней, — туманно ответил Иседон, — возможно, неделю или больше.

«Мутит что-то этот староста, — подумал Леха, разглядывая стол, — Да и говорит так, словно взглядом меня просверлить хочет. А впрочем, политики все такие. Наши старейшины, не лучше выражаются».

— Тогда мне придется где-то жить все это время, поскольку Иллур просил меня непременно с ним переговорить, — попросил Леха, тоже налегая на рыбу, которой здесь было великое множество, — и прикажите расселить моих людей.

— Я позабочусь обо всем, — наклонил голову Иседон.

На некоторое время переговоры приостановились, — они оба молчали, предаваясь еде. Особенно Леха Ларин, мгновенно позабывший про условности, едва оказался за богатым столом. Но, выпив чарку вина и отведав местной дичи, обильно политой каким-то красным и сладким соусом, Леха вспомнил таки зачем сюда прибыл. Но решил начать издалека.

— А что геты, тихо себя ведут? — спросил он, откусывая яблоко.

Иседон бросил на него сначала удивленный, а потом изучающий взгляд, но ответил все также неспешно.

— С ними у нас мир. Особенно сейчас, — проворил старик, — Весь прошлый месяц у них были праздники, на которых наш царь Палоксай даже принимал участие. Но сейчас настало время молитв и принесения жертв своим богам. В такое время они не воюют.

— А в кого они верят? — не задержался с вопросом Леха, слегка откинувшись на спинке массивного стула, явно сработанного местными мастерами, и приготовился выслушать рассказ. Ожидания его не обманули.

— Они верят в бессмертие, — заявил Иседон, посмотрев на пламя большой сальной свечи, чадившей перед ним на столе, — и хотят после смерти попасть к Залмокису, своему верховному богу, что живет на юге, в подземелье неприступной горы Когайнон. Каждые пять лет они отправляют к нему посланников, выбрав самых достойных.

— И что посланники, — решил Леха поддержать разговор, — возвращаются довольные? Залмокис всем помогает?

Иседон вновь впери в представителя Иллур страннй взгляд, словно не мог уразуметь того, что произнес гость.

— Посланнику сообщают все просьбы, — нашелся, наконец, Иседон, кашлянув в кулак, — и бросают с горы на врытые в землю копыя. Если посланник умер, значит, бог услышал просьбы смертных. Если же остался жив, то геты выбирают другого, более достойного посланника.

Леха чуть не подавился, услышав развязку истории. Дальше слушать про племена гетов ему стало не интересно. Как-то они с посланниками не правильно обращались.

— А что с греками у вас, — закинул он новую удочку, — не конфликтуете?

— С греками мы больше торгуем, — улыбнулся Иседон, и на его лице снова появилось слащавое выражение, — Купцы из Том бывают в наших землях. Из Истра приплывают. Из Одесса. Охотно закупают зерно, скот и кожи. Нам это выгодно.

— Да, торговать, не воевать, — срифмовал захмелевший скифский адмирал, решив, что этот староста неровно дышит к грекам и о главном следует переговорить лично с царем.

После ужина он отправился спать в предоставленные ему комнаты в укрепленном замке. Неподалеку поселили и его воинов, пойдя навстречу просьбе посланника Великой Скифии. Всю следующую неделю он ел, спал и упражнялся в стрельбе из лука в окрестностях замка. Несколько раз выезжал в Тернул, снабдив сотника деньгами на затянувшийся постой и оплатив нужные пошлины.

Так Леха провел неделю, под конец которой ему наскучило ожидание, и он вновь поинтересовался, когда прибудет Палоксай, перехватив Иседона в одной из галерей крепости.

— Вчера от него прискакал гонец, — поделился новостями седовласый советник, поправив шапку, которую носил в любую погоду, — наш царь решил задержаться еще на неделю. Охота выдалась удачной.

Леха испустил горестный вздох.

— Еще неделю и я с тоски умру, — заявил он, — нет, у вас здесь хорошо кормят, но мне нужно увидеть Палоксая, как можно быстрее. Не могу ли я сам отправиться к месту его охоты? И повстречаться там, на природе.

— Что же, — неожиданно быстро согласился Иседон, — думаю, это возможно. А вы хороший охотник?

— Я не охотник, — признался Леха, — скорее рыбак. Но для дела, на все согласен.

— Тогда я дам вам провожатых из своих воинов, и вы сможете отправиться на встречу к царю хоть завтра, — сообщил Иседон, — я уже сообщил ему, что вы ожидаете его в замке, но Палоксай не захотел прерывать охоту.

Леха немного подумал обижаться ему на царя или нет. Решил не обижаться. «В конце концов, я хоть и посланник Великого Иллур, но он царь, — рассудил морпех, — сам решает, с кем ему дружить. Съезжу, поговорю, заодно и развеюсь, а то осточертело здесь жир наедать».

— Ехать далеко, — заботливо предупредил старец, — придется скакать в северные степи дня три.

— Ничего, — отмахнулся Леха, — скакать я привычный.

Накануне вечером Леха отправил гонца к своему сотнику, сообщить, что уезжает. А на следующее утро весь скифский отряд покинул замок и направился по лесной дороге в сторону, противоположную той, откуда прибыл. Их сопровождали восемь всадников из личной охраны Иседона.

— Где гонец? — удивился Леха, не досчитавшись одного человека, — должен был на рассвете вернуться.

Заместитель Гнура развел руками.

— Ладно, дожидаться не будем, — решил Леха, и, обернувшись к начальнику охраны замка, попросил, — как вернется мой человек, укажите ему по какой дороге мы уехали. Он догонит.

— Укажем, — склонил голову бородач в кольчуге.

Примерно полдня они ехали сквозь лес, не встретив на своем пути ни одной деревни. К счастью дорога была одна, и сбиться с нее было трудно. Лишь тропки, ведущие в глухой лес, изредка пересекали ее. К обеду гонец их так и не нагнал, и Леха начал беспокоиться: отродясь такого не бывало, чтобы скиф где-нибудь уснул спяну по дороге и не выполнил вовремя приказ.

Когда впереди показалась первая крупная развилка, Леха остановил одного из своих бойцов и приказал.

— Оставайся здесь. Дождешься гонца и за нами.

Так они ехали еще несколько часов, и у каждой новой развилки Ларин оставлял по человеку, пока их не осталось всего десять человек, не считая всадников Иседона. Постепенно лес стал редеть и вскоре Леха услышал впереди шум реки, а потом и разглядел чуть внизу блестящую на солнце голубую ленту. Судя по всему, они приближались к переправе, спускаясь с холма.

— Долго еще до ночлега? — уточнил Ларин.

— Скоро, — ответил старший охранник, усатый боец в высоком шлеме, махнув рукой в кольчужной перчатке в сторону ближней балки, — вон за те камни заедем, реку перемахнем, а там и деревня будет, где можно на постой встать.

— А лес скоро кончится? — не отставал Леха, у которого все не выходила из головы пропажа гонца, никто из оставленных позади людей также не нагнал пока основной отряд.

— Сегодня еще будет, — пояснил всадник Иседона, — а завтра уже степи начнутся.

— Степи, это хорошо, — кивнул Леха.

Но попасть в степи ему, видно, была не судьба. Едва неспешно отряд доехал до валунов, словно рукой великана разбросанных вдоль лесной дороги, как из-за них разом выскочило человек двадцать лучников в кольчугах и в лицо скифам полетели стрелы. Целый ураган стрел обрушился на небольшой отряд, поражая всадников. Однако, Леха, едва успевший прикрыться щитом, вдруг понял, что целятся совсем не в него. Ни одна стрела его даже не задела, хотя лучники на дороге были отличные. Это скифам объяснять не надо.

— В лес! — заорал Ларин.

Развернув коня, он хотел убраться с дороги, чтобы получить больше шансов в битве среди деревьев, но увиденное заставило его придержать скакуна. Все сопровождавшие его воины из сотни Гнура были мертвы. Многие валялись в дорожной пыли, пронзенные стрелами, а кого-то, запутавшегося в стремях, волокла за собой испуганная лошадь. Но все восемь охранников, приставленных к нему Иседоном, были живы. Более того, Ларин успел заметить, как двое из них на глазах у Лехи закололи мечами ехавших рядом с ними скифов.

— Ах вы, суки! — заорал Леха, поняв, — ну, я с вами сейчас посчитаюсь, предатели.

Он выхватил меч и бросился на командира охранников, но тот опередил его, ловко метнув аркан. Свист брошенной веревки разрезал воздух, — и Леха, глазом не успел моргнуть, как уже валялся спеленанный по рукам и ногам на земле, отплевываясь от забившегося в рот песка.

— Щас тебе и ночлег будет и отдых, — назидательно проговорил охранник, — Иседон приказал все по чести устроить. Так и сделаем.

И на затылок морпеха опустилось что-то тяжелое, погасив свет в глазах.

Глава тринадцатая

На суше и на море

— Магон мертв? — первое, что спросил Федор, когда к нему вернулся дар речи.

Сенатор прошелся по полу, выложенному плитами из коричневого камня, и, обойдя массивный стол, остановился у окна.

— Когда я видел его в последний раз, — медленно проговорил он, смотря за окно, — а это было сегодня утром, — еще нет. Он потерял много крови, удар был силен, но жизнь постепенно уходит из него. Лекари сомневаются, что он доживет до завтра.

— Но, как это случилось? — Федор шагнул вперед, взяв себя в руки, — И где? Ведь у него в доме всегда полно охраны, да и по улицам он, наверняка, не ходит один. Кто мог осмелиться напасть на героя, победителя римлян, да еще в самом Карфагене?

— Вчера вечером он возвращался поздно вечером к себе в особняк в сопровождении всего двух верных слуг, — ответил Магон, — брат Ганнибала был без доспехов. На него напали в переулке недалеко от рынка. Убийц было несколько, один из них нанес ему три удара кинжалом. Остальные закололи слуг, после чего все скрылись.

— Кто-нибудь их видел? — спросил Федор, — их ищут?

— Пара ремесленников видела драку, — ответил Магон, — но это нам мало что дает. По тем приметам, что они сообщили, можно арестовать половину Карфагена.

— Но откуда он шел так поздно и без охраны? — удивился Федор.

— Судя по всему, от женщины, — предположил Магон, — он не взял с собой охрану, шел окольными путями. А, может быть, с тайной встречи с кем-то из сенаторов. Впрочем, так ли это, я это скоро узнаю.

— Думаете, это ревнивый муж? — спросил Чайка.

— Месть ли это ревнивца или происки его врагов, пока рано делать выводы. В любом случае, — заявил сенатор, — он явно не хотел привлекать к себе лишнего внимания. И поплатился за это.

— Но убийцы отлично знали, что он будет без охраны, — заметил Федор, скрестив руки на груди, и оглядывая стены шикарного кабинета, — и его смерть, если он не выживет, очень удобно списать на месть ревнивца.

— Ты прозорлив, — заметил сенатор, отворачиваясь от окна, — но, что там произошло на самом деле мне не менее важно знать, чем тебе. Если этот удар нанесли враги Ганнибала, то они тем самым пытались расстроить и мои планы. Хотя сделали это не очень умело. Теперь большинство в сенате будет на стороне Ганнибала. Но обсуждение опять может затянуться.

— То есть те, кто это сделал, просто решили выиграть время? — удивился Федор, — Но для чего?

— Ты же недавно прибыл из Рима, — намекнул сенатор, — и отлично знаешь цену времени в данный момент.

— Вы думаете это происки римлян? — не поверил своим ушам Федор, но, вспомнив о письме, изменил свое мнение.

За нападением на Магона вполне мог стоять кто-то из тайных друзей Рима. В эти минуты Ганнибал штурмовал столицу римлян, и они готовы были сейчас пойти на все, лишь бы ослабить его натиск. А хороший удар кинжалом, где бы его не нанесли, мог кардинально изменить политику целого государства. Или хотя бы оттянуть конец, дав передышку, чтобы собраться с силами.

— Я догадываюсь, кто за этим стоит, — уклонился от прямого ответа сенатор, — но на расследование уйдет несколько дней. А если это заговор, то и того больше.

— Сенат уже дал ответ? — поменял тему Федор, решив немедленно зайти в особняк Барка, едва только покинет этот дом, — до вчерашнего нападения мы надеялись отплыть в ближайшие дни.

Магон вернулся к столу и сел в массивное кресло, указав Федору на соседнее. Морпех подчинился и тоже сел, поправив ножны фалькаты.

— Отдай приказ готовить корабль к выходу в море, но до завтра ты останешься здесь, — сообщил сенатор, — мой лекарь, лучший в Карфагене, также осмотревший раны Магона, сказал, что, если он доживет до завтрашнего утра, то у него есть шанс выкарабкаться из лап смерти. Поэтому ты дождешься утра, и посетишь раненного посла. Тебя допустят.

Федор кивнул, он и так собирался навестить раненного, но забыл о том, что даже его могут теперь к нему не пустить. Убийцы, наверняка, знают, что брат Ганнибала еще не умер, а дом усиленно охраняется верными солдатами.

— Но даже если он умрет, — закончил седовласый сенатор, похоже, везде имевший вес, — послезавтра ты уплывешь обратно в Италию. Кто-то должен привести Ганнибалу подкрепления, а ты уполномочен им самим и находишься в ранге помощника посла. Так что я не вижу оснований посылать другого военачальника. И сенат со мной согласен.

— Я? — переспросил Федор, словно не расслышал.

— Да, — повторил Магон, — И я обещаю, что тебе дадут флот из тридцати квинкерем с пехотинцами. Время идет, а Ганнибалу, как ты догадываешься, все еще нужны подкрепления.

— Всего тридцать? — возмутился Чайка, едва привыкнув к мысли, что вернется в Италию один, и с него будет весь спрос, — но Ганнибал просил двести квинкерем, а Магон сам говорил мне, что сенаторы обещали ему как минимум сто кораблей с пехотинцами, сорок слонов и пять тысяч нумидийцев. Что можно сделать с тридцатью кораблями против всего римского флота, в котором этих кораблей сотни. А пехотинцы? А нумидийцы?

Сенатор испустил протяжный вздох.

— Сейчас Карфаген взбудоражен. А сенаторы, хоть и возмущены убийством посла, но, не предпримут никаких действий, пока расследование не завершено. Окончательное решение о помощи Ганнибалу будет отложено еще минимум на десять дней, а то и больше, — Магон говорил медленно и весомо, словно отливал каждое слово из свинца, — Поэтому ты вернешься обратно с теми силами, что сенат выделит под моим нажимом немедленно. А когда будет принято положительное решение, Федор Чайка, мы найдем достойных полководцев, чтобы привести подкрепления в Италию.

Чайка сидел как в воду опущенный. Его миссия полностью провалилась. Ганнибал зря надеялся, что знакомство морпеха с Магоном поможет делу. Хотя, тридцать квинкерем, это уже кое-что, но для полной победы над врагом все равно мало.

— И вот еще что, — добавил сенатор, немного помолчав, — Я не хочу, чтобы из-за происков наших врагов Карфаген проиграл эту войну, поэтому я дам тебе вот это.

Он открыл один из потайных ящиков стола и протянул Федору свиток.

— Взамен того, что ты достал для меня. Это не менее ценная бумага.

Федор взял в руки свиток и, спросив взглядом сенатора, развернул. Папирус был испещрен надписями на непонятном языке, но скреплен печатью с диском и полумесяцем.

— Что это? — не понял Федор.

— Это моя верительная грамота. Послание к царю скифов, написанное на их языке.

— Но, зачем она мне? — насторожился морпех.

— Это послание к тому самому царю, которого ты однажды видел, — терпеливо пояснил Магон, — Его зовут Иллур. И он знает, что я могу прислать ему такую грамоту.

— Но, если мне не изменяет память, — удивился Федор, — когда я его видел в последний раз, он был просто одним из вождей.

— За те три года, что ты провел на войне, многое изменилось и не только в Карфагене. Иллур стал царем, а в его ближайших друзьях ходит, как мне докладывают верные люди, один из северных воинов. Ты и его знаешь, ведь именно с ним вместе вы попали на мой корабль.

— Леха? — Федор не поверил своим ушам, — Так он не погиб? И стал у скифов начальником? Вот это да.

А про себя подумал: «Молодец, рядовой Ларин! Моя школа».

— Однако, дело не в нем, — вернулся к теме разговора сенатор, — Иллур очень толковый вождь. Я в нем не ошибся. Он объединил скифов, договорился с сарматами и начал поход на запад. Сейчас одна его армия штурмует стены греческой колонии на берегу моря, а другая стремительно продвигается в сторону самой Греции в обход горного хребта. Его натиск очень силен. Греки ожидают, что, разбив бастарнов и гетов, он очень скоро вторгнется на земли северных фракийцев, а затем и самих греков. Это нам тоже на руку. Однако, мы можем и по-своему сыграть на честолюбии Иллура.

Магон замолчал, подходя к главному. Федор тоже молчал, ошарашенной новостью.

— Так вот, — проговорил, наконец, Магон, — если, вернувшись назад, ты узнаешь, что война затягивается, и, несмотря на мои усилия, в течение месяца подкрепления не подойдут... в этой жизни все может случиться.

Магон снова умолк, словно подбирая слова.

— Так вот, тогда ты можешь показать ее Ганнибалу. Но, не раньше. Возможно, к тому моменту Карфаген уже выиграет войну и эта грамота не понадобится. Но, если нет, — Ганнибал может тайно призвать скифов на земли Рима, обещав им хорошую награду, и не дожидаясь разрешения сената. А их конница сокрушит любого противника и поможет

решить исход затянувшейся войны.

Услышав это, Федор понял, что теперь крепко увяз в интригах сенаторов. И не может отказаться, — от таких предложений не отказываются. Но, кроме чувства опасения за свою жизнь, в нем заговорил чувство любви к новой родине. Политики везде одинаковые. И, судя по тому, как шли дела в Карфагене, война могла затянуться, Ганнибал остаться без обещанных подкреплений, а скифы могли стать его последней надеждой.

— Я все исполню, — сказал Федор, пряча свиток под кирасу.

— Будь осторожен, если оно попадет в руки врагов, то его могут использовать против меня, — предупредил напоследок стареющий сенатор.

— Я буду осторожен, — пообещал Чайка, направляясь к выходу.

На следующий день он вышел в море с флотом из тридцати новехоньких и полностью оснащенных квинкерем. Утром, когда Федор посетил смертельно раненного посла в особняке Барка, брат Ганнибала находился без сознания, но был еще жив. «Хороший знак, — решил Федор, бросив взгляд на измождено лицо Магона, боровшегося со смертью, и пообещал, — Помолюсь богам, чтобы он выжил. А то Ганнибал сойдет с ума от горя. Надеюсь, сенатор, разыщет тех, кто напал на него и отомстит».

То время, что Федор провел в Карфагене с момента покушения на посла, он постоянно передвигался по городу с охранниками, но случая проверить их доблесть, к счастью не представилось. Оставляя вновь на неизвестный срок свой дом в столице, Федор, тем не менее, пообещал своим слугам, что война быстро закончится, и он скоро вернется. Даже выдал на прощанье в награду каждому несколько серебряных монет, чтобы помнили его доброту. О выплате жалования им можно было не беспокоиться, — все они были рабами своего хозяина. Но даже в отсутствии хозяина они не прохлаждались, предаваясь праздной жизни. Об этом беспокоился деятельный Акир, регулярно проверявший, чтобы слуги следили за домом Чайки, а также использовавший охранников и кухарку для нужд самого сенатора, если такие возникали.

Оказавшись снова в море, Федор, ставший неожиданно главным в этом посольстве, приказал Бибракту, который теперь командовал флагманом целой эскадры, направить флот вдоль ливийского берега на восток, с тем, чтобы избежать столкновений с римлянами как можно дольше. Он сделал это для того, чтобы хоть часть из подкреплений добралась до Италии и вступила в бой тогда, когда это понадобится самому Ганнибалу, а не римлянам.

Капитан «Агригента» передал приказ на другие корабли, и флот финикийцев. Выстроившись в две линии, отправился в путь. Погода благоприятствовала. Видимость была отличной, хотя Федор, вспоминая дорогу сюда, все же предпочел бы легкий шторм.

Флагман, отремонтированный на лучших верфях мира, снова легко развивал скорость в четыре узла под парусом, разрезая мощным тараном лазурные волны. А Чайка стоя у борта, наблюдал за прыжками дельфинов, сопровождавших флот от самого Карфагена.

Первые дни прошли без приключений, да Федор и не ожидал встретить римский флот так близко от родных берегов. Хотя от римлян можно было ожидать всего, — в прошлой войне они даже высаживали десант на эти берега, — но сейчас, благодаря Ганнибалу, им было не до атак на цитадель противника. Свою бы удержать.

А через три дня, когда они были уже в открытом море, опасения Федора внезапно материализовались. Ветер переменялся на западный, поднялась волна, и эскадру финикийцев стало сносить в сторону от намеченного курса. Несмотря на опасность столкнуться, корабли старались держаться вместе, чтобы не растерять друг друга в этой суматохе и не оказаться у берегов Италии в одиночестве на растерзание римскому флоту. Наступившая ночь не принесла облегчения, ветер завывал в снастях, палуба скрипела, а шторм хоть и не стал сильнее, но и не прекратился.

Выпив вина, Федор забылся в своей каюте, которую теперь занимал вместо Магона. Всю ночь ему снились кошмары и на палубу командир двадцатой хилиархии и, волею судьбы, командующий эскадры из тридцати квинкерем, поднялся утром совершенно разбитый. Соленый ветер ударил ему в лицо, обдав брызгами.

— Где мы? — спросил Федор у Бибраката, когда тот рассматривал горизонт.
— Думаю, недалеко от Сицилии, — ответил капитан «Агригента».
— Сицилии? — напрягся Чайка, — но ведь тут море кишит римскими кораблями.
— Пока их не видно, — отрапортовал Бибракт, — может, шторм распугал.
— Хорошо бы. Потери у нас есть? — уточнил Федор, оглядывая идущие вслед за «Агригентом» квинкеремы, косой строй которых теперь напоминал не линию, а клин, острием которого был флагман.

— Нет, все корабли на месте, — ответил Бибракт.
— Отлично, — немного успокоился Федор, — Срочно поворачивай на восток. Идем тем же курсом, что шли в Карфаген. Обогнем, с помощью богов, южную оконечность Италии не приближаясь к ней, может и проскочим.

Бородатый финикиец кивнул.

К полудню море почти успокоилось, волны улеглись, и от небольшого шторма остались лишь неприятные воспоминания. Однако, как вскоре убедился Федор, свое черное дело он сделал.

— Римляне!!! — разлетелся над палубой вопль наблюдателя, когда Чайка еще не закончил завтрак, плавно переходящий в обед.

— Вот сволочи, — выругался он, оставляя чашу с вином, и забрасывая в рот кусок копченого мяса, — всю обедню испортили.

Облачившись в доспехи, главным предметом которых была новехонькая кираса, Чайка перебросил через шею ремень от ножен фалькаты, надел шлем и поднялся на палубу.

— Ну, что там? — недовольно поинтересовался он у Бибраката, стоявшего на корме рядом с матросом, отвечавшим за рулевое весло.

— Римская эскадра прямо по курсу, — ответил капитан «Агригента».

— Нас поджидали?

— Не думаю, — предположил Бибракт, прищурившись на солнце, — кажется, они шли из Сицилии параллельным курсом и случайно повстречались с нами.

— Сколько их? — уточнил Чайка, уже начав пересчитывать глазами корабли противника, которые шли на веслах. Над горизонтом он разглядел едва видимую полосу береговой линии. Италия была рядом.

— Восемнадцать триер, — доложил Бибракт, — каков будет приказ?

Федор вздохнул. Желание добраться до берегов Апулии без приключений с самого начала казалось ему самообманом.

— Сила и боги на нашей стороне. Атаковать! Пора побеспокоить римлян на море, слишком уж они расслабились без хорошей взбучки.

Федор опустил глаза на палубу, затем снова поднял их, устремив на римскую эскадру, которую от карфагенян отделяло не больше километра.

— Все равно они нас заметили, — добавил он, — не отпускать же их с миром.

Римляне действительно заметили эскадру финикийцев, быстро оценили расклад сил, и попытались уйти, свернув к недалекому и спасительному берегу. Их капитан явно не хотел вступать в сражение, и Федору на секунду даже показалось, что он перевозил нечто ценное, что никак не должно было достаться врагу. В принципе, Чайке это было только на руку, он мог отменить приказ и, воспользовавшись свободой маневра снова уйти в открытое море, обогнув Италию с юга. Но, повинаясь какому-то чутью, Федор не отменил своего приказа. И, после недолгой погони, в которой квинкеремы карфагенян вновь превзошли в скорости передвижения на веслах римские триеры, оснащенные «вороном» и башнями, завязался бой.

Это случилось почти у самых берегов Италии, где-то напротив бруттийского побережья, откуда и до Тарента было рукой подать. Федор сильно рисковал, напрашиваясь на неприятности. Но, таков уж был морпех, почуявший вкус победы. Ему очень хотелось отучить римлян от спокойной жизни в этих водах.

Когда расстояние между первой линией финикийцев, — флот снова перестроился в боевой порядок, — и уходившими триерами сократилось до полутора сотен метров,

заработали метательные машины, посылая ядра в ясно различимые корабли римлян. Поняв, что битвы уже не избежать, триеры, по сигналу флагмана, разделились на две части и начали совершать маневр, стремясь выйти на позицию для таранного удара. Всего около дюжины триер попытались образовать заградительную линию, чтобы дать возможность группе из шести оставшихся кораблей уйти от погони.

— Что же они там везут? — не давал себе покоя Чайка, — раз решили пожертвовать большей частью кораблей. Это уже становится интересно.

Федор не захотел оставаться в стороне от битвы и «Агригент» шел на острие атаки, осыпая ядрами сразу две триеры. Одна из них, неожиданно вышла из-под обстрела, сделав резкий поворот, и вознамерилась таранить шедший справа от флагмана карфагенский корабль, и ей это удалось. Римские морпехи, зацепив более крупный корабль противника «вороном», бросились в атаку. Навстречу им устремились финикийские солдаты, облаченные в синие панцири. Завязалась жестокая драка.

Другая триера вскоре повторила тот же маневр, но неудачно, сама угодив под таран мощного карфагенского судна. Раздался треск, и римский корабль сильно накренился на правый борт. От удара образовалась большая пробоина, рухнула мачта, отвалился «ворон», с палубы в воду полетели морпехи в рыжих панцирях, а вслед за ними свалилось и две баллисты. Квинкерема еще какое-то время по инерции продолжала тащить на себе полуразвалившийся римский корабль, но затем выпустила весла и сбавила ход, сбросив с себя «мертвый» груз. «Освобожденная» триера завалилась на бок, быстро набирая воду через пробоину.

Из-за этих маневров «Агригент» неожиданно глубоко вклинился в строй римских судов и подвергся массированному обстрелу со всех сторон. Одно из каменных ядер повредило баллисту, рядом с которой стоял Федор, убив двух солдат. Это случилось так близко, что на его кирасу даже брызнула кровь одного из них. Другим ядром прошило борт, а третьим снесло носовое ограждение. Однако «Агригенту» удалось пробить брешь в обороне римлян и рассечь надвое их арьергард. В эту брешь немедленно вошло несколько квинкерем, присоединившись к артиллеристской дуэли между кораблями в которой сила была не на стороне римлян. Часть кораблей, как успел заметить Федор, уже сплелись между собой abordажными канатами. На их палубах засверкали мечи. Там уже падали замертво легионеры и морпехи Карфагена, схватившиеся не на жизнь, а на смерть.

Но «Агригент» вскоре оставил за кормой основное сражение, выскочив на свободную воду.

— Преследовать флагмана! — приказал Федор, указав на группу кораблей, пытавшуюся уйти от преследования, — догнать и захватить их. Я хочу знать, что они везут.

Бибракт подал сигнал, и еще семь квинкерем присоединилось к ним, выйдя из боя. Остальные яростно атаковали сопротивлявшихся римлян, навязав римлянам сражение и не давая им выйти из него. В ход пошли горшки с зажигательной смесью. Несколько кораблей уже горело.

— Нас могут заметить, берег близко, — проговорил Федор, увидев пожар на одном из кораблей, но тут же махнул рукой, — Плевать! Главное, надо догнать флагмана.

Вскоре квинкеремы охватили полукольцом отступающие вдоль скалистого берега корабли, и подожгли три из них. Еще два подверглись таранному удару, мгновенно выйдя из строя, но флагманская триера, оставшись в одиночестве, продолжала рыскать, постоянно меняя курс, пытаясь избежать прямых попаданий «Агригента». Финикийский флагман, в свою очередь не отставал. Рядом с ним шла еще одна квинкерема. Другие остались позади, добивая раненных врагов.

— Ускорить ход! — кричал Федор, захваченный азартом погони, — прикажите гребцам сильнее налечь на весла! Еще немного и мы догоним ее.

Артиллеристы с обоих финикийских судов сосредоточили стрельбу на единственной оставшейся триере. Ядра рвали и ломали все надстройки, видневшиеся на палубе. Калечили людей. Шлюпка, сбита прямым попаданием, рухнула в воду, подняв тучи брызг.

Легионеры, ожидавшие скорого взятия на abordаж, скопились на корме и вдоль бортов. Федор уже мог разглядеть их лица в нахлобученных шлемах с ирокезами из красных перьев. Прикрывшись щитами и обнажив мечи, морпехи готовились к последнему бою за Рим.

И вскоре наступил момент истины. Два массивных судна применили маневр под названием «проплыв». Догнав, они на полном ходу зажали с двух сторон римский корабль, и сломали ему все весла, за минуту до контакта молниеносно втянув свои внутрь. Раздался треск, означавший конец погоне. Обездвижив римскую триеру, карфагеняне прикрепились к ней abordажными крюками и хлынули на палубу, тесня легионеров со всех сторон.

Но быстро сломить сопротивление не удалось. Римские морпехи защищались яростно и даже несколько раз переходили в контратаку. Одна из них позволила римлянам пробиться к самому борту «Агригента» и взобраться на палубу финикийского флагмана. Федор, командовавший схваткой, вдруг с удивлением увидел в пяти метрах от себя лицо римского легионера, который в два прыжка оказался рядом.

— Только тебя здесь и не хватало, — выругался Чайка, уходя от удара и выхватывая фалькату, — ну я вам покажу, как надо воевать.

Щита при нем не было. И Федору пришлось несколько раз уклониться от удара легионера, к которому вскоре присоединилось трое товарищей. Бибракт взял на себя одного, а остальных отогнали подоспевшие морпехи Карфагена. Но Федору попался достойный противник. Они бились минут пять, прыгая по палубе, скрещая клинки и разрубая подвернувшиеся снасти. В конце концов, все решил резкий выпад фалькатой, который пришелся прямо в горло римлянину. Схватившись за окровавленный кадык, тот сделал шаг назад и, споткнувшись об ограждение, рухнул за борт.

— Вот так вот, — сплюнул на палубу Федор, проследив взглядом за падением тела и убирая фалькату в ножны.

Спустя еще пять минут жестокой мясорубки бой был закончен.

— Ну, что там у вас? — крикнул Федор командиру своих морпехов, уже очистивших от легионеров всю видимую часть триеры, — осмотрели нижние палубы?

— Пока нет, — последовал ответ.

— Так осмотрите, — приказал Чайка, — время не ждет.

Пока карфагеняне добивали уцелевших римских солдат и осматривали нижние помещения, Федор спустился на палубу поверженного флагмана, усеянную трупами легионеров. Осторожно переступая через поверженных римлян, плававших в луже собственной крови, Чайка настороженно вглядывался в лица, боясь узнать среди них своих старых знакомых по римской службе. Но к счастью, никого не узнал. Все это были сплошь незнакомые легионеры.

Неожиданно снизу донесся крик. Федор вскинул голову: кричала женщина. «Откуда здесь женщина?» — подумал Чайка, направляясь к лестнице, но к нему навстречу уже спешил офицер морпехов.

— Что там у вас? — бросил на ходу Федор, спускаясь в полутьму второй палубы.

— Там римлянка с ребенком, — сообщил офицер, — заперлась на корме у триерарха,²⁸ кричит что-то. Я не понял, но видно, что убьет себя и ребенка, если мы попробуем ее захватить.

— С ребенком? — отчего-то переспросил Федор, ускоряя шаг и направляясь в сторону кормы между скамеек с угрюмыми гребцами и солдатами Карфагена, охранявшими захваченную палубу.

— Мы хотели сломать дверь, но решили сначала доложить, — добавил офицер, еле поспевая за ним, — ее охраняло человек двадцать легионеров, мы убили всех. Похоже, это важная птица.

Приблизившись к двери в узкий кубрик, у которого цепью стояли морпехи, Федор

²⁸ Триерарх — капитан триеры (греч.).

вдруг услышал новый крик.

— Только войдите, — кричала насмерть перепуганная женщина по латыни, — и я убью себя! И того, кто войдет первым. Я дорого продам наши жизни!

Голос ему показался очень знакомым, но давно забытым, словно он слышал его в другой жизни. И вдруг Чайка вспомнил, когда и где в последний раз слышал этот голос. На аллее парка, когда бежал из Рима два года назад.

— Юлия, — еле слышно произнес Федор.

Так тихо, что даже стоявший рядом офицер ничего не мог расслышать.

— Прикажете выломать дверь? — уточнил офицер.

— Нет, отойдите все подальше, — ответил Федор, сделав шаг по направлению к низкой дверке, ведущей в тесные покои триерарха, — я сам поговорю с ней. Ты прав. Это действительно самый важный гость на этом корабле. Ты даже не представляешь, кого мы захватили.

Подойдя к самой двери, из-за которой послышалась возня и плач ребенка, Федор обернулся назад, словно боясь, что морпехи подслушают разговор. Солдаты, выполняя приказ, отодвинулись метров на пять, с интересом переглядываясь и ожидая развязки.

Чайка поднял руку и с силой стукнул кулаком в дверь.

— Не смейте входить! — тотчас раздался насмерть перепуганный голос.

— Юлия, — чуть возвысив свой голос, произнес Федор по латыни, — это я, Чайка. Ваш корабль захвачен моими людьми. Тебе не убежать. Открой дверь и я спасу тебя.

За дверью воцарилась тишина. Однако она была наполнена таким нервом, что Федор не сомневался, его услышали и узнали. Спустя короткое время дверь внезапно распахнулась, и морпех резко шагнул внутрь, захлопнув ее за собой.

Перед ним стояла юная римлянка в белом складчатом одеянии с обнаженным кинжалом в руке. Федор увидел знакомое узкое личико, обрамленное платиновыми волосами до плеч, и серые глаза, в которых светился сейчас безумный страх и безумная отвага разъяренной львицы одновременно. А еще, — недоумение.

— Ты?! — произнесла Юлия, опуская кинжал, — Чайка...откуда ты... здесь... ведь я уже готовилась умереть.

— Еще рано, — коротко сказал Федор, прижимая ее хрупкое, внезапно обмякшее тело к своей груди, — ты мне еще очень нужна, Юлия. Не умирай.

И вдруг он ощутил, как содрогаются ее плечи. Римлянка разрыдалась, выронив кинжал. Обнимая и успокаивая ее, Федор вдруг заметил в глубине кубрика мальчугана в белой тунике, прятавшегося под столом. Его не по годам смысленные глаза внимательно смотрели оттуда на неизвестного солдата, обнимавшего сейчас его мать.

— Ведь я же обещал, что вернусь за тобой, — проговорил Федор, погладив ее по волосам и осторожно отстраняя от себя.

— Я так давно ждала тебя, что уже устала ждать, — с трудом произнесла прекрасная римлянка уставшим голосом, — я потеряла надежду, Чайка, а сегодня...

— Нам надо действовать, — прервал ее Федор, снова глядя в глаза девушке, — твоя охрана убита, а корабль захвачен солдатами Карфагена. Все они подчиняются мне, но, думаю, нам нельзя пока открывать другим, что мы знакомы. Я сделаю это позже, когда мы будем на берегу в безопасности.

— О какой безопасности ты говоришь, — произнесла Юлия, — ведь я же римлянка. Меня ждет смерть или рабство...

— А это, твой сын? — спросил вдруг Федор, бросив взгляд на мальчугана.

— Это твой сын, Чайка, — призналась девушка и на ее глаза опять навернулись слезы, — наш сын.

Федор снова обхватил ее лицо руками и долго целовал, не в силах оторваться. Но все же сделал это.

— Пора выходить, а то солдаты могут решить, что ты меня убила и ворваться, — сказал Федор, с трудом делая шаг к двери, — Сейчас надо выиграть время...

— Скажи им, что я твоя рабыня, — произнесла Юлия, внезапно взявшая себя в руки. И посмотрев на нее, Федор вновь увидел перед собой дочь римского сенатора, гордую и неприступную красавицу, — они поверят. А потом... неважно, боги помогут нам. Понадеемся на них.

Чайка молча кивнул, соглашаясь, и толкнул дверь.

— Я взял пленницу, — объявил он своим солдатам, и, посмотрев на офицера, добавил, — это дочь римского сенатора. Она сдалась добровольно и отныне становится моей заложницей и добычей. Моей рабыней. Отведите ее и ребенка в мои помещения на «Агригент» и обращайтесь с ними, как следует обращаться с заложниками высокого ранга.

Сказав это, Чайка сделал знак Юлии покинуть кубрик. И римлянка, собрав всю свою волю, вышла на палубу, бросив кинжал под ноги офицеру морпехов. Одной рукой она вела за собой упиравшегося ребенка. Мальчик был испуган, но не плакал, а просто исподлобья смотрел на окруживших его мужчин.

— Следуйте за мной, — приказал офицер по-финикийски, и первым зашагал к лестнице между лавок гребцов. Юлия пошла за ним, взяв за руку сына, гордо подняв голову и ни на кого не смотря. За ней устремились четверо морпехов.

А Федор, дав им удалиться на значительное расстояние, медленно направился за процессией.

Глава четырнадцатая **Театр военных действий**

Спустя несколько дней карфагенский флот, державшийся все это время в открытом море, вновь наткнулся на римлян, когда попытался обогнуть южную оконечность Италии, не слишком удалившись от берегов. Произошел еще один бой, в котором карфагеняне потеряли пять кораблей, но все же сумели прорваться сквозь блокаду и уйти от погони. Опять помогла ночь.

Весь бой Федор провел на палубе, переживая больше не за свои корабли, а за исход сражения. Ведь одержи римляне победу, и Юлия снова могла оказаться в их руках. А этого Чайка боялся больше всего на свете: потерять ее, едва найдя. Но победа вновь осталась за Карфагеном, хотя и не полная. Теперь до побережья Апулии, где их ждали свои, оставалось плыть не больше двух дней.

«Хотя, какие „свои“? — грустно размышлял Федор, стоя после сражения на палубе рядом с Бибрактом, получавшим в сумерках сигналы от других кораблей, — это для меня они свои, а для нее враги. Как же мне объяснить все Ганнибалу? Ведь на суше этот вопрос нельзя будет обойти или долго скрывать. Может, выдать ее за другую? Нет, он ведь знает, как выглядит сам Марцелл, может случайно знать, как выглядит и его дочь. Тогда мой обман будет необъясним. А если признаться?»

Федор призадумался. Ответа пока не было. И он решил посоветоваться с Юлией. В ее прекрасной головке, как он убедился, часто рождались совсем не глупые мысли. Тем более, она была рождена в этом мире, а он нет. Выслушав рапорт Бибрakата, и отдав распоряжения, Чайка отправился к себе в кубрик, где официально содержал свою «пленницу» с ребенком. В соседней комнате. Благодаря чему у наружных дверей теперь постоянно маячили двое морских пехотинцев.

Теперь, встретив Юлию, он даже был рад, грешным делом, что Магон не смог поплыть вместе с ним назад. Где бы он тогда прятал Юлию, где мог с ней уединиться? Да и Магон мог бы взять пленницу себе, а Федор этого бы не пережил.

«Вдруг Ганнибал тоже захочет взять дочь Марцелла в свои пленницы, как ценную заложницу? — испугался Федор, — Ведь сенатор его злейший враг, если еще не убит, конечно. И Ганнибал вполне может шантажировать его жизнью дочери, хотя я и не верю, что Марцелл променяет ее жизнь на свободу Рима». Однако первый же разговор с Юлией и те новости, которые он узнал от нее, просто ошарашили командира двадцатой хилярии.

В тот день, пройдя охрану, и едва оказавшись в своем кубрике, Чайка заглянул в соседнюю комнату. Там он увидел, как Юлия гладит спящего сына по голове. С трудом оторвавшись от него, она поднялась и приникла к груди Федора, а затем одарила его долгим поцелуем.

Чайка был просто на седьмом небе от счастья. В последнее время ему было так хорошо, что он даже часто забывал об опасностях, окружавших со всех сторон, забываясь в объятиях своей любимой. Его лицо так сияло от счастья, что, выходя на палубу, он нарочно напускал строгий вид и распекал матросов и морпехов, попадавших под руку. Даже капитану доставалось, и опытный моряк не мог понять, какая муха укусила помощника посла. Но Федор иначе не мог, его тянуло рассказать всем о своем счастье, но он понимал, что пока это невозможно. Поэтому надо было на что-то отвлечь внимание окружающих. Слишком уж двойственным было теперь положение Юлии, да и его собственное оставляло желать лучшего.

— Как вы оказались на корабле? — спросил тогда Федор, усаживаясь на лавку у стола, и привлекая к себе юную римлянку, которая, даже родив ребенка, не утратила былой красоты.

— Последнее время мы жили на Сицилии, недалеко от военного лагеря на берегу, где служил отец еще до начала осады Рима, — заговорила дочь сенатора, тряхнув рыжими локонами, — Потом его вызвали в Рим. Но мы остались. Он приказал мне это, сообщив, что на Сицилии пока безопаснее.

Она умолкла ненадолго, ответив на новый поцелуй Чайки.

— Так мы прожили еще полгода, и все это время я думала, увижу ли тебя еще когда-нибудь. Но вместо этого иногда появлялся мой муж, блестящий Памплоний, который служит в Таранте и...

Юлия замолчала, сморщив гримасу, выражавшее крайне отвращение, а Федор не тропил ее и не расспрашивал о том, как проходила ее семейная жизнь. Захочет, сама расскажет. Ей сейчас и так тяжело.

— А потом мой отец приказал своему командиру доставить меня к мужу в Тарент, — ответила Юлия, прильнув к плечу морпеха, — где скоро обещал быть сам. Мы сели на триеру и поплыли, отказаться я не могла. Ты знаешь, что, даже выйдя замуж, я больше нахожусь под властью отца, чем мужа. И Памплония это устраивает, ему это даже выгодно. Тем более, что, пользуясь предлогом войны с Ганнибалом, он постоянно живет в Таренте, где завел себе массу любовниц, а нас с сыном навещает лишь по праздникам, ради соблюдения приличий.

— Он знает, чей это сын? — напрягся Федор.

— Догадывается, — вздохнула Юлия, — как и отец. Но, мне кажется, они с отцом договорились сохранить все в тайне. Ведь всех слуг, что были тогда в доме...

— Я знаю, — перебил Федор, — их убили.

— Откуда ты это знаешь? — обернулась к нему девушка.

— Однажды я угодил в плен к римлянам и там повстречал одного беглого раба, грека по имени Андроник.

Услышав имя раба, Юлия кивнула.

— Он был единственным, кто выжил.

— Увы, — заметил на это Чайка, — теперь он тоже мертв. Его распяли legionеры.

Набравшись смелости, Федор задал следующий, давно мучивший его вопрос.

— Скажи, а твой отец не пытался...

— Убить меня? — усмехнулась Юлия, — Нет. Но, иногда я была уверена, что у него чешутся руки сделать это. Особенно, когда он смотрел на моего сына, совсем не похожего на Памплония.

Юлия замолчала на некоторое время, но потом вновь заговорила. И Федор почувствовал, что она привыкла к страданиям за последние годы, проведенные в золотой клетке, из которой не было выхода.

— Памплоний теперь всячески выражает свое презрение ко мне, — заговорила она

вновь, — Но брак есть брак. Родство с моим отцом дает ему много привилегий, от которых он не собирается отказываться. И вот мы с сыном поплыли на корабле в Тарент, но тут появились вы и захватили меня.

Она вздохнула, пытаясь прогнать воспоминания.

— Мне страшно, Чайка, я не знаю, что будет с нами дальше, но сейчас я счастлива. Здесь, с тобой и сыном. О большем еще вчера я не могла и мечтать.

Федор прижал девушку к себе.

— А как ты назвала сына? — спросил он, набравшись смелости.

— Марк Акций Памплоний Младший, — ответила Юлия, — я бы хотела назвать его по-другому, но...

— Я понимаю, — остановил ее Чайка, — иначе ты не могла.

Хотя, узнав имя ребенка, морпех немного погрустнел. Не каждый отец обрадуется, узнав, что его ребенок носит имя другого.

— Скажи, — вдруг спросил Федор, вспомнив кое-что из сказанного Юлией, — но почему твой отец сообщил, что скоро сам прибудет в Тарент? Разве он не защищает сейчас Рим от осады.

Теперь настал черед Юлии удивляться. Он отстранилась и внимательно посмотрела ему в глаза.

— А как давно ты не был на войне, Чайка?

— Больше месяца, — признался Федор, — Ганнибал отправил меня в Карфаген. А почему ты спрашиваешь?

— Потому что Ганнибал снял осаду и отступил от Рима, — сообщила она, — уже больше двух недель, как он находится по слухам в окрестностях Капуи, пытаясь захватить Неаполь. Но перед самым отплытием прибыл гонец, сообщивший, что войска под командой моего отца сняли блокаду с Неаполя, и Ганнибал отступил в горы.

— Римские легионы уже снова хозяйничают под Неаполем? — сказать, что Федор был удивлен, это было все равно, что ничего не сказать. Он был раздавлен такой новостью. Прибывая вновь в Италию, Чайка был уверен, что Рим, если не взят, то уже на последнем издыхании.

— Но откуда у Рима взялось столько сил? Я предполагал, что осада затянется, но чтобы отступить, да еще так далеко, — Чайка вновь посмотрел на Юлию, — и ко всему легионы ведет твой отец. Теперь понятно, почему он собирался скоро посетить Тарент лично. Однако, он слишком торопится, для этого ему понадобится победить самого Ганнибала.

— В одной из стычек при Ноле он уже отразил нападение карфагенян, — осторожно проговорила Юлия, посмотрев на морпеха снизу вверх.

— Великолечно, — Федор отстранился от любимой девушки и встал, хлопнув с досады себя по бедрам, — и эти умники в сенате еще задержали нам подкрепления. Ведь Ганнибал же их предупреждал, и я просил. Победа была так близко! А теперь все придется начинать снова. Ну, ничего. Нас никто не сможет сломить даже без подкреплений.

Он замолчал, оборвав себя на полуслове, и посмотрел на Юлию. Совершенно забывшись, он снова стал тем, кем был последние два года, — командиром пехотинцев Карфагена, чья армия прошла победоносной поступью по всем римским землям, превратив их в пепелище или развалины. А Юлия была дочерью того человека, из-за которого эта армия впервые отступила.

Но римлянка выдержала взгляд Чайки и, поднявшись, снова обняла его, прошептав на ухо.

— Да, я люблю врага моего отца и моего народа. Но я его люблю. И ничего не могу с этим поделать.

— Я тоже, — прошептал Федор, обнимая ее гибкий стан.

— Что с нами будет, Чайка? — серые глаза смотрели на него с надеждой.

Но Федор не ответил. Не в силах больше сопротивляться своим желаниям, Чайка подхватил девушку на руки, легкую как пушинку, и отнес на свое спальное ложе, устланное

шкурами и подушками. Сбросив с себя доспехи, в которых он находился до сих пор, Федор сорвал с нее одежды и стал покрывать поцелуями тело римлянки, отзывавшееся на каждое прикосновение её еще девичью грудь, затем пупок и узкие бедра. Ветер за бортом и шум корабельных снастей заглушил их сладкие стоны, и любовники предавались страсти до утра, пока не затихли, забывшись счастливым сном.

К положенному сроку караван из двадцати трех кораблей, без приключений прибыл к тому самому месту на побережье Апулии, откуда больше месяца назад отплыл в Карфаген. Здесь их встретили пехотные части африканцев и кельтов, которым Ганнибал поручил охранять единственный порт, через который существовало хоть какое-то нерегулярное сообщение с метрополией. Пока морпехи выгружались на берег и строили лагерь, Федор, оставив Юлию с ребенком на корабле, побывал в штабе. Там он выяснил, что армия Ганнибала действительно находится в горных районах неподалеку от Капуи периодически вступая в мелкие стычки с легионами Марцелла, который не упускает случая, чтобы укутить побольнее.

— Значит, мы сняли осаду с Рима? — огорчился Федор.

— Это так, — подтвердил ему начальник штаба, кивнув в сторону пришвартованного флота, который был виден через окно единственного каменного здания на берегу, занятого солдатами Карфагена, — мы слишком долго ждали подкреплений. Чуть больше двух недель назад в ответ на запрос я отправил Ганнибалу курьера с сообщением, что флот все еще не пришел. И он принял решение отступить, приказав нам держать побережье, во что бы то ни стало.

— А что, вас часто атакуют? — удивился морпех, — ведь месяц назад здесь все было спокойно.

Офицер ухмыльнулся.

— Месяц назад я был уверен, что мы выиграли войну и вот-вот отпразднуем это на римском форуме. А сейчас остатки каннских легионов, что недавно бродили по окрестным горам и грабили деревни, сбившись в банды мародеров, вновь организованы офицерами Марцелла, которых он прислал к ним. Теперь они стали чаще беспокоить наших фуражиров и нападать на патрули. А недавно флот Тарента появлялся у этих берегов. Правда, до высадки десанта не дошло.

Помолчав, он добавил, снова бросив взгляд на корабли, что привел Федор из Карфагена.

— Хорошо, что они здесь. Но теперь, боюсь, они нам не помогут быстро взять Рим. Зато здесь станет спокойнее.

Федор не стал рассказывать ему о ранении Магона. Получив последнюю информацию, которая, к сожалению, подтверждала то, что сообщила ему Юлия, он принял решение немедленно отправиться к Ганнибалу. А свою возлюбленную с ребенком, под видом особо ценных пленников разместил в отдельном доме на побережье, оставив ее в окружении нескольких слуг и под серьезной охраной.

— Я скоро вернусь, — сообщил он Юлии, перед расставанием, — я должен встретиться с Ганнибалом.

— Ты расскажешь ему обо мне? — спросила римлянка, когда они остались одни.

— Пока нет, — решил Федор, — сначала я выясню, что происходит на самом деле, а уж потом решу, как ему это преподнести. Пока ты поживешь здесь. Вас никто не тронет.

— Чайка, — воскликнула Юлия, когда командир двадцатой хилиархии уже направился к выходу из комнаты, — я не хочу возвращаться к отцу. И никогда больше не буду принадлежать никому, кроме тебя.

Федор молча кивнул и вышел.

Взяв с собой три сотни морских пехотинцев и сотню конных иберийцев из охранения порта, он отправился в сторону Капуи в надежде разыскать Ганнибала раньше, чем римляне перережут дорогу. Пройдя, как и в прошлый раз, маршем вдоль границ Самнии и Лукании, отряд финикийцев, оказался в долине реки Офанто. Здесь произошла стычка с небольшим

римским отрядом, попытавшимся преградить им дорогу. Но Федор был готов к этому и разгромил римлян, многих пленив. Тем же вечером они заночевали уже в горной крепости Компса. Она хорошо охранялась, ведь здесь Ганнибал хранил большую часть военной добычи.

— Как идут дела? — поинтересовался Федор у командира крепости, которого знал лично. Покидая Компсу, Ганнибал поручил ее командиру заключать союзы с восставшими против римлян горцами.

— Все идет неплохо, Чайка — неожиданно успокоил помощника посла командир крепости, — горные самниты и луканы на нашей стороне. Они помогают мне уничтожать отряды римлян, что прячутся в предгорьях. Часто даже нет необходимости посылать туда свои силы. Ведь и самнитам и луканам гораздо выгоднее дружить с нами, чем с Римом, который их постоянно притесняет. А Ганнибал дал им свободу и большие привилегии в новом государстве, которое мы здесь построим.

Федор не стал с ним спорить, а, отдохнув и оставив здесь всех пленников, двинулся дальше. Скоро, спустившись в Кампанию, был уже вблизи Капуи, несколько раз сталкиваясь по пути с римскими разъездами, которые, впрочем, не спешили атаковать его малочисленный отряд.

Ганнибала он нашел в лагере неподалеку от Капуи, который блокировал сразу несколько дорог ведущих от этого города к Неаполю, Ноле и на восток в горы. Еще по дороге ему удалось узнать, что вокруг Неаполя и в Ноле хозяйничают римляне, подчинявшиеся Марцеллу. Зато Капуя все еще в руках испанской армии.

— Я ждал тебя раньше, — угрюмо приветствовал его Великий Карфагенянин, когда Федор, даже не умывшись, в дорожной пыли, появился у него в шатре.

— Прости, меня Ганнибал, я спешил, как мог, — ответил Федор, снимая шлем, — однако, путь от Апулии сюда не близкий, да и опасностей за время моего отсутствия немного прибавилось.

Ганнибал усмехнулся, но невесело.

— Почему ты один, — удивился Ганнибал, поднимаясь из-за стола, на котором, как ни странно, вместо привычной карты военных действий, находилась еда и вино, — а где мой брат? Ты привел подкрепления, которых я жду?

— Привел, — кивнул Федор, не в силах сразу признаться в провале своей миссии, и сообщить Ганнибалу весть о ранении брата, — двадцать три квинкеремы и примерно четыре хилярии морпехов высадились в Апулии.

В глазах командующего сверкнул недобрый огонек.

— Двадцать три? — только и спросил он, скрестив руки на груди, — значит, сенат не дал нам подкреплений. Это так, Чайка?

— Не совсем, — ответил морпех, переминаясь с ноги на ногу, — он дал тридцать квинкерем, часть из которых погибла в бою по пути сюда.

— Я ждал гораздо больше, — ответил Ганнибал странно спокойным голосом, — и я не могу больше ждать. Ты, наверное, уже знаешь, я снял осаду Рима, и был вынужден отступить сюда. Мы несли большие потери, но не продвигались вперед.

— Сенат обещал в ближайшее время дать нам все, что мы просим, — ответил Федор, — дело в том, что сенатор Ганнон отправил часть нового флота в Испанию, где васконы подняли мятеж. А свободную пехоту на дальние границы Нумидии, воевать с дикарями.

— Сенатор Ганнон, — усмехнулся Ганнибал, неожиданно повеселев, — что же, этого следовало ожидать.

Он развернулся и снова сел в кресло, вернувшись к трапезе.

— Садись Чайка, — предложил он, — отведай свежего мяса. Ты, верно, устал с дороги.

— Благодарю, — поклонился Федор, оглядев свои покрытые пылью доспехи, — но, если позволишь, я хотел бы сначала умыться.

— Сядь, — приказал Ганнибал, и в его голосе звякнула сталь, — Выпей хотя бы вина.

Мне отчего-то кажется, что ты еще не все мне рассказал.

Федор повиновался, положив свой шлем на специальную подставку в виде колонны, украшенной золоченым рисунком. Он налил себе вина в чашу и выпил, с удовольствием ощутив терпкую сладость в горле. Но расслабляться было еще рано.

— Не дождавшись подкреплений, я оставил попытку взять Рим с ходу. Отступил сюда, предоставив Марцеллу возможность снова властвовать в Лациуме и половине Кампании. Что еще веселого ты расскажешь мне, Чайка. И где, в конце концов, мой брат? Почему он не явился сам?

— Твой брат ранен — осторожно проговорил Федор, — и остался в Карфагене. Я приплыл без него.

Ганнибал перевел на него взгляд, полный недоумения.

— Магон ранен?

Федор подробно рассказал Ганнибалу все, что знал о ранении Магона. Ганнибал с трудом сдерживал ярость, охватившую его при этом известии.

— Так он не умер? — спросил карфагенинин, когда Федор закончил.

— Когда я покидал столицу, он все еще был жив, — ответил Федор, — врачи предсказывали ему выздоровление.

— Что же, — выдохнул Ганнибал, скрипнув зубами, — клянусь святилищем Баал-Хаммона, я найду его убийц и отомщу.

— Сенатор Магон, которого я посетил по твоему приказу, — вставил слово Федор, набравшись смелости, — тоже занят поисками убийцы. Он сказал мне, что из-за этого расследования отправка подкреплений может еще задержаться. Однако он сделает так, чтобы они пришли как можно быстрее.

Ганнибал внимательно посмотрел на своего собеседника и, помолчав, заметил.

— Я не зря посылал тебя к сенатору. Несмотря на то, что подкреплений с тобой пришло очень мало, кое-что ты сумел сделать. Убедить сенат тебе не по силам. Да и одному Магону тоже. Но благоприятно повлиять на события, думаю, он сумеет. Это в его интересах. Хотя, ждать подкреплений, становится все тяжелее.

Ганнибал откусил кусок мяса, зажаренного на кости и спросил, прожевав:

— Наверное, ты уже слышал о том, что Марцелл победил моих солдат в небольшом бою при Ноле.

Федор кивнул.

— Эта победа не имела никакого решающего значения, — заявил карфагенинин, — все осталось на своих местах. Но наш противник ей ловко воспользовался для поднятия духа своих солдат. Римляне все еще слишком слабы, чтобы разбить меня, но после Нолы заметно осмелели. И теперь нападают на обозы и фуражиров гораздо чаще. Это надо пресечь.

Чайка молчал, обратившись вслух и поедая сочные оливки.

— Этот неумный римлянин кажется, готов драться всегда, — не мог успокоиться Ганнибал. — Когда проиграл — от обиды за поражение. А когда выиграл — от радости и желания одержать новую победу. Где бы он не появился, вчерашние трусы становятся львами и снова бросаются в бой. Марцелл, — достойный противник. Мне интересно с ним воевать, но эти игры слишком затянулись.

Федор, несмотря на то, что ему очень хотелось сделать это сразу, не стал говорить Ганнибалу о письме сенатора к скифам. Все могло вновь измениться к лучшему в самое ближайшее время. «Месяц для такой войны не очень большой срок, — размышлял Федор, — быть может, Магон убедит сенат, и мы получим подкрепления спустя месяц».

Однако следующий месяц закончился, не успев начаться. Промелькнул, как одно мгновение, не принеся никаких облегчений испанской армии. Напротив, ситуация только ухудшилась. Марцелл еще раз сумел одержать небольшую победу в стычке при Ноле, а несколько легионов собранных Римом на севере и в центре страны, почти свободном теперь от карфагенин, под командой диктатора подошли к Капуе, осадив ее. Одновременно с этим ударом Марцелл предпринял новое наступление и захватил часть господствующих

перевалов, обойдя позиции финикийцев. Ганнибал принял решение отступить на юг, оставив в Капуе и еще нескольких городах гарнизоны.

— Нам нужна новая и хорошо защищенная база в южной Италии, — сообщил он на военном совете, — Такая, где мы сможем спокойно провести зиму и дожждаться обещанных подкреплений.

— Тогда лучше Тарента ничего нельзя и придумать, — предложил Атарбал.

— Ты читаешь мои мысли, — согласился Ганнибал, — Тарент идеальное место. Там мы наладим, наконец, морское снабжение армии. И сухопутным силам будет, где зализать раны.

Военачальники переглянулись между собой. Тарент действительно был наиболее защищенным местом на юге Италии, и по той же причине, его надо было для начала взять. Но Ганнибал уже принял решение.

— Приказываю немедленно начать переброску наиболее боеспособных частей на юг. Теперь у нас есть флот, хоть и небольшой, и мы сможем атаковать Тарент с моря. Это значительно облегчит взятие города, который, возможно, захочет сдаться. Но, если этого не произойдет, штурм начнется, как только мы будем готовы. Здесь в горах мы оставим несколько хилиархий, чтобы не допустить прорыва Марцелла.

Однако подготовка к штурму сильно затянулась. Ганнибал наводнил окрестности Тарента своими шпионами и провокаторами, которые на каждом углу рассказывали о том, что жителей этого богатого города ждет масса вольностей и привилегий в случае перехода на сторону Карфагена. Римляне выловили и казнили многих, но семена упали на благодатную почву. Народ в Таренте начал бурлить, а Ганнибал не торопился, стремясь экономить силы и дожидаясь того момента, когда знать тоже примет его сторону. Его нерешительности способствовали данные разведки, которые говорили о том, что против него в Таренте римляне сосредоточили почти два легиона солдат и около полусотни кораблей. С ходу взять мощную крепость имеющимися силами было почти невозможно, а начинать длительную осаду не позволяло положение на других фронтах. С севера на Апулию наступали легионы, сколоченные из новобранцев. Капуя находилась в осаде, ожидая помощи от Ганнибала, а Марцелл, не имея сил прорвать оборону карфагенян, постоянно беспокоил их тылы. В такой ситуации Ганнибал не решался бросить все силы на захват Тарента, предпочитая повременить и разбить, или хотя бы ослабить, своих врагов. С этой целью он послал несколько хилиархий африканцев, усиленных испанской конницей, отразить римские легионы в Апулии. Римляне были отброшены, но не разбиты окончательно и угроза на этом направлении оставалась. Примерно также развивались события и на других фронтах.

Все это время Федор прятал Юлию с ребенком в доме на побережье, изредка навещая их. К счастью Ганнибал в тех краях не появлялся, занятый войной. И Федор временно получил передышку, так и не придумав пока, как ему «легализовать» свою римскую рабыню.

Так прошло еще несколько месяцев, а обещанных подкреплений все не было. Единственным радостным для командующего событием было сообщение из Карфагена, о том, что его брат выжил. Наконец, Федор, принимавший участие в последнем апулийском походе, рассказал Ганнибалу о «запасном варианте» Магона.

Это случилось вечером, в шатре командующего, в лагере неподалеку от Бенвента. Только что закончился военный совет, на котором военачальники обсуждали положение на фронтах, которое по-прежнему выглядело незавидным. Согласно последним данным разведки, римляне уже почти восстановили и даже нарастили свои силы после цепи чудовищных поражений, воспользовавшись длительной передышкой. Они уже имели около ста строка тысяч легионеров, включая подразделения, расквартированные в северных районах и на Сицилии, а также отправленные недавно в Испанию против армии Гасдрубала. Не менее восьмидесяти тысяч из них было сконцентрировано против пятидесятитысячной армии Ганнибала, разбросанной по всем фронтам. Однако, уже имея столь большое превосходство, римский сенат все же не решался начать открытые наступательные действия, предпочитая выжидать. Их вел лишь один Марцелл, зачастую игнорируя приказы сената.

После того, как все военачальники покинули шатер, Чайка задержался и рассказал Ганнибалу о плане сенатора Магона, предъявив грамоту к скифскому царю. Великий Карфагенянин не стал ни в чем обвинять Федора, а лишь изучил грамоту, словно читал по-скифски и, вперив в него тяжелый взгляд, произнес, усмехнувшись.

— Кочевники. Что же, Магон Великий прав. Их очень много и у них отличная конница. Так что все это может случиться.

Свернув грамоту, он вернул ее Чайке.

— Сегодня ночью ты получишь еще одно письмо к скифскому царю от меня. А завтра утром поскачешь на побережье и приготовишь корабли. Ты отплываешь немедленно. Но помни, Федор Чайка, никому ни слова. Отныне мы действуем без одобрения сената.

Глава пятнадцатая

Путь к свободе

Когда Леха очнулся и совладал с головной болью, то обнаружил, что по-прежнему связан по рукам и ногам, а его везут куда-то на телеге. Он был без шлема и панциря, лишь в исподнем. Даже ботинки сняли. Сено кололо шею, перед глазами плавали круги. Но дорога, к счастью, была не долгой. Когда почти стемнело, телега въехала в деревню и остановилась. Двое дюжих воинов подхватили Леху под руки, вынули из телеги и бросили в открытую дверь землянки. Там он провалялся почти без движения до утра, нюхая вонь и замерзая на сырой земле. Окон здесь не было, а дверь имела всего одна. Кругом сновали мыши, задевая по лицу своими скользкими хвостами. Но Ларин не обращал на них внимания. Не до такой ерунды сейчас было.

Никто не входил и не выходил, никто с ним не разговаривал. Пленный посол не мог понять, где он и кто его взял в плен. А главное зачем?

«Ну, допустим, кто — это понятно, люди Иседона, — стал Леха напрягать извилины, едва сознание вернулось к нему настолько, чтобы начать думать, — а вот зачем я ему сдался? Свои дела проворачивает пока Палоксая нет. Против царя пошел, сволочь. Или они заодно, вместе против Иллуря воду мутят?».

Ушибленная голова сильно разболелась от таких размышлений о местных распрях, в которых он увяз с головой, сам того не зная. Вскоре Леха приказал себе не думать больше. Что толку? Завтра утром все само собой прояснится. Успокоившись, он даже заснул и к утру немного отдохнул, почувствовав себя лучше. Хотя тело, особенно ноги, затекло. Проснувшись, он продолжал лежать в узкой землянке, прислушиваясь к звукам снаружи, и вскоре услышал конское ржание. Прискакал отряд, судя по топоту копыт, — человек десять. Их предводитель о чем-то поговорил с охраной на языке, который Леха много раз слышал, но еще так и не научился понимать.

— Греки, — пробормотал себе под нос Ларин, сплевывая застрявший меж зубов песок, и вспомнил разговор с Иседоном, — значит, так ты с ними торгуешь, гнида. Меня продал. Ну, погоди, мне бы только сбежать, а там уж я до тебя доберусь.

Он повернулся на бок и согнул затекшие ноги, пытаясь понять, как бы освободиться от веревок. Напряг и расслабил несколько раз ноги, потом руки, ощутив сильную боль в запястьях. Руки были связаны спереди, что облегчало задачу, но связаны хорошо, профессионально. Хрен развяжешь. Только перетереть можно, благо не кожаный ремень, а веревка. А вот путы на ногах уже чуть ослабли.

Не прошло и десяти минут, как дверь отворилась и на пороге появилась охрана. К удивлению морпеха это были все те же люди Иседона.

— Вставай, — обратился один из них к Лехе, подхватывая его под локоть, — пора дальше ехать.

— Да как же я встану, уроды, — заголосил Леха, — вы ж мне ноги связали. Я уже и двинуться не могу, затек весь.

Охранники переглянулись. Один из них, — это был тот самый начальник, что обещал

ему вчера скорый ночлег, — достал из-за пояса кинжал. Приблизившись, парой ловких движений разрезал веревку на ногах.

— Вставай, — повторил он, ухмыльнувшись и подкидывая кинжал на ладони, — ты нам живой нужен, пока за тебя деньги не отдали. Но, если дернешься, я не промахнусь.

— Да куда я денусь, — пробормотал Леха, нетвердой походкой выходя на свет божий.

Оказалось, что они были все еще в лесу. Не такой густой, как вокруг замка местного царя, но все же вокруг шумел настоящий лес. А на опушке раскинулась небольшая деревенька из трех убогих домишек и пары землянок. «Отличное место прятать лишних людей, — невольно похвалил Леха выбор своих конвоиров, — бьюсь об заклад, что до побережья совсем недалеко. И ехать нам не на север, как собирались, а строго на юг».

Напротив землянки стояла все та же телега, а вокруг нее на лошадях сидели воины Иседона. Греков, прискакавших недавно, Леха так и не увидел. Видно уже убрались к себе, обговорив все дела. Мысль сбежать прямо сейчас он отогнал. Ноги еще были ватные, а от этих молодцов на конях так просто не убежишь. Как ни крути, тоже скифы.

— Лезь в телегу, — приказал старший, — пора. Я тебя сам обещал доставить.

Едва Леха, кое-как, постанывая и всем видом изображая слабость, залез, перевалившись со связанными руками через боковину, как тот же воин примотал его ногу ремнем к телеге. «Хорошо, что одну, — подумал Леха, устраиваясь на отсыревшей соломе, — и на том спасибо».

Сидевший рядом со старшим возница стегнул лошадь, и телега с эскортом из восьми всадников медленно выехала с опушки леса. Некоторое время они передвигались меж деревьев, и Леха лежа изучал кроны, обдумывая план побега. Но вскоре деревья закончились, а дорога пошла вниз с холма, поросшего лишь высоким кустарником. Чуть приподняв голову, пленный морпех увидел далеко впереди множество холмов, а на горизонте тонкую полоску голубой воды и несколько крохотных белых парусов на ней. До моря действительно было рукой подать.

— Куда везете-то? — уточнил морпех, разглядывая нож, торчавший сбоку из-за ремня у старшего, одетого в кольчугу.

— В Истр везем, — не стал отпираться старший, и, обернувшись, даже ехидно подмигнул Ларину, — там тебя давно греки ждут. Хорошие деньги за твою голову пообещали, едва узнав, что ты гостишь у Иседона.

Леха хотел было пристыдить этих скифов, предавших свою родную кровь, а потом подумал: «Да какая я им родня? Им кто денег больше заплатит, тот и родня. Совсем они здесь от рук отбились. Правильно Иллур решил эту землю завоевать. Если с греками повелся, добра не жди, сам гнить начнешь. Дал им последний шанс, а они отказались. Теперь порядок здесь надо навести. Так и скажу ему... когда выберусь».

— А зачем я им понадобился? — решил поддержать разговор Леха, на свежем воздухе быстро приходящий в себя, и вертевший головой по сторонам в поисках путей спасения.

— Не знаю точно, — отозвался словоохотливый начальник охраны, — Но, там, говорят, несколько кораблей из Тиры стоит, что ваш флот недавно пожег. Так вот их капитаны ждут, не дождутся, когда с тебя живого можно будет кожу содрать. Да и еще имеются желающие отомстить. Иседон на тебе хорошо зарабатывает, да и мне кое-что перепадет. Так что, думаю, казнят тебя, но перед тем пытать еще будут. Они это любят. Очень уж хитроумные греки в этих вопросах. Я вот не так давно был в Истре, видел, как воров пытали...

И начальник охраны пустился в очень долгий и увлекательный рассказ о многочисленных машинах, которые создали греческие мастера, для того чтобы тянуть из людей жилы, разрывать позвонки и разламывать кости, чтобы человек подольше не умирал, ощущая мучения. У Лехи от этих рассказов настроение, понятное дело, не улучшилось, но зато родилась лютая злость, и мозг заработал с удвоенной силой. Но случая все не было.

Так прошло немало времени. И воздух опять понемногу начал темнеть. Повозка преодолела небольшое поле, вновь въехав в лесок. За новым поворотом неожиданно

открылся глубокий овраг, с обрывистым краем, и телега закричала вдоль него. Утомившиеся от долгой дороги, возница и старший, кемарили на ходу, изредка поглядывая на смиренного пленника. Всадники, тоже разморенные за день на солнцепеке, отстали метров на пятнадцать. Шестым чувством Ларин понял, — надо действовать. Скоро побережье, а там земли греков, и другого шанса может не быть.

Резко согнувшись, Леха сел, протянул вперед связанные руки, выхватил цепкими пальцами кинжал из-за пояса у старшего и, зажав его между ладонями, с силой полоснул своего конвоира по шее. Кровь брызнула во все стороны и алым потоком заструилась под кольчугу, а старший кувырнулся вперед, так и не поняв, что случилось. Возница в ужасе отпрянул, но вторым резким движением морпех вогнал ему острое кинжала прямо в глаз. А потом, не обращая внимания на дикий вопль, что издал солдат, рухнувший под колеса телеги, стал разрезать ремень, которым был привязан к повозке.

Ремень был крепкий, но не широкий.

«Раз, два, три, — считал Леха быстрые проходы острого лезвия и стук сердца, спиной ощущая, как сдергивают „очнувшиеся“ конные свои луки и натягивают тетиву. Еще секунда и в спину ему вонзится сразу несколько стрел. — За меня им обещали много денег, — как-то отстраненно, будто и не о своей жизни подумал морпех, разрезая ремень, — это даст мне пару лишних секунд, но может и не сработать. Все, пора».

За мгновение до того как стрела ушла в полет, Ларин рассек последний сантиметр кожи и бросился в овраг, перекатившись через боковину. К счастью овраг был глубокий и поросший лесом. Бросившись вниз, Леха пролетел метра три, прежде чем с размаху больно ударился о каменистую землю и покатился дальше. Рядом впились несколько стрел, но Леха изгибался как уж, стремясь ни на секунду не останавливаться, пока не прокатился еще метров пятнадцать и лишь там остановился, ударившись о дерево. Впитав в себя эту боль, морпех застонал, но заставил себя встать и бросился бежать по дну оврага. Тот склон, по которому Леха так быстро «спустился» до самого низа, был почти вертикальным, и его преследователи долгое время пускали стрелы вслед, пытаясь попасть в метавшегося внизу между деревьями человека. Но, когда Лехе удалось преодолеть первые сто метров, двое, издав боевой клич, ускорились вперед по дороге, а остальные спешили и попрыгали вслед за беглецом.

Минут десять Леха бежал зигзагами, петляя меж деревьев, которые служили ему хорошую службу. Ни одна стрела пока не угодила ему в спину, да и пешие скифы, спускаясь, чуть отстали. Морпех бежал, вытянув вперед связанные веревкой руки и озираясь по сторонам. Ожидая в любую секунду появления конных преследователей. Овраг был глубоким и огромным, словно ущелье, но он должен был когда-то закончиться. «Хоть бы руки освободить, — с тоской думал Леха, вспоминая выброшенный при падении нож, — все шансов будет больше». На боль, которую испытывали его босые ноги от колючек и камней, он не обращал внимания.

Увидев большой валун с острыми краями, он на несколько секунд остановился, бросив затравленный взгляд назад, и стал перетирать веревку. Несколько волокон треснуло, но давление на запястья не ослабло. Леха снова посмотрел назад и увидел в паре сотен метров пешего воина, который прыгал по камням. Ларин отбежал еще метров на двадцать и, спрятавшись за деревом, потерял веревку о другой камень. Треснуло еще несколько волокон, он уже мог чуть пошевелить руками, но скифы были близко, и морпех снова бросился бежать. Стрела, просвистев, вонзилась в дерево над головой. Ларин пригнулся и зигзагами добежал до густого кустарника, за которым шумел бурный ручей, стекая откуда-то сбоку. Здесь овраг разделялся на два рукава, по каждому из которых текла вода. В левом было больше валунов, за которыми буйно разросся кустарник, и Ларин инстинктивно побежал туда. Преодолев неглубокий ручей, он прыгнул за камень и стал рвать остатки веревки о его край. После очередного рывка веревка с терском разлетелась на части.

— Слава тебе, господи, — выдохнул морпех, потирая затекшие руки.

Но тут же пригнулся, упал за валун, увидев, как из кустов выбежало сразу двое

преследователей. Переглянувшись, они направились по разным руслам. Бежать было поздно, заметят. И Леха решил воевать, благо руки теперь были свободны. Зажав в ладони небольшой камень, он затаил дыхание, наблюдая за приближением своего преследователя. Тот перешел ручей и двинулся вниз, озираясь по сторонам. Воин был в кольчуге, с оцарапанным лицом и без шлема, видно потерял при падении, а в руках держал лук с приложенной стрелой. Осторожно переступая с камня на камень, вскоре он оказался напротив валуна, за которым прятался морпех.

«Только бы остальных не принесло прямо сейчас», — подумал Леха и, прицелившись, с силой метнул камень в голову своему противнику, когда до него оставалось не больше пяти метров. Угодил точно в висок. Скиф охнул, выронив лук, и схватился за голову, пошатнувшись. Из-под пальцев у него заструилась кровь. Не теряя времени, Леха перемахнул через валун, в два прыжка оказался рядом и нанес удар кулаком в лицо. Поверженный воин опрокинулся навзничь, рухнув в ручей. Леха схватил бесчувственного конвоира за ноги и вытащил обратно, озираясь по сторонам. Скиф не подавал признаков жизни. Ларин снял с него акинак в ножнах, перекинув ремень через шею. Потом подхватил лук, бросив взгляд на колчан, лихорадочно соображая, стоит ли тащить с собой все это оружие.

Тут он увидел еще двоих пеших скифов, которые показались у ручья, двинувшись в его сторону. И, не раздумывая, натянул тетиву, послав стрелу в ближнего. Преодолев метров пятьдесят, стрела с чавканьем вонзилась ему в шею, и воин рухнул в ручей замертво. Второй, имевший лук за спиной, пригнулся и прыгнул в сторону, но тоже получил от Ларина «гостинец». Стрела вонзилась ему в плечо, пробив кольчугу.

— Получите, суки, — обрадовался Леха, давно не державший лука в руках, — мы скифы, стрелять умеем.

Он хотел было откинуть лук и броситься бежать, но вдруг услышал топот конских копыт, приглушенный водой ручья. Приближались конные преследователи. И вскоре двое всадников показались из-за поворота. Но Леха уже успел снова укрыться за валуном, где легче было держать оборону.

Проскакав по дну ручья метров двадцать, всадники заметили своих мертвых товарищей и осадили коней. Ларину только того было и надо. Тело, лишившись оков, быстро восстановилось. Руки и ноги, несмотря на полученные при падении удары, работали исправно. Боль Ларин сейчас не ощущал. Он, словно робот, вскинул лук и сшиб с коня ближнего всадника. Пока второй сдергивал лук, стрела нашла и его. Бой закончился быстро, но стрелы у Лехи иссякли, — большую часть мертвеца, у которого он отобрал колчан, успел израсходовать во время погони, — но оставались еще преследователи, которые могли скоро появиться.

Повинуясь инстинкту, Ларин бросился к лошадям, которые еще не успели убежать далеко и, вскочив на одну из них, поскакал вниз по ручью. Погоня ненадолго отстала, но вскоре морпех снова увидел преследователей в дальнем конце поросшего кустарником русла. Через десять минут бешеной скачки по извилистому руслу он уперся в невысокий скалистый хребет. Ручей уходил под него, пропадая в узком гроте. Рядом виднелся еще один и еще.

— Это что за катакомбы, — осадил коня изможденный морпех, озираясь по сторонам в поисках нового направления для побега. Погоня висела на пятках.

Скала уходила в обе стороны метров на триста, моря отсюда было еще не видно. Только безлесые холмы, где его враз догонят, если не кони, то стрела уж точно. Но, судя по количеству гротов, тут можно было спрятаться от преследователей. Или отсидеться хотя бы до темноты. И морпех, отогнав коня подальше за холм, спрыгнул на камни, бегом вернувшись к одному из входов в подземелья, когда-то пробитые водой.

Оказавшись внутри первого грота, куда он проник, согнувшись вдвое, Леха остановился, давая глазам привыкнуть к темноте, и лишь потом осторожно двинулся дальше. Воды здесь было по колено, и она была ледяная. Но основное подземное русло ручья

уходило вправо, а Ларин двинулся влево. Там шумело меньше.

Босые ноги были иссечены острыми камнями и при каждом шаге причиняли боль. Кроме того, морпех быстро замерз. Дойдя до первой пещеры, которая находилась метрах в двадцати от входа, и куда проникал еще слабый свет снаружи, Леха нащупал плоский камень и взобрался на него. Задев валун, ножны ударились о него, вызвав непривычный для этих мест шорох. Леха попытался согреться, обхватив себя руками и прислушиваясь к звукам снаружи. Но зубы стучали так, что порой, ему казалось, он слышит только эхо от их перестука.

Вскоре до него донеслось ржание коней. Скифы, похоже, успели вернуться за лошадьми и теперь преследователи остановились неподалеку, видимо, обсуждая, куда мог деться беглец. Но в грот никто не полез, решив, что он ускакал дальше. А потом все стихло.

Леха остался на месте. Так он просидел до самой темноты, пока, окончательно не заиндевав, выбрался наружу.

Температура на воздухе показалась ему просто африканской. Ночь как на зло выдалась лунная, видно было хорошо, но морпех, делая разогревающие упражнения, никого не заметил поблизости.

— Ну, вроде утек, — похвалил себя Леха, и, сделав несколько отжиманий, вернувших его рукам былую силу, в кромешной тьме направился наверх вдоль каменного холма.

Оказавшись на вершине, Леха осмотрелся. Выяснилось, что вершина этого скального выхода, была самой верхней точкой всего ближайшего побережья. А внизу под ним, всего в каком-то километре, лунная дорожка протянулась по ночному морю.

— Думаю, надо двигать к воде, — рассудил Леха вполголоса, начиная движение, — лодку искать да грести отсюда к чертовой матери, пока здесь все не обложили. Греки то, небось, ох как разозлились, узнав, что я сбежал. Еще устроят поутру облаву в этих местах, суки заморские.

И, приняв решение, он скрылся в кустарнике. Примерно часа через два, обойдя попавшуюся на пути рыбацкую деревню и окончательно согревшись, Ларин вышел к цели. Волны накатывали на песчаный пляж, разбиваясь о небольшой пирс, выдававшийся в воду метров на пятьдесят. К пирсу было привязано несколько лодок. Вокруг было тихо, лишь небольшой ветерок беспокоил море.

— Придется увести плавсредство, — решил морпех и, не колеблясь, забрался в самую большую лодку, на дне которой лежала мачта и два весла, оставленные хозяином. Паруса, правда, не нашлось. Но морпех был рад уже тому, что у местных рыбаков нет привычки уносить с собой весла.

Вынув из ножен акиnak, он перерезал веревку, и подналег на весла, решив не дожидаться утра у этих негостеприимных берегов.

— Эх, жаль ребят, — вспомнил он своих бойцов, оставшихся у далекой пристани, — перебили, наверняка, всех, сволочи.

И даже бросив грести, Леха погрозил кулаком погруженному во мрак побережью, мысленно пообещав вернуться сюда и отомстить.

За несколько часов он отгреб от берега на приличное расстояние и абсолютно выбился из сил. Здесь он решил дожидаться рассвета, благо ждать уже оставалось не долго. На востоке появилась первая алая полоска. Ветер дул слабый и морпех даже позволил себе немного подремать, убрав весла и свернувшись на дне своей большой лодки. Переживания и усталость последних дней дали себя знать, и Леха мгновенно уснул, несмотря на качку и морскую прохладу. А когда проснулся, то вставшее солнце уже нагрело его изможденное тело.

Леха открыл глаза, сел на скамейке и потянулся, приводя тренированное тело в рабочее состояние. Но едва он бросил взгляд в сторону берега, к которому его опять почти прибило ветром и течением, то с ужасом заметил хищные силуэты двух триер, направлявшихся в его сторону. Позади кораблей, чуть левее по берегу, виднелись каменные строения, очень напоминавшие городские стены Истра, куда его вчера совсем немного не довезли люди

Иседона.

— Твою мать, — тихо сказал Леха, прилаживая весла на свои места, словно во сне, и начиная грести от берега, — только этого мне не хватало. Ведь ушел же...

Он налег на старенькие весла изо всех сил, снова пытаясь уйти в море, но расстояние между ним и двумя греческими кораблями стремительно сокращалось. И скоро Ларин уже мог разглядеть не только силуэты превосходно сделанных кораблей, но и солдат в сверкающих доспехах на палубах. Это были греки, вне всяких сомнений, в предвкушении легкой добычи уже скалившие зубы.

Как морпех и моряк, не единожды плававший на таких кораблях, он понимал, что у него нет шансов. Триеры, подгоняемые мощными взмахами сотен весел, стремительно летели вперед, словно две акулы, погнавшиеся за раненой рыбой, почуяв запах ее крови. Догнать и съесть которую им не представляло никакого труда. Но у изможденного морпеха даже на секунду не возникало желания бросить весла, прекратив борьбу за свою жизнь. Он и представить не мог, что с таким трудом избежав вчера смерти, сегодня снова вот так запросто угодит к ней в лапы. И, стиснув зубы, Леха греб, налегая на скрипевшие весла.

Но все было тщетно. Вскоре изогнутый нос вырвавшейся вперед триеры с нарисованными с обеих сторон огромными глазами, показался всего в сотне метров над волнами. Еще пара взмахов и тридцатипятиметровое судно раздавит его, как щепку. Или солдаты вташат на борт, для того чтобы доставить пленника на берег к тем, кто жаждет его растерзать.

— Хрен вам, — сплюнул уставший морпех на дно лодки и встал во весь рост, выдернув акинак из ножен, — ну-ка, попробуйте, возьмите меня живым.

Но в этот момент воздух над его головой рассек какой-то свист и с носа триеры с треском отвалился кусок ограждения. Новый свист и нескольких греческих пехотинцев смело с палубы. Со своего места Леха даже услышал их вопли, а обернувшись назад, с изумлением увидел три огромных корабля «утюживших» греков из всех своих баллист. Это были мощнотелые квинкеремы, на которых морпех заметил штандарты с изображением диска и полумесяца.

— А это еще кто? — в изумлении Леха так и стоял посреди раскачивающейся лодки с обнаженным клинком, слушая, как над его головой свистят ядра, быстро превращавшие триеры греков в решето. И вдруг морпех вспомнил, где он видел этот символ. На таком корабле когда-то приплыл в Крым тот самый купец из Карфагена. С него все и началось.

Вскоре перестрелка прекратилась и Леха, проводив взглядом резко сменивших курс греков, которые удирали в сторону берега, вновь посмотрел на ближайшую квинкерему.

Большой корабль приблизился к утлой лодчонке, а с высокого борта, над которым склонилось несколько бородатых мужиков в шлемах и панцирях из синей кожи, ему сбросили веревку с петлями. Морпех взобрался по ней наверх, все еще не понимая, зачем его спасли эти солдаты и как вообще здесь вновь оказались корабли далекого Карфагена. Но, едва оказавшись на палубе, и разглядев их начальника — бородатого и загорелого мужика в блестящей на солнце кирасе, вдруг с изумлением узнал в нем своего сослуживца, с которым тянул лямку срочной службы еще там, в двадцать первом веке. Судьба развела их несколько лет назад в Крыму и вновь свела теперь не так далеко от него.

— Сержант! — заорал Леха, все еще не веря своим глазам, и бросился обниматься, — здорово братишка! Как ты вовремя!

— Я всегда вовремя, — усмехнулся Федор, не менее ошарашенный, обняв израненного друга, — хотя, едва успел. Рад, что ты жив, бродяга.

— Да, — усмехнулся Лехи, оглянувшись снова на негостеприимный берег, — еще чуток и мне крышка.

Отгнав триеры греков, корабли карфагенян снова легли на прежний курс, который, как заметил Леха, лежал в сторону Крыма. Корабли шли быстро, чтобы избежать возможного преследования, но до самого вечера никто из эскадры Истра так и не появился, чтобы выяснить отношения с обидчиками.

Отдохнув от треволнений и переодевшись, Леха пил вино с другом в его кубрике, на корме, поедая все, что смог приготовить местный кок по приказу своего начальства.

— Ты, смотрю, большим человеком стал, — сказал Леха, толкнув заматеревшего друга в плечо, после того, как вкратце выслушал его рассказ о жизни, — Значит, помог тебе тогда Магон, отблагодарил за спасение.

— Не без этого, — кивнул Федор, — только начинал я с простого солдата. Повоевать пришлось. Да и не закончилась еще моя война.

— Ну, я тоже в Крыму не пропал, — начал хвастаться Леха, к которому после трех чаш вина вернулось его обычное бахвальство, — меня Иллур, — ну, тот парень, которого я тогда спас, — своим кровным братом сделал, как ты и напророчил. А потом...

Леха перегнулся через стол и проговорил, понизив голос:

— А потом он сам царем стал и сейчас всеми скифами управляет, — закончил Ларин, снова откинувшись назад и махнув рукой в сторону невидимого берега.

— Иллур, говоришь, — заинтересовался Чайка, отставляя чашу с красным вином в сторону, — так у меня к нему как раз дело государственной важности. Надо быстрее встретиться, обсудить кое-что с твоим кровным братом.

— Тогда скажи своим гребцам, чтобы гребли быстрее, — посоветовал Леха, ухмыльнувшись, — я на своего брата влияние имею. Как-никак столько городов для него взял. Нам бы только доплыть, а там я тебя представлю.

Допив вино, Леха снова схватил кувшин и наполнил емкости себе и Федору. Помолчал немного, став вдруг непривычно серьезным, а потом поднял чашу и сказал:

— Ну, давай, брат, за морскую пехоту!

*Санкт-Петербург,
2007 год*